Сидонский

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ВЪ НОВОЗАВѢТНОМЪ

ОТКРОВЕНІИ.

BS
1357

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ВЪ НОВОЗАВѢТНОМЪ ОТКРОВЕНІИ

ПО СВИДѢТЕЛЬСТВАМЪ ЕВАНГЕЛІЙ

И ПОСЛАНІЙ АПОСТОЛА ПАВЛА.

Экс. орд. проф. кіевской духовной Академіи С. Сольскаго.

КІЕВЪ.
Типографія В. Давиденко, Михайловская улиц., собственный домъ.
1877.

97
Сб
ПР

Изъ журнала „Труды Кіевской духовной Академіи“ за 1876 и 1877 г.

Занимаясь изученіемъ писаній Новаго Завѣта, авторъ необходимо долженъ былъ знакомиться съ выводами современной критики касательно важнѣйшихъ событій, въ нихъ изложенныхъ. Эти выводы въ лицѣ однихъ (Шенкеля, Евальда, Гавсрата, Виттихена, Кейма) значительно утончались и видоизмѣнялись, сравнительно съ раціоналистическими воззрѣніями конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтій, въ лицѣ другихъ (Страуса, Ренана, Мюллера) достигли послѣдней ступени развитія. Крайность воззрѣній вторыхъ и несообразность первыхъ автору яснѣе всего открывались при сопоставленіи ихъ съ фактическимъ изученіемъ и изложеніемъ событій евангельской и апостольской исторіи. Съ этой собственно стороны онъ и имѣлъ въ виду подвергнуть ихъ критическому разбору въ своемъ изслѣдованіи. По личнымъ симпатіямъ автора изслѣдованіе приняло апологетическій характеръ; тѣмъ не менѣе авторъ старался по возможности воспроизводить въ цѣлости мнѣнія отрицательныхъ критиковъ, доставляя такимъ образомъ возможность самому читателю взвѣ-

шивать ихъ силу. Содѣйствіе разумно-сознательному отношенію къ важнѣйшимъ событіямъ евангельской и апостольской исторіи сверхъестественнаго характера, составляющимъ основу христіанскаго вѣроученія, скудость критическихъ апологетическихъ произведеній въ русской печати, служили для автора достаточнымъ побужденіемъ къ избранію изслѣдованія такого рода.

СОДЕРЖАНІЕ.

Введеніе: значеніе сверхъестественнаго элемента въ новозавѣтномъ откровеніи; выраженіе его въ чудѣ и ученіи; взглядъ на послѣднія современной отрицательной критики и апологетики; задача автора въ отношеніи къ тому и другому стр. 1—11.

I.

Обнаруженіе чудесности въ жизни первыхъ христіанскихъ общинъ, ихъ учредителей и Основоположника новозавѣтнаго откровенія.

Проявленіе чудесности: а) въ общинѣ ѳессалоникской 13—20; б) галатійской 21—26; в) коринѳской 26—47; г) римской 47; д) въ жизни апостоловъ: α) при ихъ просвѣтительной дѣятельности 47—65; β) при ихъ обращеніи въ христіанство 65. Обращеніе ап. Павла 65—104. Призваніе другихъ апостоловъ 104—111. Значеніе чудесности въ дѣлѣ воспитанія и приготовленія двѣнадцати апостоловъ къ общественной дѣятельности 111. Отношеніе къ ней современной отрицательн й критики; слабость и непослѣдовательность ея сужденій 112—128. Значеніе воскресенія Іисуса Христа въ дѣлѣ приготовленія апостоловъ къ миссіонерскому служенію 129 — 132. Древнія и новыя гипотезы касательно воскресенія Іисуса Христа 132—140. Изнеможеніе послѣднихъ раціоналистическихъ усилій предъ выясненіемъ происхожденія этого событія натуральнымъ образомъ 140—157. Значеніе вознесенія Іисуса Христа въ дѣлѣ приготовленія апостоловъ къ служенію 157—160.

II.

Ученіе въ устахъ Іисуса Христа и Его учениковъ.

Отношеніе чудесности къ новозавѣтному ученію 161—163. Взглядъ современныхъ критиковъ раціоналистовъ и апологетовъ на христіанское вѣроученіе 163 — 165. Уясненіе его значенія и характера изъ историческаго его явленія и происхожденія 165 — 168. Отношеніе къ нему современниковъ 168 — 171. Критерій, опредѣлявшій такое или иное ихъ отношеніе 171 — 172. Вліяніе на опредѣленіе этого отношенія ученія Іисуса Христа о себѣ 172 — 173. Значеніе имени „Сынъ человѣческій“ въ опредѣленіи достоинства ученія 173—178. Значеніе названія „Сынъ Божій“ въ томъ же отношеніи 179—183. Свидѣтельство о значеніи послѣдняго названія у ев. Іоанна и трехъ первыхъ евангелистовъ 184—193. Взаимное отношеніе этихъ свидѣтельствъ 193—195. Односторонность отрицательныхъ взглядовъ въ уясненіи значенія названій 173—193. Отношеніе повѣствованій трехъ первыхъ евангелистовъ къ ученію Іисуса Христа о себѣ, какъ о Сынѣ Божіемъ 195—199. Основа такого отношенія 199 — 200. Характеръ и сущность проповѣди учениковъ Іисуса Христа 200—202. Взглядъ на нее ихъ самихъ и ихъ послѣдователей 202—204.

III.

Общественное служеніе Іисуса Христа и Его ближайшихъ послѣдователей, вынаружившееся въ ученіи и дѣлахъ.

Мессіанскія движенія въ Іудеѣ; отношеніе къ нимъ служенія Іоанна Крестителя; характеръ его проповѣди 205—209. Крещеніе Іисуса Христа 209—211. Его искушеніе 211 — 213. Выступленіе на общественное служеніе и сущность проповѣди 213—216. Призваніе первыхъ учениковъ 216—217. Начало общественной проповѣди 217 — 219. Сочетаніе и значеніе чудеснаго и учительнаго элементовъ въ общественномъ служеніи Іисуса Христа. 219—221. Исцѣленіе разслабленнаго съ отпущеніемъ ему грѣховъ 221—223. Первое негодованіе представителей іудейства по этому поводу 223—225. Соединеніе поборниковъ закона съ учениками Іоанна Крестителя 225, 226. Ненависть изъ-за нарушенія субботняго покоя въ связи съ Иродіанами 226—229. Избраніе двѣнадцати учениковъ и на горная проповѣдь 230—235. Слава Божественнаго посланника, новый рядъ чудесъ и измышленіе новаго средства для Его униженія 236—239. Ученіе въ притчахъ 239—241. Сосредоточеніе вниманія божественнаго посланника на ближайшихъ ученикахъ, прославленіе себя предъ ними чрезвычайными чудесами, показаніе печальныхъ опытовъ мессіанскаго служенія 242—247. Посланіе двѣнадцати на проповѣдь 247, 248. Желаніе, высказанное народомъ по поводу чудеснаго насыщенія пяти тысячъ человѣкъ; капернаумская бесѣда, уясняющая назначеніе дара чудотвореній, оставленіе І. Хр. многими послѣдователями 243--254. Новыя нападки со стороны фарисеевъ, обличеніе извращенія началъ фарисейской нравственности 254—256. Путешествіе въ страны тирскія и сидонскія 256, 257. Новыя чудеса и новыя искушенія со стороны фарисеевъ 257, 258. Признаніе Іисуса Христа учениками за Сына Божія и предсказаніе страданій и смерти 259—261. Преображеніе 263, 264. Послѣднее посѣщеніе Капернаума и новые уроки ученикамъ касательно ихъ будущаго служенія 264—266. Путешествіе въ Іудею, пребываніе въ ней, воскрешеніе Лазаря 267—268. Вступленіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ, торжественное объявленіе себя Мессіей и ученіе о себѣ, какъ о единственномъ Сынѣ Божіемъ 269 — 272. Послѣднія бесѣды Іисуса Христа, смерть и воскресеніе 273 — 277. Заключеніе изъ обзора евангельской исторіи 277, 278. Проповѣдь апостоловъ и ея первоначальные успѣхи среди іудейства 278, 279. Противоборство іудейства и распространеніе христіанства среди язычниковъ 279, 280. Враждебныя отношенія язычниковъ 280, 281. Характеръ борьбы съ іудействомъ и язычествомъ. 281 — 284. Препобѣжденіе враждебныхъ іудейскихъ и языческихъ усилій 284, 285. Средства, доставлявшія торжество христіанской проповѣди 286, 287. Вѣра апостоловъ въ свое призваніе и характеръ вѣры ихъ послѣдователей въ благовѣстіе 287, 288.

Заключеніе 288, 289.

При современномъ крайне отрицательномъ направленіи, принятомъ западною свѣтскою и религіозною литературою касательно христіанства, его значенія въ настоящее время и отношенія къ будущей исторіи западныхъ народовъ,—направленіи, не остающемся безъ вліянія на умственное и нравственное развитіе и состояніе нашего общества, можетъ показаться несвоевременнымъ и даже страннымъ избраніе для изслѣдованія такого предмета, судъ надъ которымъ во мнѣніи большинства изслѣдователей считается уже какъ бы поконченнымъ. Когда говорятъ уже не о томъ, быть ли либеральнымъ въ воззрѣніяхъ на христіанство, или еще оставаться вѣрнымъ древне-первовнымъ традиціямъ на счетъ его, когда ставятъ вопросъ уже о томъ, оставаться или не оставаться христіанству, какъ религіи, дальнѣйшею принадлежностію западныхъ образованныхъ народовъ, когда сомнительно и даже скептически относятся къ просвѣтительному значенію нравственно-религіозныхъ началъ и истинъ, повѣданныхъ христіанствомъ міру [1]); тогда есте-

---

[1]) „Правосл. Обозрѣніе“ 1875 г., апрѣль, стр. 564—604. Академическая рѣчь утрехтскаго профессора *Остерзее*, взятая изъ нѣмецкаго журнала „Der Beweis des Glaubens“.

ственнѣе обратиться къ раскрытію, защитѣ и охранѣ этихъ истинъ, тогда прямѣе утверждать и укрѣплять эти колеблемыя начала, чѣмъ останавливаться на изученіи и изслѣдованіи сверхъестественнаго элемента, могущаго только уяснять сверхъестественное или обыкновенное происхожденіе новозавѣтнаго откровенія. Послѣднее съ точки зрѣнія хотя бы отрицательно научной критики можетъ считаться уже порѣшеннымъ, вопросъ же о значеніи первыхъ еще можетъ быть на очереди. Такое воззрѣніе, высказываемое нѣкоторыми изъ западныхъ богослововъ въ виду быстраго распространенія и развитія крайне разрушительныхъ работъ отрицательной критики, и могущее легко возникнуть, при первомъ взлядѣ на заглавіе нашего изслѣдованія, у каждаго внимательно слѣдящаго за современнымъ направленіемъ западной литературы въ отношеніи къ христіанству, намъ кажется спѣшнымъ и не имѣющимъ твердаго и прочнаго основанія. Раскрыть, уяснить и даже защитить величіе истинъ, повѣданныхъ міру христіанствомъ, еще далеко не значитъ утвердить за ними авторитетъ святости, неприкосновенности и безпрекословнаго уваженія. Раскрытіемъ и уясненіемъ величія и совершенства истинъ христіанскаго вѣроученія занимались и занимаются многіе изъ критиковъ отрицательнаго направленія, и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ эти истины лучше раскрыты, уяснены и даже защищены отъ искаженія, чѣмъ въ произведеніяхъ самыхъ внимательныхъ, ортодоксальныхъ апологетовъ; не смотря на это, изслѣдованія этихъ критиковъ современный представитель западной философской мысли объявляетъ переводнымъ мостомъ и ступенью къ своему воззрѣнію на христіанство, какъ на «саморазлагающуюся» религію [1]). И этой тѣсной и

[1]) Die Selbstersetzung d. Christenthums u. die Religion der Zukunft, von Ed. Hartmann. Berlin. 1874 г. стр. 35—70 и дал.

послѣдовательной связи между послѣднимъ пессимистическимъ взглядомъ Гартманна на христіанство и предшествующими разрушительными работами отрицательной критики нельзя не признать. Чтобы христіанство имѣло твердую и прочную основу, чтобы оно оставалось нерушимымъ зданіемъ, необходимо, чтобы оно было такимъ, какимъ явилось въ устахъ первыхъ его проповѣдниковъ и провозвѣстниковъ, чтобы вѣра въ божественное происхожденіе и учрежденіе его оставалась всегдашнею специфическою его принадлежностію; между тѣмъ отрицательная критика своими послѣдовательными разрушительными работами постепенно уничтожая эту особенность въ новозавѣтномъ откровеніи и низводя послѣднее въ рядъ обыкновенныхъ общечеловѣческихъ религіозныхъ явленій, дѣйствительно пролагала путь къ крайне отрицательному взгляду современныхъ западныхъ мыслителей на христіанство. Только при вѣрѣ въ христіанство, какъ божественное откровеніе, оно можетъ быть истинною совершеннѣйшею религіей, способною руководить человѣчество въ безконечные вѣки. Основатель христіанства только тогда объявилъ свое зданіе твердо и прочно устроеннымъ, способнымъ выдержать всѣ напоры врага, когда услышалъ отъ своихъ ближайшихъ послѣдователей искреннее и чистосердечное признаніе и исповѣданіе Его Христомъ и Сыномъ Бога живаго (Матѳ. 16, 15—18). Убѣдиться же въ божественномъ и сверхъестественномъ происхожденіи новозавѣтнаго откровенія, признать за нимъ дѣйствительно сверхъестественный характеръ, возможно только при внимательномъ разборѣ и изученіи тѣхъ основъ, которыя оно само представляетъ въ доказательство такого особеннаго своего происхожденія, въ которыхъ оно само полагаетъ свое необычайное величіе.

Въ числѣ такихъ основъ, представляемыхъ новозавѣтнымъ откровеніемъ, первое мѣсто занимаетъ *чудо*, понимаемое какъ сверхъестественное событіе, какъ такое дѣло, происхожденія

котораго нельзя объяснить извѣстными намъ естественными путями; за нимъ слѣдуетъ *ученіе*, какъ ученіе совершеннѣйшее, которое одно способно удовлетворить духовной жаждѣ человѣка и указать ему соотвѣтствующую нравственно-духовную высоту. Въ такомъ чудѣ, какъ самомъ очевидномъ и для всѣхъ доступномъ доказательствѣ, Іисусъ Христосъ прежде всего искалъ свидѣтельства божественности своего посланничества (Матѳ. 11, 4. 5. 12, 28.; Іоан. 5, 36. 10, 25. 38. 11, 42 и др.); въ немъ также искали опоры для себя и своей проповѣди и Его ученики (2 Кор. 12, 11. 12. 1 Кор. 9, 1. Галат. 1, 15—17. 3, 1—5. Дѣян. 11, 17 и др.); затѣмъ, наравнѣ съ чудомъ, во свидѣтельство божественнаго посланничества Іисусъ Христосъ и Его ученики приводили проповѣдуемое ученіе (Іоан. 7, 16. 17. 8, 47. 12, 49. 50. 1 Солун. 2, 3. 4. 13. 2 Кор. 2, 17. 4, 2, 3). Такимъ образомъ съ уясненія характера и значенія чуда въ новозавѣтной экономіи должно начать изслѣдованіе, чтобы придти къ выводамъ, соотвѣтствующимъ ея величію; критическимъ разборомъ этой внѣшней оболочки слѣдуетъ прежде всего заняться, чтобы возъимѣть надлежащее представленіе о ея внутренней сторонѣ; затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на ученіе, не имѣетъ ли и оно въ своей основѣ элементовъ сверхъестественности, и изъ уясненія характера того и другаго и взаимнаго ихъ отношенія между собою сдѣлать общій выводъ. Таковъ планъ касательно изученія новозавѣтнаго откровенія и дознанія дѣйствительности въ немъ сверхъестественнаго элемента указывается самими новозавѣтными писаніями; къ постройкѣ такого плана и признанію его самимъ близкимъ къ разсматриваемому предмету также приводятъ современныя раціоналистическія изслѣдованія о новозавѣтномъ откровеніи и характерѣ упоминаемыхъ въ немъ знаменій и чудесъ и достоинствѣ заключающаго въ немъ ученія.

Въ настоящее время почти ни одинъ изъ раціоналисти-

ческихъ критиковъ евангельской и апостольской истории не отрицаетъ того, что чудо сопровождало новозавѣтное откровеніе, что оно тѣсно связано было съ явленіемъ и распространеніемъ христіанства въ мірѣ, но въ тоже время каждый изъ нихъ считаетъ безспорнымъ то, что въ область чудеснаго, описаннаго въ новозавѣтныхъ книгахъ, вошло много произвольнаго, фантастическаго, обязаннаго своимъ происхожденіемъ позднѣйшему вымыслу, что изъ числа новозавѣтныхъ чудесныхъ событій только тѣ должны быть считаемы дѣйствительными, которыя представляютъ болѣе или менѣе натуральныя и естественныя основы для объясненія своего происхожденія—психическія ли то или физическія,—что чуда въ смыслѣ сверхъестественнаго событія, въ смыслѣ событія, не объяснимаго изъ естественныхъ условій, не должно быть въ немъ допускаемо [1]). Такимъ образомъ, согласно такому взгляду, прежде всего слѣдуетъ подвергнуть критическому разсмотрѣнію то положеніе отрицательной критики: дѣйствительно ли сверхъестественное чудо не имѣетъ основъ исторической достовѣрности въ новозавѣтномъ откровеніи, и, вслѣдствіе этого, все ли сверхъестественное, описанное въ новозавѣтныхъ книгахъ, должно быть отнесено къ области позднѣйшихъ сагъ и миѳовъ? Далѣе, игнорируя чудо въ смыслѣ сверхъестественнаго событія, и, вслѣдствіе этого, лишая новозовѣтное откровеніе сверхъестественнаго происхожоенія, отрицательная критика старается вознаградить отнимаемое у него достоинство на счетъ внутренняго содержанія, на счетъ высоты нравственно-духовнаго ученія. Здѣсь она не скупится на изображеніе того нравственнаго величія исовершенства, въ какомъ явилось христіанство древ-

---

[1]) *Renan*, Vie de Jesus 1864 г. стр. 247—258. *Schenkel*, Characterbild Iesu 1864. стр. 70—80. 111—113 и др. *Keim*, Geschichte Jesu 1875. 166—177. *Hausrath*, Neutestament. Zeitgeschicht. 1872—73. II. 301. 302.

нему міру, и въ какомъ оно и въ настоящее время продолжаетъ подъ руководителемъ и просвѣтителемъ человѣчества. Но во всемъ этомъ величіи отрицательная критика думаетъ видѣть выраженіе только совершеннѣйшей идеальности, до которой могло возвыситься человѣческое сознаніе, а не отображеніе божественнаго свѣта, принесеннаго Іисусомъ Христомъ на землю. Такимъ образомъ вторымъ положеніемъ, которое должно быть подвергнуто критическому разсмотрѣнію, слѣдуетъ признать такое: дѣйствительно ли христіанское вѣроученіе по тѣмъ совершеннѣйшимъ нравственнымъ началамъ, которыхъ не отрицаетъ въ немъ и раціоналистическая критика, не выходитъ изъ границъ обыкновеннаго общечеловѣческаго развитія и только представляетъ одну высшую ступень его раскрытія, или въ тѣхъ же самыхъ началахъ оно показываетъ неотразимые слѣды божественнаго происхожденія? Наконецъ показаніе взаимнаго дѣйствія той и другой стороны христіанства на современниковъ весьма естественно. Такимъ образомъ и положеніями современной отрицательной критики касательно новозавѣтнаго откровенія и достоинства заключающихся въ немъ чудесъ и ученія избранный нами планъ предуказывается. Вопросъ теперь только можетъ быть въ томъ, какимъ путемъ цѣлесообразнѣе всего привесть въ исполненіе этотъ планъ, въ какомъ видѣ начать изученіе чудеснаго элемента, и въ какое отношеніе къ нему поставить внутреннее ученіе?

Въ современной борьбѣ съ раціоналистическимъ пониманіемъ и объясненіемъ библейскаго чуда лучшіе апологеты христіанства или сосредоточиваютъ все своевниманіе на одномъ какомъ нибудь выдающемся чудесномъ фактѣ, и защитивъ его историческую достовѣрность, отсюда разширяютъ область возможности сверхъестественной чудесности на всѣ остальныя событія чудеснаго характера [1]), или, уступая раціоналистическимъ требованіямъ,

[1]) W. *Beyschlag*, die Bekehrung des Paulus. Theolog. Stud. und Kritik 1864. II стр. 197 и сл.

готовы сдѣлать чудо однимъ психическимъ феноменомъ [1]), или защиту чуда переводятъ на почву исторіи и для библейской чудесности ищутъ оправданія въ послѣдующихъ чудесныхъ событіяхъ церковной жизни [2]); большинство же, слѣдуя общепринятому давно установившемуся методу, вопреки раціоналистическимъ воззрѣніямъ, прежде всего доказываетъ возможность чуда, затѣмъ совмѣстимость съ законами природы, цѣлесообразность въ путяхъ промысла Божія, и на основаніи этихъ предварительныхъ данныхъ оправдываетъ историческую достовѣрность библейской чудесности [3]); но ни одинъ изъ современныхъ апологетовъ не заботится утвердить свои выводы и сужденія о библейскомъ чудѣ на тѣхъ критическихъ данныхъ, на которыхъ основываются въ своихъ воззрѣніяхъ на христіанство послѣдователи отрицательнаго направленія. Между тѣмъ въ научномъ отношеніи далеко не безъинтересно было бы, при помощи научныхъ данныхъ, указываемыхъ самою отрицательною критикою для изученія христіанства, критически разсмотрѣть изслѣдуемый вопросъ. Достигнутые такимъ путемъ результаты должны бы уже имѣть вѣсъ и значеніе въ глазахъ самихъ отрицательныхъ критиковъ, считающихъ извѣстныя данныя заслуживающими полнаго довѣрія въ изученіи христіанства. Конечно изворотливая мысль и при такой постановкѣ дѣла постарается найдти удобный исходъ: очевидность выводовъ, утверждающихъ сверхъестественность чуда она поспѣшитъ устранить прежде всего во имя уважительности и серьез-

---

[1]) *Sabatier*, L'Apotre Paul 1870 г.

[2]) *Daumer*, das Wunder, seine Bedeutung, Warheit und Nothwendigkeit 1874 г.

[3]) F. *Hettinger*, Apologie des Christenthums 1863 г. 1. 13. Zeitschrift fur die gesamte luterisch. Theolog. und Kirch. 1866. 468—479.; F. *Delitzch*, System der christlich. Apologetik 1869. 221—242.; Dr. Th. *Christlieb*, modern. Zweifel am christl. Glaub. 1870. 318—391 и др. пр. Макарій, Введен. въ пр. Богословіе § 42. 43. 99—101.

ности того логическаго начала, которымъ она руководится при своихъ критическихъ дознаніяхъ, — недопущенія сверхъестественнаго вмѣшательства въ историческія судьбы человѣчества и признанія законосообразности развитія послѣдняго,— далѣе, въ видахъ возможности инаго пониманія и объясненія указываемыхъ ею данныхъ [1]); тѣмъ не менѣе твердое и фактическое обоснованіе чудесности такого рода на данныхъ, безспорно признаваемыхъ подлинными и заслуживающими довѣрія и со стороны отрицательной критики, могло бы служить по крайней мѣрѣ достаточною уликою противъ предвзятости сужденій критиковъ подобнаго рода и вѣрною опорою для воззрѣній из сверхъестественность библейской чудесности тѣхъ изслѣдователей, которые не увлекаются въ своихъ сужденіяхъ предвзятыми теоретическими началами, но слѣдуютъ показаніямъ точныхъ научныхъ данныхъ. Въ виду этого намъ хотѣлось бы съ забвеніемъ на время обыкновенныхъ методовъ въ доказываніи сверхъестественной дѣйствительности библейской чудесности, представить опытъ такого изслѣдованія о чудѣ въ новозавѣтномъ откровеніи, которое въ своихъ выводахъ было основано главнымъ образомъ на тѣхъ научныхъ данныхъ, которымъ слѣдуетъ оппозиціонная критика въ изученіи новозавѣтнаго откровенія; намъ хотѣлось бы, при помощи пособій, указываемыхъ самою отрицательною критикою, достигнуть извѣстныхъ результатовъ касательно новозавѣтной чудесности.

Нормою и критеріемъ въ отношеніи къ изученію христіанства и разъясненію спеціальныхъ вопросовъ, его касающихся, изслѣдователи отрицательнаго направленія считаютъ немногія изъ посланій ап. Павла; всѣмъ остальнымъ новозавѣтнымъ писаніямъ они отводятъ второстепенное мѣсто, не при-

---

[1]) *Hilgenfeld.* Zeitschrift für wissensch. Theolog 1864. 197 и дал.; C. *Holsten*, Zum Evangel. des Paulus u d. Petrus 1868. 2—65.

числяя ихъ къ подлиннымъ апостольскимъ произведеніямъ или произведеніямъ тѣхъ лицъ, подъ именемъ которыхъ они дошли къ намъ. Изъ внѣ-христіанскихъ источниковъ они указываютъ Талмудъ, писанія Іосифа Флавія, Филона и нѣкоторыя изъ случайныхъ записей о христіанствѣ, встрѣчающихся у языческихъ писателей [1]); но въ рѣшеніи спеціальныхъ вопросовъ, касающихся христіанства, они не придаютъ особаго значенія послѣднимъ источникамъ. Исходнымъ пунктомъ для своихъ выводовъ и сужденій о новозавѣтномъ чудѣ мы хотѣли бы избрать мѣста, касающіяся нововавѣтной чудесности тѣхъ именно посланій ап. Павла, которыя въ глазахъ отрицательныхъ критиковъ имѣютъ несомнѣнные признаки подлинности. Съ нихъ начавъ свое изслѣдованіе, мы хотѣли бы потомъ расширить полученные отсюда результаты, какъ заслуживающіе полнаго довѣрія, и на остальныя новозавѣтныя писанія, касающіяся новозавѣтной чудесности и не признаваемыя отрицательною критикою подлинными апостольскими произведеніями; ко внѣхристіанскимъ источникамъ въ уясненіи нашего предмета мы не хотѣли бы обращаться потому, что болѣе ясныя свидѣтельства, встрѣчающіяся въ нихъ касательно важнѣйшихъ событій христіанства не причисляются къ подлиннымъ критиками отрицательнаго направленія 2); неопредѣленныя же и неясныя свидѣтельства ничего ие прибавятъ къ тому, о чемъ говорятъ подлинные источники. Такого метода мы хотѣли бы держаться въ изслѣдованіи собственно о чудѣ, какъ внѣшнемъ событіи, въ новозавѣтномъ откровеніи.

---

[1]) *Renan,* Vie de Iesus. 1864 г. 5—9 Th.; *Keim,* Geschichte Iesu 1873. 6—45.; *Hausrath,* Neutest. Zeitgesch. 1873 стр. X.; Dr. F *Schürer,* Lehrbuch der neutest. Zeitgesch. 1833 § 3.

[2]) Таково, напр., свидѣтельство Іосифа Флавія [illegible] Христѣ, какъ великомъ чудотворцѣ и учителѣ, передаваемое имъ въ „іудейскихъ древностяхъ", 18. 3. см. Keim, Geschicht. Iesu 1873 стр. 10—12.

Что касается внутренней стороны новозавѣтнаго откровенія, его ученія, его нравственно-религіозныхъ началъ, то западная апологетика, представляя превосходные образцы положительнаго раскрытія и изложенія истинъ христіанскаго вѣроученія, не ставитъ въ связь внутренняго богатства и значенія этихъ истинъ съ внѣшнею стороною христіанства, и не ищетъ подтвержденія и подкрѣпленія послѣдней въ первой. Западные апологеты христіанства большею частію или совершенно отдѣльно раскрываютъ и излагаютъ эти истины въ ихъ послѣдовательномъ и историческомъ ходѣ и развитіи, показывая благотворность цивилизующаго ихъ вліянія на умственное и нравственное развитіе народовъ, принимающихъ христіанство [1]), или защищаютъ ихъ дѣйствительность и цивилизующее вліяніе въ виду прямыхъ раціоналистическихъ нападокъ на спасительность и историческую достовѣрность этихъ истинъ [2]), или показываютъ ихъ превосходство предъ древними религіозными языческими вѣрованіями и новѣйшими пантеистическими, деистическими и матеріалистическими воззрѣніями [3]). Не отвергая важности и значенія такого рода апологетическихъ трудовъ, мы тѣмъ не менѣе не можемъ не замѣтить, что при разрозненности занятій составители ихъ далеко не достигаютъ желаемой цѣли. Изъ ихъ оживленныхъ, но отдѣльно поставленныхъ, изслѣдованій, не выносится цѣлостнаго впечатлѣнія о сверхъестественномъ величіи христіанскаго вѣроученія; по частямъ они точно удачно изображаютъ это

---

[1]) Э. *Навиль*, „Вѣчная жизнь“ перев. Н. *Серіевскаго* 1865 г.; „Вопросъ о злѣ“ перев. *Протопоповъ* 1872; *Гизо*, Размышленія о сущности христ. вѣры, перев. *Серіевскаго* 1865 г.

[2]) *Цитe*, Истина и величіе христіанства перев. А. *Таганова* 1869 г. *Kritzler*, Humanilat und Christenthum 1865—1868

[3]) *Ebrard*, Apologetik, Wissenschaft. Rechtfertig. des Christent. Th. 1. 1874 г.; *Scharling*, Humunitat und Christent. in ihrer geschicht. Entwickelung, übers. *Michelsen* 1874 г.

величіе, но не представляютъ его въ цѣлости, не указываютъ наглядным образомъ присутствія сверхъестественнаго элемента во внутренней идеальной сторонѣ христіанскаго вѣроученія. Сквозь отдѣльно изображаемую или высшую идеальность новозавѣтнаго ученія нерѣдко просвѣчиваетъ низшая, только очищенная и просвѣтленная сторона общечеловѣческаго сознанія, поднявшаяся на высоту недосягаемаго величія. Намъ хотѣлось бы, послѣ критическаго изслѣдованія несомнѣнно апостольскихъ сказаній о чудѣ, какъ сверхъестественномъ событіи, посмотрѣть, нѣтъ ли такого же элемента сверхъестественности и въ христіанскомъ ученіи, въ той высокой идеальности, которую оно назначаетъ человѣку, въ тѣхъ нравственно-духовныхъ началахъ, которыя оно указываетъ для руководства въ его дѣятельности, дабы такимъ образомъ совмѣстнымъ изученіемъ той и другой стороны придти къ общему выводу и заключенію о дѣйствительномъ значеніи сверхъестественности въ новозавѣтномъ откровеніи.

Наконецъ для объединеннаго изображенія полученныхъ результатовъ отъ изученія той и другой стороны новозавѣтнаго откровенія и для показанія ихъ на дѣлѣ мы полагали бы лучше всего воспользоваться тѣми евангельскими и апостольскими сказаніями, въ которыхъ ученіе, чудеса и оказанное ими впечатлѣніе живо и наглядно изложены и вмѣстѣ описаны.

Такой методъ для выполненія и осуществленія указаннаго плана намъ кажется самымъ удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Чрезъ приложеніе его прежде всего къ изслѣдованію новозавѣтной чудесности значительно упрощается дѣло: вмѣсто предварительныхъ отвлеченныхъ разсужденій о важности, необходимости, цѣлесообразности и возможности чуда, какъ сверхъестественнаго событія, разсужденій, вызывающихъ равносильныя, противоположныя имъ, теоретическія положенія, вмѣсто предварительныхъ разслѣдованій и дознаній о подлин-

ныхъ и неподлинныхъ писаніяхъ, дознаній, не встрѣчающихъ единодушнаго признанія вытекающихъ изъ нихъ результатовъ, споръ прямо переносится на почву положительныхъ свидѣтельствъ, заимствуемыхъ изъ писаній, признаваемыхъ всѣми апостольскими писаніями, и подтверждаемыхъ цѣлыми христіанскими общинами, къ которымъ были писаны эти посланія. Полученные отсюда результаты, послѣ примѣненія къ остальнѣмъ новозавѣтнымъ писаніямъ, сопоставляются съ внутренней стороной христіанства, его ученіемъ, его нравственно-духовными началами, и въ нихъ получаютъ свое подтвержденіе или отрицаніе; наконецъ то и другое объединяется въ фактическихъ евангельскихъ и апостольскихъ сказаніяхъ.

I.

Шедше возвѣстите, яже слышите и видите: слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются и глухіи слышатъ: мертвіи востаютъ, и нищіи благовѣствуютъ; и блаженъ есть, иже аще не соблазнится о мнѣ (Матѳ. 11, 4—6)

Послѣдователями Баура, основателя новотюбингенской отрицательной критической богословской школы, произведшаго въ послѣднее время самое большое опустошеніе въ составѣ книгъ новозавѣтнаго канона, къ числу подлинныхъ писаній ап. Павла причисляются сдѣдующія семь его посланій: первое посланіе къ Ѳессалоникійцамъ, посланіе къ Галатамъ, два посланія къ Коринѳянамъ, посланія къ Римлянамъ, къ Филимону, къ Филиппійцамъ [1]). Къ мѣстамъ-то этихъ посланій, касающимся новозавѣтной чудесности, согласно указанному плану, намъ слѣдуетъ прежде всего обратиться за отвѣтомъ на вопросъ: говорится-ли въ нихъ о чудесности сверхъестественнаго характера, т. е., относятся-ли къ нихъ къ чудеснымъ событіямъ такія, въ совершеніи которыхъ очевидно присутствіе сверхъестественной силы, которыхъ нельзя иначе понять и объяснять какъ только съ участіемъ высшей божественной помощи, иліже съ именемъ чудесныхъ событій соединяется въ нихъ понятіе событій, только выдававшихся изъ ряда обыкновенныхъ, считавшихся въ глазахъ современниковъ сверхъестественными, и въ настоящее время легко объяснимыхъ изъ естественныхъ условій, другими словами, чудесность, упоминаемая въ этихъ посланіяхъ, качественно ли отличается отъ чудесности, упоминаемой въ евангеліяхъ и книгѣ Дѣяній апостольскихъ, считаемыхъ отрицательною критикою позднѣйшими произведеніями апостольскаго вѣка? При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что коль скоро встрѣтятся въ этихъ посланіяхъ свидѣтельства о сверхъестественной чудесности, то они никоимъ образомъ уже не могутъ быть причисляемы къ ряду позднѣйшихъ полумиѳическихъ и полусагическихъ сказаній; напротивъ, въ нихъ выскажется дѣйствительное положеніе дѣла среди христіанскихъ общинъ; для уясненія ихъ еще могутъ быть употребляемы разные способы толкованія, но между послѣдними не трудно будетъ отличить натянутые и изысканные отъ соотвѣтствующихъ истинному положенію дѣла. Съ такимъ взглядомъ на значеніе предстоящихъ свидѣтельствъ мы пере-

---

[1]) Zeitschrift für wissenschaftl. Theolog. 1865. 293—316. 337—367. Dr. A. *Hilgenfeld*, Histor. kritisch. Einleitung in d. neue Testament 1875. 215—348.

ходимъ къ разбору мѣстъ, касающихся новозавѣтной чудесности, въ поименованныхъ посланіяхъ.

Обращаясь прежде всего къ посланію къ Θессаликійцамъ, какъ первому по времени написанія, мы должны замѣтить, что θессаликская община, по своему характеру, менѣе другихъ христіанскихъ общинъ, основанныхъ ап. Павломъ, представляла поводовъ для упоминанія въ посланіи къ ней объ особенныхъ необычайныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ проповѣдь христіанства въ мірѣ. Θессаликская община была одною изъ самыхъ преданныхъ ап. Павлу, съ искреннею чистосердечностію принявшихъ христіанское вѣроученіе и оставшихся ему вѣрными во время поднятыхъ гоненій и преслѣдованій (3, 6. 7. 1, 6. 7. 2, 14). Вслѣдствіе этого, не требовалось отъ ап. Павла особенныхъ усилій для утвержденія этой общины въ принятой вѣрѣ; недоумѣнія, вызвавшія написаніе посланія, состояли главнымъ ооразомъ въ уясненіи искренности его отношеній къ этой общинѣ во время проповѣди среди ея (2, 1—13) и во время поднятыхъ гоненій (2, 14—3, 8), отношеній, по всей вѣроятности, заподозрѣваемыхъ еессалоникскими язычниками, нерасположенными къ новой вѣрѣ, распространяемой среди нихъ (2, 14), а также—въ предохраненіи отъ увлеченія превратными мнѣніями, располагавшими къ ненормальной жизни (4, 1—12), и въ раскрытіи ученія объ участи умершихъ христіанъ прежде пришествія Іисуса Христа (4, 13—18) и времени наступленія послѣдняго дня Господня (5, 1—11). Апостолу приходилось болѣе наставлять, ободрять и утѣшать θессаликскую общину, чѣмъ обличать и уличать ее въ усвоеніи ложнаго и въ оставленіи праваго ученія, для доказательства котораго могла бы потребоваться ссылка на необычайныя событія, сопровождавшія христіанство и отличавшія его отъ другихъ религіозныхъ вѣрованій. Не смотря на это, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ особенностяхъ, сопровождавшихъ проповѣдь и принятіе христіанства и въ этой общинѣ и упомянутыхъ ап. Павломъ въ посланіи.

Говоря о счастливыхъ результатахъ своей проповѣди среди θессаликскихъ христіанъ, Апостолъ въ такомъ видѣ передаетъ воспоминаніе объ этомъ событіи: *благодаримъ Бога всегда о всѣхъ, поминаніе о васъ творяще въ молитвахъ нашихъ: непрестанно поминающе ваше дѣло вѣры, и трудъ любве, и терпѣніе упованія Господа нашего Іисуса Христа, предъ Богомъ и Отцемъ нашимъ, вѣдяще братіе возлюбленная, отъ Бога избраніе ваше; яко благовѣствованіе наше не бысть къ вамъ въ словѣ точію, но и въ силѣ, и въ Дусѣ Святѣ, и во извѣщеніи мнозѣ, якоже и вѣсте, какови быхомъ въ васъ ради васъ* (1, 3—5). Апостолъ всегда благодаритъ Бога въ молитвѣ о θессаликскихъ христіанахъ, постоянно воспоминая тѣ великія нравственныя доблести, которыми укра-

силась ихъ жизнь вслѣдствіе проповѣди его и его сподвижниковъ, убѣдясь въ томъ, что они принадлежатъ къ числу тѣхъ избранныхъ, которыхъ Богъ призвалъ къ участію въ великихъ обѣтованіяхъ, данныхъ людямъ [1]). Наглядныя доказательства для убѣжденія въ такомъ благоволеніи Божіемъ къ ѳессалоникійцамъ, обратившимся въ христіанство, Апостолъ видѣлъ въ томъ, что благовѣствованіе его и его сподвижниковъ не только выразилось въ словѣ (ἐν λόγῳ μόνον), озарившемъ ихъ свѣтомъ новаго ученія, но было и силою (καὶ ἐν δυνάμει), возродившею и возсоздавшею ихъ, и открылось въ Святомъ Духѣ (καὶ ἐν πνεύματι ἁγίῳ), показавшемъ ихъ служителями высшей божественной силы, и сопровождалось богатыми и плодотворными результатами (καὶ ἐν πληροφορίᾳ πολλῇ)—всецѣлымъ обращеніемъ ихъ ко Христу, обогатившимъ ихъ нравственными совершенствами. Этихъ-то признаковъ, приведшихъ Апостола къ убѣжденію въ дѣйствительномъ благоволеніи Божіемъ къ ѳессалоникскимъ христіанамъ, никоимъ образомъ нельзя отнесть къ числу обыкновенныхъ или только нѣсколько выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Они послужили основаніемъ не только для убѣжденія Апостола въ дѣйствительности божественнаго призванія ѳессалоникскихъ христіанъ, но и самихъ ѳессалоникійцевъ расположили къ вѣрѣ въ божественность проповѣданнаго имъ ученія (2, 13) [2]). Го-

---

[1]) *Вѣдяще* (εἰδότες), подобно выше стоящему—*поминающе* (μνημονεύοντες)—безспорно составляетъ продолженіе одной и тойже рѣчи, и потому относится къ ап. Павлу и его сподвижникамъ, а не къ ѳессалоникійцамъ, какъ полагаютъ нѣкоторые толковники.

[2]) 13 ст., по важности заключенія, представляетъ выводъ не изъ одного ближайшаго предшествующаго (Dr. *Lünemann*), но изъ всего доселѣ сказаннаго, а потому въ числѣ другихъ причинъ, содѣйствовавшихъ принятію проповѣди апостольской, какъ богооткровеннаго ученія, со стороны ѳессалоникійцевъ, обнимаетъ и это обнаруженіе Св. Духа въ проповѣди, направленной къ ѳессалоникійцамъ.

родъ Θессалоника былъ второй колоніей, въ которой проповѣдывалъ ап. Павелъ вмѣстѣ съ своими сподвижниками, послѣ того какъ Св. Духъ не допустилъ его проповѣдывать въ Асіи и указалъ на Македонію (Дѣян. 16, 6—12.; 17, 1); Апостолу, вступившему на новое поприще дѣятельности, естественно было ожидать поощренія и ободренія свыше на этомъ новомъ пути служенія,—съ другой стороны и θессалоникскимъ прозелитамъ и язычникамъ не легко было разстаться въ теченіе столь незначительнаго промежутка времени съ своими прежними вѣрованіями безъ твердаго убѣжденія въ божественномъ достоинствѣ новаго проповѣданнаго имъ ученія. Какъ для Апостола, такъ и для θессалоникійцевъ нужны были особые завѣрительные знаки; потому-то ап. Павелъ и пишетъ такъ: *вѣдяще* (εἰδότες), убѣдись.... Но такимъ завѣрительнымъ знакомъ не могла быть одна оживленная и одушевленная проповѣдь, описаніе характера которой многіе изъ новѣйшихъ толковниковъ только здѣсь и видятъ, безъ особеннаго внѣшняго завѣренія свыше. Какъ θессалоникійцы, такъ и Апостолъ, могли нерѣдко видѣть образцы одушевленной и оживленной проповѣди (1 Кор. 2, 1 и дал.). Счастливые результаты проповѣди, вынаружившіеся ἐν πληροφορίᾳ πολλῇ, Апостолъ приписываетъ воздѣйствію слова, какъ силы, вмѣстѣ съ воздѣйствіемъ Св. Духа (καὶ ἐν δυνάμει καὶ ἐν πνεύματι ἁγίῳ). Это-то засвидѣтельствованіе Св. Духа, подъ которымъ нельзя разумѣть выраженія субъективнаго состоянія проповѣдниковъ, потому что во свидѣтели его призываются сами θессалоникійцы (*якоже и вѣсте, какови быхомъ въ васъ*), и было тѣмъ сверхъестественнымъ средствомъ, которое съ одной стороны завѣрило проповѣдниковъ въ цѣлесообразности ихъ дѣятельности, съ другой подготовило θессалоникійцевъ къ вѣрѣ въ божественность проповѣданнаго имъ ученія. Подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть или ѵзліяніе Св. Духа на слушателей проповѣди, подоб-

ное тому, какое случилось при проповѣди ап. Петра и послужило для него завѣреніемъ въ дѣйствительномъ достоинствѣ оглашаемыхъ имъ ко вступленію въ благодатное царство (Дѣян. 10, 44—47), или же такое необычайное проявленіе Св. Духа въ самихъ проповѣдникахъ, которое показало ихъ служителями высшей небесной силы, и потому имѣло обоюдное вліяніе какъ на убѣжденіе самихъ проповѣдниковъ, такъ и ихъ слушателей. Такъ какъ Апостолъ далѣе призываетъ ѳессалоникскихъ христіанъ во свидѣтели того, какими собственно они были среди ихъ и притомъ ради ихъ (οἴδατε οἷοι ἐγενήθημεν ἐν ὑμῖν δι' ὑμᾶς), ради призванія ихъ въ благодатное царство Христово, то можно полагать, что это чудесное проявленіе Св. Духа скорѣе обнаружилось въ проповѣди ап. Павла и его сподвижниковъ, имѣвшей цѣлію это призваніе, чѣмъ на ихъ слушателяхъ. Богъ избралъ средствомъ для призванія ѳессалоникскихъ христіанъ проповѣдь съ чудеснымъ проявленіемъ Св. Духа,—такова собственно мысль, выраженная Апостоломъ въ обращеніи къ ѳессалоникійцамъ: *якоже и вѣсте, какови бѣхомъ въ васъ ради васъ.* Въ чемъ собственно состояло проявленіе Св. Духа въ проповѣди ѳессалоникскихъ благовѣстниковъ, этого нельзя съ точностію опредѣлить при умолчаніи самаго Апостола; но что оно во всякомъ случаѣ не было только возбужденнымъ и воодушевленнымъ состояніемъ проповѣдниковъ, обманчиво дѣйствовавшимъ на воображеніе слушателей, но имѣло неотразимые слѣды дѣйствія въ проповѣдникахъ высшей божественной силы, въ этомъ можно быть увѣреннымъ по тѣмъ результатамъ, къ которымъ оно привело проповѣдниковъ и ихъ слушателей (1, 4; 2, 13), и по началу и характеру самаго явленія. Началомъ и основою всѣхъ необычайныхъ и сверхъестественныхъ явленій въ христіанствѣ, по ученію ап. Павла бываетъ Св. Духъ (1 Кор. 12, 11); Онъ есть виновникъ той высшей небесной мудрости, проповѣдниками которой являют-

ся христіанскіе благовѣстники (1 Кор. 2, 6. 7. 10. 13); Онъ есть раздаятель сверхъестественныхъ чудесныхъ даровъ, украшающихъ жизнь христіанъ,—дара языковъ, дара пророчества, исцѣленій и др. (1 Кор. 12, 4—11. 28—30); однимъ изъ такихъ чудесныхъ проявленій Его могло быть и явленіе Его въ проповѣди ѳессалоникскихъ апостоловъ; но такъ какъ этотъ Духъ не есть духъ сего міра (1 Кор. 2, 12) или же духъ человѣческій, только очищенный, просвѣтленный и возвышенный, но Духъ Божій (1 Кор. 2, 12. 10), Духъ, чуждый естественному человѣку съ его естественными стремленіями (1 Кор. 2, 14), то и проявленіе Его въ проповѣди ѳессалоникскихъ благовѣстниковъ могло быть только такимъ премірнымъ и преестественнымъ. Только въ такомъ видѣ совершенное, оно могло служить съ одной стороны доказательствомъ для ап. Павла и его сподвижниковъ особеннаго благоволенія Божія къ ѳессалоникскимъ христіанамъ, съ другой—подготовленіемъ для послѣднихъ къ вѣрѣ въ божественное достоинство проповѣдуемаго имъ ученія.

Оканчивая посланіе къ ѳессалоникійцамъ, ап. Павелъ въ числѣ наставленій, обязательныхъ для исполненія, ставитъ слѣдующія: *Духа не угашайте*; *пророчествія не уничижайте* (5, 18). Считая Св. Духа виновникамъ всего чудеснаго и сверхъестественнаго открывающагося въ жизни хрестіанъ, проповѣдуя самъ въ силѣ этого Духа (1 Кор. 2, 4), и усвоивъ Его увѣровавшей общинѣ, Апостолъ теперь заботится, что бы община не препятствовала проявленію этого Духа, чтобы она не стѣсняла и не ограничивала свободныхъ Его дѣйствій среди себя; онъ желаетъ, чтобы чудесныя проявленія Его открывались во всей своей полнотѣ среди ея, чтобы они служили дѣйствительнымъ ея украшеніемъ среди другихъ нравственныхъ доблестей, ее прославившихъ. По своей необычайности и недоступности обыкновенному пониманію эти про-

явленія Св. Духа могли возбуждать неодобреніе и подозрѣніе со стороны нѣкоторыхъ членовъ общины; въ виду этого Апостолъ предохраняетъ отъ подавленія Духа, который своими проявленіями подобно огненному пламени [1]), среди мрака окружающихъ ихъ вѣрованій, указываетъ лучь свѣта принятаго ими ученія и достоинство исповѣдуемой ими вѣры.— Между чудесными проявленіями Духа, даръ пророчества, не исключавшій предвѣдѣнія будущаго, но состоявшій главнымъ образомъ въ спокойной разсудительной рѣчи (1 Кор. 14, 1—5), не исскуственно приготовгенной, но возбужденной Св. Духомъ, по своей не особенно выдающейся внѣшности, менѣе другихъ могъ возбуждать къ себѣ уваженіе (1 Кор. гл. 14); обращая вниманіе ѳессалоникійцевъ на этотъ даръ, Апостолъ совѣтуетъ имъ не съ пренебреженіемъ, но съ уваженіемъ относиться и къ этому дару, какъ дару Св. Духа (Римл. 12, 6.; 1 Кор. 12, 10).

Такимъ образомъ и въ посланіи къ ѳессалоникійцамъ, не имѣвшемъ въ виду упоминать о сверхъестественныхъ дѣлахъ, сопровождавшихъ распространеніе христіанства, говорится о чудесныхъ проявленіяхъ Св. Духа, свидѣтельницею которыхъ была вся ѳессалоникская община сначала въ лицѣ благовѣстниковъ, проповѣдывавшихъ среди ея (1, 5), а за тѣмъ въ лицѣ собственныхъ ея членовъ, обладавшихъ ими (5, 18), и которыхъ по началу происхожденія, указываемому самимъ ап. Павломъ въ посланіяхъ (1 Кор. 12, 11) никоимъ образомъ нельзя причислять къ субъективнымъ проявленіямъ человѣческаго духа, но согласно его сказанію (1, 4. 5) и вѣрѣ ѳессалоникійцевъ (2, 13) слѣдуетъ включить эти проявле-

---

[1]) Выраженіе μὴ σβέννυτε - не угашайте—точно указываетъ на такой образъ проявленія Св. Духа. Ср. Дѣян. 2, 3.

нія Св. Духа въ рядъ необычайныхъ сверхъестественныхъ явленій. Конечно могутъ сказать, что ап. Павелъ, а вмѣстѣ съ нимъ и ѳессалоникскіе христіане, согласно представленіямъ своего вѣка, вѣрили и думали, что виновникомъ этихъ нѣсколько выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ явленій было высшее небесное существо— Св. Духъ; но такими вѣрованіями, охватывавшими цѣлые вѣка и поколѣнія, еще не можетъ быть доказываема дѣйствительная сверхъестественная реальность подобныхъ явленій; многое изъ того, что прежде считалось сверхъестественнымъ, благодаря новѣйшимъ дознаніямъ и изслѣдованіямъ, въ настоящее время перешло въ область дѣйствительнаго-естественнаго [1]). Такое мнѣніе, обыкновенно представляемое въ объясненіе происхожденія и преобладанія вѣры въ сверхъестественность причинъ всѣхъ необычайныхъ явленій, здѣсь не можетъ имѣть своего надлежащаго приложенія. Еслибы подобнаго рода объясненіе возъимѣло силу, въ такомъ случаѣ нужно было бы согласиться не только съ тѣмъ, что проповѣдники христіанства были самыми жалкими людьми, блуждавшими во мракѣ невѣдѣнія и суевѣрій (1 Кор. 15, 14—19), но и съ тѣмъ, что въ основѣ тѣхъ великихъ истинъ, которыя они повѣдали міру, лежали ложь и заблужденіе,—положеніями, дѣйствительность которыхъ остерегаются защищать и доказывать самые сильные поборники, раціонализма [2]).

---

1) *Лекки*, Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ переводъ съ англійскаго А. Н. *Пыпина*, 1871 г. т. I стр. 115—151.

2) Keim, Geschicht. Jesu, dritt. Vearbeitung, 1875 г. стр 362.—Въ исторіи жизни человѣческой можно найдти много аналогическихъ явленій, задача строгой и внимательной критики состоитъ не только въ томъ, чтобы отыскать, сблизить и даже отождествить эти явленія, но также и въ томъ, чтобы указать между ними качественныя отличія, если послѣднія существуютъ. Между вѣрою же въ сверхъестественное, никогда не оставлявшею человѣчества и нерѣдко бывшею источникомъ ложныхъ убѣжденій и превратныхъ представленій, и вѣрою въ сверхъестественность христіанскою, одушевлявшею первыхъ проповѣдниковъ христіанства и повѣдавшею міру столько великихъ и святыхъ истинъ, полагаемъ, есть качественное отличіе.

Болѣе очевидныхъ и ясныхъ свидѣтельствъ о сверхъестественной чудесности въ христіанствѣ слѣдуетъ ожидать отъ посланія къ Галатамъ. Посланіе къ Галатамъ было писано уже не только для утвержденія и укрѣпленія галатійскихъ христіанъ въ принятомъ ими ученіи, но и для уличенія и обличенія ихъ въ внезапномъ оставленіи праваго и истиннаго ученія и въ возвращеніи къ прежней несовершенной религіи (Галат. 3, 1 и дал. 4, 11). Галатяне, послѣ искренняго и чистосердечнаго принятія проповѣданнаго ап. Павломъ христіанскаго вѣроученія (4, 13. 14), поддались вліянію явившихся среди ихъ іудео-христіанскихъ учителей, старавшихся внушить недовѣріе къ Апостолу, какъ не самовидцу Іисуса Христа и сподчиненному другимъ первоверховнымъ апостоламъ, и подчинить ихъ требованіямъ подзаконной религіи (1,11—2, 10. 4, 21—5, 13). Галатяне были въ недоумѣніи и готовы были преклониться предъ новыми проповѣдниками и новымъ »инымъ« ученіемъ. Для вразумленія ихъ и убѣжденія въ истинѣ проповѣданнаго имъ ученія Апостолу необходимо было прежде всего возвратить довѣріе къ себѣ, какъ истинному послѣдователю и ученику Іисуса Христа, затѣмъ представить ясныя и очевидныя доказательства превосходства исповѣдуемаго ими ученія предъ тѣмъ, которое внушали имъ его противники. Оправдывая истинность своего апостольскаго служенія, Апостолъ между прочимъ указываетъ на необычайность своего перехода и обращенія въ христіанство, котораго никоимъ образомъ нельзя понять и уяснить безъ особеннаго воздѣйствія Божія (1, 11—17); доказывая превосходство проповѣданнаго имъ вѣроученія предъ ученіемъ своихъ противниковъ, онъ между другими доказательствами указываетъ на особенность явленій послѣдовавшихъ среди галатянъ вслѣдствіе принятія и усвоенія проповѣданнаго имъ ученія (3, 2—5). О сверхъестественной чудесности, сопровождавшей обращеніе ап. Павла въ хри-

стіанство, у насъ будетъ рѣчь впереди; теперь, сообразно принятому плану, въ виду изученія чрезвычайныхъ событій, свидѣтелями которыхъ были христіанскія общины, учрежденныя апостолами, мы обращаемся собственно къ упомянутымъ Апостоломъ явленіямъ.

Желая представить живое и наглядное доказательство истинности проповѣданнаго ученія, ап. Павелъ обращается къ галатянамъ съ такимъ вопросомъ: *сіе едино хощу увѣдѣти отъ васъ, отъ дѣлъ ли закона Духа пріясте, или отъ слуха вѣры* (3, 2). Подъ Духомъ (τὸ πνεῦμα) Апостолъ здѣсь разумѣетъ виновника той чудесной новой жизни, открывшейся среди галатянъ, свидѣтелями которой они сами были (ср. ст. 5.; 1 Кор. 12, 7—11); закономъ онъ называетъ все вообще ветхозавѣтное домостроительство, но главнымъ образомъ—его законодательныя требованія; выраженіями—отъ слуха вѣры (ἐξ ἀκοῆς πίστεως)—онъ указываетъ не на одно внѣшнее слышаніе благовѣстія о вѣрѣ со стороны галатянъ, или одно внѣшнее изложеніе ученія вѣры со стороны благовѣстниковъ, которые сами по себѣ не могли бы сообщить галатянамъ Св. Духа, но на самую вѣру галатянъ, которая восприняла благовѣстіе и имѣла слѣдствіемъ изліяніе на нихъ Св. Духа (ср. ст. 6. Евр. 4, 2.; Римл. 10, 17). Такимъ образомъ, обращаясь къ галатянамъ, ап. Павелъ говоритъ: имѣя въ виду многое другое, я пока останавливаю вниманіе ваше на этомъ одномъ, отъ дѣлъ ли, составляющихъ содержаніе закона, или отъ вѣры, служившей предметомъ благовѣстія, вы получили дивную силу Св. Духа, васъ возродившую и возсоздавшую и среди васъ совершившую столько великихъ дѣлъ (ст. 5)? Галатяне не могли отвѣтить на такой вопросъ, не сознавъ въ тоже время своей виновности въ отступленіи отъ праваго ученія и въ увлеченіи ложнымъ. Событіе, на которое ссылался ап. Павелъ, было такъ очевидно и убѣдительно, что не требовало дальнѣйшихъ

пополненій и поясненій; въ истинѣ его они были убѣждены по опыту. Вслѣдствіе этого ап. Павелъ продолжаетъ въ такомъ тонѣ: *тако ли несмысленни есте: наченше духомъ, нынѣ плотію скончаваете* (ст. 3)? неужели вы настолько невнимательны и не разсудительны, что не умѣете оцѣнить своего новаго положенія и понять перевосходства его предъ прежнимъ! [1]) Вы начали жизнь, которая, при содѣйствіи Св. Духа, имѣетъ цѣлію развитіе и совершенствованіе вашей внутренней духовной стороны, и возвращаетесь къ прежнему состоянію, въ которомъ развивались и практиковались одни внѣшнія отношенія [2])... *Подаяй убо вамъ Духа, и дѣйствуяй силы въ васъ отъ дѣлъ ли закона, или отъ слуха вѣры* (5)? Богъ, такъ богато открывавшійся среди васъ, пославшій вамъ Св. Духа, и засвидѣтельствовавшій себя чудесами, давалъ ли этимъ ручательство за дѣла подзаконныя, или за то благовѣстіе, которое вы слышали, и чрезъ вѣру въ которое получили Св. Духа? Будучи убѣждены въ послѣднемъ (2. 3), можете ли вы еще сомнѣваться въ истинѣ предложеннаго вамъ ученія и колебаться въ выборѣ?

Что здѣсь идетъ рѣчь прежде всего о сверхъестественномъ явленіи Св. Духа, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Сами отрицательные критики сознаются, что коль скоро ап. Павелъ говоритъ о Св. Духѣ, какъ виновникѣ новой христіанской жизни, возродителѣ человѣческаго естества,

---

[1]) Послѣ предшествующаго вопроса (ст. 2) 3 ст. лучше читать съ знакомъ удивленія, а не вопроса, какъ и полагаютъ нѣкоторые толковники; см. J. Chr. *Hofmann*, die heilig. Schrift. N. T. zweit. Th. erst. Abtheil. 1863 г. стр. 52.

[2]) Слово *плоть*—σάρξ—хотя здѣсь прямо не означаетъ ветхозавѣтнаго законодательства, тѣмъ не менѣе ясно указываетъ на то внѣшнее направленіе въ жизни, которое развивалось въ подзаконномъ состояніи (ср. Евр. 9, 10.; Ефес. 2, 11.; Римл. 7, 5).

то подъ нимъ онъ разумѣетъ Духа божественнаго, Духа внѣмірнаго [3]); здѣсь же безспорно онъ говоритъ о Св. Духѣ въ этомъ смыслѣ. Мы обращаемъ вниманіе только на то, что это сказаніе ап. Павла о дивномъ обнаруженіи Св. Духа въ жизни галатянъ здѣсь является не предвзятымъ теоретическимъ или произвольно составленнымъ ученіемъ, но заимствованнымъ изъ опыта, раздѣляемымъ и подтверждаемымъ галатянами, ясно убѣжденными въ истинѣ его по опыту. Свидѣтельство такого рода весьма важно: событіе, въ немъ описанное, получаетъ всѣ признаки событія дѣйствительно реальнаго; изъ акта возрожденнаго сознанія Апостолъ побуждаетъ галатянъ сдѣлать заключеніе. Только что явившееся сознаніе присутствія высшей божественной силы и на основаніи его составляемое заключеніе уже никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ старымъ фальшивымъ религіознымъ представленіямъ, которыми отличалось это время и подъ вліяніемъ которыхъ могло сформироваться новое воззрѣніе у галатянъ. Свѣжесть чувства и сознанія галатянъ, на которую указываетъ ап. Павелъ (ст. 2. 3), не дозволяетъ дѣлать подобнаго заключенія. Галатяне только что ощутили въ себѣ сознаніе этого новаго состоянія и ощутили не вслѣдствіе исповѣданія прежней религіи, но вслѣдствіе вѣры въ новопроповѣданное ученіе; ихъ прежнія вѣрованія, прежнія религіозныя представленія не были способными привесть къ этому новому акту сознанія (ст. 2. 4, 3—10). На невозможности прежнихъ вѣрованій привесть къ этому новому состоянію основана вся сила доказательства ап. Павла превосходства вновь воспринятаго ученія. Такимъ образомъ сверхъестественность обнаруженія Св. Духа въ сознаніи галатянъ является такимъ жизнен-

---

[3]) *Holsten*. Zum Ewang d. Petrus u Paulus, 1868 г. стр. 381—392. *O. Pfleiderer*, Zeitschrift. f. wissenschaft. Theolog. 1871. 161—182.

нымъ событіемъ, которое съ одной стороны побуждаетъ Апостола говорить о немъ, съ другой—способно утвердить галатянъ въ вѣрѣ въ воспринятое ими ученіе. Опытное внутреннее сознаніе самыхъ галатянъ необычайности проявленія Св. Духа въ ихъ духовной жизни служитъ исходнымъ пунктомъ въ доказательствѣ ап. Павла.

Такое же значеніе въ ходѣ доказательствъ ап. Павла имѣетъ упоминаемое имъ вслѣдъ за откровеніемъ Бога во Св. Духѣ откровеніе въ силахъ (ὁ οὖν ἐπιχορηγῶν ὑμῖν τὸ πνεῦμα καὶ ἐνεργῶν δυνάμεις ст. 5). Дѣйствія въ силахъ также нельзя ограничивать только нѣсколько выдающимися изъ ряда обыкновенныхъ исцѣленіями или же дарами пророчествъ иязыковъ [1]). Согласно величію Бога, открывавшагося во Св. Духѣ, согласно значенію слова δύναμις, которое, сравнительно съ другими названіями чуда—τέρας, θαῦμα, σημεῖον (Дѣян. 2, 22.; 2 Кор. 12, 12), можетъ означать только рядъ такихъ чудесъ, въ совершеніи которыхъ предполагается участіе высшихъ божественныхъ силъ, высшаго божественнаго могущества (ср. Матѳ. 14, 2), дѣйствіе силъ здѣсь слѣдуетъ понимать въ такомъ точно смыслѣ, какой усвояетъ имъ св. Іоаннъ Златоустъ. Говоря отъ лица Апостола, Іоаннъ Златоустъ такъ объясняетъ упоминаемую въ этомъ мѣстѣ чудесность: «вы—говоритъ онъ—получили Св. Духа, сдѣлали много чудесъ, совершили знаменія, воскрешая мертвыхъ, очищая прокаженныхъ, пророчествуя, говоря языками» [2]). Такое объясненіе вполнѣ согласно какъ съ контекстомъ рѣчи, въ которой Апостолъ говоритъ о совершеннѣйшей истинѣ христіанскаго вѣроученія, подтверждаемой такимъ величественнымъ откровеніемъ Бога во Св. Духѣ, такъ и съ положені-

---

1) Ir. I Ch. Hofmann, die heilig. Schrift. zweit. Th. erst. Abth. стр. 56.

2) *Ioannis Chris.* Parisiis, 1732 г. t. X. стр. 696; въ русск. пер. Москва, 1844 стр. 100.

смъ галатянъ, для которыхъ силу и значеніе доказательства и убѣдительности могли бы имѣть чудеса, только вполнѣ соотвѣтствующія величію и истинѣ проповѣданнаго откровенія, т. е., чудеса въ собственномъ смыслѣ сверхъестественнаго характера. Сознаніе галатянами присутствія въ себѣ силы Св. Духа, обнаруживавшейся въ необычайности знаменій и чудесъ среди ихъ, было тѣмъ наглядным и убѣдительнымъ доказательствомъ совершеннѣйшей истины проповѣданнаго Апостоломъ ученія, послѣ очевидности котораго онъ могъ только подивиться неразумію галатянъ (ст. 3), высказавшемуся въ увлеченіи ихъ лжеученіемъ іудействующихъ проповѣдниковъ (1, 7—9). Такимъ образомъ приведенное свидѣтельство посланія къ галатянамъ, при всей своей краткости, весьма ясно говоритъ о сверхъестественности знаменій и чудесъ, свидѣтелями и совершителями которыхъ были члены галатійской общины.

Если, слѣдуя хронологическому порядку написанія посланій ап. Павломъ, мы теперь обратимся къ первому посланію къ Коринѳянамъ, то въ немъ найдемъ самое исчисленіе тѣхъ необычайныхъ дѣйствій, свидѣтелями и совершителями которыхъ были члены общинъ, основанныхъ апостолами. Коринѳская община была одною изъ тѣхъ христіанскихъ общинъ, которая въ особенности славилась богатствомъ и обиліемъ духовныхъ даровъ, открывшихся среди ея; она, какъ замѣчаетъ самъ ап. Павелъ, была обогащена *о Христѣ Іисусѣ во всемъ, во всякомъ словѣ и всякомъ разумѣ*, и не лишена *ни во единомъ дарованіи* (1 Кор. 1, 4. 5. 7). Но этого обиліе и богатство духовныхъ даровъ было причиною и источниками немалыхъ замѣшательствъ и безпорядковъ въ коринѳской общинѣ: какъ видно изъ замѣчаній Апостола, одни изъ коринѳянъ подозрительно смотрѣли на проявленіе этихъ непостижимыхъ духовныхъ даровъ и не благопріятствовали

свободному ихъ обнаруженію (1 Кор. 14, 39. 12, 31), другіе, слишкомъ высоко цѣня эти дары, унижали предъ ними значеніе нравственнаго христіанскаго ученія (гл. 13), третьи, дѣлая различіе между дарами и ставя одни выше другихъ, съ подобостастіемъ относились къ тѣмъ, которые, по ихъ мнѣнію, владѣли высшими дарами, и унижали предъ ними владѣвшихъ низшими дарами (12, 20—26), четвертые вообще превозносились своими дарами предъ неимѣвшими ихъ (12, 12—19), наконецъ были между ними и такіе, которые неблагоразумно пользовались полученными дарами въ общественныхъ собраніяхъ (гл. 14). Для прекращенія всѣхъ этихъ недоразумѣній и возстановленія истиннаго благочинія между коринѳскими христіанами Апостолу необходимо было прежде всего уяснить происхожденіе и значеніе духовныхъ даровъ въ христіанствѣ, затѣмъ указать высшую цѣлесообразность проявленія ихъ въ жизни христіанъ, наконецъ изложить внѣшнія правила касательно благоразумнаго употребленія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ общественныхъ собраніяхъ. Этимъ собственно и занимается Апостолъ въ спеціальномъ отдѣлѣ, посвященномъ разсужденію о духовныхъ дарахъ (гл. 12—14). Для своей цѣли мы могли бы остановиться только на исчисленіи разнообразныхъ духовныхъ даровъ, обиловавшихъ въ первенствующей церкви; но считаемъ не излишнимъ привести и самое сужденіе Апостола о происхожденіи и значеніи этихъ даровъ.

Ученіе о духовныхъ дарахъ ап. Павелъ озаглавливаетъ: περὶ δὲ τῶν πνευματικῶν..... Согласно тому, какъ Апостолъ употребляетъ подобнаго рода выраженія въ предшествующихъ главахъ—περὶ δὲ ὧν ἐγράψατε.... 7, 1, περὶ δὲ τῶν εἰδωλοθύτων..... 8, 1—, слѣдуетъ считать этотъ отдѣлъ не непосредственнымъ продолженіемъ предшествующаго отдѣла о возстановленіи внѣшняго благочинія въ общественныхъ молитвенныхъ собрані

ях[ъ] [1]), но совершенно новымъ, вызваннымъ прежде всего недоумѣніями коринѳскихъ христіанъ касательно отношенія къ владѣющимъ даромъ языковъ и другими чудесными дарами, а затѣмъ несотвѣтствующимъ поведеніемъ нѣкоторыхъ членовъ, владѣющахъ этими высшими дарами (12, 3—31). Самое названіе—τὰ πνευματικὰ или οἱ πνευματικοί—по всей вѣроятности взято Апостоломъ изъ письма, писаннаго, къ нему коринѳскими христіанами (7, 1); этимъ именемъ коринѳяне могли называть людей, находящихся подъ особеннымъ воздѣйствіемъ Св. Духа (πνεῦμα) [2]). Объ опредѣленіи—то отношеній къ этимъ людямъ коринѳскіе христіане спрашивали Апостола, и отъ сообщенія свѣдѣній о нихъ онъ не отказывается: *о духовныхъ же, братіе, не хощу васъ, не вѣдѣти* (12, 1).

Переходя въ разсужденію о духовныхъ дарахъ, Апостолъ такъ начинаетъ свою рѣчь: *вѣсте, яко егда не вѣрни бѣсте ко идоломъ безгласнымъ яко ведоми ведостеся* (ὡς ἂν ἤγεσθε ἀπαγόμενοι 2 ст.). Этими словами Апостолъ безспорно обращаетъ вниманіе читателей посланія, которые въ большинствѣ обратились въ христіанство изъ язычниковъ, на ихъ прежнее религіозное состояніе, въ которомъ они какъ бы были ведены (ὡς ἂν ἤγεσθε), не имѣя сознательнаго и разумнаго представленія о дѣлѣ, на служеніе нѣмымъ божествамъ (τὰ εἴδωλα τα ἄφωνα), отводимые (ἀπαγόμενοι), т. е., отвлекаемые разными обольстительными способами отъ того представленія,

---

1) Dr. I. Hofmann.

2) Поэтому для насъ не имѣетъ особаго значенія опредѣленіе того, въ какомъ родѣ слѣдуетъ читать πνευματικῶν, въ мужескомъ или среднемъ; станемъ ли вмѣстѣ съ св. Іоанномъ Златоустомъ читать это слово въ среднемъ родѣ, или же вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ новѣйшихъ толковниковъ (*Евальдомъ*, Гильгенфельдомъ, Glossoealie 1850 г. стр. 16) допустимъ здѣсь мужескій родъ, смыслъ мѣста отъ этого не видоизмѣнится; при томъ и другомъ родѣ рѣчь одинаково будетъ касаться людей облагодатствованныхъ.

что они служатъ божествамъ, не имѣющимъ въ себѣ жизни [1]). Предполагая это состояніе вполнѣ извѣстнымъ читателямъ, Апостолъ, какъ хорошо замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, ограничивается только легкимъ напоминаніемъ, предоставляя имъ самимъ со всею обстоятельностію воспроизвесть въ воспоминаніи это ненормальное положеніе. Но что при этомъ онъ имѣлъ въ виду именно тѣ фальшивые способы обольщенія (гаданіе, чревовѣщаніе и т. под.), которыми жрецы и ихъ кліенты старались поддерживать суевѣрныя вѣрованія язычества, въ этомъ можно быть болѣе чѣмъ увѣреннымъ, не смотря на разнорѣчивыя мнѣнія и сужденія новѣйшихъ западныхъ толковниковъ о смыслѣ этого мѣста [2]). Допуская только такую мысль въ приведенныхъ словахъ Апостола, мы найдемъ возможность логически соединить ее съ послѣдующими положеніями касательно чудесныхъ ду-

---

[1]) Ни одинъ изъ новыхъ толковниковъ не находитъ въ этомъ мѣстѣ мысли съ такимъ указаніемъ на прежнее религіозное состояніе читателей въ язычествѣ, хотя она отчасти была предуказываема древними толковниками (Златоустымъ и Экуменіемъ) и прямо вытекаетъ изъ точнаго перевода этого мѣста. Буквально 2-я ст. долженъ быть переведенъ такъ: „знаете, что когда вы были язычниками, то къ нѣмымъ идоламъ были какъ бы ведены отводимые“. Такъ этотъ стихъ былъ отчасти уже переведенъ въ древнемъ вульгатномъ доіеронимовскомъ текстѣ: „scitis quoniam cum gentes eratis ad simulacrorum formationes prout ducebamini euntes“. Послѣднее только выраженіе euntes не вполнѣ соотвѣтствуетъ греческому ἀπαγόμενοι но prout ducebamini хорошо замѣняетъ греческое ὡς ἂν ἤγεσθε (Chr. F. *Matthaei*, XIII Epistol. Pauli codex graecus cum versione latina veteri vulgo antehieronymiana, Misenae 1791 г.). Въ болѣе новыхъ переводахъ частицы ὡς ἂν соединяются съ ἀπαγόμενοι, между тѣмъ какъ по замѣчанію Экуменія это-то сочетаніе частицъ съ ἤγεσθε хорошо выражаетъ мысль Апостола: »καλῶς δὲ τὸ, »ὡς ἂν ἤγεσθε« τοὐτέστιν, ὅπως ἔτυχε, μήτε, σωφρόνος ἐντὸς ὄντες λογισμοῦ, ἢ σχήματος, μήτε ἔχοντες ἀπιόντες, ἀλλὰ μετὰ βίας ἄκοντες ἐνθουσιῶντες καὶ μαινόμενοι« (Patrlog. cursus complet. T. CXVIII стр. 812).

[2]) Dr. H. *Meyer*, Krit. Exeget. Komment. uber d. N. Test. 5 Abth стр 284. 1861 г.

ховныхъ даровъ въ христіанствѣ, безъ всякаго произвольнаго восполненія и видоизмѣненія текста.

Напомнивъ читателямъ о ненормальныхъ явленіяхъ въ ихъ прежнемъ религіозномъ состояніи, Апостолъ вслѣдъ за этимъ продолжаетъ: *тѣмъ же* (διὸ) *сказую вамъ, яко никто же Духомъ Божіимъ глаголяй, речетъ анаѳема, Іисуса: и никтоже можетъ рещи Господа, точію Духомъ Святымъ* (ст. 3). Такой внезапный переходъ со стороны Апостола къ опредѣленію признаковъ истинно-духовнаго состоянія ставитъ въ недоумѣніе самыхъ опытныхъ толковниковъ св. Писанія, и въ то время какъ одни изъ нихъ отказываются отъ опредѣленія точной связи между этими стихами [1]), другіе, желая представить этотъ переходъ естественнымъ и послѣдовательнымъ, рѣшаются или восполнять текстъ подразумѣваемыми выраженіями [2]), или видоизмѣнять послѣдній по своему усмотрѣнію [3]). По мнѣнію однихъ Апостолъ потому считаетъ необходимымъ сообщить свѣдѣнія о духовныхъ дарахъ и опредѣлить истинный характеръ рѣчи, возбужденной Св. Духомъ, что для большинства коринѳскихъ христіанъ, обратившихся изъ язычниковъ, это духовное состояніе было новымъ и совершенно неизвѣстнымъ имъ при прежней религіозной жизни [4]); по мнѣнію другихъ не новость состоянія вызвала Апостола на бесѣду съ коринѳскими хри-

---

[1]) W. *De Wette*, Exeget. Handbuch zum N. T. zweit. Band. zweit. Theil стр. 112. 113, 1855 г,

[2]) *Мейеръ*, напримѣръ, полагаетъ, что послѣ ὅτε ἔθνη ἦτε, опять слѣдуетъ восполнить ἦτε, какъ глаголъ, принадлежащій къ предшествующему союзу ὅτι (Hand. über erst. Brief and. Korinth 1861 г. стр. 283.

[3]) *Гофманъ*, напримѣръ, цѣлый 2-й ст. хотѣлъ бы читать такъ: οἶδά τε ὅτι ἔθνη ἦτε πρὸς τὰ εἴδωλα τὰ ἄφωνα, ὡς ἀνήγεσθε ἀπαγόμενοι вмѣсто обыкновеннао принятаго чтенія: ἴοἶδατε ὅτι ὅτε ἔθνη ἦτε πρὸς τὰ εἴδωλα τὰ ἄφωνα ὡς ἂν ἤγεσθε ἀπαγόμενοι (Heilig. Schrift. zweit. Th. zweit. Abtheilnng 1864 г. стр. 272—275.

[4]) Dr. H. Meyer, Hand. üb d. erst. B. an d. Korinth 1861 г стр. 282—284.

стіанами, но желаніе показать послѣднимъ, что Духъ Божій въ христіанствѣ дѣйствуетъ не въ видѣ слѣпой силы, влекшей ихъ къ идолослуженію въ язычествѣ, но въ видѣ живой и дѣйственной силы, не подавляющей свободнаго отношенія къ служенію живому Богу [1]). Большинство же древнихъ толковниковъ полагало, что Апостолъ въ этихъ стихахъ показываетъ отличіе между безсознательнымъ языческимъ возбужденіемъ и сознательнымъ облагодатствованнымъ состояніемъ, выражается ли послѣднее въ чудесномъ дарѣ пророчества или необычайномъ дарѣ языковъ [2]). Что касается послѣдняго мнѣнія, то имъ нельзя объяснить тѣсной и внутренней связи между 2 и 3 стихами, потому что въ этихъ стихахъ нѣтъ собственно рѣчи о безсознательномъ состояніи языческаго прорицателя и полномъ сознаніи одухотвореннаго христіанскаго учителя, а только можно полагать, что Апостолъ имѣлъ въ виду эту мысль при напоминаніи коринѳскимъ христіанамъ о ненормальныхъ явленіяхъ въ ихъ прежней религіозной жизни. Но и предшествующихъ объясненій нельзя считать точно опредѣляющими связь между поименованными стихами, не только потому что они сопровождаются произвольными пополненіями и видоизмѣненіями текста, но и потому, что не согласны съ констекстомъ апостольской рѣчи. Вопреки первому мнѣнію, принимая во вниманіе послѣдующее ученіе Апостола, можно и слѣдуетъ сказать наоборотъ: Апостолъ не потому не желаетъ оставить коринѳянъ въ невѣдѣніи касательно духовныхъ даровъ, что послѣдніе были совершенно неизвѣстны имъ въ ихъ прежней религіозной жизни, но потому именно и хочетъ наставить ихъ

---

[1]) Dr. J. Hofmann, der Schriftbeweis, erst Halft 1857 г. стр. 309. 310 ср Heilig schrift. zweit Th. zweit. Abth. стр. 273—275.

[2]) Joannis Chrysostomus t. decimus, Parisiis 1732 г. стр. 259—261: въ слав. переводѣ М. 1840 г. стр. 147. *Oecumenius*, Patrolog. curs. compl. T. 118. стр. 812. 813.

что одни изъ нихъ, зная аналогическія явленія (указываемыя между прочимъ Іоанномъ Златоустымъ) въ язычествѣ, предосудительно относились къ обнаруженію нѣкоторыхъ духовныхъ даровъ въ христіанствѣ (ср. 12, 31. 14, 1. 39); другіе, имѣя должное уваженіе къ дарамъ, дѣлали изъ нихъ недостойное приложеніе, гордились предъ неимѣвшими, или дѣлали несоотвѣтствующія отличія между владѣвшими, по ихъ мнѣнію, большими и меньшими дарами (12, 12—31). Въ виду тѣхъ и другихъ, Апостолъ, послѣ указанія истинныхъ признаковъ тѣхъ даровъ, которые чаще другихъ подвергались осужденію и пререканіямъ (ст. 3), уясняетъ происхожденіе духовныхъ даровъ въ христіанствѣ вообще (12, 4—6), и въ частности показываетъ ихъ цѣлесообразное назначеніе въ церкви Христовой (12, 7—12). Равнымъ образомъ касательно втораго мнѣнія слѣдуетъ замѣтить, что въ виду тѣхъ же недостатковъ, замѣченныхъ въ коринѳской общинѣ, Апостолъ нестолько имѣлъ въ виду противоположеніе жизненнаго проявленія Св. Духа въ христіанствѣ слѣпому и безсознательному влеченію въ язычествѣ, сколько вообще уясненіе происхожденія, значенія и употребленія духовныхъ даровъ въ христіанствѣ. Естественная и послѣдовательная связь между 2 и 3 стихами, безъ произвольнаго видоизмѣненія и пополненія текста, согласно дальнѣйшему направленію рѣчи Апостола, устанавливается такимъ образомъ: вы знаете (οἴδατε), вамъ стала извѣстною обманчивость тѣхъ способовъ, которыми вы были привлекаемы къ идолослуженію въ язычествѣ; вслѣдствіе этого (διὸ), дабы нѣкоторые изъ васъ, помня языческое идолослуженіе, не относились предосудительно къ дару языковъ (14, 39), способному болѣе другихъ, по своей непонятливости, возбуждать къ себѣ подозрѣніе и не унижали дара учительскаго или пророческаго (14, 1. 39), повидимому менѣе запечатлѣннаго силою Св. Ду-

ха, напоминаю вамъ (γνωρίζω ὑμῖν) [1]), что каждый говорящій въ Духѣ Божіемъ или по внушенію Духа Божія, не станетъ уже порицать и злословить Іисуса (Марк. 9, 39), не станетъ, слѣдовательно, дѣйствовать какъ его не послѣдователь, не внушающій къ себѣ довѣрія 2); равнымъ образомъ каждый и въ спокойной рѣчи исповѣдающій Іисуса Господомъ не безъ содѣйствія Св. Духа это дѣлаетъ (Матѳ. 16, 17.; 1 Іоан. 4, 2. 3) [3]). И тотъ и другой, слѣдовательно, не могутъ быть предметомъ соблазна и прекаленій, и тотъ и другой содѣйствуютъ служенію одного истиннаго живаго Бога.

Защитивши такимъ образомъ достоинство даровъ, подвергавшихся чаще другихъ прекаленіямъ въ общинахъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ обратившихся въ христіанство язычниковъ (1 Ѳессал. 5, 18. Рим.; 12, 3—8), Апостолъ продолжаетъ: *раздѣленія же дарованій* (χαρισμάτων) *суть, а тойжде Духъ; и раздѣленія служеній* (διακονιῶν) *суть, а тойжде Господь; и раздѣленія дѣйствъ* (ἐνεργημάτων) *суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ* (4—6). Вообще же ви-

---

[1]) Многіе изъ древнихъ (Златоустъ, Экуменій) и новыхъ (Мейеръ, Девегге) толковниковъ въ выраженіяхъ Апостола: οὐδεὶς ἐν πνεύματι θεοῦ λαλῶν λέγει ἀνάθεμα Ἰησοῦς, καὶ οὐδεὶς δύναται εἰπεῖν κύριος Ἰησοῦς, εἰ μὴ ἐν πνεύματι ἁγίῳ, видятъ только положительное и отрицательное опредѣленіе одной и тойже мысли—говорящій по внушенію Св. Духа не скажетъ анаѳемы на Іисуса, но будетъ исповѣдывать Его Господомъ,—но отрицательное мѣсгоименіе, употребленное въ началѣ перваго и втораго предложенія ясно указываетъ на два отдѣльныя предложенія съ различными мыслями.

[2]) Самимъ лучшимъ комментаріемъ для первой половины 3 ст. служатъ слова, сказанныя І. Христомъ: Марк. 9, 39; но и слово ἀνάθεμα (см. въ текстѣ LXX Левит. 27, 28. 29) по производству отъ ἀνατίθημι—откладываю, отлагаю въ сторону—выражаетъ туже мысль.

[3]) Что λαλῶν въ первомъ случаѣ соотвѣтствуетъ послѣдующему λαλῶν γλώσσῃ (14, 2...) и εἰπεῖν во второй половинѣ стиха замѣняетъ послѣдующее προφητεύειν (14, 1 и дал.), это видно изъ того, что Апостолъ далѣе (гл. 14) сосредоточиваетъ свое преимущественное вниманіе на дарѣ языковъ и дарѣ пророчества.

новникомъ тѣхъ чудесныхъ дарованій, которыми обилуетъ церковь Христова въ своихъ членахъ, говоритъ Апостолъ, бываетъ тотъ самый Св. Духъ (τὸ δὲ αὐτὸ πνεῦμα), который служитъ началомъ духовной жизни христіанъ; виновникомъ необычайныхъ служеній въ церкви Христовой, требующихъ высшаго небеснаго ободренія и подкрѣпленія, бываетъ самъ Господь, принимающій для себя служеніе каждому изъ послѣдователей Его (Матѳ. 10, 40.; Лук. 9, 48); наконецъ виновникомъ и исполнителемъ всего чудеснаго, необычайнаго и сверхъестественнаго въ христіанствѣ бываетъ одинъ и тотъ же Богъ; который совершаетъ все во всѣхъ [1]). Богъ, открывшійся въ послѣдніе дни въ Сынѣ и Св. Духѣ есть источникъ всего чудеснаго и сверхъестественнаго въ христіанствѣ; Ему одному обязано христіанство всѣми своими внѣшними особенностями; слѣдовательно тѣ необычайныя дѣйствія, которыя нѣкоторыми изъ членовъ коринѳской общины встрѣчаются съ недоумѣніями, не могутъ имѣть ничего темнаго и предосудительнаго въ своей основѣ; они вытекаютъ не изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ и стремленій людей духовныхъ (πνευματικῶν), подобно языческимъ волхвованіямъ и гаданіямъ, но имѣютъ основаніемъ своимъ высочайшую благость и любовь Бога Отца, Сына и Св. Духа.

Такъ святы и чисты по своему происхожденію христіанскіе духовные дары; таковы же они и по своему назначенію. *Каждому же*—продолжаетъ Апостолъ—*дается явленіе* (ἡ φανέρωσις) *Духа на пользу* (πρὸς τὸ συμφέρον ст. 7). Это обна-

---

[1]) Что здѣсь выраженія—ἐνεργήματα, διακονίαι, χαρίσματα — суть только ὀνομάτων διαφοραὶ (Златоустъ edit Pariss. 1732 стр. 262) одной и той же сверхъестественной чудодѣйственной силы, а не указанія на различные роды и виды чудотвореній (Мейеръ), то видно изъ того, что послѣднія одинаково усвояются Богу Отцу, Сыну и Св. Духу.

руженіе, проявленіе Духа въ чудесныхъ дарахъ [1]) дается каждому, владѣющему ими, не для соблазна и обольщенія другихъ, но для пользы и блага церкви, для ея назиданія и благоустройства. Въ этомъ можно убѣдиться самимъ обиліемъ и многообразіемъ тѣхъ даровъ, которые подаются вѣрующимъ Св. Духомъ. Это не однажды заученные, искуственно созданные и искуствомъ поддерживаемые способы языческихъ волхвованій и гаданій, но самыя живыя и жизненныя проявленія Св. Духа, изъ совокупнаго дѣйствія которыхъ слагается полный, всецѣлый и совершенный организмъ (σῶμα ст. 12 и дал.) церкви Христовой. *Овому бо* (ᾧ μὲν γὰρ) [2]) *Духомъ дается слово премудрости, иному же слово разума о томже Дусп: другому же вѣра тѣмже Духомъ: иному же дарованія исцѣленій о томже Дусп: другому же дѣйствія силъ, иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ. Вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властію коемуждо якоже хощетъ* (8—11). Такимъ образомъ каждому члену церкви Христовой, находящемуся подъ воздѣйствіемъ Св. Духа, дается особый даръ съ тѣмъ, чтобы онь служилъ имъ общей пользѣ, общему благу церкви, и этимъ самымъ входилъ въ составъ ея какъ членъ, связанный съ нею самыми тѣсными узами (ср. 7 ст.—11 съ 12—26).

---

[1]) Φανέρωσις, согласно употребленію его въ 2 Кор. 4, 2, означаетъ внѣшнее обнаруженіе, внѣшнее выраженіе, поэтому Іоаннъ Златоустъ справедливо замѣтилъ: «φανέρωσιν δὲ πνεύματος τὰ σημεῖα καλεῖ» (Edit. Pariss 1732 стр. 263), такъ какъ Св. Духъ внѣшнимъ образомъ можетъ являться только въ знаменіяхъ.

[2]) Большинство толковниковъ совершенно опускаютъ изъ виду значеніе соединительныхъ частицъ — μὲν γὰρ—между тѣмъ какъ этими то частицами и устанавливается причинная связь между предшествующимъ (ст. 7) и послѣдующими стихами (8—11).

Таково происхожденіе и назначеніе духовныхъ даровъ въ церкви Христовой по ученію ап. Павла. Возвращаясь еще разъ къ нимъ, послѣ доказательства ихъ полной и всецѣлой цѣлесообразности въ органическомъ устройствѣ Христовой церкви (12 ст.—26) ап. Павелъ, сравнительно съ приведеннымъ исчисленіемъ, устанавливаетъ только нѣкоторый порядокъ между духовными дарами и прибавляетъ къ нимъ два, три новыхъ служенія, не поименованныхъ въ предшествующемъ исчисленіи (ст. 27—30). Это новое прибавленіе показываетъ, что Апостолъ далеко не имѣлъ въ виду исчислить всѣ духовные дары, которыми обиловала Церковь Христова въ его время, но только хотѣлъ остановиться на многообразности и многосторонности проявленія ихъ въ коринѳской общинѣ. Что касается порядка исчисленія духовныхъ даровъ (πρῶτον, δεύτερον, τρίτον, ἔπειτα), то Апостолъ хотѣлъ уяснить имъ не превосходство однихъ даровъ предъ другими, о которомъ спорили коринѳскіе христіане, но нѣкоторую историческую послѣдовательность въ ихъ проявленіи и практическое преобладаніе нѣкоторыхъ даровъ предъ другими въ жизни христіанъ. *Положи Богъ въ церкви*—говоритъ онъ—*первые апостоловъ*, такъ какъ имъ поручена была первоначальная проповѣдь евангелія Христова (Матѳ. 10, 7 и дал. 28, 19. 20), и безъ ихъ проповѣди невозможно было бы самое начало вѣры (Римл. 10, 14—17); *второе пророковъ*, *третіе учителей*, такъ какъ тѣ и другіе въ новозавѣтной церкви были продолжателями служенія, начатаго апостолами (1 Тим. 11, 14; 1 Кор. 14, 4. 28. 29) [1]); затѣмъ слѣдуютъ тѣ необычайные да-

---

[1]) Подъ именемъ пророковъ ап. Павелъ безспорно здѣсь разумѣетъ тѣхъ духовныхъ дѣятелей, о которыхъ онъ упоминаетъ ниже и въ другихъ мѣстахъ своихъ посланій 14, 3—5. 24. 25. 29—31., 1 Тимоѳ. 4, 14, и о которыхъ св. Іоаннъ Златоустъ справедливо замѣчаетъ: „пророчествуяй, вся отъ Духа вѣ-

ры и служенія, которые бываютъ уже плодомъ вѣры, возрожденной посредствомъ проповѣди и ученія (ст. 28). Такимъ образомъ апостольское, пророческое или проповѣдническое и учительское званія предшествовали и предшествуютъ въ церковной практикѣ тѣмъ необычайнымъ дарамъ и служеніямъ, которые своимъ происхожденіемъ бываютъ имъ обязаны, которые по волѣ Св. Духа даются уже увѣровавшимъ (Гал. 3, 5).

Изъ сдѣланнаго же ап. Павломъ уясненія происхожденія и назначенія духовныхъ даровъ и служеній въ церкви Христовой достаточно видно, что, останавливаясь на нихъ, онъ хотѣлъ съ одной стороны защитить божественное достоинство тѣхъ изъ нихъ, которые подвергались недоумѣніямъ и недоразумѣніямъ со стороны нѣкоторыхъ членовъ коринѳской общины, съ другой—указать всѣмъ имъ вообще цѣлесообразное направленіе въ коринѳской общинѣ. Этимъ то послѣднимъ желаніемъ Апостола въ особенности доказывается полная и всецѣлая дѣйствительность существованія необычайныхъ духовныхъ даровъ и служеній въ коринѳской церкви. Апостолъ употребляетъ даже самыя выраженія—*раздѣленія же дарованій суть, раздѣленія служеній суть и раздѣленія дѣйствъ суть* (εἰσίν)—въ такой формѣ, которая ясно указываетъ на существованіе этихъ даровъ и служеній въ коринѳской церкви въ то самое время, когда онъ писалъ къ ней посланіе. Послѣ такого несомнѣннаго существованія этихъ даровъ и служеній въ коринѳской церкви, намъ остается уяснить, какого рода и вида были эти духовные дары и служенія, не слѣдуетъ ли причислить ихъ къ ряду возбужденныхъ душевныхъ состояній, только приписываемыхъ Св. Духу, какъ ви-

---

щаетъ, а учай иногда и отъ своего разума бесѣдуетъ". (Москва 1840 г. стр. 271 на оборотѣ) Такія особенности усвояетъ пророку и ап. Павелъ: 14, 24. 25 29—31.

новнику всего христіанскаго, или же это суть дѣйствія такого рода, въ которыхъ необходимо допустить участіе сверхъестественной силы Св. Духа, которыя по самому своему характеру принадлежатъ къ области сверхъестественной?

Отрицательная критика не затрудняется дать утвердительный отвѣтъ въ первомъ смыслѣ [1]), и всю чудесность этого отдѣла ограничить однимъ возможнымъ исцѣленіемъ нѣкоторыхъ физическихъ болѣзней [2]). Но уже одно противоположеніе происхожденія и назначенія христіанскихъ духовныхъ даровъ языческимъ способамъ привлеченія къ идолослуженію не дозволяетъ согласиться съ подобнаго рода заключеніемъ. Языческія гаданія, прорицанія, утѣшенія и увѣщанія въ значительной части дѣйствительно были обязаны своимъ происхожденіемъ возбужденнымъ психическимъ состояніямъ [3]); но вопреки имъ о христіанскихъ дарахъ Апостолъ говоритъ, что послѣдніе были обязаны своимъ началомъ Св. Духу. Далѣе самое названіе и описаніе ихъ далеко выводятъ изъ границъ этого узкаго ихъ пониманія.

Овому бо Духомъ дастся слово премудрости, иному же слово разума о томъ же Дусѣ (ст. 8). Оба эти дара (λόγος σοφίας и λόγος γνώσεως) тѣсно связаны между собою, оба относятся къ познавательнымъ способностямъ и выражаются въ дарѣ учительства, пророчества и проповѣдничества, только подъ разными видами. Именемъ премудрости, согласно употребленію этого выраженія въ предшествующихъ мѣстахъ посланія (2, 6 и дал.) Апостолъ называетъ то высшее міросозерцаніе, которое христіанство внесло въ міръ, и которое въ такой или иной мѣрѣ дѣлается достояніемъ всѣхъ вѣрующихъ;

---

[1]) *Baur*, Paulus стр. 559 и дал..

[2]) Keim, Gech. Iesu 1875 стр. 169.

[3]) І. Златоустъ въ своемъ толкованіи со словъ языческихъ писателей, для насъ впрочемъ потерянныхъ, описываетъ нѣкоторыя изъ такихъ оракульскихъ изреченій (см. edit. Pasiss. 1732 г. t. X. стр. 259. 260).

оно выражается въ взглядѣ на домостроительство Божіе, на пути промысла Божія въ отношеніи къ іудеямъ и язычникамъ, на значеніе тайны смерти и воскресенія Іисуса Христа, на конечныя судьбы человѣчества, и прекрасно описано ап. Павломъ въ первыхъ одинадцати главахъ посланія къ Римлянамъ. Рѣчь, имѣющую цѣлію раскрытіе этого высшаго христіанскаго міросозерцанія Апостолъ здѣсь называетъ λόγος σοφίας. Словомъ знанія (γνώσεως), согласно употребленію этого выраженія въ посланіи къ Римлянамъ 2, 20. 15, 14, Апостолъ называетъ умѣнье приспособлять къ жизни великія истины, повѣданныя христіанствомъ міру. Дѣло впрочемъ не въ опредѣленіи значенія этихъ выраженій, но въ томъ, кто является учителемъ и проповѣдникомъ этой высшей мудрости и христіанскаго знанія? Не книжникъ, не мудрецъ этого міра, не искусный въ состязаніяхъ вѣка сего (софистъ, которыми Коринѳъ въ это время, по всей вѣроятности, еще обиловалъ) (1, 20), но *буій* (μωρὸς) этого міра, считающійся въ немъ немощнымъ (ἀσθενὴς 1, 27), является проповѣдникомъ и наставникомъ этой мудрости, этого христіанскаго знанія. *Буяя міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; и немощныя міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая* (ст. 27). Въ этомъ собственно видитъ ап. Павелъ силу дѣйствія Св. Духа. Не тѣ большею частію выступили и выступаютъ среди васъ—говорилъ онъ выше въ посланіи къ коринѳянамъ—на дѣло проповѣди и учительства, которые въ глазахъ этого міра считаются премудрыми, владѣющими всѣми средствами естественнаго образованія и по нимъ воспитавшимися [1]), но именно тѣ, которые въ этомъ мірѣ считаются не соотвѣтствующими своему назначенію, не занима-

---

[1]) Въ цитуемомъ мѣстѣ 1 Кор. 1, 26 выраженія - οὐ πολλοὶ σοφοὶ κατὰ σάρκα οὐ πολλοὶ δυνατοί, οὐ πολλοὶ εὐγενεῖς—безспорно указываютъ на такую мысль (Златоуст, бесѣд. на 1 пос. къ Кор. Моск. 1840 стр. 29 30).

ются мірскимъ любомудріемъ и не имѣютъ въ немъ видныхъ мѣстъ (1, 26—28) [1]). Этимъ-то послѣднимъ, соотвѣтственно ихъ натуральнымъ способностямъ, Св. Духъ даетъ даръ премудрости или разума, т. е. смотря по ихъ натуральнымъ способностямъ, Онъ озаряетъ ихъ или мудростію или знаніемъ и они являются или проповѣдниками христіанской премудрости, или наставниками христіанскаго знанія (2, 6—10) въ церкви Христовой. Они-то и служатъ ясными орудіями Св. Духа.

Другому же вѣра—продолжаетъ Апостолъ—*тѣмже Духомъ; иному же дарованія исцѣленій* (χαρίσματα ἰαμάτων), *о томъ же Дусѣ; другому же дѣйствія силъ* (ἐνεργήματα δυνάμεων). Мудрость и знаніе, это такія духовныя совершенства, которыми христіане владѣютъ наравнѣ съ іудеями и язычниками, только преестественнымъ путемъ; за ними слѣдуютъ дары, составляющіе уже болѣе специфическую принадлежность увѣровавшихъ и обратившихся въ христіанство. Между послѣдними Апостолъ первое мѣсто даетъ *вѣрѣ*, подъ которою онъ конечно разумѣетъ не ту вѣру, которая служитъ условіемъ и основою спасенія (1 Сол. 2, 13.; Гал. 3, 2. 5; Римл. 10, 14—17.; Марк. 16, 16), такъ какъ послѣдняя составляетъ необходимую принадлежность для каждаго вѣрующаго, но именно ту вѣру, о которой Іисусъ Христосъ сказалъ: *аще имате вѣру яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ; ничтоже не возможно будетъ вамъ* (Матѳ. 17, 20. 21, 21. 22.; Марк. 11, 23. 24), о которой апостолы молились: *приложи намъ вѣру* (Лук. 17, 5), о которой нѣсколько ниже Апостолъ самъ выразился: *аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляти* (13, 2), и которую со-

---

[1]) Въ приведенномъ мѣстѣ (ст. 28) выраженіе—μὴ ὄντα указываетъ не на то, что какбы не существуетъ (Meyer, Dewette), но на такое существо, бытіе котораго хотя дѣйствительно, но не соотвѣтствуетъ своему понятію.—Общая мысль этого мѣста вытекаетъ изъ заключительнаго стиха 29.

вершенно справедливо св. Іоаннъ Златоустъ называлъ въ своемъ объясненіи »матерію знаменій« [1]). Первая, т. е., оправдывающая или спасающая вѣра, общая всѣмъ христіанамъ, опредѣляетъ отношеніе вѣрующаго къ Тому, въ кого онъ вѣруетъ, ставитъ его въ самое близкое соприкосновеніе съ Нимъ и возводитъ на высокую ступень нравственнаго совершенства (Галат. 3, 25—29.; Римл. 5, 1—5); вторая, т. е., чудодѣйствующая вѣра служитъ только выраженіемъ силы воли, которая, въ большей или меньшей степени находясь у каждаго, еще не всегда бываетъ признакомъ высоты нравственно—духовнаго совершенства (ср. 1 Кор. 13, 2.; Матѳ. 7, 22. 23); она собственно состоитъ въ безпредѣльномъ довѣріи къ могуществу Божію, во имя котораго чувствуетъ себя способною творить непостижимыя дѣла безъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій (1 Кор. 13, 2.; Матѳ. 21, 21. 22.; Лук. 17, 6.). Не смотря на это, такъ какъ основаніемъ ея и ея непостижимыхъ дѣйствій всегда бываетъ только безпредѣльное довѣріе къ могуществу Божію, то обнаруженіе ея въ такомъ видѣ можетъ быть только благодатнымъ даромъ Св. Духа, какъ замѣчаетъ Апостолъ (ср. Лук. 17, 5). Сама по себѣ вѣра, какъ бы ни была экзальтирована, не можетъ возвыситься къ совершенію такихъ дѣлъ, какія усвояются ей въ вышеприведенныхъ мѣстахъ; только въ непосредственной связи съ могуществомъ Божіимъ она можетъ быть всесильною въ своихъ дѣйствіяхъ (Матѳ. 7, 22. 23).

Чудодѣйственная вѣра можетъ оставаться субъективною принадлежностію владѣющаго ею и можетъ обнаруживаться или въ исцѣленіяхъ болѣзней извѣстнаго рода или въ дѣйствіяхъ силъ (χαρίσματα ἰαμάτων, ἐνεργήματα δυνάμεων); въ томъ и другомъ случаѣ она бываетъ особымъ благодатнымъ

---

1) Бесѣды на посл. къ Коринѳ. Москва. 1840 г. стр. 250.

даромъ, по этому Апостолъ и говоритъ далѣе: *иному же дарованія исцѣленій о томъ же Дусѣ, другому же дѣйствія силъ* (9. 10) Выраженія—*дарованія исцѣленій*—указываютъ не на одинокія, но на многія болѣзни, какія только могли случиться, подобно тому какъ заповѣди, данныя І. Христомъ ученикамъ—*цѣлити всякъ недугъ и всяку болѣзнь* (Матѳ. 10; 1). Только исцѣленіе болѣзней разнаго рода могло сдѣлать виновника этихъ исцѣленій обладателемъ *дарованій исцѣленій. Дѣйствія силъ*, согласно употребленію подобнаго рода выраженія ниже (ст. 28) и въ евангеліи Марка 6, 14, означаетъ такого рода чудотворенія, въ которыхъ являются дѣйствующими сила, могущество;—это родъ чутвореній, уже не знающій ограниченія во внѣшнихъ условіяхъ, къ которому нѣкоторые изъ новѣйшихъ полураціоналистическихъ толковниковъ, кромѣ разнаго рода чрезвычайныхъ дѣйствій, по всей справедливости, относятъ и воскресеніе мертвыхъ [1]). Сравнительно съ двумя предшествующими дарами и согласно терминологіи—ἐνεργήματα, δυνάμεων—этому роду чудотвореній могутъ быть усвоены только такія чрезвычайныя дѣйствія, *яко и горы преставляти* (1 кор. 13, 2). Множество такихъ знаменій, въ которыхъ обнаруживались дѣйствующими сила и могущество, виновника ихъ дѣлало обладателемъ *дѣйствія силъ*.

Продолжая исчислять существующіе христіанскіе дары, Апостолъ говоритъ: *иному же пророчество, другому же разсужденія духовомъ, иному же роди языковъ, другому же сказанія языковъ* (ст. 10). Вслѣдъ за дарами, изъ которыхъ первые два относятся къ озаренію умственныхъ способностей, а послѣдніе три къ направленію воли, Апостолъ исчисляетъ дары, которые не имѣютъ уже такой послѣдовательной связи и стоятъ только въ близкомъ сродствѣ другъ къ другу, но ко-

---

[1] W. *Meyer*, въ комментаріи на 1 посл. къ Коринѳ.

торые также живо и наглядно представляютъ въ себѣ силу дѣйствія и обнаруженія Св. Духа, какъ первые. Первое мѣсто между такими дарами онъ даетъ *пророчеству* (προφητεία). Слово προφητεύειν, замѣнившее древне-еврейское נִבָּא, какъ видно изъ дальнѣйшихъ употребленій его (14, 1. 29. 30. 32), прилагается Апостоломъ къ такой рѣчи, которая своимъ происхожденіемъ бываетъ обязана не собственному возбужденію и воодушевленію говорившаго, не настроенію его ума, но внѣшней и сторонней для него силѣ, которая побуждаетъ и располагаетъ его говорить и говорить именно то, что открываетъ [1]). Этою силою, по ученію Апостола (ст. 11), былъ Св. Духъ, такъ обильно и многообразно открывавшійся въ первенствующей церкви. И съ такимъ объясненіемъ чудеснаго происхожденія пророческой рѣчи нельзя не согласиться, если обратить вниманіе на то, какъ она открывалась въ собраніи вѣрующихъ, какихъ предметовъ касалась и какихъ результатовъ достигала. Пророческая рѣчь не была связана въ первенствующей церкви съ какимъ нибудь опредѣленнымъ служеніемъ; ее мгновенно начиналъ говорить тотъ, кто чувствовалъ въ себѣ откровеніе свыше (14, 30); предметомъ ея были глубокія тайныя движенія сердца человѣческаго, вѣдомыя одному божественному Духу, и всѣ высшія тайны, относившіяся къ домостроительству спасенія (14, 25. 13, 2); результатомъ ея было общее церковное *сознаніе, утѣшеніе и утвержденіе* (14, 30), и если случалось, что кто—нибудь изъ невѣрныхъ входилъ въ собраніе вѣрующихъ, то—всецѣлое обращеніе послѣдняго къ истинному Богу (14, 25). Вслѣдствіе такого характера пророческая рѣчь точно могла быть только особымъ проявленіемъ облагодатствованнаго духа; только облагодатствованный духъ

[1]) Такая мысль прямо вытекаетъ изъ того, что говоритъ Ап. Павелъ объ открытіи пророческой рѣчи (14, 30).

могъ возвыситься въ одно мгновеніе на такую высоту духовнаго пониманія. Поэтому ап. Павелъ съ особеннымъ вниманіемъ заботился о поддержаніи и развитіи пророчества въ коринѳской общинѣ; считая послѣднее даромъ свыше, но при этомъ обусловливавшимся внутреннимъ расположеніемъ и настроеніемъ, онъ писалъ: *держитеся любве, ревнуйте же духовнымъ; паче же да пророчествуете* (14, 1). Въ этомъ желаніи онъ сходился съ древнимъ законодателемъ Моисеемъ, который говорилъ: »о еслибы весь народъ Господень былъ пророками, когда бы Господь послалъ Духа своего на нихъ«! (Числ. 11, 29).

Но чтобы къ этимъ святымъ и возвышеннымъ стремленіямъ, обусловливавшимъ явленіе пророчества, не примѣшивались темныя и нечистыя побужденія, чтобы подъ видомъ благочестія не дѣйствовало фальшивое воодушевленіе, и мѣсто назиданія, утѣшенія и утвержденія не заступали распри, препирательства и извращеніе истины (1 Тимоѳ. 4, 1; 1 Іоан. 4, 1.; 2 Петр. 2, 1), въ собраніяхъ вѣрующихъ были люди, получавшіе даръ *разсужденій* (διακρίσεων), различеній, отдѣленій духовъ. Чѣмъ чаще и обильнѣе были необычайныя проявленія пророческаго духа, тѣмъ чувствительнѣе была потребность въ людяхъ, способныхъ оцѣнивать эти явленія, и опредѣлять ихъ достоинство, такъ какъ всегда при извѣстномъ нравственно—высокомъ направленіи и настроеніи жизни, является ему противоположное и притомъ нерѣдко подъ тѣмъ же самымъ внѣшнимъ образомъ служенія истинѣ (см. Матѳ. 7, 15. 24, 4. 5.; 1 Тимоѳ. 4, 1). И для того, чтобы имѣть возможность и способность поражать ложь въ самую минуту ея проявленія и это пораженіе сдѣлать видимымъ и чувствительнымъ для другихъ, необходимо было дѣйствительно владѣть всеозаряющимъ и всепобѣждающимъ Духомъ истины. Одно обыкновенное спокойное и даже возбужденное обсужде-

ніе не могло бы привесть къ желаемой цѣли, еслибы оно не имѣло въ себѣ неотразимыхъ слѣдовъ воздѣйствія божественнаго Духа. Потому-то ап. Павелъ ставитъ въ такое близкое соотношеніе къ необычайному дару пророчества даръ различенія духовъ. Какъ первое по самому своему происхожденію, роду занятій и достигаемымъ результатамъ не могло быть плодомъ возбужденной и воодушевленной фантазіи, такъ и послѣднее по самому характеру своего проявленія (въ моментъ возбужденія пророческаго духа), способности тотчасъ оцѣнить достоинство открывающагося духа и умѣнію расположить другихъ къ проявленію этой оцѣнки, не могло быть продуктомъ одного натуральнаго остроумія. То и другое въ равной и одинаковой степени было плодомъ всеозаряющаго и всепросвѣщающаго божественнаго Духа.

Къ послѣднимъ знаменіямъ, проявлявшимъ въ себѣ чрезвычайныя дѣйствія божественнаго Духа въ первенствующей церкви, ап. Павелъ въ своемъ исчисленіи относитъ два тѣсно связанныя между собою дара—*роди языковъ* (γένη γλωσσῶν) и *сказанія языковъ* (ἑρμηνεία γλωσσῶν) [1]). Что касается перваго дара, то не подымая пока вопроса о тождественности этого дара съ даромъ упоминаемымъ въ книгѣ Дѣяній, и въ первый разъ вынаружившемся въ день сошествія Св. Духа на апостоловъ (2, 2—12), а затѣмъ въ исторіи Корнилія сотника (10, 44—46), въ исторіи крещенія двѣнадцати учениковъ Іоанна Крестителя (19, 5—7), и останавливаясь пока

---

1) Изъ всѣхъ духовныхъ даровъ, исчисленныхъ ап. Павломъ, даръ языковъ или такъ называется „глоссолалія“ обращала на себя преимущественное вниманіе западныхъ толковниковъ. Ею одинаково занимались и католическіе и ортодоксальные протестантскіе и раціоналпческіе толковники. Изъ католическихъ изслѣдованій лучшимъ считается изслѣдованіе *Енгльмана* (Mainz 1848 г.), увѣнчанное преміей. Самостоятельностію и оригинальностію взгляда отличаются изслѣдованія *Фрошаммера* (Charismen 1850), *Майера* (Glossolalie d. apost. Zeit. 1855), *Гильгенфельда* (Glossolalie 1850.), *Вильрота*, *Шульца* (Gabe der Sprachen, 1836 г.).

исключительно на однихъ выраженіяхъ—γένη γλωσσῶν, γενη φωνῶν (14, 10),—употребленныхъ для обозначенія этого дара, мы съ достовѣрностію можемъ заключать, что Апостолъ, называя такъ этотъ даръ въ первый разъ по органу (γλῶσσα), которымъ онъ произносился, а во второй разъ по звуку (φωνῇ) которымъ онъ достигалъ слуха, съ тѣмъ и другимъ названіемъ соединялъ понятіе о ясной членораздѣльной звуковой рѣчи, а не какой—нибудь экстатической, состоящей, изъ неясныхъ и неопредѣленныхъ тоновъ, звуковъ, произносимыхъ языкомъ, какъ органомъ, безъ соотвѣтствующаго членораздѣльнаго выраженія на извѣстныхъ нарѣчіяхъ [1]). Въ послѣднемъ смыслѣ рѣчь не была бы достойною названія чудеснаго дара, и не могла быть объясненною и истолкованною. Ставя ее на ряду съ пророчествомъ, дарами исцѣленій, дѣйствіями силъ, Апостолъ очевидно имѣлъ объ ней такое высокое представленіе, какъ и о вышеисчисленныхъ духовныхъ дарахъ. Называя эту рѣчь γένη γλωσσῶν, γένη φωνῶν, Апостолъ указывалъ не только на множество нарѣчій, входившихъ въ составъ ея, но и на различные роды ихъ. Но какого рода были эти нарѣчія, были ли это племенныя нарѣчія, какъ объяснялъ св. Іоаннъ Златоустъ, а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе древніе толковники, или это были составные элементы главныхъ нарѣчій, на которыя нѣкогда дѣлился родъ человѣческій, какъ полагаютъ нѣкоторые изъ новѣйшихъ западныхъ толковниковъ, трудно сказать, за недостаткомъ точныхъ данныхъ въ самомъ посланіи Апостола. Изъ дальнѣйшихъ же сказаній Апостола о характерѣ и дѣйствіяхъ этой рѣчи (гл. 14) во всякомъ случаѣ можно вывесть то заключеніе, что это была дивная творческая рѣчь, которая для пониманія и уясненія ея содержанія

---

[1]) Мейеръ, Де Ветте, Визлеръ и мн. др., преимущественно раціоналистическіе толковники держатся такого взгляда.

требовала соотвѣтствующаго духовнаго дара *истолкованія*, безъ котораго она не имѣла приложенія въ собраніи вѣрующихъ.—Въ заключеніи исчисленія духовныхъ даровъ Апостолъ еще разъ повторяетъ, что виновникомъ распредѣленія этихъ чрезвычайныхъ даровъ служитъ тотъ самый Св. Духъ, Который такъ дивно открывался во всей жизни первенствующихъ христіанъ, и Который, по своему изволенію, подаетъ каждому изъ нихъ столь разнообразные дары, дабы изъ взаимнаго сочетанія ихъ составлялось одно органическое тѣло церкви Христовой (ср. ст. 11 и 12).

Къ этимъ свидѣтельствамъ о христіанской чудесности въ первенствующей церкви изъ остальныхъ трехъ посланій, считаемыхъ отрицательною критикою писаніями несомнѣнно апостольскими, мы могли бы присоединить еще одно подходящее къ нашему предмету изъ посланія къ Римлянамъ (12, 6—8); но оно не привноситъ ничего новаго къ тому, что уже сказано въ приведенныхъ посланіяхъ; изъ него только можно видѣть, что и церковь римская въ первенствующее время также не была лишена чудесныхъ даровъ Св. Духа, что и среди ея были члены, обладавшіе чрезвычайными благодатными дарами. Изъ разобранныхъ же свидѣтельствъ вышепомянутыхъ посланій достаточно видно, что христіанскія общины, образовавшіяся въ началѣ второй половины перваго столѣтія христіанской эры, еще ясно видѣли среди себя живые слѣды откровенія Св. Духа, что они имѣли въ своемъ составѣ членовъ, обладавшихъ божественными дарами, что для однихъ изъ нихъ эти необычайныя чудодѣйствія служили живымъ доказательствомъ божественнаго происхожденія христіанскаго вѣроученія, для другихъ были предметомъ недоумѣнія по своей непостижимости. Этихъ данныхъ для насъ пока достаточно.

Если христіанскія общины, образовывавшіяся въ началѣ второй половины перваго столѣтія, видѣли среди себя столь богатые опыты сверхъестественной чудодѣйственной силы, если онѣ въ своемъ составѣ имѣли членовъ, облагодатствованныхъ такими необычайными дарами, то тѣмъ болѣе онѣ могли видѣть такіе же опыты чудодѣйственной силы въ тѣхъ, кто просвѣщалъ и озарялъ ихъ новымъ ученіемъ, тѣмъ болѣе облагодатствованными должны были явиться предъ ними тѣ, которые были виновниками проявленія среди ихъ столь дивной силы. По самому званію и служенію, какъ благовѣстни-

ки Божіи, Апостолы должны были быть вооружены сверхъестественными божественными силами (1 Солун. 2, 4; ср. 2 Кор. 12, 12). И дѣйствительно тотъ самый Апостолъ, который такъ внимательно объяснялъ коринѳской общинѣ важность, происхожденіе и значеніе благодатныхъ чудодѣйственныхъ даровъ въ христіанской церкви, и къ которому нѣкоторые члены этой общины не вполнѣ дружелюбно относились, писалъ, защищая свое апостольское достоинство: *знаменія бо* (τὰ μὲν σημεῖα) *апостолова* (τοῦ ἀπόστολου) *содѣлашася въ васъ во всякомъ терпѣніи, въ знаменіихъ и чудесѣхъ и силахъ* (σημείοις καὶ τέρασιν καὶ δυνάμεσιν) (2 Кор. 12, 12). Въ посланіи же къ римской общинѣ, которая лично еще не знала ап. Павла, упоминаніе о чудодѣйственной силѣ, прославившей его служеніе при распространеніи христіанства отъ Іерусалима до Иллирика, онъ счелъ нужнымъ предварить еще такого рода замѣчаніемъ: *не смѣю бо глаголати что, ихъ же не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ* (ἐν δυνάμει σημείων καὶ τεράτων), *силою Духа Божія*; *якоже ми отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе Христово* (Римл. 15, 18. 19).

Излишне было бы доказывать, что Апостолъ въ приведенныхъ мѣстахъ разумѣетъ чудесность не какого-нибудь неопредѣленнаго рода и вида—психическую, но сверхъестественную, или, какъ онъ самъ говоритъ, Св. Духа, прославившую его апостольское служеніе. Послѣ того какъ онъ исчислилъ такое разнообразіе духовныхъ даровъ, обиловавшихъ въ коринѳской общинѣ, послѣ того какъ сказалъ, что каждому члену церкви Христовой, сообразно съ его натуральными способностями, дается Св. Духомъ извѣстнаго рода духовное служеніе, не могъ же онъ поставить себя ниже другихъ, говоря о чудесности, отличавшей его апостольское служеніе, и сказавъ предъ тѣмъ, что у него „ни въ чемъ нѣтъ недостатка противъ высшихъ апостоловъ“ (2 Кор. 12, 11. 12). Выраженія, употребленныя для характеристики этой чудесности, также указываютъ на чудесность высшаго рода: *знаменія* (τὰ σημεῖα)—признаки, по которымъ можно узнать и отли-

чить истиннаго апостола, выразились въ моемъ служеніи, говоритъ онъ, съ одной стороны *во всякомъ терпѣніи* (ἐν πάσῃ ὑπομονῇ), съ другой *въ знаменіихъ и чудесѣхъ и силахъ* (ἐν σημείοις καὶ τέρασιν καὶ δυνάμεσιν) [1]; словами—*во всякомъ терпѣніи*—Апостолъ характеризуетъ свое служеніе съ человѣческой стороны, которое высказалось въ необычайныхъ подвигахъ, требовавшихъ ободренія и поощренія свыше (1 Кор. 4, 9—14. 15, 31. 32.; 2 Кор. 6, 4—10. 11, 23—29); словами—*въ знаменіихъ и чудесѣхъ и силахъ*—онъ указываетъ на то, что его служеніе и со стороны Бога было засвидѣтельствовано соотвѣтствующими великими дѣлами. Названія чудесности—σημεῖα καὶ τέρατα, замѣнившія—древне еврейскія אוֹתוֹת וּמוֹפְתִים Втор. 6, 22; Исх. 6, 3, означаютъ вообще величіе дѣлъ, говорящихъ о могуществѣ и славѣ Божіей; слово же—δύναμις, согласно употребленію его въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ 12, 10. 28, выражаетъ высшій родъ чудесности, доказывающій могущество Божіе [2].

Въ такомъ же совершенно значеніи мы должны понимать одноименныя названія чудесности, употребленныя въ вышеприведенномъ мѣстѣ изъ посланія къ Римлянамъ. Указавъ на свое назначеніе быть служителемъ Іисуса Христа

---

1) Читаемъ это мѣсто въ греческомъ текстѣ, согласно нашему славянскому переводу, въ такомъ видѣ: τὰ μὲν σημεῖα... ἐν πάσῃ ὑπομονῇ, ἐν σημείοις.... гдѣ предлогъ ἐν, дважды употребленный предъ ὑπομονῇ и предъ σημείοις, очевидно указываетъ на характеристику апостольскаго служенія съ двухъ сторонъ—человѣческой и божественной.

2) Послѣ того какъ ап. Павелъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ исцѣленія болѣзней разнаго рода отнесъ къ особому дару Св. Духа подъ дѣйствіями силъ (ἐνεργήμασι δυνάμεων), онъ разумѣлъ, какъ мы выше видѣли, особое обнаруженіе могущества Божія въ необычайныхъ дѣйствіяхъ въ видимой ли природѣ или въ жизни человѣка. Сюда, по всей справедливости, древніе толковники могли причислить доставляемое тогда вѣрующимъ торжество надъ стихіями міра и даже надъ самою смертію, если это требовалось для убѣжденія, назиданія и наставленія обращающихся въ христіанство.

среди язычниковъ (15, 16), на необходимость, вслѣдствіе такого назначенія, искать славы и чести только на поприщѣ того служенія *яже къ Богу* (ст. 17) и на оставленіе вслѣдствіе этого безъ всякаго значенія всего остальнаго въ жизни, не входящаго въ область служенія, опредѣленнаго ему Іисусомъ Христомъ (ст. 18), Апостолъ далѣе продолжаетъ: *словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ* (ἐν δυνάμει σημείων, καὶ τεράτων), *силою Духа Божія* (ἐν δυνάμει πνεύματος θεοῦ).... (ст. 19) [1]). Послѣдними словами Апостолъ очевидно имѣлъ въ виду указать на особенность своего служенія, опредѣлявшагося самымъ характеромъ званія. Вслѣдствіе такого особеннаго призванія, мнѣ опредѣленнаго (ст. 16), говоритъ онъ, мое служеніе не было только служеніемъ слова, но и дѣла,—я всего себя ему посвятилъ (Филип. 3, 7. 8), съ проповѣдію согласовалъ жизнь,—и такъ какъ оно было служеніемъ, посвященнымъ Богу, то и Богъ не оставилъ его безъ соотвѣтствующаго засвидѣтельствованія; мое служеніе совершалось *въ силѣ знаменій и чудесъ, силою Духа Божія*.... Таково значеніе этихъ словъ въ контекстѣ апостольской рѣчи. Тождественность положенія, описываемаго въ этомъ мѣстѣ съ вышеприведеннымъ, одинаковость терминологіи, употребленной

---

1) Слѣдуя славянскому переводу, нужно полагать, что въ греческомъ спискѣ, служившемъ для него основою, въ 20 ст., вмѣсто нынѣ принятаго въ западныхъ изданіяхъ греческаго текста слова—φιλοτιμούμενον (*Тишендорфъ*), стояло φιλοτιμοῦμαι (см. Codex graecus epist. Pauli Ch. Matthaei стр. 19); въ такомъ случаѣ въ зависимости отъ этого послѣдняго глагола слѣдуетъ поставить весь 19 ст., съ присоединеніемъ сюда словъ—λόγῳ καὶ ἔργῳ и все это мѣсто перевесть въ такомъ видѣ: „словомъ и дѣломъ, силою знаменій и чудесъ, силою Духа Божія какъ я старался исполнить благовѣствованіе Христово отъ Іерусалима и окрестности до Иллирика такъ и благовѣствовать не тамъ“.... Ср. толк. св. Іоанна Златоуста на это мѣсто съ объясненіемъ западнаго комментатора *Гофмана* Heilig Schrift 1868 г. zweit. Abtheilung dritt. Theil. стр. 602—607.

здѣсь и тамъ, и контекстъ рѣчи, указываютъ на одинаковость чудесности, упоминаемой въ вышеприведенномъ и этомъ послѣднемъ мѣстѣ. И точно, безъ предвзятой мысли, нельзя иначе объяснить это мѣсто, какъ объяснилъ св. Іоаннъ Златоустъ: „говоря: *словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ*, Апостолъ подъ симъ разумѣетъ, полагаетъ этотъ толковникъ, ученіе, любомудрствованіе о царствѣ Божіемъ и стремленіе къ нему, явленіе дѣлъ и жизни, воскрешеніе мертвыхъ, изгнаніе бѣсовъ, прозрѣніе слѣпыхъ, скаканіе хромыхъ и всѣ другія чудесныя дѣйствія, какія совершалъ въ насъ Духъ Святый“ [1]). Въ такомъ только смыслѣ понимая вышеприведенныя изреченія, Апостолъ могъ указать читателямъ на особенность служенія, соотвѣтствующаго высотѣ призванія, и въ такомъ видѣ пройденное служеніе отъ Іерусалима до Иллирика могло имѣть значеніе для читателей. Такимъ образомъ оба свидѣтельства, приведенныя изъ разныхъ посланій, подтверждаютъ одно и тоже, что служеніе ап. Павла дѣйствительно было преисполнено тѣхъ необычайныхъ проявленій сверхъестественной силы, которыя въ коринѳской общинѣ Св. Духъ раздѣлялъ каждому члену порознь.

Если бы намъ сказали, что вышеприведенныя свидѣтельства безъ соотвѣтствующихъ фактическихъ показаній не имѣютъ надлежащей силы доказательства сверхъестественной чудесности въ дѣйствіяхъ ап. Павла, если бы намъ далѣе замѣтили, что подъ упоминаемыми имъ знаменіями, чудесами и силами естественнѣе разумѣть тѣ необычайные подвиги апостольскаго служенія, на описаніи которыхъ Апостолъ такъ часто любитъ останавливаться (1 Кор. 4, 9—14.; 2 Кор. 6, 4—10. 11, 23—29), и которые при своемъ теократическомъ

---

[1]) Толкован. св. Іоанна Злат. Москва 1839 г. стр. 659.

взглядѣ онъ дѣйствительно могъ не только считать плодомъ сверхъестественной силы, но даже называть высшими небесными знаменіями, то на эти замѣчанія мы могли бы прежде всего отвѣтить такъ: если бы вышеприведенныя отвлеченныя описанія и изображенія чудесности дѣйствительно не имѣли соотвѣтствующихъ фактовъ сверхъестественнаго характера въ апостольской практикѣ, то ап. Павелъ не рѣшился бы употреблять эти отвлеченныя наименованія прежде всего въ посланіи къ той общинѣ, многіе члены которой недружелюбно были расположены къ нему, затѣмъ въ посланіи къ той общинѣ, съ которою онъ впервые входилъ въ тѣсное и близкое общеніе посредствомъ этого посланія. Что касается того, будто Апостолъ подъ знаменіями, чудесами и силами могъ разумѣть необычайные подвиги своего апостольскаго служенія, и, можетъ быть, даже невольныя исцѣленія нѣкоторыхъ болѣзней, совершившіяся помимо его желанія, въ силу одной вѣры обращавшихся въ христіанство 1), то такое объясненіе прежде всего несогласно съ той классификаціей сверхъестественныхъ проявленій, которую онъ устанавливаетъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ (12 гл.), и въ согласіи съ которою говоритъ о себѣ во второмъ посланіи, далѣе не находитъ подтвержденія въ самихъ посланіяхъ, въ которыхъ Апостолъ, послѣ описанія многотрудныхъ подвиговъ своего служенія, говоритъ о знаменіяхъ, чудесахъ и силахъ, какъ новомъ высшемъ родѣ доказательства своего достоинства (ср. 2 Кор. 6, 4—10. 11, 23—29 и 12, 1—12 и дал.), наконецъ несогласно съ самимъ положеніемъ коринѳской общины, для которой многотрудные подвиги апостольства, под-

1) Обыкновенный раціоналистическій взглядъ, повторяемый въ нѣсколько утонченномъ видѣ современными отрицательными критиками новозавѣтной исторіи Гавсратомъ, Кеймонъ и др.

нятые главнымъ образомъ при путешествіяхъ изъ страны въ страну, не могли быть знаменіями, совершенными предъ ея глазами (ἐν ὑμῖν). Что же касается теократическаго взгляда, то, при руководствѣ имъ, Апостолъ подъ знаменіями, чудесами и силами только и могъ разумѣть чрезвычайныя дѣла Божіи согласно съ ветхозавѣтными писаніями. Правда, слѣдуетъ сказать, что ап. Павелъ дѣйствительно не занимается въ своихъ посланіяхъ фактическимъ описаніемъ событій чудеснаго характера, касавшихся его лично, онъ скорѣе любитъ останавливаться на многотрудныхъ подвигахъ апостольскаго служенія, чѣмъ на чудесныхъ событіяхъ, сопровождавшихъ и облегчавшихъ это служеніе [1]); но это объясняется его скромнымъ желаніемъ, постоянно имъ руководившимъ, дабы кто не подумалъ о немъ болѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ (2 Кор. 12, 6—11); далѣе, это объясняется тѣмъ, что христіанскія общины, основанныя ап. Павломъ, находились въ тѣсномъ общеніи между собою и сравнительно не на далекомъ разстояніи одна отъ другой, такъ что обмѣнъ и передача свѣдѣній, касавшихся Апостола, и при тогдашнихъ невполнѣ удобныхъ путяхъ сообщенія не могли быть слишкомъ затруднительными. Поэтому для Апостола не настояло особой необходимости быть обстоятельнымъ въ описаніи дѣйствій чудеснаго характера; ему достаточно было намекнуть въ общихъ выраженіяхъ на событія извѣстнаго рода, чтобы его тотчасъ поняли, о чемъ онъ говоритъ. И въ посланіяхъ его мы встрѣчаемъ немало такихъ общихъ указаній, по которымъ читатели должны были заключать о случившемся

---

1) Исключеніемъ можетъ быть только одно событіе, случайно упомянутое въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ 15, 32. о значеніи котораго толковники впрочемъ спорятъ (*Meyer*, Krit. Exeget. Komment. über d. N. Test. funft. Abtheil стр. 383. 384).

(1 Солун. 2, 1. 2; 1 Кор. 1, 11; 2 Кор. 1, 8; Римл. 15, 14). Поэтому вышеприведенныя возраженія не имѣютъ силы; Апостолу достаточно было употребить извѣстнаго рода выраженія, чтобы его поняли, о какихъ чудесныхъ дѣйствіяхъ онъ вспоминаетъ.

Между тѣмъ то, что сказалъ ап. Павелъ о себѣ, о чудесныхъ дѣйствіяхъ, отличавшихъ его служеніе, въ одинаковой мѣрѣ можетъ и должно быть прилагаемо и къ остальнымъ двѣнадцати апостоламъ, предварившимъ его на поприщѣ апостольской дѣятельности. Когда ап. Павелъ въ числѣ признаковъ, доказывавшихъ равное достоинство его апостольскаго служенія съ служеніемъ прежде его сдѣлавшихся апостолами, ставилъ знаменія, чудеса и силы, то онъ придавалъ этимъ признакамъ такое значеніе и силу нагляднаго доказательства не потому, что они вынаружились только въ его жизни, но потому что они получили такое освященіе въ служеніи прежде его бывшихъ апостоловъ; достоинствомъ послѣднихъ, уже опредѣлившимся въ глазахъ читателей, онъ защищалъ свое достоинство. Таково собственно значеніе приведеннаго апостоломъ доказательства о признакахъ истиннаго апостольскаго служенія въ контекстѣ его рѣчи (2 Кор. 12, 11—13). Да и по существу самаго служенія двѣнадцать апостоловъ не могли стоять на низшей ступени въ обладаніи сверхъестественными дарами предъ тѣмъ, который *послѣди ихъ* сдѣлался проповѣдникомъ и благовѣстникомъ ученія Христова (1 Кор. 15, 8). Если же мы сопоставимъ заповѣди, данныя Іисусомъ Христомъ ближайшимъ ученикамъ и послѣдователямъ касательно проповѣданія возвѣщеннаго имъ ученія въ связи съ чудодѣйственною силою, имъ вручаемою, то увидимъ, что право, имъ предоставляемое касательно обладанія послѣднею, въ сущности согласно съ обнаруженіями ея въ служеніи ап. Павла. Іисусъ Христосъ, посылая своихъ учениковъ на проповѣдь, говорилъ:

ходяще проповѣдуйте, глаголюще, яко приближися царствіе небесное. Болящія исцѣляйте, прокаженныя очищайте, мертвыя воскрешайте, бѣсы прогоняйте (Матѳ. 10, 7. 8); эти же самыя чудодѣйственныя проявленія ап. Павелъ, какъ мы выше видѣли, объединяетъ въ имени знаменій, чудесъ и силъ, сопровождавшихъ его апостольское служеніе. Такимъ образомъ ап. Павелъ вмѣстѣ съ двѣнадцатью и другими ближайшими учениками Іисуса Христа (Лук. 10, 1. 9. 19) владѣлъ тѣми сверхъестественными силами, которыя онъ называлъ знаменіями истиннаго апостольства, и которыя въ учреждаемыхъ имъ христіанскихъ общинахъ Св. Духъ раздѣлялъ властію уже по частямъ каждому члену общины, *якоже хощетъ* (1 Кор. 12, 5—11.; Римл. 12, 6—8).

Если бы мы, слѣдуя естественному желанію, захотѣли ближе—фактически ознакомиться съ характеромъ и особенностями тѣхъ необычайныхъ дѣйствій, которыя ап. Павелъ называлъ въ своихъ посланіяхъ знаменіями, чудесами и силами, и которыя, по его свидѣтельству, составляли необходимую принадлежность истиннаго апостольскаго служенія, то за уясненіемъ должны обратиться къ книгѣ *Дѣяній Апостоловъ*, въ которой эти знаменія, чудеса и силы фактически изложены и описаны, и которая въ цѣломъ своемъ составѣ служитъ выраженіемъ взгляда ап. Павла на характеръ и особенности, сопровождавшія вообще проповѣдь апостоловъ и въ частности совершаемое ими распространеніе христіанства (2 Кор. 12, 12,; Римл. 15, 17—19). Западные отрицательные критики крайне расходятся въ своихъ сужденіяхъ объ этой книгѣ, ея происхожденіи, назначеніи, цѣли [1]), но они почти единодушны въ непризнаніи дѣйствительности во всей силѣ того сверхъестественнаго элемента, которымъ проникнуто со-

[1]) „Труды Кіевск. дух. Академіи," 1866, авг. 384—414.

держаніе этой книги, подобно содержанію евангелій [1]). Между тѣмъ въ описаніи и представленіи этого элемента книга Дѣяній, преимущественно предъ другими сказаніями, находитъ подтвержденіе въ свидѣтельствахъ ап. Павла.

Если мы отрѣшимся отъ всѣхъ мнѣній и сужденій, высказанныхъ критиками на основаніи разныхъ соображеній, о цѣли и назначеніи книги Дѣяній, и довѣримся показаніямъ самаго писателя, то увидимъ, что эта книга во всемъ своемъ составѣ представляетъ цѣлостное органическое произведеніе, проникнутое одною руководящею идеей, не только не исключающею, но даже уясняющею разнообразное проявленіе среди описываемыхъ въ ней событій сверхъестественнаго элемента. Писатель книги съ первыхъ словъ даетъ замѣтить читателямъ, что его произведеніе есть продолженіе уже начатаго описанія того, *яже начатъ Іисусъ творити и учити*, и доведеннаго *до дне, въ оньже заповѣдавъ апостоломъ Духомъ Святымъ, ихже избра вознесеся* (ср. 1, 1. 2; Лук. 24, 50—53). Изъ начальныхъ же словъ можно видѣть, что предметомъ новаго или втораго слова писатель избираетъ то *царствіе Божіе*, о которомъ Іисусъ Христосъ бесѣдовалъ съ своими учениками въ продолженіи сорока дней по воскресеніи, являясь и говоря съ ними, и которое, по Его обѣтованію, должно было начаться со времени сошествія Св. Духа на учениковъ, по принятіи котораго они должны были сдѣлаться Его свидѣтелями *въ Іерусалимѣ, во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли* (ст. 3—9). Предметомъ же такого рода опредѣлялись самый тонъ и направленіе книги: писатель книги, говоря о

---

[1]) *Schwegler*, Das nachap. Zeitalt. Tubing. 1846; *Ewald*, Geschicht. d. Voks Jsrael Bd. VI 2. Ausgab. 1858. *Renan*, Les Apotres Par. 1868 г. *Dewette*, Kurze Erklärung d. Apostelgesch. 4. Auflage von *F. Overbeck* 1870 г. § 3 и дал. *Hausrath*, Neutestamentlich Zeitgesch. zweit Theil, 1872. стр. 347—375. 439—452. *Hilgenfeld*, Hist. Krit. Enleitung in d. N. T. 1875. стр. 574—608.

царствіи Божіемъ, долженъ былъ показывать, какъ это царствіе, распространяемое въ мірѣ людьми, въ то же время остается царствіемъ Божіимъ, какъ при его распространеніи, точно какъ при служеніи ап. Павла, усилія человѣческія восполнялись высшими божественными благодатными воздѣйствіями. Такое направленіе книги опредѣлялось характеромъ царствія Божія, которое, какъ царствіе Божіе, должно было явиться въ мірѣ съ высшими знаменательными завѣреніями и засвидѣтельствованіями. Такимъ образомъ сверхъестественный элементъ, такъ подозрительно встрѣчаемый отрицательными критиками, является не только естественнымъ, но даже неизбѣжнымъ въ ряду событій, описанныхъ въ книгѣ Дѣяній. Царствіе Божіе не могло иначе завоевать мѣста въ этомъ мірѣ, какъ при завѣреніи высшими небесными знаменаніями.

Если же сверхъестественный элементъ въ книгѣ Дѣяній соотвѣтствуетъ идеѣ книги, идеѣ предмета, въ ней описываемаго и свидѣтельствамъ ап. Павла, то событія сверхъестественнаго характера, въ ней встрѣчающіяся, не только не должны бы, повидимому, возбуждать къ себѣ недовѣрія, но должны имѣть прочное историческое основаніе. И точно, нѣкоторыя изъ этихъ событій прямо—фактически оправдываются чудесными событіями, совершившимися среди христіанскихъ общинъ и описанными ап. Павломъ въ посланіяхъ, другія, хотя не находятъ фактической основы въ свидѣтельствахъ ап. Павла, но въ нихъ же имѣютъ столь вѣскія теоретическія данныя, что едва-ли могутъ быть заподозрѣваемы въ дѣйствительности. Къ числу первыхъ принадлежатъ: сошествіе Св. Духа на апостоловъ и увѣровавшихъ въ ихъ проповѣдь, сопровождавшееся чудеснымъ даромъ языковъ и даромъ пророчества (2, 1—13. 8, 14. 15. 10, 44—46. 19, 1—6), обнаруженіе послѣдняго среди вѣрующихъ (11, 26. 27. 13, 1), исцѣленія болѣзней разнаго рода (3, 1—7. 5, 12. 14—16. 8, 6. 7. 9,

33—35. 14, 8—10. 16, 18. 19, 11. 12. 28, 8. 9); къ числу вторыхъ относятся: пораженіе внезапною смертію Ананіи и Сапфиры (5, 1—11), чудесное освобожденіе апостоловъ изъ темницы (5, 18—20. 16, 25. 26), пораженіе слѣпотою волшебника Эллимы (13, 8—12), воскрешеніе мертвыхъ (9, 40. 41, 20, 9. 10). Что касается чудесныхъ событій перваго рода, то за ними признаютъ нѣкоторую реальность и критики отрицательнаго направленія; въ сошествіи, напримѣръ, Св. Духа видятъ въ высшей степени возбужденное и воодушевленное состояніе первенствующихъ христіанъ, достигшее въ день пятидесятницы убѣжденія въ видимомъ полученіи высшей сверхъестественной силы [1]); въ дарѣ языковъ видятъ дѣйствительное событіе, сопровождавшееся, какъ мы выше видѣли, выраженіемъ непонятныхъ звуковъ, тоновъ, и воплей; за чудесными исцѣленіями признаютъ дѣйствительное врачеваніе нѣкоторыхъ болѣзней, совершавшееся вслѣдствіе возбужденной вѣры обращавшихся въ христіанство [2]). Въ чудесныхъ же событіяхъ второго рода критики отрицательнаго направленія видятъ преобладающимъ и даже извращающимъ истину сагическій элементъ [3]). Но такъ понимать и объяснять чудесность апостольскаго вѣка, значитъ, отказаться отъ того возвышеннаго взгляда на нее, который высказалъ ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ (1 Кор. 12, 1—11. 28; 2 Кор. 12, 12; Римл. 15, 18. 19), и который только и соотвѣтствуетъ величію дѣла, созданнаго христіанствомъ, значитъ, согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ критиковъ раціоналистовъ, которые полагаютъ, что въ ос-

---

[1]) *Renan*, Les Apotr. 1886. стр. 60. *Hausrath*, Neutest. Zeitgesch. Die Zeit. d. Apostel 1872 г., стр. 280—284.

[2]) *Hausrath*, Die Zeit d. Apostel. стр. 301. 302. *Keim*, Geschicht. Jesu 1875 г. стр. 169 и слѣд.

[3]) *Keim*, Geschicht. Jesu стр. 167. 168. Renan, Les Apotr. стр. 103. 104, и дал.

новѣ первоначальной христіанской чудесности лежала экзальтація первенствующихъ христіанъ, и, слѣдовательно, началомъ тѣхъ великихъ истинъ, которыя повѣдало христіанство міру въ неразрывной связи съ этою чудесностію, было также ложно возбужденное религіозное состояніе первенствующихъ христіанъ. Слѣдствіе весьма неутѣшительное для исторіи человѣчества, но тѣмъ не менѣе неизбѣжное при вышеприведенныхъ пріемахъ отрицательной критики. На неизбѣжность его указывалъ еще ап. Павелъ когда говорилъ: »если мы только въ сей жизни надѣемся на Христа, то мы несчастнѣе всѣхъ человѣковъ« (1 Кор. 15, 19). Точно, нужно представлять первыхъ благовѣстниковъ христіанства блуждающими во мракѣ лжи и суевѣрій и въ то же время возвѣщающими міру великія начала нравственно-духовнаго возрожденія и возвышенія человѣчества. Сочетаніе представленій ненормальное, но необходимое.

Лучшіе представители современной отрицательной критики сами сознаютъ ненормальность такой постановки дѣла [1]), и стараются разными благовидными сужденіями смягчить тѣ печальные результаты, къ которымъ они невольно приходятъ вслѣдствіе систематическаго преслѣдованія своихъ критическихъ пріемовъ [2]); но отъ искуственной подстилки смягчающихъ положеній рѣшеніе вопроса не видоизмѣняется. Ведя послѣдовательно дѣло, необходимо обвинить въ обманѣ и самообольщеніи не только первыхъ проповѣдниковъ христіанства, но и самаго его основателя. Вслѣдствіе этого полураціоналистическіе изслѣдователи далеко не съ такимъ скепсисомъ относятся вообще къ христіанской чудесности и въ частности къ той, которою занята книга Дѣяній апостоловъ. При помощи свидѣ-

---

[1]) Keim, Geschichte Iesu 1875 стр. 362.

[2]) Hausrath, Die Zeit b. Apostel 1872 г. стр. 278. 279.

тельствъ посланій ап. Павла они находятъ историческое оправданіе для многихъ чрезвычайныхъ событій этой книги [1]). И кто съ непредвзятою мыслію захотѣлъ бы въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ касательно апостольской чудесности опереться на точныхъ историческихъ показаніяхъ, тотъ всегда нашелъ бы возможность признать ее дѣйствительною въ такомъ видѣ, въ какомъ она описана въ книгѣ Дѣяній апостоловъ.

Сопоставляя сказанія книги Дѣяній (2, 1—13. 8, 14. 15. 10, 44—46. 19, 1—6) съ свидѣтельствами ап. Павла (1 Кор. 2, 10—15. 12, 4—11.; Римл. 12, 6. 7), никоимъ образомъ нельзя обращать прежде всего сошествіе Св. Духа на апостоловъ и увѣровавшихъ въ ихъ проповѣдь—въ одно возбужденное психическое состояніе послѣднихъ, только достигавшее въ извѣстные моменты вѣры въ полученіе сверхъестественной силы. Какъ мы выше видѣли, Апостолъ училъ о Св. Духѣ, какъ божественномъ дѣятелѣ, совершенно независимомъ отъ духа человѣческаго, дающемъ послѣднему необычайную силу нравственную и духовную, отличающемъ послѣдователей Христовыхъ отъ другихъ, и открывающемся среди послѣднихъ въ необычайныхъ знаменіяхъ, чудесахъ и силахъ (ср. 1 Кор. 2, 10—15. 12, 4—11 и Галат. 3, 2—5). Во свидѣтели такого жизненнаго проявленія Св. Духа среди первыхъ проповѣдниковъ христіанства и самихъ христіанъ Апостолъ нерѣдко призывалъ самихъ читателей посланій (1 Θессал. 1, 5; Галат. 3, 2—5). Такого же могущественнаго дѣятеля, жизненнаго просвѣтителя и совершителя духовной жизни христіане могли получить не сами отъ себя, помощію искуственнаго возбужденія, но только совнѣ, какъ прямо указываетъ на это ап. Павелъ,

---

[1]) *Meyer*, Kommentar über. d. N. T. dritt. Abtheil 1861 г. стр. 47. 48. 112. 113. 214. 215. 401. 402.; *Dewette*, erst. Band. viert. Theil. viert. Auflang. von *Overbeck* 1870 г. стр. 18. 69. 70. 150. и др.

спрашивая галатянъ: *отъ дѣлъ ли закона Духа пріясте, или слуха вѣры?* и далѣе: *подаяй убо вамъ Духа, и дѣйствуяй силы въ васъ, отъ дѣлъ ли закона, или отъ слуха вѣры* (3, 2. 5)? и какъ онъ о себѣ говоритъ: *мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа иже отъ Бога* (1 Кор. 2, 12). Это же воспріятіе отъ Бога и есть то сошествіе Св. Духа прежде на апостоловъ, а потомъ на увѣровавшихъ въ ихъ проповѣдь, о которомъ говоритъ писатель книги Дѣяній апостоловъ, и которое, по согласному свидѣтельству книги Дѣяній и посланій ап. Павла, обнаруживалось въ жизни вѣрующихъ чрезвычайными знаменіями.

Имѣя въ виду вышеприведенныя свидѣтельства ап. Павла, нельзя также обращать даръ языковъ, сопровождавшій необычайное явленіе Св. Духа въ жизни первыхъ христіанъ, въ одно экстатическое изреченіе неясныхъ тоновъ и звуковъ, достигавшее иногда произношенія отдѣльныхъ безсвязныхъ выраженій [1]). Какъ мы выше видѣли изъ свидѣтельствъ перваго посланія къ Коринѳянамъ, даръ языковъ былъ чудесною рѣчью на разныхъ нарѣчіяхъ; это мнѣніе мы теперь можемъ подтвердить еще свидѣтельствами книги Дѣяній, въ которой прямо говорится, что слышавшіе дивную рѣчь апостоловъ, по сошествіи на нихъ Св. Духа, изумлялись, говоря: *не се ли вси сіи суть глаголющіи Галилеяне? и какъ мы, слышимъ кійждо свой языкъ нашъ* (ἕκαστος τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ ἡμῶν), *въ немъ же родихомся* (2, 7. 8). Выраженіе—διάλεκτος—соотвѣтствующее γένη γλωσσῶν (1 Кор. 12, 10), и означающее отдѣльное нарѣчіе извѣстнаго семейства языковъ, нѣсколько ниже замѣнено ἡμετέραις γλώσσαις: *како.... слышимъ глаголющихъ ихъ нашими языки* (ἡμετέραις γλώσσαις) *величія Божія* (ст. 11)? Можетъ

---

[1]) *Hausrath*, Die Zeit d. Apostel стр. 283.

быть это были не языки всей тогдашней вселенной, какъ понимали нѣкоторые изъ древнихъ толковниковъ [1]), а только нарѣчія (діалекты) извѣстнаго семейства языковъ, но во всякомъ случаѣ нарѣчія отдѣльныя, вполнѣ организованныя и способныя къ выраженію мыслей, на которыхъ слушавшіе въ отдѣльности могли понимать сообщаемое, и которыя, вслѣдствіе разноплеменнаго отличія народовъ, ими говорившихъ, могли быть только даромъ свыше, удивлявшимъ и поражавшимъ вниманіе бывшихъ его свидѣтелями (ст. 7. 8. 12). Во всякомъ случаѣ такое пониманіе этого дара не противорѣчитъ описанію книги Дѣяній (2, 6—12) и свидѣтельству ап. Павла (1 Кор. 12, 10. 14, 1—27), и несогласные съ нимъ находятъ возраженія большею частію не въ самомъ текстѣ рѣчи ап. Павла, или писателя книги, но въ сторонніхъ и побочныхъ обстоятельствахъ [2]).

Наконецъ, даръ исцѣленія болѣзней разнаго рода и вида, хотя главнымъ образомъ обусловливался вѣрою, но вѣрою въ Іисуса Христа и могущество Божіе. Вѣра являлась чудодѣйствующею у первенствующихъ христіанъ только въ связи съ именемъ Іисуса Христа и именемъ тѣхъ, кто дѣйствовалъ по вѣрѣ въ Него (Матѳ. 7, 22; Марк. 9, 38, Лук. 9. 49. 50); въ обыкновенномъ же, хотя и возбужденномъ, состояніи вѣра не достигала высокаго дара чудотвореній (Матѳ. 17, 20; Лук. 17, 5). Поэтому даръ исцѣленій, хотя обусловливался вѣрою,

---

[1]) Бл. Августинъ, напримѣръ, говоритъ: „coeperunt loqui linguis omnium gentium“ (Serm. 5 in. d. Pontic).

[2]) Meyer, Komment. über d. N. T. dritte Abth. 1861 г. стр. 47—56. М. *Голубевъ*, обозрѣніе послан. къ корине. т. 1. 1861 г. стр 259—270. Болѣе благовиднымъ изъ высказываемыхъ возраженій представляется то, по которому языкознаніе въ томъ видѣ, въ какомъ описано въ кн. Дѣяній 2, 6—12, не подтверждается дальнѣйшею апостольскою практикою (Мейеръ); но такое языкознаніе, какъ даръ, могло обнаруживаться только въ минуты особеннаго озаренія со стороны Духа Божія, подобно пророчеству (1 кор 14, 29—31), и затѣмъ не быть принадлежностію лица говорившаго.

не могъ быть обыденнымъ психическимъ явленіемъ; при совершеніи исцѣленія во имя вѣры требовалась живая вѣра не только отъ того, кто получалъ исцѣленіе, но и отъ того, кто исцѣлялъ (Матѳ. 17, 20; Лук. 17, 4); послѣдній же могъ совершить исцѣленіе только при помощи вѣры въ могущество высшаго небеснаго Цѣлителя (Дѣян. 3, 16). Такимъ образомъ и этотъ даръ въ сущности былъ даромъ божественнымъ, согласно ученію ап. Павла (1 Кор. 12, 9), и обнаруженіе его въ дѣятельности проповѣдниковъ Христовыхъ было свидѣтельствомъ откровенія на землѣ царствія Божія, согласно сказаніямъ книги Дѣяній апостоловъ (Дѣян. 3, 1—16. 5, 12—16. 6, 7. 8. 9, 33—35 и др.).

Что же касается чудесныхъ событій второй категоріи, противорѣчащихъ, по мнѣнію критиковъ отрицательнаго направленія, законамъ природы, и слѣдовательно носящихъ въ себѣ несомнѣнные признаки сагическаго элемента, то вооруженіе ими благовѣстниковъ Христовыхъ собственно и могло доставить торжество христіанству среди язычниковъ. Для предшествующихъ знаменій, дара исцѣленій, дара пророчества, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи дара языковъ, язычники могли находить нѣкоторыя аналогіи въ своихъ языческихъ мистеріяхъ [1]); воскрешеніе же мертвыхъ (9, 40. 41. 20, 9. 10), пораженіе внезапною смертію и казнію явныхъ преступниковъ (5, 1—11. 13, 8—12) свидѣтельствовали о такомъ могуществѣ Божіемъ, обнаруженіе котораго ап. Павелъ называлъ ἐνεργήματα δυνάμεων (1 Кор. 12, 10), и которое одно могло гово

---

[1]) *Плутархъ*, напримѣръ, о Пиѳіи говоритъ, что въ состояніи экстаза она изрекала замысловатыя отрывочныя слова (De Pyth. orac. 24); см. также св. Іоанна Златоуста на 1 посл. къ Коринѳянамъ толкован. Москва 1840 г. стр. 147.

рить объ откровеніи истиннаго Бога въ дѣйствіяхъ подобнаго рода. Потому-то писатель книги Дѣяній апостоловъ говоритъ, что чудеса этого рода имѣли особенное вліяніе какъ на увѣровавшихъ, такъ и на обращавшихся въ христіанство (5, 11. 9, 42. 13, 12); апостолъ же Павелъ свидѣтельствуетъ, что онъ, какъ апостолъ, имѣетъ власть совершать и совершаетъ такія необычайныя казни, каково наказаніе смертію Ананіи и Сапфиры, пораженіе слѣпотою волхва Эллимы для того, чтобы вразумлять и наказывать безчинныхъ (1 Кор. 5, 4. 5; ср. 1 Тимоѳ. 1, 20); въ числѣ же знаменій истиннаго апостольскаго служенія онъ упоминаетъ совершеніе такихъ знаменій (δυνάμεων), которыя, какъ мы выше видѣли, не исключали возможности и воскрешенія мертвыхъ, потому что знаменія такого рода могли уже служить несомнѣннымъ признакомъ истиннаго апостольскаго званія (ср. 2 Кор. гл. 11, 12, 1—12). И точно, только владѣя силою и властію совершать такія необычайныя чудеса, благовѣстники Христовы съ торжествомъ могли преодолѣвать тѣ трудности и препятствія, съ которыми имъ приходилось бороться при отправленіи своего служенія; ихъ слабые и немощные сосуды, только владѣя такою дивною силою, могли быть крѣпкими и могучими въ дѣлѣ распространенія христіанскаго вѣроученія (2 Кор. 4, 7—11).—Такимъ образомъ при составленіи сказаній книги Дѣяній съ свидѣтельствами ап. Павла оказывается, что чудесность апостольскаго вѣка, описанная въ книгѣ Дѣяній, служитъ только болѣе наглядными и фактическимъ подтвержденіемъ той чудесности, о проявленіи которой ап. Павелъ въ общихъ и частію отвлеченныхъ выраженіяхъ говоритъ прежде всего въ устроенныхъ и организованныхъ имъ христіанскихъ общинахъ, затѣмъ въ своей апостольской дѣятельности; отрицать дѣйствительность той чудесности значитъ лишать исторической досто-

вѣрности и ту чудесность, о которой упоминаетъ ап. Павелъ въ своихъ посланіяхъ вмѣстѣ съ засвидѣтельствованіемъ цѣлыхъ общинъ. Но чтобы придти къ окончательнымъ выводамъ, касательно занимающаго насъ вопроса, необходимо обратиться къ дальнѣйшимъ библейскимъ фактамъ новозавѣтной чудесности.

Если Апостолы дѣйствительно совершали необычайныя дѣла при отправленіи своего служенія, если чудодѣйственная сила, сопровождавшая ихъ проповѣдь, въ значительной мѣрѣ содѣйствовала распространенію христіанства, то въ свою очередь можно спросить, не такая ли же чудесная сила была причиною обращенія въ христіанство и самихъ Апостоловъ? и если окажется, что чудесность точно имѣла важное значеніе при ихъ обращеніи, то—какого рода была эта чудесность, содѣйствовавшая ихъ обращенію,—была ли это чудесность въ собственномъ смыслѣ, или она представляла одни только темныя неразгаданныя явленія? Согласно принятому плану, наше вниманіе прежде всего должно остановиться на томъ Апостолѣ, свидѣтельствамъ котораго, по отношенію къ христіанству, отрицательная критика придаетъ особенное значеніе,—на *Апостолѣ языковъ*. Какимъ образомъ совершилось обращеніе въ христіанство этого ревностнаго просвѣтителя язычниковъ? До шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія обращеніе ап. Павла въ христіанство считалось необъяснимымъ естественнымъ путемъ, безъ допущенія особаго рода чудесности, даже въ устахъ самихъ отрицательныхъ критиковъ. Основатель современной отрицательной критики Бауръ въ внезапномъ обращеніи ап. Павла видѣлъ чудо и говорилъ, что «никакимъ ни психологическимъ ни діалектическимъ анализомъ не можетъ быть познана внутренняя тайна того акта, въ которомъ Богъ открылъ ему своего

Сына» [1]). Съ этого же времени рѣшеніе этого вопроса сдѣлалось предметомъ самой оживленной полемики между отрицательнымъ и ортодоксальнымъ западнымъ богословіемъ: отрицательное богословіе всѣми мѣрами старалось разрѣшить этотъ послѣдній пунктъ, затруднявшій изгнаніе необычайной чудесности изъ области новозавѣтнаго библейскаго откровенія; съ другой стороны ортодоксальное богословіе всячески желало отстоять эту важную точку опоры въ доказательствѣ дѣйствительности сверхъестественной чудесности, сопровождавшей новозавѣтное откровеніе. Представители того и другаго богословія напрягали свои послѣднія силы, прибѣгали къ всевозможнымъ доказательствамъ, дабы достигнуть желаемыхъ результатовъ въ рѣшеніи вопроса [2]). Къ концу семидесятыхъ годовъ, отрицательная критика сочла порѣшеннымъ этотъ вопросъ въ свою пользу, и въ настоещее время рѣшеніе его въ отрицательномъ видѣ уже популяризируется въ ея произведеніяхъ безъ всякихъ оговорокъ [3]).

Въ виду того, что обращеніе ап. Павла занимаетъ не послѣднее мѣсто въ рѣшеніи нашего вопроса и что въ тѣсной

---

[1]) Das Christenthum u. die christliche Kirche d. drei crsten Jahhund. 1. Ausg. Tüb. 1853 г. стр. 45. C. *Holsten*, Zum Evangelium des Paulus u. des Petrus Rostock. 1868 стр. 3. 4 и 65. 66.

[2]) Споръ главнымъ образомъ велся на страницахъ Zeitschrift. für wissenschaftlich. Theolog. 1861. III. стр. 223 и дал. 1864 г. II. стр. 145 и дал. со стороны отрицательныхъ критиковъ *Гольштена* и *Гильгенфельда* и на страницахъ Thelog. Stud. und Kritik 1864 г. II, стр. 197 и дал. со стороны ортодоксальнаго богослова *Бейшляга*. Изслѣдованія Гольштена затѣмъ явились въ отдѣльномъ изданіи: Zum Evangel. d. Paulus u. d. Petrus. 1868 г. Rostock.

[3]) *Hausrath*, Neutestamentlich. Zeitgesch. zweit. Theil. 1872. 439—451. *Pfleiderer*, der Paulinisimus, Leipzig. 1873. стр. 1 и дал. *Hilgenfeld*, Historisch-kritisch. Einleitung in das N. Testament. 1875 г. 215 и дал.

связи съ нимъ стоитъ все религіозное міросозерцаніе этого великаго учителя языковъ, полагаемъ неизлишне ознакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ методомъ изслѣдованія и научнымъ достоинствомъ тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ отрицательная критика произнесла свой безаппелляціонный, по ея мнѣнію, приговоръ надъ этимъ немаловажнымъ событіемъ новозавѣтной исторіи.

Въ основу изслѣдованій объ обращеніи ап. Павла въ христіанство, какъ и вообще обо всѣхъ необычайныхъ библейскихъ событіяхъ, отрицательная критика полагаетъ одно общее теоретическое начало—нераціональность допущенія вмѣшательства сверхъестественной силы въ теченіе развитія индивидуальной жизни человѣка при установившихся и опредѣлившихся законахъ міроправленія. Считая заправляющимъ ходомъ событій человѣческой жизни «законъ имманентнаго развитія человѣческаго духа изъ внутреннихъ міровыхъ основъ», отрицательная критика желаетъ представить видѣніе І. Христа ап. Павломъ при обращеніи, считаемое имъ за откровеніе свыше, «какъ имманентный психологическій актъ его собственнаго духа 1)». При этомъ представители отрицательной критики не стѣсняются тѣмъ, что ихъ работами заправляетъ ихъ отвлеченное теоретическое представленіе о ходѣ развитія исторіи жизни человѣческой; они говорятъ, что ихъ логическое требованіе служитъ только исходнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ историческихъ показаній и изслѣдованій. Между тѣмъ, вслѣдъ за вышеприведеннымъ догматическимъ положеніемъ, въ числѣ историческихъ показаній, безъ всякихъ предварительныхъ до-

1) *Holsten*, Zum Evangelium d. P. u. d. P. 1868 г. стр. 7. 8 и дал.

знаній, первымъ поставлено такое: «видѣнія съ увѣренностію въ ихъ полную объективную дѣйствительность и въ ихъ посредство божественнаго откровенія составляли несомнѣнный элементъ іудейскаго сознанія. И все міросозерцаніе Павла, коль скоро одинъ разъ онъ вынужденъ былъ признать субъективную дѣйствительность видѣнія Христа, не представляло ни основанія, ни средства, ни побужденія отрицать его объективную дѣйствительность [1])». Игнорируя библейскіе факты, не подтверждающіе такого заключенія и указываемые апологетикою, обращая однимъ взмахомъ пера все ветхозавѣтное вѣковое религіозное міросозерцаніе въ иллюзію, въ обманъ чувствъ и воображенія, отрицательная критика ищетъ опоры для своего заключенія въ психологическомъ анализѣ визіонерныхъ видѣній, описываемыхъ библейскими писателями. Здѣсь указавъ на то, что библейское міросозерцаніе дѣлитъ все на земное и небесное (ἐπίγεια καὶ ἐπουράνια), на тѣлесное и духовное и въ послѣднемъ также признаетъ нѣкоторую духовную небесную реальность (ἔστι σῶμα πνευματικὸν, σώματα ἐπουράνια), что оно также представляетъ и видѣнія двухъ родовъ—въ земной и небесной оболочкѣ,—раціоналистическая критика на томъ основаніи, что библейскіе созерцатели во время видѣній бываютъ въ пассивномъ состояніи и видѣнія земнаго и духовнаго характера одинаково принимаютъ за реальныя явленія, отрицаетъ у послѣднихъ способность различать между субъективною дѣйствительностію своихъ визіонерныхъ образовъ и ихъ объективною дѣйствительностію, и такимъ образомъ объективную дѣйствительность какихъ бы то ни было созерцаемыхъ видѣній считаетъ несомнѣннымъ элементомъ іудейскаго сознанія.

---

1) *Holsten*, ibid. 11-я стр.

Послѣ такаго взгляда на характеръ библейскихъ видѣній вообще, критикамъ отрицательнаго направленія, для обличенія ап. Павла въ самообольщеніи, для доказательства того, что полученное имъ видѣніе Іисуса Христа при обращеніи было точно обязано своимъ происхожденіемъ возбужденію его собственныхъ внутреннихъ силъ, ничего болѣе не оставалось, какъ только предуказать въ духѣ дохристіанскаго Савла тотъ образъ Мессіи, который онъ видѣлъ при обращеніи, и они тѣмъ охотнѣе спѣшатъ это сдѣлать, что, по ихъ мнѣнію, ап. Павелъ ничего не говоритъ о себѣ и своемъ міросозерцаніи въ дохристіанскомъ состояніи. Какимъ же путемъ однако они этого достигаютъ? Изъ изученія посланій ап. Павла они выносятъ то убѣжденіе, что ап. Павелъ согласно іудейскимъ традиціямъ, первоначально представлялъ Мессію, какъ человѣка, имѣвшаго родиться среди іудейской націи (Римл. 9, 5), въ колѣнѣ Давидовомъ (Римл. 1, 3), и до обращенія считалъ Его Сыномъ, родившимся отъ жены, бывшимъ подъ закономъ (Гал. 4, 4), но со времени обращенія измѣнилъ это плотское понятіе о Немъ (2 Кор. 5, 16) и возъимѣлъ представленіе о Немъ, какъ о высшемъ небесномъ существѣ, воплотившемъ въ себѣ образъ Бога невидимаго (2 Кор. 4, 4), носившемъ въ себѣ Духа Божія (Римл. 8, 9),—Сынѣ Божіемъ (Римл. 8, 32). Это видоизмѣненное представленіе о Мессіи было обязано своимъ происхожденіемъ тому дивному видѣнію, которое предстало духу Павла въ моментъ его обращенія. Но элементы этого видѣнія, невѣдомо самому Павлу, почивали въ его духѣ еще задолго до обращенія. Изъ посланій ап. Павла достаточно видно, что на основаніи библейскаго сказанія (Быт. 1, 26. 27; 2, 7) онъ представлялъ человѣка созданнымъ въ двоякомъ видѣ, земномъ и небесномъ (I Кор. 15, 48. 49); земнаго человѣка онъ называлъ первымъ Адамомъ, небеснаго—послѣднимъ Адамомъ (I Кор. 15, 45). Первый Адамъ, созданный изъ земли, сталъ душею живущею, т. е., имѣлъ чув-

венную душу (ψυχῆ—נֶפֶשׁ Быт. 2, 7; 1 Кор, 15, 45) и соотвѣтствующую ей земную оболочку, душевное тѣло, земную храмину (2 Кор. 5, 1); второй Адамъ, созданный по образу Божію (Быт. 1, 26; 2 Кор. 4, 4) былъ животворящимъ духомъ (τὸ πνεῦμα—רוּחַ יְהוָה 1 Кор. 15, 45) и имѣлъ соотвѣтствующую ему небесную оболочку, духовное тѣло, «нерукотворенную хижину, вѣчную на небесахъ» (2 Кор. 5, 1). Первый Адамъ служилъ прототипомъ для человѣка въ первомъ періодѣ его бытія—психическомъ; второй служитъ прототипомъ для него во второмъ періодѣ его бытія—духовномъ (1 Кор. 15, 48. 49 ср. Римл. 8, 29). Этотъ-то образъ втораго человѣка и составилъ образъ Мессіи въ созерцающемъ духѣ ап. Павла и былъ содержаніемъ его видѣнія, такъ какъ со времени обращенія онъ точно училъ объ Іисусѣ Христѣ, какъ о второмъ небесномъ человѣкѣ, образѣ Божіемъ, Сынѣ Божіемъ. Вопросъ теперь былъ только въ томъ, были ли условія вызывавшія и дѣлавшія это видѣніе имманентнымъ актомъ духа Апостола.

Въ физической и психической природѣ Павла, въ его темпераментѣ, въ складѣ его ума, въ направленіи его воли и вообще во всемъ духѣ его были задатки и предрасположенія къ визіонернымъ видѣніямъ. Апостолъ самъ нерѣдко описываетъ слабость и немощь своей физической природы и эту слабость ставитъ въ тѣсную и непосредственную связь съ своими видѣніями (2 Кор. 12, 1—9); но коль скоро онъ самъ дѣлаетъ это, то критика вправѣ разумѣть подъ нею то органическое разстройство, которое было слѣдствіемъ необычайнаго напряженія нервъ и движенія крови во время созерцаній и которое въ минуты высшихъ возбужденій доходило иногда до эпилептическихъ припадковъ [1]). При такомъ болѣзненно-нерв-

1) Въ мѣстахъ посланій ап. Павла Галат. 4, 13. 14; 2 Коринѳ. 12, 7 от-

номъ органическомъ состояніи ап. Павелъ имѣлъ умъ въ высшей степени логическій, послѣдовательный, не допускавшій противорѣчія, стремившійся къ единству, не любившій останавливаться на половинѣ дороги, но каждое положеніе діалектически приводившій къ его мельчайшимъ подробностямъ и слѣдствіямъ. Коль скоро новый лучъ истины касался его сознанія, онъ не могъ успокоиться дотолѣ, пока не извѣдалъ всей его силы и живучести. Въ своей дѣятельности Апостолъ всегда являлся поборникомъ за высшія божественныя истины и коль скоро эти истины чѣмъ нибудь омрачались, онъ не успокоивался дотолѣ, пока не постигалъ всей ихъ тайны и глубины. Во всемъ своемъ образѣ жизни онъ былъ іудеемъ, руководившимся высшимъ религіознымъ чувствомъ, вѣрившимъ въ возможность сверхъ-естественныхъ видѣній и откровеній, въ явленія сверхъ-естественныхъ существъ и силъ. Натуры съ такимъ духовнымъ настроеніемъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, всегда бываютъ способны къ экзальтированнымъ визіонернымъ состояніямъ.

Во внѣшнихъ же поводахъ и обстоятельствахъ къ возбужденію въ духѣ Апостола визіонерныхъ видѣній и созерцаній не было недостатка. Жизнь Іисуса Христа, Его ученіе и дѣла, произвели глубокое впечатлѣніе на умы современниковъ; но все это легко могло забыться и изгладиться, еслибы не пронеслась роковая вѣсть: «Онъ воскресъ, Онъ живъ». Крестная смерть была для іудейскаго сознанія рѣшительнымъ доказательствомъ того, что Іисусъ, называвшій себя Мессіею и Сыномъ Божіимъ, былъ обманщикъ и лжепророкъ (Матѳ. 27, 63 и 29—43), но новая вѣсть о воскресеніи возмущала это сознаніе. Легко было препобѣдить эту новую проповѣдь о

рицательная критика видитъ указаніе на болѣзненные эпилептическіе припадки (*Holsten*, Zum Evangel... 1868 стр. 85. 86).

Мессіи, объявивъ ее обманомъ и ложью учениковъ (Матѳ. 27, 64; 28, 12—15). И для той части іудеевъ, которые враждебно были настроены къ Іисусу Христу и не входили въ непосредственное соприкосновеніе съ новыми проповѣдниками, такое объясненіе могло быть вполнѣ удовлетворительнымъ. Но нелегко было успокоиться на немъ тѣмъ, которые входили въ споръ съ новыми проповѣдниками и выслушивали ихъ убѣдительныя доказательства дѣйствительности воскресенія Іисуса Христа. Еще труднѣе было помириться съ этимъ объясненіемъ тѣмъ, которые, вступая въ борьбу съ проповѣдниками новой вѣсти, хотѣли торжествовать надъ ними не матеріально только, но и умственно. Въ числѣ послѣднихъ могъ быть и ап. Павелъ. Вступая въ борьбу съ проповѣдниками вѣры въ воскресеніе Іисуса Христа, онъ конечно хотѣлъ быть торжествующимъ надъ ними не во имя одной матеріальной силы, данной ему въ руки, но и во имя правости и истинности своихъ собственныхъ убѣжденій и ложности убѣжденій противниковъ. Весь интересъ спора въ это время сосредоточивался на страданіяхъ, смерти и воскресеніи Іисуса Христа; жизнь, ученіе и дѣла отодвинулись на задній планъ. Согласно убѣжденію современниковъ, ап. Павелъ находилъ непреложное доказательство фальшивости убѣжденій своихъ противниковъ въ позорной смерти, которой божественный посланникъ не могъ быть преданъ. Его противники указывали ему на фактъ воскресенія, на возможность страданія не за себя, но за другихъ, согласно предсказанію Писанія (Исаіи гл. 53; 1 Кор. 15, 3). На сколько было сильно въ его глазахъ его собственное доказательство, настолько же уважительно было и доказательство противной стороны. Трудность вѣры со стороны Апостола состояла не въ невозможности воскресенія,—какъ фарисей, онъ вѣрилъ въ возможность воскресенія,—но въ томъ, какъ могъ воскреснуть лжецъ и обманщикъ, умершій смертію осужденнаго закономъ.

Между тѣмъ свидѣтелями дѣйствительности воскресенія Іисуса Христа представляли Кифу, двѣнадцать учениковъ, пятьсотъ братій, Іакова и всѣхъ апостоловъ (1 Кор. 15, 3—7). Необходимо было пожертвовать или истиною воскресенія, столь очевидною, крестной смерти, или крестною смертію истинѣ воскресенія. Понятно, какая борьба, какой внутренній разладъ должны были возникнуть въ духѣ того, мысль котораго не могла сносить противорѣчій и стремилась къ единству... Въ такой натурѣ, какова была Павлова, этотъ внутренній разладъ, эта внутренняя дисгармонія мысли, должны были кончиться какимъ-нибудь кризисомъ. И вотъ когда мыслящій религіозный духъ Павла искалъ разрѣшенія противорѣчій, старался высвободиться изъ подъ тяжелаго гнета разлада, когда все вниманіе, всѣ силы возбужденной мысли сосредоточились на воскресшемъ, духовному взору его предсталъ образъ воскресшаго Мессіи въ видѣ того небеснаго человѣка, типъ котораго давно уже почивалъ въ его представленіи. Извѣстенъ психическій законъ, что коль скоро есть подготовка и сродные элементы для видѣнія, то видѣніе выступаетъ предъ созерцающимъ духомъ не только въ опредѣленной формѣ, но съ извѣстными очертаніями, на подобіе образовъ предметовъ видимаго міра, въ полномъ соотвѣтствіи съ внутренними представленіями [1]).

Такъ объясняетъ отрицательная критика «имманентное» происхожденіе видѣнія Іисуса Христа въ духѣ ап. Павла при

---

[1]) При изложеніи этой критической теоріи мы главнымъ образомъ слѣдовали спеціальнымъ монографіямъ *Голштена* (Zum Evangelium d. Paulus, u. d. Petrus 1868 г.) и *Гильгенфельда* (Die Bekehrung und apostolisch. Berufung. d. Paulus, Zeitschrift f. wissensch. Theolog. 1864 г. 11 стр. 155 и дал.), такъ какъ онѣ послужили главною основою для современныхъ отрицательныхъ воззрѣній; *Ренанъ* съ своею гипотезою объ обращеніи ап. Павла еще стоитъ на почвѣ стараго натурализма и его мнѣніе въ научной критикѣ не пользуется уваженіемъ; *Пфлейдереръ* и *Гавсратъ* по своимъ воззрѣніямъ примыкаютъ къ психической гипотезѣ Голштена. (ср. Голштена стр. 65—79; Гавсрата стр. 439—451. Пфлейдерера стр. 1—17).

обращенiи его въ христiанство. Мы съ намѣреніемъ представили ея объясненіе въ возможно цѣлостномъ логическомъ и послѣдовательномъ ходѣ, дабы видѣть его систематическое построеніе и научное значеніе тѣхъ данныхъ, которыя послужили основою для его построенія. Не скажемъ, чтобы это стройное воззрѣніе отрицательной критики во всѣхъ своихъ положеніяхъ было совершенно фиктивнаго характера; сквозь краткій эскизъ его довольно ясно просвѣчиваетъ фактическая канва; вопросъ только въ томъ, какого достоинства эта канва, въ соотвѣтствующемъ ли видѣ и свѣтѣ представлены приведенные факты? Прежде всего то положеніе, что «видѣнія съ увѣренностію въ ихъ полную объективную дѣйствительность и въ ихъ посредство божественнаго откровенія были несомнѣннымъ элементомъ іудейскаго сознанія», высказывается безъ всякой предварительной фактической подготовки, въ видѣ аподиктическаго приговора, не допускающаго сомнѣнія; но въ столь серьезномъ дѣлѣ едва-ли научно безъ представленія фактическихъ основъ произносить такой категорическій приговоръ, которымъ за одинъ разъ все пророческое содержаніе ветхозавѣтной религіи обращается въ обманъ чувствъ и воображенія. Еслибы ветхозавѣтные созерцатели дѣйствительно преклонялись предъ видѣніями всякаго рода какъ предъ божественными откровеніями, безъ всякаго сознательнаго отношенія къ нимъ, въ такомъ случаѣ въ области ихъ видѣній не было бы отличія истины отъ лжи, въ такомъ случаѣ въ нихъ все сплошь рядомъ выдавалось бы за божественное. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ не только у пророковъ цѣлыя обличительныя рѣчи, направленныя противъ ложныхъ пророковъ, выдававшихъ свои собственныя видѣнія и сновидѣнія за божественныя откровенія (Іер. 14, 14 и дал. 23, 25 и дал.; Іезек. 13, 2 и дал., 14, 9), но и въ законодательствѣ Моисея предостереженія отъ увлеченія ложными гаданіями и видѣніями (Второз. 13,

2—5. 18, 20—22). Эти явленія невозможны были бы при дѣйствительности того приговора, который такъ категорически произноситъ отрицательная критика на ветхозавѣтныя созерцательныя видѣнія. Мало того, у величайшаго изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ Моисея еще указывается на отличіе между самыми истинными видѣніями: Іегова самъ вмѣняетъ въ особенное достоинство Моисею то, что открывается ему не въ видѣніи или во снѣ, какъ другимъ пророкамъ, но устъ ко устомъ бесѣдуетъ съ нимъ, и даетъ ему прямо созерцать образъ Господа, а не въ загадкахъ (Числ. 12, 6—8). Понятное дѣло, что у ветхозавѣтныхъ созерцателей не только не принимались всякія видѣнія за несомнѣнныя божественныя откровенія, но и между истинными видѣніями еще допускались отличія.

Игнорируя эти и многіе другіе подобнаго рода факты, не подтверждающіе вышеприведеннаго взгляда, отрицательная критика спѣшитъ перевесть споръ на почву внутренней характеристики библейскихъ видѣній, спѣшитъ такимъ образомъ перейти въ ту область, въ которой она сама не можетъ быть компетентною, такъ какъ для точной характеристики недостаточно знать видѣнія по описанію, но нужно имѣть о нихъ представленія или по непосредственному испытанію на себѣ или по наблюденію надъ другими. Изъ описанія библейскихъ видѣній отрицательная критика выводитъ такое заключеніе, что библейскіе созерцатели всякаго рода видѣнія—духовныя и реальныя—одинаково принимали за объективныя откровенія во всемъ ихъ объемѣ и содержаніи. Такъ, напримѣръ, апост. Павелъ видѣніе духовнаго характера, описанное въ началѣ двѣнадцатой главы втораго посланія къ коринѳянамъ принималъ, какъ видно изъ хода его рѣчи, за объективное божественное откровеніе во всей его формѣ и содержаніи. Но никто не станетъ считать эти формы созерцанія за абсолют-

ныя дѣйствительныя формы бытія вмѣсто того чтобы признать въ нихъ недѣйствительныя представленія собственной фантазіи Павла, воспитанной на несовершенномъ міросозерцаніи современниковъ. Напротивъ всякій признаетъ въ нихъ значительную долю примѣси современныхъ іудейскихъ вѣрованій и традицій. Но если ап. Павелъ былъ убѣжденъ въ объективной реальности всего видѣннаго и слышаннаго здѣсь, то очевидно, что онъ не былъ способенъ отличать субъективную дѣйствительность своихъ визіонерныхъ образовъ отъ объективной дѣйствительности,—очевидно, онъ былъ въ самообольщеніи. Отъ характера этого видѣнія нужно заключать и къ другимъ его видѣніямъ и въ частности къ видѣнію Іисуса Христа при обращеніи. Но въ томъ-то и дѣло, что мы не знаемъ, что̀ въ вышеприведенномъ видѣніи ап. Павелъ считалъ существеннымъ—объективно реальнымъ и что̀ феноменальнымъ, временнымъ; изъ описанія видѣнія мы можемъ выводить только такое заключеніе, что во внѣшнихъ формахъ, сопровождавшихъ его, Апостолъ видѣлъ необычайность откровенія, подобно тому, какъ пророкъ Іезекіиль въ извѣстномъ видѣніи (гл. 1) созерцалъ необычайное проявленіе славы Божіей, но придавалъ-ли онъ внѣшнимъ формамъ видѣнія объективно-реальное бытіе,—этого не видно. На основаніи же того, что Апостолъ два раза говоритъ о своемъ незнаніи—былъ-ли онъ въ тѣлѣ или внѣ тѣла при этомъ видѣніи,—что онъ нигдѣ не дѣлаетъ предметомъ назиданія для читателей внѣшнихъ формъ этого видѣнія, скорѣе можно заключать, что онъ не придавалъ имъ существеннаго значенія, что при помощи ихъ онъ только достигалъ убѣжденія въ необычайности откровенія. Вообще же тогда мы могли бы удовлетворительно понять и постигнуть характеръ этого видѣнія, когда бы знали законы воплощенія высшихъ небесныхъ откровеній въ формахъ низшихъ конечныхъ существъ, когда бы знали какъ безконечный неограни-

ченный духъ открывается въ формахъ знанія конечнаго ограниченнаго существа. Отрицательная критика, не допуская возможности такого откровенія, считаетъ неумѣстнымъ рѣшеніе и уясненіе подобнаго вопроса, и подъ своимъ угломъ зрѣнія разсматривая характеръ этого видѣнія, приходитъ къ вышеприведеннымъ результатамъ. Но ея уголъ зрѣнія менѣе всего соотвѣтствуетъ характеру разсматриваемаго видѣнія; въ немъ дѣйствительно непонятнымъ образомъ слиты элементы ограниченнаго видѣнія съ безграничностію откровенія. Во всякомъ случаѣ никоимъ образомъ нельзя проводить аналогіи между этимъ видѣніемъ ап. Павла и видѣніемъ Іисуса Христа при его обращеніи; о послѣднемъ Апостолъ упоминаетъ въ своихъ посланіяхъ нѣсколько разъ (Галат. 1, 16; 1 Кор. 9, 1. 15, 8), и образъ и форму и все содержаніе его много разъ дѣлаетъ предметомъ ученія и назиданія [1]); о первомъ же онъ говоритъ всего одинъ разъ и то невольно (2 Кор. 12, 11); внѣшняго же образа и формы его ни разу не дѣлаетъ предметомъ ученія и наставленія. Сопоставляя это видѣніе съ видѣніемъ Іисуса Христа при обращеніи, скорѣе можно придти къ такому заключенію, что библейскіе созерцатели тѣ откровенія дѣлали исходнымъ пунктомъ своей дѣятельности, предметомъ ученія и наставленія, которыя совершались въ образахъ для нихъ новыхъ, чуждыхъ ихъ прежнимъ субъективнымъ представленіямъ, при созерцаніи которыхъ они дѣйствительно были въ болѣе пассивномъ чѣмъ активномъ положеніи; къ тѣмъ же откровеніямъ, которыя сочетавались съ ихъ субъективными представленіями, которыя не столько поражали ихъ сознаніе своей новизной, они относились съ благоговѣйнымъ уваженіемъ и почитаніемъ. Такимъ образомъ и въ той таинственной

[1]) Ученіе ап. Павла о воскресеніи, о предстоящемъ духовномъ и тѣлесномъ прославленіи вѣрующихъ, о будущей ихъ участи, стоитъ въ тѣсной и непосредственной связи съ созерцаніемъ образа прославленнаго Господа.

области, въ которую отрицательная критика спѣшила перевесть споръ и гдѣ она надѣялась встрѣтить надежную опору для своего мнѣнія о всецѣлой субъективности библейскихъ созерцаній, нѣтъ твердыхъ и прочныхъ данныхъ для такихъ выводовъ.

Послѣ этого вся сила доказательствъ отрицательной критики въ отношеніи къ совершенной субъективности и «имманентности» видѣнія Іисуса Христа ап. Павломъ при обращеніи сосредоточивается на открытіи предварительныхъ элементовъ этого видѣнія въ духѣ дохристіанскаго Савла и уясненіи отсюда естественнаго происхожденія его при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Открытіе этихъ предварительныхъ элементовъ въ духѣ ап. Павла отрицательная критика точно считаетъ результатомъ своихъ позднѣйшихъ усилій сдѣлать это необычайное событіе въ жизни Апостола естественнымъ явленіемъ. Заручившись тѣмъ, что Апостолъ ничего не говоритъ о своей духовной жизни во время, предшествовавшее видѣнію, а между тѣмъ упоминаетъ объ измѣненіи своихъ прежнихъ представленій о Мессіи, со времени обращенія въ христіанство, отрицательныя критика смѣлымъ шагомъ вступаетъ въ эту новую область розысканія и живою кистію предъизображаетъ, какъ мы выше видѣли, въ духѣ Апостола тѣ элементы, изъ которыхъ въ послѣдствіи времени составился образъ Мессіи въ его созерцаніи. Но тверды-ли ея шаги на этомъ новомъ пути дознаній? прочны-ли тѣ научныя основы, на которыхъ она строитъ свое новое зданіе? Оставимъ пока въ сторонѣ то мнѣніе отрицательной критики, будто Апостолъ ничего не говоритъ о своей духовной жизни во время, предшествовавшее видѣнію и обратимся къ его сказанію объ измѣненіи представленій о Мессіи по переходѣ въ христіанство. Во второмъ посланіи къ коринѳянамъ 5, 16 Апостолъ точно говоритъ, что если онъ и зналъ Христа прежде по плоти (κατὰ σάρκα), то теперь такъ не

знаетъ Его (ἀλλὰ νῦν οὐκέτι γινώσκομεν); но въ томъ ли дѣйствительно состояла перемѣна его знаній, что онъ прежнія представленія о Мессіи, какъ объ имѣющемъ произойти отъ дома Израилева, потомкѣ Давида, родившемся отъ жены, замѣнилъ новыми понятіями о Немъ,—небеснымъ человѣкомъ, образомъ Божіимъ, Сыномъ Божіимъ? Но онъ не отказался отъ этихъ представленій и по переходѣ въ христіанство: будучи христіанскимъ апостоломъ, онъ не переставалъ учить объ Іисусѣ Христѣ, какъ произшедшемъ изъ дома Израилева, потомкѣ Давида, родившемся отъ жены, и училъ именно тамъ, гдѣ говоритъ о Его божествѣ, гдѣ прямо указывалъ, что Онъ оказался Сыномъ Божіимъ по Духу святости, въ Немъ обитавшему, и чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ (ср. Римл. 1, 4. 9, 5; Галат. 4, 4) а не потому что Онъ сталъ въ его представленіи небеснымъ человѣкомъ; слѣдовательно перемѣна состояла не въ этомъ. Для уясненія характера перемѣны естественнѣе всего искать аналогіи въ перемѣнѣ перво-апостоловъ, дохристіанская духовная жизнь которыхъ также осталась намъ неизвѣстною, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно то, что ихъ прежнія представленія о Мессіи были совершенно отличны отъ послѣдующихъ. Когда одинъ изъ нихъ отъ лица всѣхъ апостоловъ исповѣдалъ Іисуса Христомъ Сыномъ Божіимъ, то послѣ ублаженія, соотвѣтствующаго этой великой исповѣди, получилъ такой отвѣтъ, что ни плоть и кровь были виновниками этого истиннаго признанія, но Отецъ небесный (Матѳ. 16, 16. 17). Слѣдовательно такъ было ново и необычайно ихъ исповѣданіе, теперь ими высказанное, что Іисусъ Христосъ виновникомъ его объявилъ самаго небеснаго Отца. Въ чемъ же состояла его новость и необычайность? Конечно не въ томъ, что они прежде думали о Мессіи, какъ о человѣкѣ, а теперь стали мыслить о Немъ, какъ о Сынѣ Божіемъ; ихъ мессіанскія представленія, какъ видно изъ самой терминологіи—«Христосъ, Сынъ Божій»—

оставались неизмѣнными, но прежде этими титлами они вмѣстѣ съ своими соотечественниками готовы были почтить только того, кто явился бы освободителемъ ихъ порабощеннаго и угнетеннаго отечества, кто возстановилъ бы предѣлы падшаго царства Давидова, кто поработилъ бы ихъ владычеству язычниковъ и сдѣлалъ торжествующею ѳеократію со всѣми ея принадлежностями; теперь эти имена съ соотвѣтствующими имъ представленіями они усвояютъ Тому, Кто явился въ скромномъ званіи учителя людей, просвѣтителя и Спасителя человѣческихъ душъ. Перемѣна величественная и знаменательная! и вслѣдствіе этого и вызвала изъ устъ Іисуса Христа такія слова: *плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ мой иже на небесѣхъ*, иначе: не тѣ плотскія и чувственныя представленія, которыми руководятся твои соотечественники во взглядѣ на Мессію, приготовили тебя къ этой исповѣди, но Отецъ небесный, который назначилъ мнѣ столь скромную миссію и между тѣмъ такъ могущественно открылъ въ ней свое величіе. Не въ этомъ ли состояла перемѣна знаній о Мессіи и у апостола Павла? Прямое и непосредственное пониманіе вышеприведеннаго мѣста (1 Кор. 5, 16) говоритъ въ пользу послѣдняго мнѣнія. Въ выраженіяхъ—знать по плоти Христа (ἐγνωκέναι κατὰ σάρκα Χριστόν)—можно находить только двѣ мысли, или знать Его съ внѣшней плотской стороны, со стороны того внѣшняго вида, въ которомъ Онъ являлся, или знать Его со стороны тѣхъ внѣшнихъ плотскихъ представленій, которыми руководились въ сужденіи о Немъ [1]); но такъ какъ ни преданіе, ни писаніе, не говорятъ того, чтобы ап. Павелъ когда-нибудь видалъ Іисуса Христа во время Его земной жизни, и

[1]) Эти двѣ мысли только съ разнаго рода оттѣнками въ приведенномъ мѣстѣ находятъ многіе толковники. Св. Іоаннъ Златоустъ, напримѣръ, полагаетъ, что ап. Павелъ зналъ Іисуса Христа по плоти до тѣхъ поръ, пока мыслилъ его причастнымъ немощей человѣческаго естества, какъ то: жажды, алканія, утомле-

такъ какъ самое отрицаніе знанія въ этомъ смыслѣ не имѣло бы особаго значенія, то остается допустить знаніе втораго рода. Каковы же были тѣ плотскія основанія, которыя руководили знаніемъ подобнаго рода, это можно видѣть изъ выраженія—*разумѣхомъ* (ἐγνώκαμεν), которое указываетъ на время этого знанія завершившееся, вполнѣ закончившееся, и которымъ въ отношеніи къ настоящему знанію (γινώσκομεν) могло быть названо время только предшествовавшее обращенію, когда Апостолъ точно могъ имѣть несовершенныя, несоотвѣтствующія представленія объ Іисусѣ Христѣ, и когда онъ могъ ими руководиться. Но такими представленіями, опредѣлявшими отношеніе къ христіанству и послужившими основою гоненія и преслѣдованія исповѣдниковъ Іисуса Христа со стороны Апостола, могли быть только представленія вышеописаннаго характера. Савлъ, воспитанный въ школѣ фарисейской традиціи, потому только могъ стать въ оппозиціи къ христіанству и вооружиться противъ проповѣдниковъ Іисуса Христа, какъ истиннаго Мессіи, что не видѣлъ въ Немъ исполнителя тѣхъ чаяній и ожиданій, которыя предуказала ему школа, Его воспитавшая. Всѣ эти несоотвѣтствующія представленія, ставившія въ фальшивое отношеніе къ христіанству, при обращеніи рушились и Христосъ предсталъ глазамъ просвѣщеннаго Павла уже не въ видѣ его прежнихъ плотскихъ чаяній и ожиданій, но въ подобающемъ Ему нравственно-духовномъ величіи, въ качествѣ Искупителя и обновителя человѣчества, и христіанство явилось для него тою дивною божественною силою, которая сдѣ-

---

нія и т. под.; не по плоти же возъимѣлъ о Немъ представленіе съ тѣхъ поръ, когда позналъ Его освободившимся отъ немощей плоти (толк. на 2 посл. къ Кор. Москва 1843. 255. 256). Нѣкоторые же изъ новыхъ толковниковъ, какъ напримѣръ *Евальдъ* (Gesch. d. apost. Zeit. alt. 1857. стр. 339) на основаніи этого мѣста полагаютъ, что ап. Павелъ видѣлъ Іисуса Христа во плоти, до своего обращенія (См. также. Kommcnt. von. Meyer 6 Abth. 1862. 141. 142).

лала Его новою тварею о Христѣ (ср. 2 Кор. 5, 17; Римл. 1, 16). Въ такомъ видѣ намъ представляется та перемѣна, о которой говоритъ ап. Павелъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ.

Но отрицательная критика не удовлетворяется такимъ прямымъ и непосредственнымъ пониманіемъ этого мѣста. Слово Χριστός, употребленное въ этомъ мѣстѣ, она понимаетъ не въ смыслѣ мессіанскаго названія или имени лица Богочеловѣка, но въ значеніи названія небесной личности предсуществовавшаго Мессіи, Который первоначально былъ въ видѣ образа Божія и небеснаго человѣка (εἰκὼν τοῦ Θεοῦ καὶ ἀνθρώπουν ἐξ οὐρανοῦ) безъ плоти, а за тѣмъ уже сдѣлался рожденнымъ отъ жены, отъ колѣна Давидова и явился Іисусомъ на землѣ. Придавая такое значеніе слову Христосъ, отрицательная критика въ вышеуказанномъ стихѣ видитъ такую мысль: «если мы нѣкогда и знали, что Мессія долженъ быть какъ Мессіей іудейскаго народа, такъ и іудеемъ въ своемъ плотскомъ явленіи..., то теперь, послѣ крестной смерти....., мы знаемъ Его только какъ духовное существо, какъ втораго небеснаго человѣка, какъ образъ Божій....» [1]). Оставляя въ сторонѣ произвольное сочетаніе словъ при такомъ изъясненіи, произвольное усвоеніе имъ значенія [2]), мы позволимъ себѣ только спросить, въ какое время Апостолъ могъ такъ мыслить объ Іисусѣ Христѣ? Если это были его дохристіанскія представленія, въ такомъ случаѣ они не были руководительными для него въ отношеніи къ христіанству,—отрицательная критика сама удо-

---

1) *Holsten*, Zum Evangel. d. Paulus u. d. Petrus 1868 ср. подстрочн. примѣч. на стр. 430—432 и стр. 71—79.

2) Безспорно, что въ цитуемомъ стихѣ, какъ показываютъ предшествующія слова—οὐδένα οἴδαμεν κατὰ σάρκα, сущность составляютъ не слова—Χριστὸς κατὰ σάρκα, какъ полагаетъ Голстенъ, но γινώσκειν κατὰ σάρκα и хотя Голстенъ говоритъ, γινώσκειν κατὰ σάρκα нельзя мыслить безъ объекта, тѣмъ не менѣе главное направленіе мысли должно остаться при выраженіяхъ—καὶ ἐγνώκαμεν κατὰ σάρκα. Слову же Χριστὸς, какъ увидимъ ниже, не можетъ усвоено приписанное значеніе.

стовѣряетъ, что Апостолъ потому сталъ во враждебное отношеніе къ христіанству, что считалъ основателя его лжецомъ и обманщикомъ,—слѣдовательно ему не было интереса упоминать здѣсь объ нихъ; Апостолъ потому и говоритъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ объ измѣненіи своихъ прежнихъ мнѣній, что новыя понятія объ Основателѣ христіанства поставили его въ совершенно отличное отношеніе къ Нему, чѣмъ въ какомъ онъ доселѣ былъ. Если же это были уже послѣхристіанскія представленія, въ такомъ случаѣ измѣненіе ихъ не могло быть, какъ полагаетъ отрицательная критика, того точкою отправленія, съ которой началась коренная реформа въ сознаніи Савла; перемѣна въ христіанскихъ представленіяхъ Апостола могла быть только прегрессивною ступенью въ пониманіи духовнаго характера Основателя христіанства. Но отрицательная критика увѣрена, что вышеописанныя ею представленія составляли моментъ въ дохристіанскомъ сознаніи Савла, съ измѣненіемъ котораго установилось совершенно новое отношеніе его къ христіанству; слѣдовательно, не противорѣча себѣ, она должна согласиться, что такими представленіями могли быть только представленія объ Іисусѣ Христѣ, опредѣлившія отношеніе его къ христіанству и ставившія его въ превратное отношеніе къ нему, иначе онъ не сталъ бы говорить о нихъ; такими же представленіями, какъ она сама доказываетъ, были понятія его объ Іисусѣ Христѣ, какъ лжецѣ и обманщикѣ, а не іудеѣ, произшедшемъ изъ колѣна Давидова, родившемся отъ жены; послѣднія, сами по себѣ, скорѣе располагали бы его въ пользу христіанства, чѣмъ ставили бы во враждебное отношеніе къ нему, первыя же, имѣвшія въ основѣ мысль о неисполненіи тѣхъ чаяній и ожиданій которыя возлагала нація на Мессію, точно могли вооружить Савла противъ христіанства и его Основателя. Совершенно напрасно отрицательная критика ищетъ опоры для своего мнѣнія во-мнѣніяхъ іудействующихъ христіанъ, которые

будто поставляли свое превосходство предъ язычниками въ томъ, что Іисусъ Христосъ во внѣшнемъ своемъ явленіи былъ іудеемъ по плоти и вопреки которымъ Апостолъ будто теперь и говоритъ, что послѣ кресной смерти (въ которой, будто по воззрѣнію Апостола послѣдовало νέκρωσις τοῦ Ἰησοῦ) онъ не знаетъ такимъ Христа. Если бы даже и дѣйствительно іудействующіе христіане такъ разсуждали и Апостолъ обличалъ ихъ неправый взглядъ, то, говоря о своемъ дохристіанскомъ образѣ мыслей, онъ не могъ отождествить свои мнѣнія съ мнѣніями іудействующихъ христіанъ; послѣдніе могли такъ разсуждать, стоя уже на почвѣ христіанства и ратуя за нѣкоторыя изъ своихъ прерогативъ, первый же, стоя на почвѣ строгаго іудаизма (ἐν τῷ Ἰουδαϊσμῷ Галат. I, 14), не имѣлъ побужденія такъ разсуждать о христіанскомъ Мессіи.

Такимъ образомъ изъ разсмотрѣнія выше приведеннаго мѣста, самаго по себѣ, безъ предвзятой мысли, можно убѣдиться, что перемѣна знаній Апостола о Мессіи состояла скорѣе въ оставленіи чисто національныхъ плотскихъ представленій о Немъ послѣдняго времени, чѣмъ въ пріобрѣтеніи какого-то утонченнаго взгляда на него, скорѣе въ примиреніи съ мыслію о страждущемъ Мессіи, какъ нравственно-духовномъ возродителѣ и Спасителѣ человѣчества, чѣмъ въ возведеніи Его въ недоступную для нашего пониманія область небесную. Если бы мы пожелали обратиться къ болѣе широкому кругозору Апостола, къ системѣ его вѣроученія, то нашли бы, что главныя посылки послѣдняго въ борьбѣ съ іудействующими христіанами состояли въ томъ, чтобы убѣдить послѣднихъ, что не плотской Израиль, гордящійся своими внѣшними преимуществами, но духовный, обладающій нравственно-духовными совершенствами, имѣетъ прямое наслѣдіе въ царствѣ Мессіи, что не плотскія чада Авраама, но духовныя чада вѣры, суть истинные наслѣдники обѣтованій, данныхъ этому великому

праотцу израильскаго народа (Галат. 3, 6. 5, 31; Римл. 4 гл.); въ основѣ же этихъ воззрѣній лежитъ тоже видоизмѣненное понятіе о Мессіи, какъ нравственно-духовномъ Спасителѣ и Искупителѣ человѣчества. Такимъ образомъ подробнѣе раскрытыя главныя положенія ученія ап. Павла, направленнаго противъ іудействующихъ христіанъ, были бы на сторонѣ вышеприведенныхъ результатовъ касательно перемѣны его знаній о лицѣ Мессіи.

Что же касается идеи небеснаго человѣка, подъ образомъ котораго, по мнѣнію отрицательной критики, ап. Павелъ мыслилъ Іисуса Христа, по переходѣ въ христіанство, и который собственно открылся ему въ видѣніи, имѣвшемъ слѣдствіемъ его обращеніе, то ученіе о немъ весьма не легко найдти въ посланіяхъ, и открытіе его въ писаніяхъ ап. Павла дѣйствительно составляетъ достояніе усилій позднѣйшей раціоналистической критики, не стѣсняющейся искуственнымъ изысканіемъ способовъ къ низведенію необычайныхъ событій въ рядъ обыкновенныхъ. Классическимъ и единственнымъ мѣстомъ для открытія ученія о небесномъ человѣкѣ считается пятнадцатая глава перваго посланія къ Коринѳянамъ и въ ней отдѣлъ отъ 45 по 48-й стихъ. Въ ряду ученія, излагаемаго въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, пятнадцатая глава этого посланія, посвящена доказательствамъ дѣйствительной возможности воскресенія тѣлъ умершихъ. Недоумѣнія тѣхъ изъ коринѳскихъ христіанъ, которые сомнѣвались и колебались въ принятіи этой коренной истины христіанства, главнымъ образомъ сосредоточивались на слѣдующихъ вопросахъ: *како востанутъ* (ἐγείρονται) *мертвіи? коимъ же тѣломъ пріидутъ* (ἔρχονται ст. 35)? т. е. съ одной стороны на невозможности пониманія самаго событія воскресенія, на невозможности представленія, какъ хорошо замѣчалъ св. Іоаннъ Златоустъ въ толкованіи на это мѣсто, какъ востанетъ разрушившееся и обратившееся въ прахъ тѣло,

съ другой—на невозможности уясненія, въ какомъ тѣлѣ послѣдуетъ воскресеніе, въ этомъ-ли слабомъ, увлекающемъ душу ко грѣху, препятствующемъ нормальному развитію въ ней добра и истины, или въ какомъ-либо иномъ [1])? На первый изъ этихъ вопросовъ Апостолъ отвѣчаетъ прямою аналогіей, взятой изъ природы, которая указываетъ, что сѣмя, брошенное въ землю, не прежде разложенія его составныхъ элементовъ, получаетъ ту жизненность, которая ему свойственна (ст. 36); на уясненіи втораго онъ останавливается нѣсколько долѣе. Обращаясь къ той же видимой природѣ, онъ прежде всего указываетъ на богатую разновидность тѣхъ организмовъ, въ которые Богъ облекаетъ сѣмена, бросаемыя въ землю, соотвѣтственно породѣ каждаго (ст. 37. 38), за тѣмъ—на разновидность физическихъ организмовъ, существующихъ въ видимой природѣ и приспособленныхъ къ жизни каждаго земнаго существа, разновидность, дающую возможность заключать о разновидности и небесныхъ организмовъ, съ тою только разницею, что разнородное свойство послѣднихъ соотвѣтствуетъ высшей небесной сферѣ (ст. 39– 41). Соотвѣтственно этимъ аналогическимъ примѣрамъ нужно мыслить, продолжаетъ Апостолъ, и воскресеніе тѣлъ умершихъ; подобно сѣмени, бросаемому въ землю, разлагающемуся и опять возраждающемуся, тѣла умершихъ востанутъ, только уже въ новомъ видѣ, чуждыя немощи, приспособленныя къ условіямъ новой небесной жизни, по своимъ свойствамъ духовныя, и слѣдовательно уже не подлежащія тлѣнію. Имѣя тѣло душевное (ψυχικόν), приспособленное къ условіямъ настоящей земной жизни, можемъ быть

---

[1]) Два вышеприведенные вопроса въ ст. 35 не находятся между собою въ такомъ соотношеніи, что послѣдній изъ нихъ ближе опредѣляетъ содержаніе перваго (*Мейеръ* и др.); частица δὲ, связывающая эти вопросы, показываетъ, что они различны по содержанію (*Златоустъ*, *Гофманнъ*).

увѣрены, что будемъ имѣть тѣло и духовное (πνευματικόν), способное къ духовной небесной жизни (ст. 42—44) [1]). Дѣйствительность перваго ручается за дѣйствительность втораго. Это внушаетъ намъ и Писаніе, когда говоритъ, что первый человѣкъ, въ лицѣ котораго мы всѣ получили соотвѣтствующее бытіе (Римл. 5, 12), сталъ душею живущаго (ἐγένετο... εἰς ψυχὴν ζῶσαν (Быт. 2, 7), т. е. дѣйствующимъ среди тѣхъ условій, въ которыхъ онъ былъ поставленъ, живущимъ въ границахъ тѣхъ законовъ, которые были положены въ его внѣшней природѣ (одушевленной земной персти Быт. 2, 7). Но такое положеніе для него, и въ лицѣ его и для всѣхъ насъ, не могло быть вѣчно постоянныхъ; онъ не могъ быть *живущимъ* въ подлежащей тлѣнію внѣшней оболочкѣ; слѣдовательно въ будущемъ для него предстояло видоизмѣненіе по внѣшней природѣ; поэтому послѣдній Адамъ, въ которомъ послѣдовало видоизмѣненіе внѣшней природы чрезъ воскресеніе (15, 21. 22), сталъ духомъ животворящимъ, духомъ, освобождающимъ отъ служенія тлѣнію (Римл. 7, 24; 8, 2), возвращающимъ, дающимъ соотвѣтствующую духовной природѣ человѣка внѣшнюю оболочку, съ которою человѣкъ перестанетъ быть рабомъ тлѣнія (1 Кор. 15, 54) [2]). Въ порядкѣ же вещей

---

[1]) Въ новѣйшихъ западныхъ изданіяхъ греческаго текста (Тишендорфа 1870 г.) вторую половину 44 ст. принято читать такъ: εἰ ἔστιν σῶμα... ἔστιν καὶ... вмѣсто ἔστι σωμα... καὶ ἔστι...; при такомъ видоизмѣненномъ чтеніи мысль выводимая становится очевиднѣе; впрочемъ и безъ введенія этого видоизмѣненнаго чтенія ясно, что Апостолъ при сопоставленіи этихъ тѣлъ основу для послѣдняго видѣлъ въ первомъ.

[2]) Безспорно, что въ приведенномъ мѣстѣ слова Писанія составляетъ только первая половина стиха и то съ нѣкоторыми прибавленіями; слова же *послѣдній Адамъ въ духъ животворящъ*—представляютъ собственное ученіе Апостола; но такъ какъ это ученіе съ необходимостію вытекаетъ изъ предшествующихъ словъ, то оно и представлено въ видѣ свидѣтельства Писанія, какъ хорошо на этотъ разъ замѣтилъ *Икуменій* въ комментаріѣ: „Hoc scriptum non est, sed quod consequitur dicit tanquam scriptum est“ (Patrolog. Curs. compl. T. CXVIII, 837).

было, чтобы болѣе совершенное состояніе человѣка слѣдовало за менѣе совершеннымъ (ст. 45. 46). Такимъ образомъ первый Адамъ по самой своей природѣ предуказывалъ будущаго.

Доказавъ такимъ образомъ предстоящую дѣйствительность воскресенія въ новомъ духовномъ тѣлѣ, чуждомъ слабостей и немощей, не подлежащемъ тлѣнію, Апостолъ продолжаетъ: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ* (χοϊκός), *вторый человѣкъ, Господь съ небесе* (ст. 47) 1). Понятное дѣло, что въ контекстѣ рѣчи Апостолъ называетъ перваго человѣка *перстнымъ* по отношенію къ тому состоянію, представителемъ котораго онъ былъ; равнымъ образомъ втораго человѣка называетъ Господомъ *съ неба* по отношенію къ тому, что Онъ сдѣлалъ. Первый человѣкъ былъ родоначальникомъ племени, подлежавшаго законамъ тлѣнія, и потому онъ перстенъ; второй человѣкъ, начатокъ воскресенія умершихъ въ новомъ нетлѣющемъ тѣлѣ, способномъ унаслѣдовать царствіе небесное (ст. 20.-50), и потому Онъ съ неба. Ученія о домірномъ небесномъ человѣкѣ и слѣдовавшемъ за нимъ земномъ въ приведенныхъ словахъ нѣтъ и не могло быть; по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ древнихъ толковниковъ не находилъ въ этихъ словахъ такого ученія, и немногіе изъ новѣйшихъ, безъ предвзятой мысли, открываютъ слѣды его въ нихъ 2). Представители же отрицательной критики отыскиваютъ слѣды такого ученія въ этихъ словахъ при помощи сопоставленія ихъ съ отрывочными выраженіями другихъ мѣстъ посланій (2 Кор. 4, 4. 5) и ученіемъ александрійскаго Филона о небесномъ человѣкѣ. Но отрывочныя слова и мѣста вообще не могутъ служить выраженіемъ цѣлостнаго систематическаго взгляда на

---

1) Въ новѣйшихъ западныхъ изданіяхъ греческаго текста вторую половину стиха приняго читать такъ: ὁ δεύτερος ἄνθρωπος ἐξ οὐρανοῦ.

2) *Бейшлагъ*, in d. Stud. v. Kritisch. 1860 стр. 437 и дал.

извѣстный предметъ; тѣмъ болѣе по нимъ уже слишкомъ смѣло возстановлять воззрѣніе, существовавшее назадъ тому двадцать три, двадцать четыре года, такъ какъ посланія, цитуемыя отрицательною критикою, были писаны Апостоломъ спустя двадцать три двадцать четыре года послѣ обращенія въ христіанство. Что же касается ученія александрійскаго Филона о небесномъ человѣкѣ, то такое ученіе дѣйствительно есть у него [1]); но немного нужно вниманія, чтобы видѣть въ цитуемыхъ мѣстахъ Филона существенное отличіе между его ученіемъ и ученіемъ ап. Павла о небесномъ человѣкѣ [2]). У Филона небесный человѣкъ—это отвлеченная идея, не имѣющая матеріальной реальности (ἀσώματος), у ап. Павла, какъ признаютъ сами отрицательные критики, это высшее небесное существо, облеченное въ свѣтовидную небесную матерію; у Филона небесный человѣкъ служилъ прототипомъ для земнаго при его созданіи, у ап. Павла онъ является его Искупителемъ и Спасителемъ въ немощномъ земномъ бытіи; у Филона нѣтъ никакого сроднаго соотношенія между небеснымъ и земнымъ человѣкомъ, и съ его точки зрѣнія едва-ли мыслимо было бы воплощеніе перваго для блага послѣдняго, у ап. Павла освобожденіе земнаго человѣка изъ подъ ига рабства, дарованіе ему того высокаго блага—сыноположенія, которое имѣлъ небесный человѣкъ, побуждаютъ послѣдняго явиться на землѣ и сдѣлаться сыномъ жены (Галат. 4, 4—7). При этомъ мы не упоминаемъ о томъ, что, послѣ обѣщанія, въ началѣ по-

---

1) См. Φίλωνος opera 1691 г. Francfurt. стр. 30.

2) Вотъ одно изъ главныхъ мѣстъ, касающихся этого предмета и обыкновенно приводимыхъ изъ писаній Филона: διαφορὰ παμμεγεθὴς ἐστι τοῦ τε νῦν πλασθέντος ἀνθρώπου καὶ τοῦ κατὰ τὴν εἰκόνα θεοῦ γεγονότος πρότερον. Ὁ μὲν γὰρ διαπλασθεὶς ἤδη αἰσθητὸς μετέχων ποιότητος, ἐκ σώματος καὶ ψυχῆς συνεστὼς, ἀνὴρ ἢ γυνὴ φύσει θνητὸς ὢν; ὁ δὲ κατὰ τὴν εικόνα ἰδεα τις ἢ γένος ἢ σφραγὶς, νοητὸς, ἀσώματος, οὔτ' ἄρρεν οὔτε ϑῆλυ, ἄφθαρτος φύσει (Opera Philonis, de opif. mundi, 1691 г. Francf. стр. 30).

сланія, излагать христіанское ученіе *не въ препрѣтельныхъ человѣческія мудрости словесѣхъ* (2, 4), не въ связи съ мудростію слова, дабы оно не перестало быть тѣмъ, что оно есть по своему происхожденію (1, 17), Апостолъ едва-ли рѣшился бы въ концѣ того же самаго посланія нарушить это правило и отступить отъ него, смѣшивая христіанское ученіе съ философскимъ, въ виду тѣхъ читателей которыхъ онъ завѣрялъ, что въ его словѣ не было «то да, да, то нѣтъ, нѣтъ» (2 Кор. 1, 17); не указываемъ на то, что представляя Іисуса Христа подъ образомъ Филонова небеснаго человѣка, Апостолъ несомнѣнно долженъ былъ изложить многія истины христіанскаго вѣроученія далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ изложилъ,—ему тогда не настояло необходимости доказывать воскрешеніе тѣлъ умершихъ въ преображенномъ видѣ, такъ какъ, по примѣру небеснаго человѣка, воскрешеніе должно послѣдовать не въ преображенномъ теперешнемъ тѣлѣ, но въ совершенно новомъ небесномъ [1]), для него тогда спасеніе было бы совершеннымъ не въ нашей плоти, такъ какъ Онъ принялъ ее только для того, чтобы оставить на крестѣ, для него и оправданіе тогда было бы усвоеніемъ намъ высшей небесной святости безъ всякаго участія нашихъ собственныхъ силъ, словомъ существенныя истины христіанскаго вѣроученія не только были бы поняты въ иномъ видѣ, но еще во многихъ отношеніяхъ имъ былъ бы усвоенъ чисто фиктивный характеръ. Не раскрывая этихъ положеній до подробности, считаемъ достаточнымъ и вышеизложеннаго для показанія совершенной искуственности и неестественности тѣхъ представленій, которыя отрицательная критика рѣшилась навязать Апостолу съ

---

[1]) Отрицательная критика полагаетъ, что ап. Павелъ мыслилъ воскресеніе І. Христа въ такомъ видѣ, что смерть Его была νέκρωσις нашей плоти (Holsten, Zum Evangel. d. Paulus u. Petrus 1868 г. стр. 69—70).

тѣмъ только, чтобы сдѣлать обращеніе его въ христіанство не выдѣляющимся изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Совершенно напрасно нѣкоторые изъ отрицательныхъ критиковъ ищутъ оправданія этой искуственной теоріи въ книгахъ Эноха и іудейской Сивиллы, въ которыхъ будтобы образъ Мессіи описывается аналогическими чертами съ изображеніемъ его въ посланіяхъ ап. Павла [1]); содержаніе этихъ книгъ, какъ допускаютъ сами же отрицательные критики, въ значительной мѣрѣ переполнено послѣхристіанскими созерцаніями и по нимъ весьма нелегко безошибочно представить дохристіанскій іудейскій образъ Мессіи [2]).

Впрочемъ нѣкоторые изъ отрицательныхъ критиковъ, дабы избѣжать такой наглядной искуственности и неестественности въ объясненіи обращенія ап. Павла, не вдаются въ обстоятельное выясненіе происхожденія видѣнія, и удовлетворяются представленіемъ одного общаго положенія, что ап. Павлу при извѣстномъ возбужденномъ состояніи весьма удобно могъ явиться Іисусъ Христосъ въ образѣ извѣстнаго видѣннаго пророкомъ Даніиломъ (7, 13) Сына человѣческаго [3]). Но такое общее порѣшеніе вопроса равносильно его игнорированію. Образъ Сына человѣческаго, видѣнный пророкомъ Даніиломъ, весьма неопредѣленнаго характера и самъ по себѣ не могъ быть предметомъ созерцанія въ томъ реальномъ обликѣ, въ которомъ Іисусъ Христосъ явился ап. Павлу (1 Кор. 15, 8). Для того, чтобы это явленіе сдѣлать естественнымъ и по-

---

[1]) *Hausrath,* Neutest. Zeitgesch. II. 1872. 443. 444.

[2]) *Hilgenfeld,* Die judisch. Apokalyptik 1857, стр. 148 и дал.; Die jud. Apokalypt. u. die nevest. Forschung., Zeitschrift. f. wiss. Theolog. 1861 V стр. 319 и дал. 1861. II стр. 212 и дал.; Messias Judeorum, Lipsiae. 1869, стр. VII—XI съ подстрочн. примѣчан.

[3]) *Hilgenfeld,* Historisch—Kritisch Einleitung in d. N. Test. 1875, стр. 221. 222.

слѣдовательнымъ, чтобы доказать его психическую «имманентность», необходимо предуказать, какъ совершенно справедливо полагаютъ Гольтенъ и Гавсратъ, предварительные сродные элементы въ духѣ ап. Павла, изъ которыхъ, впослѣдствіи времени, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, могъ бы составиться образъ видѣнія; иначе объясненіе не будетъ научнымъ. Если же выше приведенное объясненіе предварительныхъ элементовъ видѣнія въ духѣ ап. Павла, по своей искуственности, падаетъ въ область воздушныхъ построеній, то такой же участи подлежитъ и всякое видоизмѣненное его толкованіе, не пополняющее и не подтверждающее его данныхъ, но только прикрывающее и ослабляющее его показанія.

Послѣдующія данныя, приводимыя отрицательною критикою для объясненія естественнаго происхожденія видѣнія при обращеніи ап. Павла, уже стоятъ въ зависимости отъ твердости и устойчивости предшествующаго положенія. Коль скоро открытіе ученія о небесномъ человѣкѣ и въ связи съ нимъ поставляемая реформа въ сознаніи Апостола нетверды и непрочны, то вмѣстѣ съ ними теряетъ свое значеніе и все послѣдующее. Въ ряду доказательствъ, приводимыхъ отрицательною критикою для объясненія естественнаго происхожденія видѣнія, первостепенное мѣсто занимаютъ, какъ мы выше видѣли, открытіе ученія о небесномъ человѣкѣ и въ зависимости отъ него поставляемое содержаніе видѣнія; все предшествующее только служитъ подготовленіемъ къ нему, все послѣдующее—переводнымъ мостомъ къ осуществленію его. Но какъ предшествующее, такъ и послѣдующее могутъ имѣть такое значеніе только въ томъ случаѣ, если встрѣчаютъ дѣйствительную опору въ новооткрытомъ положеніи, если новооткрытое положеніе имѣетъ дѣйствительныя фактическія основанія. Болѣзненно настроенная фантазія, болѣзненно раздраженное воображеніе, какъ признаютъ сами отрицательные критики, суть

только воспроизводительныя (reproductive), а не творческія силы; они воспроизводятъ, облекаютъ во внѣшнюю оболочку идеи, прежде покоившіяся въ духѣ созерцателя. Такимъ образомъ, если въ представленіи Апостола точно имѣлся извѣстный образъ Мессіи, то при извѣстныхъ условіяхъ они могли-бы вызвать наружу, могли-бы сдѣлать этотъ внутренній образъ объективно созерцаемымъ для апостольскаго духа. Но если этого образа никогда не было въ представленіи Апостола, если нѣтъ твердыхъ научныхъ ручательствъ за его существованіе въ его духѣ и по своему происхожденію онъ скорѣе есть плодъ, свободное созданіе предвзятой критической мысли, чѣмъ болѣзненно возбужденнаго воображенія Апостола, то производительная дѣятельность вышепомянутыхъ способностей остается не при чемъ. Равнымъ образомъ тѣ возбудительныя рѣчи первыхъ миссіонеровъ христіанства, тотъ внутренній разладъ и та дисгармонія мысли, которые испыталъ Апостолъ при первой встрѣчѣ съ этими миссіонерами, только тогда могли быть посредствующимъ звѣномъ къ извѣстному видѣнію, когда предначатки послѣдняго уже издавна были въ духѣ Апостола, когда они уже долго покоились въ его сознаніи и только при встрѣчѣ съ извѣстными вызывающими обстоятельствами выступили наружу и сложились въ извѣстный образъ. Но коль скоро эти предначатки, этотъ прецедентъ видѣнія, по своей недоказанности, падаютъ въ область измышленныхъ критикою представленій, то наступившія предъ обращеніемъ событія, при всемъ своемъ потрясающемъ вліяніи на духъ Апостола, не возобладали же сами по себѣ творческою силою и не воспроизвели въ его духѣ того, чего въ немъ не было. Такимъ образомъ такъ искусно описанныя особенности физической и психической природы Апостола, такъ цѣлостно представленная картина состоянія его дохристіанскаго духа, и изъ тѣхъ и другой подведенный итогъ, низводящій дѣло обращенія до про-

стаго и естественно-послѣдовательнаго событія, безъ твердой опоры въ предшествующемъ положеніи идеи небеснаго человѣка, теряютъ соотвѣтствующее научное значеніе и силу. Онѣ являются не болѣе не менѣе какъ искусно составленнымъ подборомъ фактовъ и событій, часто не мирящихся между собою и только направленныхъ къ достиженію извѣстной цѣли.

Послѣ этого считаемъ уже излишнимъ показывать, какъ много не соотвѣтствующаго съ фактическими данными вошло въ изображеніе дохристіанскаго состоянія духа ап. Павла, въ описаніе особенностей его физической и психической природы, какъ невполнѣ научно возстановлять первое и описывать послѣднія по памятникамъ, составленнымъ спустя двадцать три, двадцать четыре года послѣ упомянутыхъ событій, когда многое въ жизни Апостола дѣйствительно могло измѣниться въ теченіе этого времени вслѣдствіе необычайныхъ подвиговъ апостольскаго служенія, когда описываемая имъ слабость организма и соединявшіяся съ нею послѣдствія могли быть плодомъ его необычайной ревности къ служенію Іисусу Христу, и когда самое содержаніе его духа было совершенно отличнымъ отъ того, какимъ оно было до обращенія. Выше показанная несостоятельность идеи небеснаго человѣка и представленія подъ послѣднимъ Іисуса Христа дѣлаетъ излишнимъ раскрытіе несостоятельности всего слѣдующаго за ними. Если бы мы на время отрѣшились отъ того, что Апостолъ самъ говоритъ о своемъ дохристіанскомъ состояніи, о своихъ духовныхъ и тѣлесныхъ немощахъ, и приняли за чистую монету все то, что отрицательная критика утверждаетъ касательно этого, то безъ допущенія извѣстнаго рода прецедентовъ мы все-таки не могли бы представить естественно-послѣдовавшимъ явленіемъ видѣніе, служившее основою обращенія въ христіанство ап. Павла; мыслить же эти прецеденты въ такомъ видѣ, въ какомъ представляетъ отрицательная критика, не имѣемъ

ни малѣйшихъ научныхъ основаній. Такимъ образомъ при непредвзятомъ отношеніи къ новозавѣтнымъ библейскимъ сказаніямъ объ обращеніи ап. Павла необходимо возвратиться къ тому положенію, на которомъ стоялъ основатель современной отрицательной критики Бауръ, который видѣлъ въ внезапномъ обращеніи Апостола только чудо и который говорилъ, что «внутренняя тайна того акта, въ которомъ Богъ открылъ ему своего Сына, не можетъ быть постигнута никакимъ ни психологическимъ, ни діалектическимъ анализомъ« [1]). Объ имманентномъ происхожденіи этого событія не можетъ быть рѣчи.

Но на такомъ положеніи мы могли бы остановиться только тогда, когда, не довѣряя возможности чуда, какъ сверхъестественнаго событія, къ признанію его между тѣмъ были вынуждаемы только необычайнымъ стеченіемъ событій, неразгаданныхъ для насъ обыкновеннымъ путемъ дознанія, когда чудо намъ представлялось бы какъ что-то такое, чего пока не выяснили и не выразумѣли сроднымъ намъ логическимъ путемъ изслѣдованія. Въ такомъ совершенно смыслѣ Бауръ и высказывалъ вышеприведенное признаніе; по своимъ принципамъ онъ собственно не вѣрилъ въ дѣйствительность сверхъестественнаго чуда, но преклонялся предъ непостижимостію неотвергаемаго имъ факта обращенія ап. Павла, и по ненаступившей удовлетворительной выясненности его готовъ былъ видѣть въ немъ чудо. Признаніемъ такого рода онъ только будилъ пытливость послѣдующихъ отрицательныхъ критиковъ и располагалъ ихъ напрягать послѣднія усилія для ниспроверженія этого послѣдняго неразгаданнаго пункта въ области чудеснаго [2]). Но коль скоро мы, вопреки этимъ напряжен-

---

[1]) Das Christent. u. d. christl. Kirche 2 Ausgab. стр. 45.

[2]) См. *Holsten,* Zum Evangel. d. Petrus d. Paulus u. 1868, стр. 3—7; 65 и слѣд.

нымъ усиліямъ современной отрицательной критики, представили изъ жизни первыхъ христіанскихъ общинъ цѣлый рядъ событій, не представляющихъ только затрудненія для объясненія, но свидѣтельствующихъ о прямомъ и непосредственномъ проявленіи среди ихъ сверхъестественной силы, то на основаніи этого мы вправѣ и здѣсь выступить изъ границъ этой узкой колеи пониманія сверхъестественной чудесности и уяснить фактъ обращенія ап. Павла въ соотвѣтствующемъ ему значеніи.

На основаніи выше изложенныхъ соображеній мы вправѣ считать свидѣтельства ап. Павла объ обращеніи его въ христіанство не за самообольщенныя представленія болѣзненнаго дѣятеля, находившагося подъ вліяніемъ извѣстнаго рода идей, но за сказанія, заслуживающія довѣрія и изображающія то, что было въ дѣйствительности. Отрицательная критика не вполнѣ справедливо выдаетъ за достовѣрное, будто Апостолъ ничего не говоритъ о своемъ дохристіанскомъ міросозерцаніи; онъ часто противополагаетъ свои и читателей его посланій дохристіанскія воззрѣнія христіанскимъ (Галат. 2, 15. 16; 4, 3. 8. 9. 10; 6, 12—17), часто изобличаетъ іудействующихъ христіанъ въ неправомъ пониманіи смысла и духа ветхозавѣтныхъ писаній (Галат. 3, 8—24; 4, 1—5. 21—31 и др.), и этимъ самымъ даетъ богатый матеріалъ для составленія взгляда вообще на его дохристіанское міросозерцаніе. Что же касается самаго момента, предшествовавшаго его обращенію, то о немъ онъ также не умалчиваетъ. Изъ краткаго, но излагающаго сущность, сказанія, можно вывесть отчетливое заключеніе, что ап. Павелъ не только свое обращеніе, но и самое ученіе, считалъ непосредственнымъ плодомъ явленія ему Іисуса Христа, безъ всякихъ предварительныхъ съ его стороны колебаній и сомнѣній въ правотѣ хранимыхъ имъ убѣжденій.

Имѣя нужду говорить о своемъ обращеніи въ христіанство въ посланіи къ Галатамъ, ап. Павелъ прежде всего завѣряетъ галатянъ, что проповѣданное имъ евангеліе не человѣческое, но божественное по своему происхожденію (1, 11) [1]). Въ доказательство дѣйствительности этого положенія онъ ссылается на то, что онъ не отъ людей принялъ его и не людьми былъ наставленъ въ немъ (οὐδὲ γὰρ ἐγὼ παρὰ ἀνθρώπου παρέλαβον αὐτό, οὔτε ἐδιδάχθην), но чрезъ откровеніе Іисуса Христа (δι' ἀποκαλύψεως Ἰησοῦ Χριστοῦ), разумѣя подъ послѣднимъ конечно явленіе, бывшее при обращеніи (ст. 12). Первыми двумя отрицаніями (οὐδὲ οὔτε) Апостолъ показываетъ, что тѣ способы наставленія, которые были обыкновенны въ его время— наставленіе чрезъ взаимный обмѣнъ добытыхъ свѣдѣній при встрѣчѣ (παρέλαβον), и наставленіе чрезъ школу (ἐδιδάχθην), не примѣнимы къ проповѣданному имъ евангелію [2]); онъ не былъ наставленъ людьми въ благовѣстіи Христовомъ при встрѣчѣ съ ними, не былъ наученъ ему въ школѣ; явленіе Іисуса Христа при обращеніи замѣнило для него то и другое; оно одно было виновникомъ того евангелія, которое онъ проповѣдалъ. Это одно отличіе обыкновенныхъ тогдашнихъ способовъ наставленія отъ того, которымъ Апостолъ получилъ свое благовѣстіе, показываетъ, какъ ясно и отчетливо было его пред-

---

[1]) Выраженія—οὐκ ἔστιν κατὰ ἄνθρωπον, употребленныя для характеристики Евангелія, хорошо комментируетъ Икуменій: „οὐκ ἔστι κατὰ ἄνθρωπον; κατὰ θεὸν γάρ ἐστι, τουτέστι, κατὰ θεοῦ ἀποκάλυψιν“ (Patrolog. C. compl. T. CXVIII стр. 1098). Дѣйствительно, выраженію κατὰ ἄνθρωπον можетъ быть противополагаемо только κατὰ Θεόν. Если бы Апостолъ проповѣдывалъ евангеліе κατὰ ἄνθρωπον, то онъ предлагалъ бы вниманію слушателей такое ученіе, достоинство котораго могло и должно быть измѣряемо по усиліямъ и средствамъ человѣческимъ, но какъ неприложимъ этотъ взглядъ къ его ученію, показываютъ дальнѣйшія слова.

[2]) Апостолъ Павелъ выраженіями—παρέλαβον и ἐδιδάχθην по всей вѣроятности указываетъ на способы обученія, извѣстные въ его отечественномъ городѣ и распространенные въ другихъ малоазійскихъ городахъ; это способы обученія ἐν ἀγορᾷ и ἐν σχολῇ, διδασκαλείῳ.

ставленіе о характерѣ и особенностяхъ проповѣдуемаго имъ евангелія. Отрицательнымъ и положительнымъ способомъ онъ доказываетъ читателямъ, что проповѣдуемое имъ евангеліе получено имъ не такимъ образомъ, какимъ оно получено ими отъ него; не чрезъ посредство людей онъ былъ наставленъ, подобно имъ, но чрезъ явленіе самаго Іисуса Христа. Въ этомъ мѣстѣ Апостолъ собственно противополагаетъ способъ полученія своего благовѣстія способу полученія его читателями посланія, а не прежде его сдѣлавшимися учениками Іисуса Христа, какъ полагали нѣкоторые изъ древнихъ и какъ утверждаютъ многіе изъ новѣйшихъ толковниковъ [1]). Съ читателями собственно онъ ведетъ рѣчь объ этомъ предметѣ и къ ихъ непосредственному свидѣтельству онъ далѣе обращается для наглядняго его уясненія. Что дѣйствительно его евангеліе было обязано своимъ происхожденіемъ необычайному явленію Іисуса Христа, Апостолъ доказываетъ это напоминаніемъ обстоятельствъ, извѣстныхъ читателямъ изъ его дохристіанской жизни, изъ которыхъ ясно видно, какъ онъ далекъ былъ отъ вѣры въ Іисуса Христа, которую теперь съ такою ревностію проповѣдуетъ, въ самый моментъ, предшествовавшій его обращенію. Къ вамъ доходили слухи, говоритъ онъ, какъ весь образъ моихъ мыслей, все мое стремленіе и направленіе (τὴν ἐμὴν ἀναστροφήν) въ іудаизмѣ (ἐν τῷ Ἰουδαϊσμῷ), т. е., въ іудейской религіи не въ томъ ея чистомъ видѣ, въ которомъ она сохранилась въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ, но въ томъ, который она приняла въ послѣднее время подъ вліяніемъ позднѣйшихъ отеческихъ преданій, были всецѣло заняты и поглощены послѣд-

---

[1]) Οἰκουμένιος, Patrolog. C. c. T. CXVIII стр. 1097; Wilh. Meyer, Komm. u. d. N. T. siebent. Abtheil. стр. 27. 1862 г.; также объясняютъ Ольсгаузенъ, Визелеръ и др.

нимъ [1]), такъ что изъ ревности къ нему я жестоко гналъ и разорялъ церковь Божію (ст. 13). И въ ревнивой преданности этому іудаизму, въ сферѣ понятій, его составлявшихъ, я превосходилъ (προέκοπτον) многихъ единомысленныхъ мнѣ сверстниковъ, будучи совершеннѣйшимъ ревнителемъ (περισσότερος ζηλωτής) отеческихъ моихъ преданій (πατρικῶν μου παραδόσεων), воспитывавшихъ слѣпую преданность къ однимъ внѣшнимъ мнимымъ преимуществамъ іудейскаго народа (Римл. 9, 7. 8; Филип. 3, 5. 7. 8), поощрявшихъ и одобрявшихъ одно внѣшнее преобладаніе и распространеніе іудейской религіи среди язычниковъ (Матѳ. 23, 15; Гал. 6, 12. 13) и внушавшихъ гордое презрѣніе ко всему чуждому ихъ духа и характера (Римл. 2, 17—20) (ст. 14).

Такъ, описывая свое внѣшнее дохристіанское отношеніе къ церкви Іисуса Христа (ст. 13) и въ такомъ видѣ изображая свой внутренній кругозоръ (ст. 14), служившій основою этого внѣшняго отношенія, Апостолъ конечно имѣлъ въ виду показать читателямъ, что только одно необычайное явленіе Іисуса Христа могло сдѣлать его христіаниномъ. Разоряя церковь Христову, онъ не могъ имѣть внутренняго влеченія къ ней, воспитавъ въ себѣ духъ совершеннѣйшаго іудейскаго фарисея, проникнувшись доктринами послѣдняго до ослѣпленной ревности къ нимъ, онъ не былъ доступенъ воспринятію христіанскаго вѣроученія по сложившемуся и окрѣпшему въ извѣстномъ направленіи внутреннему кругозору, хотя изъ споровъ съ проповѣдниками новаго ученія онъ могъ узнать главныя положенія этой новой религіи; мало того, по своей фанатической преданности отеческимъ преданіямъ, онъ не могъ допустить даже

---

[1]) Ἰουδαϊσμός, подобно выраженію Ἑλληνισμός, могло именно указывать на іудея, воспитаннаго на почвѣ іудейскихъ традицій, и вполнѣ ими проникнутаго (ср. 2 Маккав. 8, 1; 14, 38).

сомнѣнія и колебанія въ истинѣ усвоенныхъ и хранимыхъ имъ убѣжденій. Такимъ образомъ одна могучая высшая божественная сила могла направить его на путь ново-открытой истины.

Что таково дѣйствительно было состояніе духа ап. Павла въ моментъ обращенія въ христіанство, и что послѣднее, по его воззрѣнію, точно совершилось вслѣдствіе вліянія сверхъестественной силы, открывшейся въ явленіи Іисуса Христа, въ этомъ можемъ увѣриться изъ другаго его свидѣтельства о томъ же событіи, изложеннаго уже въ образной формѣ. Исчисляя въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ явленія воскресшаго Іисуса Христа апостоламъ и увѣровавшимъ въ Него, ап. Павелъ въ числѣ послѣднихъ живыхъ свидѣтелей, видѣвшихъ воскресшаго Іисуса Христа, ставитъ себя (15, 8). Но при этомъ онъ замѣчаетъ, что Іисусъ Христосъ явился ему не какъ остальнымъ братіямъ и апостоламъ, но *яко нѣкоему извергу* (ὡσπερεὶ τῶ ἐκτρῶματι) [1]). Послѣднее выраженіе въ цитуемомъ стихѣ точно также какъ и первое (ἔσχατον) Апостолъ употребилъ не съ тою цѣлію [2]), чтобы имъ указать на себя, какъ на менѣе всѣхъ прежде исчисленныхъ имъ апостоловъ и братій достойнаго этого великаго видѣнія, но чтобы означить имъ въ дѣйствительности то положеніе, въ которомъ явился ему Іисусъ Христосъ, и тѣмъ самимъ нагляднѣе представить величіе той благодати, которая призвала и сдѣлала его такимъ избраннымъ орудіемъ [3]). Значеніе же этого слова,

---

[1]) Τῶ ἐκτρώματι въ славянскомъ и русскомъ текстѣ переведено „нѣкоему извергу"; нѣкоторые изъ толковниковъ точно полагаютъ, что здѣсь τῶ употреблено вмѣсто τινι; но контекстъ рѣчи апостольской не говоритъ въ пользу такого измѣненія; членъ τῶ здѣсь именно указываетъ на такое состояніе Апостола при явленіи Іисуса Христа, которое чуждо было другимъ, удостоившимся этого явленія.

[2]) Meyer, de Wette.

[3]) Ст. толк. Златоуста и Икуменія.

за недостаткомъ употребленія его въ новозавѣтныхъ книгахъ, можетъ быть точно указано изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, въ которыхъ оно было обыкновеннымъ (см. Числ. 12, 12; Іов. 3, 16; Еккл. 6, 3; Псал. 58, 9). Въ приведенныхъ мѣстахъ это слово, замѣнившее еврейское נֵפֶל означаетъ собственно плодъ въ утробѣ матерней не то что недоношенный и прежде времени рожденный, слѣдовательно не чуждый признаковъ жизни, но невременно рожденный, который выходитъ изъ утробы матерней еще необразовавшимся и потому неспособнымъ къ жизни или же замершимъ и даже предавшимся гніенію (Числ. 12, 12) [1]). Представляя подъ такимъ образомъ свое духовное состояніе предъ обращеніемъ, Апостолъ именно имѣлъ въ виду показать читателямъ, что явленіе воскресшаго Іисуса Христа для него было не тѣмъ, чѣмъ оно было для увѣровавшихъ уже въ Него: послѣднихъ оно утверждало и укрѣпляло въ новой вѣрѣ и возводило на высшую ступень религіознаго созерцанія, для него оно служило еще только началомъ и рожденіемъ этой вѣры, основою и источникомъ новаго духовнаго знанія, для нихъ было высшею духовною пищею въ новой предначатой жизни, для него служило еще только начальнымъ свѣтомъ къ познанію славы Божіей въ лицѣ Іисуса Христа (2 Кор. 4, 6), воззваніемъ къ новой духовной жизни (Гал. 1, 15. 16), и вдохновеніемъ этой новой жизни (2 Кор. 3, 6).

Изъ этого свидѣтельства ясно видно, что обращеніе въ христіанство для ап. Павла было сверхъ-естественнымъ актомъ рожденія его въ новую духовную жизнь, сверхъ-естественнымъ переводомъ его въ сферу новаго вѣдѣнія, новаго знанія. Въ подтвержденіе такого именно его представленія о характерѣ об-

---

1) Икуменій такъ объясняетъ значеніе этого слова: ἔστι δὲ ἔκτρωμα, ἤγουν ἐξάμβλωμα καὶ ἐμβρωθρίδιον, ἤγουν τὸ ἀτελὲς ἔμβριον τὸ ἄμορφον“ (Patrolog. C. compl. T. CXVIII, стр. 864).

ращенія мы можемъ сослаться еще на одно его свидѣтельство, въ которомъ онъ въ объясненіе особенностей своего и своихъ сподвижниковъ апостольскаго служенія, выражающагося въ исключительной проповѣди объ Іисусѣ Христѣ, приводитъ то, что Богъ, повелѣвшій изъ тьмы возсіять свѣту, такимъ озаряющимъ свѣтомъ сдѣлалъ для нихъ лице Іисуса Христа (2 Кор. 4, 6) [1]). Сопоставленіе творческаго акта созданія свѣта вещественнаго съ актомъ духовнаго возрожденія въ христіанствѣ безъ дальнѣйшихъ поясненій опредѣляетъ воззрѣніе Апостола на его обращеніе. Для него христіанское возрожденіе было творческимъ актомъ созданія духовнаго свѣта въ его сердцѣ (ὃς ἔλαμψεν ἐν ταῖς *καρδίαις* ἡμῶν), при которомъ внутри его повторилось нѣчто подобное тому, что было при твореніи вещественнаго свѣта изъ тьмы (ἐκ σκότους). Въ образѣ тьмы, предшествовавшей свѣту, онъ олицетворилъ свое дохристіанское состояніе; съ свѣтомъ, вызваннымъ могуществомъ Божіимъ изъ тьмы онъ сравнилъ свое обращеніе въ христіанство; послѣднее было для него божественнымъ созданіемъ того духовнаго свѣта, который возникъ среди мрака невѣдѣнія, его окружавшаго. Ясность и отчетливость представленія объ этомъ состояніи, многообразность его изложенія, не дозволяютъ усомниться въ объективной дѣйствительности того событія, которое передается Апостоломъ въ столь разнообразныхъ видахъ, и

---

[1]) Мысль этого стиха, нелегкаго для объясненія, передаемъ въ болѣе общепринятомъ видѣ: Богъ, повелѣвшій изъ тьмы возсіять свѣту, просвѣтилъ наши сердца для озаренія познаніемъ славы Божіей и *другихъ* въ лицѣ Іисуса Христа, т. е. въ той славѣ, которая открылась въ Немъ, какъ Сынѣ Божіемъ. Въ русскомъ переводѣ во второй половинѣ стиха прибавлено слово *насъ* и тѣмъ нѣсколько нарушена гармонія мысли; πρὸς φωτισμὸν τῆς γνώσεως очевидно стоитъ въ зависимости отъ ἔλαμψεν и служитъ выраженіемъ его цѣли, вслѣдствіе этого цѣлесообразнѣе было бы замѣнить вставленное слово *насъ* словомъ *другихъ*. или же оставить безъ всякой прибавки, какъ въ славянскомъ текстѣ.

при столь различныхъ обстоятельствахъ, и въ творческомъ значеніи его для христіанской жизни Апостола.

Совершенно напрасно нѣкоторые даже изъ ортодоксальныхъ толковниковъ стараются ослабить своими вставочными объясненіями такъ описываемое Апостоломъ обращеніе въ христіанство на томъ основаніи, будто, безъ допущенія всякой внутренней подготовки со стороны Апостола къ принятію христіанства, послѣднее въ выше изложенномъ видѣ можетъ показаться насильственнымъ актомъ вторженія Божества въ область субъективной жизни человѣка, насильственнымъ подавленіемъ его свободныхъ субъективныхъ стремленій и желаній. Ап. Павелъ, не будучи предрасположенъ къ христіанству, тѣмъ не менѣе могъ быть склоннымъ при извѣстныхъ условіяхъ къ усвоенію его истины самымъ высшимъ образомъ. Когда Іисусъ Христосъ въ своей огласительной проповѣди изъ множества окружавшихъ его слушателей хотѣлъ выдѣлить тѣхъ, которыхъ готовилъ быть продолжателями своего служенія, то обращаясь къ нимъ говорилъ: *блажени есте, егда поносятъ* васъ, *и изженутъ*... Матѳ. 5, 11, блаженны вы, когда настолько будете тверды и мужественны, что претерпите гоненія и преслѣдованія за тѣ истины, которыя я возвѣщаю вамъ... На такой высотѣ духовнаго величія стоялъ ап. Павелъ, когда гналъ и преслѣдовалъ церковь Христову; онъ уповалъ, что ратуетъ за высшую божественную истину, и въ этой мысли готовъ былъ умереть за нее, убивая тѣхъ людей, которые посягали на ея достояніе. Когда онъ находился въ такомъ высшемъ порывѣ духовнаго возбужденія, провидѣнію угодно было помощію необычайнаго видѣнія открыть ему, что истина не въ тѣхъ отеческихъ преданіяхъ, за которыя онъ ратуетъ, но въ той религіи, исповѣдниковъ которой онъ преслѣдуетъ. Необычайное видѣніе сдѣлало его послѣдователемъ новой религіи, но не причинило насилія его духовному строю. Онъ

остался съ тѣми же пламенными и ревностными стремленіями, съ тѣми же природными наклонностями, только предметомъ и содержаніемъ ихъ стала новая истина. Въ такомъ видѣ намъ представляется обращеніе ап. Павла, въ такомъ оно представится и каждому съ непредвзятою мыслію разсматривающему сказанія посланій къ нему относящіяся. Еслибы мы ко всему сказанному присоединили еще одно свидѣтельство Апостола, въ которомъ онъ говоритъ, что онъ видѣлъ Господа точно такъ, какъ видѣли Его непосредственные Его ученики (1 Кор. 9, 1), и поняли его въ связи со всѣмъ его ученіемъ, то увидѣли бы, что вполнѣ объективное видѣніе прославленнаго Іисуса Христа было не только началомъ его обращенія, но и исходнымъ пунктомъ всего его христіанскаго богословія, такъ что съ видоизмѣненіемъ характера перваго необходимо видоизмѣнить основное воззрѣніе и на послѣднее. Такъ тѣсно и непосредственно слилась сверхъестественность видѣнія прославленнаго Господа въ вышесказанномъ видѣ со всѣмъ основнымъ вѣроученіемъ ап. Павла. Образъ видѣннаго небеснаго Іисуса Христа, Его слава и величіе сдѣлались основными пунктами богословія ап. Павла.

Не легче объяснить безъ чуда, какъ сверхъестественнаго событія, обращеніе въ христіанство и другихъ апостоловъ, въ особенности же тѣхъ *четырехъ*, которые прежде всѣхъ сдѣлались послѣдователями Іисуса Христа. Евангельская исторія въ самыхъ общихъ чертахъ касается призванія двѣнадцати учениковъ Іисуса Христа (Марк. 3, 13. 14; Лук. 6, 13); нѣсколько подробнѣе она говоритъ только о призваніи первыхъ четырехъ апостоловъ и евангелиста Матѳея (Матѳ. 4, 18—22; Марк. 1, 16—20; Матѳ. 9, 9; Марк. 2, 14 и слѣд.; Лук. 5, 27 и слѣд.). Но призваніе тѣхъ апостоловъ, которые сдѣлались послѣдователями Іисуса Христа, спустя нѣкоторое время послѣ выступленія Его на поприще общественнаго служенія, могло не представлять ничего особеннаго сравнительно съ призваніе-

емъ предшествующихъ; въ это время слава Іисуса Христа дѣлалась извѣстною далеко за предѣлами Галилеи и Іудеи (Матѳ. 4, 24. 25; Марк. 3, 7. 7), и Ему уже не трудно было пріобрѣсть преданныхъ и вѣрныхъ послѣдователей. Но не такъ могло быть на первыхъ порахъ, когда Онъ только что выступилъ въ званіи учителя, еще никому невѣдомый и неизвѣстный; тогда Онъ еще не могъ разсчитывать на особую преданность и расположенность людей, съ Нимъ встрѣчавшихся. Такимъ образомъ призваніе первыхъ учениковъ Петра и Андрея, Іакова и Іоанна, падающее на это время (Матѳ. 4, 18—22; Марк. 1, 16—20), едвали могло бы послѣдовать безъ стеченія особаго рода знаменательныхъ событій.

Отрицательная критика всѣми мѣрами старается по возможности упростить и представить естественнымъ обращеніе и призваніе первыхъ учениковъ Іисуса Христа. Естественныхъ условій, упрощающихъ это дѣло, она ищетъ въ той странѣ, въ которой послѣдовало призваніе этихъ учениковъ и въ которой, по сказанію трехъ первыхъ евангелистовъ, началось и продолжалось учительское служеніе Іисуса Христа—Галилеѣ. По отношенію къ этой странѣ она выставляетъ на видъ то, что жители ея, отдаленные отъ центра ѳеократіи—Іерусалима, далеко не такъ были предзаняты іудейскими традиціями, какъ жители собственной тогдашней Іудеи, держались болѣе свободнаго взгляда на религію, и въ своихъ низшихъ слояхъ въ особенности представляли благопріятную почву для распространенія новыхъ религіозныхъ идей. Въ этомъ отношеніи она считаетъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ избраніе Іисусомъ Христомъ этой страны для первоначальной проповѣди своего ученія, и съ этой точки зрѣнія представляетъ естественнымъ безпрекословное повиновеніе Его зову первыхъ Его послѣдо-

вателей [1]). Допуская даже возможнымъ, что жители сѣверной Галилеи были нѣсколько свободнѣе во взглядѣ на преданность нѣкоторымъ внѣшнимъ принадлежностямъ отеческой религіи, чѣмъ іерусалимскіе іудеи, что въ ихъ синагогическихъ собраніяхъ законъ и пророки нѣсколько свободнѣе комментировались, чѣмъ въ мѣстностяхъ, лежавшихъ ближе къ Іерусалиму (хотя іудейскія окраины давали такихъ ревностныхъ поборниковъ отеческихъ преданій, каковъ былъ Савлъ и хотя и въ ней заправляли ходомъ религіозныхъ движеній тѣже самые іерусалимскіе фарисеи и книжники, какъ видно изъ евангельской исторіи (Марк. гл. 2 и 3 и др.), тѣмъ не менѣе мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что для нихъ были чужды во всей силѣ тѣ традиціи мессіанскія, въ которыхъ росли и воспитывались и которыми такъ дорожили іерусалимскіе іудеи. Мы знаемъ изъ евангельской исторіи, какъ ученики Іисуса Христа оставались вѣрными этимъ традиціямъ до послѣднихъ минутъ Его земной жизни, какъ нелегко было имъ порвать связь съ ними, несмотря на всю высоко-духовную просвѣтительную дѣятельность ихъ божественнаго наставника (Матѳ. 16, 22. 23; 20, 20—28; Лук. 24, 18—27 и др.). Воспитавшись же и выросши въ духѣ іудейскихъ мессіанскихъ традицій, первые послѣдователи Іисуса Христа вслѣдствіе своихъ убѣжденій не могли сразу довѣриться неизвѣстному имъ учителю, оставить свои обыкновенныя занятія и безпрекословно слѣдовать за Нимъ, безъ всякаго внѣшняго завѣрительнаго знака, доказывающаго Его особое званіе и служеніе. Если бы Іисусъ Христосъ явился въ видѣ авторитетнаго пустыннаго учителя и проповѣдника, подобно Іоанну Крестителю, то, при тогдашнихъ стремленіяхъ, увлекавшихъ и образованныхъ людей (Іосифъ Флавій) для довершенія своего образованія прохо-

[1]) *Schenkel,* Characterbild Iesu 4. Aufl. 1873 г. стр. 60—65.

дить школы пустынниковъ, для насъ понятно было бы ихъ желаніе сблизиться съ этимъ новымъ учителемъ и проповѣдникомъ. Если бы Онъ при своемъ выступленіи обѣщалъ быть Мессіей въ томъ самомъ видѣ, въ которомъ тогда ожидали Его, то, при тогдашнихъ мессіанскихъ движеніяхъ, для насъ также было бы понятно ихъ желаніе стать подъ знамя вновь явившагося дѣятеля. Но коль скоро Онъ выступилъ въ видѣ скромнаго учителя, не обольщавшаго своихъ слушателей ложными надеждами, коль скоро Онъ училъ о своемъ мессіанскомъ служеніи совершенно несогласно со взглядами современниковъ, то для насъ становится совершенно непонятнымъ мгновенное безпрекословное повиновеніе первыхъ Его послѣдователей Его одному слову— слѣдовать за Нимъ, безъ предварительнаго нагляднаго убѣжденія въ Его величіи [1]). Такимъ оно отчасти представляется и критикамъ отрицательнаго направленія, когда нѣкоторые изъ нихъ, игнорируя свидѣтельство евангелиста Іоанна о первоначальномъ знакомствѣ Іисуса Христа съ первыми Его послѣдователями (1, 35—42), считая недостовѣрнымъ сказаніе ев. Луки о чудесномъ ихъ призваніи (5, 1—11), и останавливаясь на однихъ сказаніяхъ ев. Матѳея и Марка о томъ же призваніи (4, 18—22; Марк. 1, 16—20), стараются восполнить свидѣтельства послѣднихъ своими собственными предположеніями и гаданіями, дабы сдѣлать естественнымъ и послѣдовательнымъ обращеніе первыхъ учениковъ Іисуса Христа [2]). Но естественности происхожденія этого событія намъ

---

1) Вопросъ здѣсь можетъ быть только въ томъ, дѣйствительно-ли призваніе первыхъ учениковъ послѣдовало на первыхъ порахъ мессіанскаго служенія Іисуса Христа; но согласное свидѣтельство въ этомъ случаѣ евангелистовъ Матѳея, Марка и Іоанна ставитъ рѣшеніе этого вопроса въ такомъ смыслѣ выше всякаго сомнѣнія; притомъ же большинство критиковъ отрицательнаго направленія, слѣдуя исключительно сказаніямъ или ев. Матѳея или ев. Марка, при изложеніи евангельской исторіи, рѣшаетъ этотъ вопросъ въ такомъ смыслѣ.

2) Keim, Geschicht. Iesu nach d. Ergebniss. heutig. Wissensch. Zweit. Auflag. 1875 г. стр. 178—179.

кажется цѣлесообразнѣе искать въ совокупныхъ завѣренныхъ свидѣтельствахъ евангелистовъ, чѣмъ въ свободныхъ субъективныхъ предположеніяхъ и гаданіяхъ, тѣмъ болѣе, что эти свидѣтельства нетолько не исключаютъ, но еще восполняютъ одно другое, и при гармоническомъ ненатянутомъ сочетаніи точно даютъ призванію первыхъ послѣдователей Іисуса Христа естественный и соотвѣтствующій положенію видъ.

Выросши и воспитавшись въ іудейскихъ традиціяхъ, первые послѣдователи Іисуса Христа при встрѣчѣ съ Нимъ, какъ съ необыкновеннымъ учителемъ, подобно своимъ современникамъ, надѣялись видѣть въ Немъ мужа, вооруженнаго знаменіями и чудесами (Матѳ. 12, 38. 16, 1; Марк. 8, 11). Такое представленіе для нихъ было весьма естественнымъ въ это время, проникнутое вѣрою въ чудесность и при томъ основаніи, какое оно имѣло въ древнихъ священныхъ книгахъ, которыя чуть не на каждой страницѣ говорили имъ о великихъ дѣятеляхъ, учителяхъ и пророкахъ, обладавшихъ даромъ чудотвореній. Вслѣдствіе этого, чудо, въ видѣ необычайнаго знаменія, было для нихъ первымъ необходимымъ признакомъ особеннаго величія явившагося предъ ними учителя, способнымъ расположить ихъ въ Его пользу. Послѣ первой встрѣчи, описанной ев. Іоанномъ (1, 35—42), во время которой они познакомились съ Его ученіемъ (ст. 39), и почувствовали къ Нему особое уваженіе (ст. 41), чудо въ видѣ описаннаго ев. Лукою (5, 1—11) совершило надъ ними окончательную побѣду и сдѣлало ихъ тѣми ревностными послѣдователями Іисуса Христа, какими представляютъ ихъ евангелисты Матѳей и Маркъ (4, 18—22; 1, 16—20). То безпрекословное повиновеніе Іисусу Христу, которое они высказали въ одно мгновеніе, то всецѣлое отрѣшеніе отъ житейскихъ интересовъ и всесовершенное посвященіе себя мессіанскому служенію, были такимъ образомъ плодомъ не одной внезапной и случайной

встрѣчи съ новымъ небывалымъ учителемъ, но слѣдствіемъ предварительнаго знакомства съ Нимъ и свидѣтельства необычайнаго чуда, совершеннаго предъ ихъ глазами. Нежданная и непредвидѣнная, но, по наставленію Спасителя, оказавшаяся обильною, ловитва рыбъ убѣдила ихъ въ величіи Того, съ которымъ они бесѣдовали; чудо же, совершенное въ области тѣхъ занятій, которыя были сродны имъ, дало имъ возможность быть опытными цѣнителями его необычайности. Великое самопожертвованіе, высказанное ими въ минуты рѣшимости слѣдовать за Іисусомъ Христомъ, соотвѣтствовало величію Лица, явившагося предъ ними и знаменательности дѣла Имъ совершеннаго. Критики отрицательнаго направленія въ опроверженіе дѣйствительности чудеснаго событія, совершеннаго при призваніи первыхъ апостоловъ и описаннаго ев. Лукою, приводятъ только то, что о немъ не упоминаютъ первые два евангелиста, говорящіе о томъ же призваніи, и что по самому своему характеру оно выдѣляется изъ ряда тѣхъ событій, которыя на основаніи извѣстныхъ естественныхъ условій могутъ быть причислены къ чудеснымъ; вслѣдствіе этого, сказаніе о немъ ев. Луки они готовы причислить къ классу тѣхъ сагъ, которыя образовались въ позднѣйшее время на основаніи приточнаго или аллегорическаго выраженія Іисуса Христа, указывавшаго на плодотворную духовную дѣятельность, къ которой готовились и на которую послѣ выступили ближайшіе Его послѣдователи (Матѳ. 4, 19; Марк. 1, 17) [1]). Но касательно перваго и самаго главнаго изъ этихъ основаній слѣдуетъ замѣтить, что хотя дѣйствительно первые два евангелиста не говорятъ буквально о чудесномъ событіи, сопровождавшемъ

---

[1]) W. *Meyer*, Komment. u. N. T. erst. Abth. Zweit. Haelft. 1860, стр. 314—316; *Keim*, Geschicht. Iesu 1875 г. стр. 168; K. *Hase*, Gesch. Iesu nach akademisch. Vorlesung. Leipzig 1876 г. стр. 328—330.

обращеніе первыхъ апостоловъ, но для характеристики ихъ будущаго служенія влагаютъ въ уста Іисуса Христа такія образныя выраженія, которыя по своей основѣ прямо указываютъ на чудесное событіе, описанное ев. Лукою (ср. Матѳ. 4, 19: *сотворю вы ловца человѣкомъ*; Марк. 1, 17 и Лук. 5, 10); кромѣ того, молчаніе первыхъ двухъ евангелистовъ искупаетъ ев. Іоаннъ, который приводитъ аналогическій фактъ изъ дней явленія Іисуса Христа ученикамъ по воскресеніи (21, 1—12). Изъ сличенія сказанія послѣдняго съ сказаніемъ ев. Луки можно заключать, что въ евангельскомъ преданіи чудесная ловитва рыбъ тѣсно связана была съ именемъ ап. Петра, такъ какъ онъ является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ томъ и другомъ повѣствованіи; обращать же оба повѣствованія въ аллегорическое изображеніе характера апостольской проповѣди, значитъ, лишать евангельское преданіе всякой исторической основы. Потому-то болѣе осторожные изъ западныхъ критиковъ не рѣшаются выводить такое заключеніе объ этомъ чудесномъ событіи [1]). Что касается втораго основанія, то оно, какъ увидимъ ниже, тѣсно связано съ субъективнымъ взглядомъ отрицательныхъ критиковъ вообще на характеръ новозавѣтной библейской чудесности, и потому, по самому своему происхожденію, уже не можетъ быть считаемо объективною основою для вывода такого заключенія. Чудо, выясняемое изъ стеченія извѣстныхъ естественныхъ условій не есть въ собственномъ смыслѣ чудо и никакимъ образомъ не можетъ быть причисляемо къ ряду необычайныхъ событій. Вслѣдствіе этого, причисленіе описанія чуда, совершеннаго Іисусомъ Христомъ при призваніи первыхъ апостоловъ и упомянутаго ев. Лукою, къ области аллегорическихъ изображеній духовной дѣятель-

---

[1]) *Neander*, Das Leben Iesu Christi, dritt. Auflag. 1839 г. стр. 245—248.

ности послѣднихъ, падаетъ въ рядъ предвзятыхъ раціоналистическихъ сужденій. Разсматриваемое само въ себѣ, это чудо имѣетъ всѣ признаки исторической достовѣрности: по своему характеру оно принадлежитъ къ ряду тѣхъ чудесъ, которыя совершилъ Іисусъ Христосъ въ кругу своихъ учениковъ и которыми, слѣдовательно, главнымъ образомъ Онъ имѣлъ въ виду воспитать въ нихъ вѣру въ Себя, какъ божественнаго посланника; по своей исторической основѣ оно находитъ оправданіе въ другомъ параллельномъ событіи такого же рода, описанномъ ев. Іоанномъ; по своимъ результатамъ оно сопровождается важнымъ событіемъ—призваніемъ первыхъ четырехъ преданнѣйшихъ Іисусу Христу апостоловъ.

Но чудо, какъ сверхъестественное событіе, содѣйствовало не одному призванію первыхъ учениковъ Іисуса Христа, оно также сопутствовало дальнѣйшему воспитанію ихъ въ духѣ новой религіи, и *приготовляло* ихъ къ той великой исповѣди, которую они въ послѣдствіи времени торжественно произнесли, по вызову Іисуса Христа (Матѳ. 16, 13—16; Марк. 8, 27—29; Лук. 9, 18—20). Для ап. Павла призваніе совпало съ признаніемъ Іисуса Христа истиннымъ обѣтованнымъ Мессіей, его взору Іисусъ Христосъ предсталъ какъ истинный Мессія во время самаго призванія; для учениковъ, предварившихъ его на поприщѣ апостольскаго служенія, время открытаго и торжественнаго признанія Іисуса Христа истиннымъ Мессіей наступило спустя долго послѣ призванія (ср. Матѳ. 16, 13; Марк. 8, 27; Лук. 9, 18). На этотъ-то промежутокъ времени между призваніемъ и избраніемъ двѣнадцати учениковъ и торжественною исповѣдію, ими произнесенною, падаетъ, по сказаніямъ трехъ первыхъ евангелистовъ, значительная часть величайшихъ чудотвореній, совершенныхъ Іисусомъ Христомъ. Къ этому времени евангельскія сказанія относятъ: исцѣленіе раба капернаумскаго сотника (Матѳ. 8, 5 и сл.; Лук. 7, 2

и сл.), исцѣленіе прокаженнаго (Матѳ. 8, 2 и сл.; Марк. 1, 40 и слѣд.; Лук. 5, 12 и сл.), утишеніе бури (Матѳ. 8, 23 и сл.; Марк. 4, 35 и сл.; Лук. 8, 22 и слѣд.), воскрешеніе сына наинской вдовы (Лук. 7, 11—15), исцѣленіе двухъ гергесинскихъ бѣсноватыхъ (Матѳ. 8, 28 и сл.; Марк. 5, 1..; Лук. 8, 27) и др. (см. Матѳ. гл. 8, 9; Марк. гл. 4, 35—6 гл.; Лук. гл. 5, 7). По мѣрѣ приближенія времени торжественной исповѣди чудесность, доказывающая божественное могущество Іисуса Христа, возрастаетъ; незадолго предъ исповѣдію Іисусъ Христосъ воскресилъ дочь Іаира, два раза чудесно насытилъ народъ, алкавшій въ пустынѣ, исцѣлилъ кровоточивую женщину, слѣпо-нѣмаго, дочь хананейской жены и многихъ другихъ, одержимыхъ разнаго рода недугами (Лук. 8, 40—9, 17, Матѳ. гл. 12. 14. 15; Марк. 5, 21—8, 26).

Новѣйшіе представители отрицательной критики при взглядѣ на этотъ періодъ новозавѣтной чудесности, при всемъ произвольно—субъективномъ толкованіи евангельскихъ сказаній чудеснаго характера, при самомъ свободномъ отличіи между ними дѣйствительныхъ сказаній отъ недѣйствительныхъ, въ окончательномъ результатѣ все-таки не рѣшаются совершенно изгнать чудо изъ времени общественнаго служенія Іисуса Христа, подобно старой раціоналистической отрицательной школѣ [1]). Усвоеніе имени великаго и необычайнаго чудотворца Іисусу Христу евангельскимъ преданіемъ и непризнаніе такимъ дѣятелемъ Іоанна Крестителя, неразрывная связь нѣкоторыхъ чудотвореній съ евангельскими наставленіями и от-

---

[1]) См. *Keim*, Geschicht. Iesu von Nazara, Т. II, 1871. стр. 125—204; его же Geschichte Iesu nach den Ergebniss. heutig. Wissenschaft. 1875. стр. 166—177; *Schenkel*, Das Charakterbild Iesu 1873, Auflag. viert. стр. 65—70; 113—128; К. *Hase*, Geschicht. Iesu nach akademisch. Vorlesung. 1876, стр. 338—355 и др.

дѣльными изреченіями, признаніе дѣйствительности чудотвореній самими врагами Іисуса Христа (Матѳ. 12, 24—37. 9, 34; Марк. 3, 22; Лук. 11, 15 и слѣд.), согласное свидѣтельство христіанскихъ позднѣйшихъ и талмудическихъ традицій о нѣкоторыхъ чудесныхъ дѣлахъ Іисуса Христа, удерживаютъ новѣйшихъ критиковъ отъ произнесенія прежняго скептическаго приговора надъ евангельскою чудесностію этого періода. Сокращая, съуживая евангельскія сказанія, они, хотя въ ограниченномъ видѣ, признаютъ дѣйствительность за нѣкоторыми чудотвореніями. Но при признаніи дѣйствительности этого ограниченнаго числа чудотвореній они стараются завѣрить себя и другихъ, что въ сущности они не признаютъ чуда—въ смыслѣ сверхъестественнаго факта,—потому что къ неизмышленнымъ чудеснымъ событіямъ они причисляютъ только тѣ, которыя имѣютъ естественныя психическія основанія для объясненія своего происхожденія и находятъ аналогическое подтвержденіе въ дѣлахъ подобнаго рода современныхъ и другихъ историческихъ дѣятелей, исключаютъ же изъ числа дѣйствительныхъ событій тѣ, которыя по своему характеру принадлежатъ къ сверхъестественной области [1]).

Но допуская только такого рода чудесность въ евангельскихъ событіяхъ, отрицательные критики позднѣйшаго направленія не замѣчаютъ, что подобная чудесность не обратила бы на себя особаго вниманія современниковъ Іисуса Христа и не возбудила бы между ними особаго волненія и удивленія, что еслибы дѣйствительно Іисусъ Христосъ совершалъ только такія врачеванія и исцѣленія, какія совершали нѣкоторые изъ фарисеевъ и ессеевъ и совершалъ такимъ путемъ, какимъ они совершали; то тѣмъ же фарисеямъ для уни-

---

[1]) Кромѣ вышеприведенныхъ цитатъ см. *Hausrath*, Neutestament. Zeitgesch. I. T. Zweit. Auflag. 1873, стр. VII—XIII. T. II. 1872 стр. 263—289.

женія славы Его, какъ необычайнаго чудотворца, ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ только указать на аналогическія явленія среди послѣдователей извѣстнаго іудейскаго ученія, и что еслибы Онъ вслѣдствіе одного духовнаго преобладанія или особаго могущества воли исцѣлялъ душевно страдавшихъ, то для опроверженія супранатуральныхъ взглядовъ на Него, слагавшихся у нѣкоторыхъ изъ послѣдователей Его при видѣ совершаемыхъ подобнаго рода исцѣленій, противникамъ Его цѣлесообразнѣе всего было бы указать на это небезъизвѣстное въ то время условіе извѣстныхъ психическихъ явленій. Современники же Іисуса Христа не дѣлаютъ ничего подобнаго: народъ, поражаемый образомъ совершенія исцѣленій, говорилъ, что никогда не было такого явленія въ Израилѣ, и въ удивленіи спрашивалъ, не это ли Христосъ? Фарисеи также недоумѣвавшіе касательно такого необыкновеннаго совершенія знаменій говорили, что онъ силою бѣсовскаго князя совершаетъ такія необычайныя дѣла (Матѳ. 9, 33. 34. 12, 23. 24). И тотъ и другіе, не находя аналогическихъ примѣровъ въ своей исторіи для объясненія естественнаго происхожденія подобнаго рода чудотвореній, ставили ихъ внѣ условій обыкновенныхъ явленій.

Ища естественныхъ условій для объясненія происхожденія новозавѣтной чудесности, считаемой дѣйствительною, отрицательные критики позднѣйшаго направленія нерѣдко выходятъ изъ границъ предположенной естественности и непримѣтно для себя вступаютъ въ сферу сверхъестественнаго, таинственнаго, непостижимаго. Ища, напримѣръ, причины исцѣленія нѣкоторыхъ физическихъ болѣзней, совершеннаго Іисусомъ Христомъ, они довѣряютъ непостижимому воздѣйствію духовной стороны человѣка на тѣлесную, вслѣдствіе котораго при извѣстныхъ условіяхъ могутъ происходить непонятныя явленія. Останавливаясь на вѣрѣ, требуемой Іисусомъ Христомъ для

совершенія чуда, они готовы усвоить ей одной сверхъестественную силу, безъ участія въ ней могущества Божія. Говоря вообще объ исцѣленіяхъ и врачеваніяхъ тѣлесныхъ и духовныхъ болѣзней, совершенныхъ Іисусомъ Христомъ, они постоянно вращаются въ сферѣ тѣхъ же непонятныхъ и непостижимыхъ отношеній между болѣе и менѣе сильными натурами по духу, между духовною и тѣлесною стороною человѣка [1]). Касаясь нѣкоторыхъ рѣшительныхъ дѣйствій Іисуса Христа, они готовы усвоить Ему сознаніе какой то высшей божественной миссіи примиренія человѣка съ Богомъ [2]).

Наконецъ при разграниченіи области сверхестественныхъ дѣлъ отъ естественныхъ они прибѣгаютъ къ совершенно искуственнымъ основамъ. Они ищутъ основанія для признанія чуда въ смыслѣ сверхъестественнаго событія не въ томъ, *какъ* оно совершается—помощію-ли посредствующихъ условій или безъ нихъ,—но *тамъ*, гдѣ совершается, въ области-ли безсознательной природы или въ кругѣ разумныхъ существъ. Вслѣдствіе такого разграниченія они относятъ къ области сверхъестественныхъ и слѣдовательно недѣйствительныхъ событій тѣ чудеса, которыя совершены Іисусомъ Христомъ по евангельскимъ сказаніямъ въ видимой природѣ, къ области же естественныхъ и возможныхъ дѣлъ они причисляютъ всѣ чудеса, совершенныя Іисусомъ Христомъ въ кругѣ людей, выдѣляя впрочемъ отсюда воскрешенія мертвыхъ.

Всѣ эти пріемы современной критики въ большей или меньшей мѣрѣ могли быть прилагаемы къ оцѣнкѣ дѣйствій Іисуса Христа еще Его современниками въ особенности тѣми, которые старались низвести ихъ не только въ рядъ обыкновенныхъ, но даже предосудительныхъ поступковъ. Какъ видно изъ

---

[1]) Schenkel, Characterbild. Iesu. 1873. стр. 89. 70.

[2]) Keim, Geschicht. Iesu von Nazara T. II. 1871. стр. 160. 161.

свидѣтельства Іосифа Флавія современники Іисуса Христа не только знали объ исцѣленіи бѣсноватыхъ нѣкоторыми изъ ихъ соотечественниковъ, но имѣли свѣдѣнія о врачебныхъ средствахъ,—мѣсторожденіи растенія, заклинательныхъ молитвахъ,—употребляемыхъ при исцѣленіяхъ [1]). Если бы Іисусъ Христосъ при совершеніи исцѣленій въ чемъ-нибудь сближался съ іудейскими экзорцистами, они не преминули бы указать на это. Но еслибы Онъ, возвышаясь надъ суевѣріями современниковъ, исцѣлялъ въ имя одного безпредѣльнаго довѣрія къ Нему высказываемаго во имя той одной вѣры, которою проникались современники при видѣ необыкновеннаго учителя, то при постоянныхъ требованіяхъ вѣры со стороны Іисуса Христа для совершенія чуда современники весьма удобно могли бы указать на эту психическую основу непостижимыхъ явленій. Наконецъ, еслибы чудеса, совершаемыя Іисусомъ Христомъ, падали въ разрядъ низшихъ и слѣдовательно возможныхъ дѣлъ, то при тогдашнемъ утонченномъ отличіи, которое существовало между знаменіями вообще и «знаменіями съ неба» (Мат. 12, 38. 16, 1), противники Іисуса Христа не упустили бы указать народу, увлекавшемуся Его чудотвореніями, на обыкновенность этихъ дѣлъ. Ни одного подобнаго разоблаченія чудесности Іисуса Христа мы не слышимъ изъ устъ его современниковъ-противниковъ. Напротивъ въ борьбѣ съ народомъ, удивлявшимся необычайности чудесъ, они указываютъ на совершеніе ихъ помощію власти бѣсовскаго князя, слѣдовательно

---

[1]) Ср. Antiquitates Iud. 8, 2, 5 и Bellum Iud. 7, 6, 3. Въ приведенномъ мѣстѣ іудейскихъ древностей Іосифъ Флавій подробно описываетъ, какъ на его глазахъ, въ присутствіи императора Веспасіана, его сына, военачальниковъ и солдатъ, одинъ изъ соотечественниковъ его, по имени Елеазаръ, исцѣлилъ бѣсноватыхъ чрезъ поднесеніе къ носу ихъ кольца, въ чашечкѣ котораго былъ положенъ одинъ изъ корней, указанныхъ будто Соломономъ, при произнесеніи заклинательныхъ молитвъ.

также признаютъ въ нихъ необыкновенное явленіе (Матѳ. 9, 34. 12, 24). При встрѣчѣ же съ Нимъ, они правда обращаются къ Нему съ требованіемъ показать имъ знаменіе съ неба, но не въ видѣ укора или обличенія, а какъ бы для разсѣянія своихъ недоумѣній касательно мессіанскаго Его достоинства (Матѳ. 12, 38. 16, 1); ихъ неудовлетворяютъ тѣ необычайныя знаменія, свидѣтелями которыхъ они были, и для вѣры въ Него, какъ Мессію, они требуютъ такого знаменія, которое по предсказанію пророка Даніила (7, 13. 14. ср. Матѳ. 24, 30) убѣдило бы ихъ въ Его мессіанскомъ достоинствѣ. Въ такомъ смыслѣ понимая ихъ вызовъ, Іисусъ Христосъ относитъ явленіе требуемаго ими знаменія къ будущему времени (Матѳ. 24, 30); въ настоящій же разъ согласно своей миссіи, ихъ взоръ ограничиваетъ Онъ предстоящимъ событіемъ въ своей жизни, какъ такимъ, которое по своему величію не уступаетъ требуемому ими знаменію (Матѳ. 12, 38—40).

Ни однимъ изъ указанныхъ пріемовъ отрицательной критики, не смотря на ихъ доступность и полную цѣлесообразность для достиженія желаемыхъ результатовъ, современники Іисуса Христа не воспользовались въ борьбѣ съ Нимъ потому, конечно, что не видѣли въ нихъ средства приравнять Его къ обыкновеннымъ дѣятелямъ и чудотворцамъ своего и прежняго времени. Его чудотворенія, по способу совершенія, высказываемымъ при нихъ могуществу и власти, не находили себѣ параллели въ извѣстной имъ исторіи. Онъ совершалъ чудотворенія большею частію безъ всякаго посредства,—однимъ словомъ, совершалъ какъ обладающій полнымъ могуществомъ достигнуть желаемаго и властію, въ случаѣ нужды, умиротворять человѣка съ Богомъ чрезъ отпущеніе грѣховъ (Марк. 2, 3—12; Матѳ. 9, 2 и сл.; Лук. 5, 18 и сл., Марк. 3, 1—5; Матѳ. 12, 9; Лук. 6, 2 и др.). Это особенности такого рода, которыя ставятъ въ немалое затрудненіе и современныхъ критиковъ, съ

предвзятымъ взглядомъ относящихся ко всему выходящему изъ границъ обыкновеннаго и естественнаго. Какъ мы выше видѣли, они измыслили цѣлый рядъ искуственныхъ силлогизмовъ, гипотезъ и предположеній для того, чтобы сдѣлать естественными эти особенности, безспорно вынаружившіяся при совершеніи чудотвореній, считаемыхъ ими дѣйствительными. Для критиковъ же, съ не предвзятою мыслію глядящихъ на проявленіе сверхъестественнаго въ этомъ мірѣ путемъ необыкновеннымъ, и ищущихъ только раціональныхъ основаній для убѣжденія въ немъ, эти особенности служатъ наглядным доказательствомъ необычайности лица, совершавшаго чудотворенія въ ихъ сопровожденіи [1]). И иначе быть не можетъ. Съ точки зрѣнія предвзятой критики Іисусъ Христосъ однимъ словомъ исцѣляетъ такихъ изступленныхъ (бѣсноватыхъ), которыхъ современная медицина, слѣдуя описанію ихъ болѣзни, прилагаемому евангелистами (Марк. 5, 2—5; Лук. 8, 27—29; Матѳ, 17, 14. 15; Лук. 9, 38. 39), должна признать неизлечимо больными [2]); при выдающемся мужествѣ воли Онъ усвояетъ себѣ безграничное могущество исцѣлять всякую болѣзнь и всякъ недугъ (Марк. 2, 10. 11. 3, 4. 5 и др.); во

---

1) *Neander*, Das Leben I. Christi, dritt. Auflag. 1839 г. 278—341. *Meyer*, Kritisch-exeget. Komment. u. N. T. erst. Abth. erst. Hälft. 5 Aufl. 1864. X—XI и толк. на гл. 8. 9 и др.

2) Не входя въ разборъ основательности мнѣнія отрицательныхъ критиковъ касательно бѣсноватыхъ и глядя на послѣднихъ съ ихъ точки зрѣнія, тѣмъ не менѣе, на основаніи евангельскихъ сказаній, и при такомъ взглядѣ мы должны заключать, что нѣкоторые изъ нихъ, издавна страдая этимъ недугомъ, дошли до такъ называемаго въ медицинѣ *острaго бѣтенства,* въ которомъ и въ то время никто не могъ подать помощи (οὐδεὶς ἴσχυεν αὐτὸν δαμάσαι, Марк. 5. 4). и въ настоящее не знаютъ средства для излѣченія (Annales Medico-Psycholog. Mai 1875 г. de l'hysteriechez l'homme 354—373); другіе изъ бѣсноватыхъ страдали такими тяжкими припадками (Матѳ. 17, 14. 15), для облегченія которыхъ требуется продолжительный медицинскій уходъ (см. Ann. Med. Psycholog. 1875 г. Mars стр. 161—192; Mai 374—394),

имя сознанія миссіи-врачеванія души, отягченнаго грѣхами, Онъ усвояетъ себѣ божественное право отпущенія грѣховъ (Матѳ. 9, 2; Марк. 2, 5). Сочетаніе такихъ особенностей въ ограниченномъ существѣ, воспитавшемся, какъ полагаетъ отрицательная критика на іудейскихъ традиціяхъ, едва-ли мыслимо. Поэтому полу-раціоналистическая критика гораздо послѣдовательнѣе, когда видитъ въ этихъ же самыхъ чудесахъ, не отрицаемыхъ предвзятою критикою, наглядное доказательство сверхъестественнаго величія Іисуса Христа [1]). Предъ чудесностію, вооруженнаго такими правами, блѣднѣютъ такъ называемыя чудеса въ природѣ, относимыя предвзятою критикою къ области миѳовъ и сагъ. Могущественное вліяніе на элементы неразумной природы, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ полураціоналистическихъ критиковъ, представляетъ не болѣе трудностей для пониманія, чѣмъ чудесное воздѣйствіе на тѣлесные организмы [2]). Кто однимъ могучимъ словомъ можетъ исцѣлять испорченные тѣлесные организмы, возвращать нормальность извращенному духу, тотъ конечно можетъ подчинять своему вліянію и элементы міра физическаго. Обладаніе первыми безъ всякаго посредства необходимо ведетъ и къ обладанію вторыми, стоящими съ первыми въ тѣсной и неразрывной связи. Вслѣдствіе этого, признаніе дѣйствительности чудесъ перваго рода необходимо и послѣдовательно ведетъ къ признанію дѣйствительности и вторыхъ; въ основѣ тѣхъ и другихъ лежитъ одно безусловное могущество божественное. Потому-то для современниковъ Іисуса Христа чудеса, совершенныя Имъ въ вышеописанномъ видѣ, безъ приложенія къ нимъ существовавшаго въ это время утонченнаго отличія между обыкно-

---

[1]) Неандеръ, Мейеръ, Рейссъ и др.

[2]) Meyer, Krit. exeget. Comment. ü. N. T. erst. Abth. erst. Hälft. 1864. 228.

венными знаменіями и знаменіями «съ неба», имѣли одинаково-сверхъестественное значеніе во имя того простаго соображенія, что одному Богу свойственно совершать дѣла по одному могучему слову (2 Кор. 4, 6), и тѣ изъ нихъ, которые, въ виду наглядной особености, не могли считать ихъ дѣломъ рукъ человѣческихъ, и между тѣмъ не хотѣли признать въ нихъ проявленія высшаго божественнаго участія, вынуждены были ставить ихъ въ связь со властію бѣсовскаго князя (Матѳ. 9, 34; 12, 24), тѣ же, которые безъ предвзятаго, но неглубоко-проницательнаго, взгляда относились къ чудесности Іисуса Христа, видѣли въ ней необычайное явленіе и въ Немъ самомъ одного изъ величайшихъ древнихъ пророковъ (Матѳ. 9, 33; Марк. 2, 12; Матѳ. 16, 14; Лук. 9, 19), наконецъ тѣ, которые были неразлучными спутниками Іисуса Христа и свидѣтелями всѣхъ необычныхъ дѣлъ, Имъ совершенныхъ, видѣли въ нихъ проявленіе полнаго божественнаго могущества (Марк. 4, 41) и въ Немъ самомъ признали «Христа, Сына Бога живаго» (Матѳ. 16, 16; Лук. 9, 20). Въ числѣ послѣднихъ были ближайшіе ученики Іисуса Христа, которыхъ только сверхъестественная чудесность вмѣстѣ съ другими условіями могла приготовить къ той торжественной исповѣди, въ которой они, по Его вызову, признали Его истиннымъ Мессіей.

Совершенно напрасно отрицательные критики предвзятаго направленія для подтвержденія своего мнѣнія объ обыкновенной чудесности Іисуса Христа ссылаются на то, что, если бы дѣйствительно Іисусъ Христосъ совершалъ необычайныя дѣла, то книжники и фарисеи не имѣли бы побужденія обращаться къ Нему съ требованіемъ—показать знаменіе съ неба, и Онъ, вмѣсто уклончиваго отвѣта, прямо указалъ бы на эти дѣла (Матѳ. 16, 1—4. 12, 38 и др.), что Онъ для совершенія чуда требовалъ вѣры и вообще всѣ чудесныя дѣла совершалъ во имя вѣры обращавшихся за помощію, тамъ же, гдѣ не встрѣ-

чалъ вѣры, не творилъ чудесъ и даже не могъ ихъ творить (Лук. 8, 50; Марк. 5, 36; Матѳ. 9, 2; 15, 28; 13, 58; Марк. 6, 5. 6).—Книжники и фарисеи могли обратиться къ Іисусу Христу съ требованіемъ показать имъ знаменіе съ неба, искушая Его, какъ говорятъ евангелисты, или показывая видъ, будто они требуютъ знаменія для вѣры, въ дѣйствительности же они и не думали вѣрить; въ виду такого расположенія ихъ Онъ считалъ излишнимъ указывать на свои прежде совершенныя дѣла, такъ какъ это не привело бы не къ чему, подобно тому, какъ, по Его приточному изображенію, людей, не расположенныхъ къ вѣрѣ, не побудило бы вѣрить и самое посольство на землю кого-нибудь изъ воскресшихъ мертвецовъ (Лук. 16, 19—31). Вновь же творить чудеса, по требованію такихъ людей, значило бы, по другому Его выраженію, повергать святыню на поруганіе предъ ихъ глазами (Матѳ. 7, 6); на требованіе ихъ Онъ могъ отвѣтить только глубокимъ вздохомъ, скорбя объ окамененіи ихъ сердецъ (Марк. 8, 11. 12). Но они могли обращаться съ требованіемъ къ Нему показать имъ знаменіе съ неба для дѣйствительнаго разсѣянія ихъ недоумѣній касательно Его мессіанскаго достоинства, тогда Онъ, какъ мы выше видѣли, не только не оставлялъ ихъ безъ отвѣта, но, послѣ упрека за ихъ исключительную наклонность по качеству только знаменій узнавать Мессію, указывалъ на событія своей земной жизни, имѣющія завершить Его славу на землѣ и доставить торжество Его ученію въ мірѣ (Матѳ. 12, 38—45; 16, 1—4; Лук. 11, 29—32; Іоан. 2, 18—22). Вообще же, когда обращались къ Нему за разрѣшеніемъ недоумѣній касательно Его, подобно Іоанну Крестителю, то Онъ не только не умалчивалъ о своихъ чудесахъ, но говорилъ о нихъ ясно и опредѣленно (Матѳ. 11, 2—5; Лук. 7, 19—22), и только изысканное толкованіе можетъ придавать этимъ свидѣтельствамъ

Его иное значеніе [1]). Что же касается вѣры, какъ условія чудотвореній, то безъ нея трудно даже мыслить совершеніе,

[1]) Въ первомъ отвѣтѣ Іисуса Христа (Матѳ. 12, 38 и д. 16, 1—4) отрицательная критика обыкновенно видитъ сопоставленіе Его учительской дѣятельности съ проповѣдью пророка Іоны въ Ниневіи и мудростію Соломона, возбудившими и привлекшими къ себѣ большое вниманіе современниковъ и сопровождавшимися важными результатами, игнорируя прообразовательное указаніе Его въ участи, постигшей пр. Іону, на чудесное воскресеніе; второй отвѣтъ, данный Іоанну Крестителю (Матѳ. 11, 2—5), она обыкновенно идеализируетъ, влагая въ уста Его слова пр. Исаіи (29, 18. 19; 35, 5—7), въ образной формѣ изображающаго плодотворные результаты живаго пророческаго слова и считая позднѣйшею вставкою въ немъ слова: *мертвіи возстаютъ*. Но при такомъ свободномъ и произвольномъ обращеніи съ евангельскимъ текстомъ, можно достигнуть, какихъ угодно, результатовъ. Дѣло въ томъ, что Іисусъ Христосъ, сравнивая свое служеніе съ служеніемъ пр. Іоны и мудростію Соломона, имѣлъ въ виду, какъ видно изъ контекста рѣчи, не одно свое ученіе, но вообще всю дѣятельность, значительную часть которой составляли чудотворенія, которыя своею необычайностію, по собственнымъ Его словамъ, должны были также оказывать могущественное вліяніе на современниковъ (Матѳ. 11, 20—24), и которыя по своему характеру отличали Его отъ другихъ учителей и пророковъ. Обнимая взоромъ свою жизнь, Іисусъ Христосъ между чудесами указываетъ на важнѣйшія, завершившія славу Его земной жизни (Матѳ. 12, 40; Іоанн. 2, 19—21), и затѣмъ переходитъ къ изображенію своей учительской дѣятельности (Матѳ. 12, 41. 42; Лук. 11, 31. 32). Такое предуказаніе на будущія чудесныя событія можно было бы заподозрить только въ такомъ случаѣ, если бы Іисусъ Христосъ не предвидѣлъ ихъ и несчиталъ важнѣйшими въ своей земной жизни, но предвѣдѣнія событій послѣднихъ дней не отнимаетъ у Іисуса Христа и отрицательная критика, самъ же Онъ весьма ясно и опредѣленно говоритъ о нихъ задолго до ихъ наступленія (Матѳ. 16, 21—23; Марк. 8, 31—33; Лук. 9, 22).—Что же касается втораго отвѣтв (Матѳ. 11, 2—5), то, еслибы Іисусъ Христосъ дѣйствительно описывалъ въ немъ въ образной формѣ свое учительское служеніе, то Онъ имъ не отличилъ бы послѣдняго отъ служенія Іоанна Крестителя, который въ одинаковой мѣрѣ въ указанномъ смыслѣ могъ примѣнить слова пр. Исаіи и къ своей проповѣди; въ томъ-то и дѣло, что служеніе Іисуса Христа сопровождалось чудесами, которыхъ не совершалъ Іоаннъ Креститель, и на эти то необычайныя чудеса указывалъ Іисусъ Христосъ посланнымъ Іоанна Крестителя какъ на дѣйствительное доказательство Его мессіанскаго служенія. Кромѣ того, предположеніе о вставкѣ словъ—мертвіи возстаютъ—не потверждается многими авторитетными древними списками и комментаріями (Scholz, Novum Test. Vol. 1. 1830 стр. 32).

чуда въ кругу свободно-разумныхъ существъ [2]); со стороны послѣднихъ она необходимо должна составлять то субъективное условіе, которое въ большинствѣ случаевъ служило переводнымъ мостомъ къ совершенію чуда надъ извѣстнымъ индивидуумомъ; иначе какъ могли бы выразиться сродныя отношенія между послѣднимъ и совершителемъ чуда? Въ природѣ неразумной для совершенія чуда такія отношенія не требовались; здѣсь безъ нарушенія ея законовъ оно могло быть совершено вслѣдствіе абсолютнаго могущества лица на нее вліявшаго; тамъ же, при соблюденіи условій жизни разумной природы, должны были установиться сознательно-разумныя, сознательно-свободныя отношенія, которыя цѣлесообразнѣе всего могли вынаружиться въ вѣрѣ. Но, составляя субъективное условіе для возможности чуда, вѣра этимъ самымъ не уничтожаетъ необходимости вліянія объективнаго могущества на совершеніе его, подобно тому, какъ служа условіемъ для спасенія вѣрующаго, она не уничтожала объективности спасенія совершеннаго на крестѣ, и Іисусъ Христосъ говоря: «вѣра твоя спасла тебя» (Матѳ. 9, 22), этими словами выражалъ тоже, что ап. Павелъ—словами «благодатію вы спасены чрезъ вѣру» (Ефес. 2, 8), т. е., твоя собственная вѣра была виновницею того, что мое могущество, моя чудодѣйственная сила, оказались столь благотворными и благодѣтельными для тебя.

Если бы мы, отрѣшившись отъ древне-христіанскаго взгляда, усвоили отрицательное воззрѣніе позднѣйшаго времени на чудесность, совершенную Іисусомъ Христомъ, то чрезъ это не избѣжали бы необъяснимыхъ и неразрѣшимыхъ трудностей и противорѣчій. Считая прежде всего источникомъ болѣе или

---

[1]) Евангельскія сказанія предполагаютъ вѣру почти у всѣхъ исцѣленныхъ Іисусомъ Христомъ, хотя и не всегда говорятъ о ней; исключеніемъ могутъ служить одни бѣсноватые, исцѣленіе которыхъ Іисусъ Христосъ совершалъ по одному состраданію и человѣколюбію.

менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній о чудотвореніяхъ Іисуса Христа евангельскія сказанія, относя написаніе нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ даже ко времени самовидцевъ, тѣмъ не менѣе, чтобы быть послѣдовательными въ своихъ сужденіяхъ, мы вынуждены будемъ допустить, что и въ устахъ самыхъ ближайшихъ и непосредственныхъ свидѣтелей евангельскія событія уже много пострадали отъ примѣси миѳическихъ, сагическихъ и легендарныхъ преданій, что самые близкіе и непосредственные свидѣтели дѣлъ Іисуса Христа не заслуживаютъ нашего полнаго довѣрія и стояли въ отношеніи къ Нему въ какомъ то ложномъ увлеченіи и обаяніи. Выводъ необходимый и неизбѣжный въ виду того, что по крайнему сознанію нѣкоторыхъ изъ критиковъ предвзятаго направленія евангелія Матѳея и Марка въ своемъ первоначальномъ видѣ, немного впрочемъ разнящемся отъ настоящаго, были написаны между 60 и 68 годами нашей эры, т. е., въ то время, когда еще жили и дѣйствовали ап. Петръ, ап. Іоаннъ, ап. Павелъ и по свидѣтельству послѣдняго многіе изъ самовидцевъ послѣднихъ событій земной жизни Іисуса Христа (1 Кор. 15, 6 [1]). Появленіе писаній съ предполагаемымъ извращеннымъ содержаніемъ при жизни самовидцевъ и неосужденіе ихъ со стороны послѣднихъ необходимо ведутъ къ тому заключенію, что и самовидцы были солидарны съ извращенными сказаніями писателей вышепоименованныхъ евангелій. Согласившись же съ такимъ заключеніемъ, мы въ основѣ подрываемъ тѣ начала, на которыхъ историческая критика строитъ свои выво-

---

[1]) Шенкель написаніе евангелія Марка полагаетъ прежде шестьдесятаго года нашей эры (CharacterBild Iesu Christ. 1873 г. 15 и 345; Кеймъ происхожденіе евангелія Матѳея въ его первоначальномъ видѣ относитъ ко времени между 66 и 69 гг., точнѣе же 68 годъ называетъ годомъ его написанія (Geschicht. Iesu 1875 г. 25 стр.).

ды,—такъ какъ послѣдняя въ своихъ сужденіяхъ объ извѣстныхъ событіяхъ старается опереться на свидѣтельства болѣе или менѣе къ нимъ близкія, и достоинство своихъ работъ измѣряетъ близостію ихъ къ непосредственнымъ памятникамъ разбираемыхъ событій—и свои собственныя изысканія дѣлаемъ зыбкими и не внушающими къ себѣ довѣрія. Имѣя намѣреніе также руководиться въ своихъ выводахъ и сужденіяхъ свидѣтельствами современниковъ, мы въ тоже время объявляемъ, что эти свидѣтельства не имѣютъ особой цѣны и значенія, что надъ ними, не смотря на ихъ современность описываемымъ событіямъ, должна быть произведена та критическая операція, помощію которой выдѣлится изъ нихъ все заслуживающее вѣроятія, по нашему усмотрѣнію. Такимъ образомъ, свои критическія работы мы низводимъ въ область совершенно субъективныхъ изысканій и дознаній. Помощію такихъ критическихъ пріемовъ, основанныхъ на субъективномъ правѣ, выдѣливъ изъ евангельской исторіи сказанія чудеснаго характера, представляющіяся намъ вѣроятными, при дальнѣйшемъ процессѣ работъ, дабы остаться вѣрными заданной идеѣ, мы не оставляемъ и этой выдѣленной и показавшейся намъ вѣроятною части сказаній въ той цѣлости и неповрежденности, съ которыми она изложена въ евангельской исторіи, но, или чрезъ видоизмѣненіе текста, или чрезъ произвольное его толкованіе, или даже чрезъ извращеніе событій, входящихъ въ составъ сказаній, мы сглаживаемъ все выдающееся въ ней и вступающее въ область сверхъестественнаго. Говоря, напримѣръ, объ исцѣленіи тещи Симона, о которой ев. Лука замѣчаетъ, что она была одержима сильною горячкою (4, 38), мы вопреки его замѣчанію, полагаемъ, что у нея могъ быть легкій лихорадочный жаръ, который оставилъ ее отъ пожатія руки уважаемаго учителя; касаясь исцѣленія бѣсноватыхъ, мы настаиваемъ, что эти исцѣленія могли совершиться вслѣдствіе нео-

бычайныхъ душевныхъ волненій, испытанныхъ ими при встрѣчѣ съ учителемъ, обожаемымъ въ народѣ, хотя нелегко представить доступность волненій людямъ, такъ крайне разстроеннымъ, какими были нѣкоторые изъ бѣсноватыхъ, описанныхъ евангелистами, и хотя объ этихъ волненіяхъ ничего не говорятъ евангелисты; упоминая о воскрешеніи мертвыхъ, мы должны мыслить, что это были недѣйствительно. но только мнимо умершіе, хотя такое мнѣніе кладетъ крайне невыгодную тѣнь на идеальнаго учителя, пользующагося обманчивыми случаями для возвеличенія своей славы; усвояя совершеніе многихъ чудесныхъ исцѣленій вѣрѣ исцѣленныхъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ прямаго указанія на нее у послѣднихъ (Матѳ. 8, 5—13 Лук. 7, 2—10; Матѳ. 15, 22—28), мы вынуждены будемъ замѣнять ее вѣрою окружающихъ ихъ и близкихъ къ нимъ людей, не объясняя, какимъ образомъ чудодѣйствующая вѣра послѣднихъ передавалась первымъ и производила у нихъ непостижимыя дѣла. Въ кругу такихъ извилистыхъ сужденій мы постоянно будемъ вращаться при объясненіи и этой считаемой вѣроятною части евангельскихъ сказаній чудеснаго характера дабы достигнуть предположенныхъ результатовъ. Наконецъ, помощію изворотливой критики удаливъ изъ чудесной исторіи жизни Іисуса Христа все необычное и сверхъестественное и установивъ взглядъ на Него, какъ на совершеннѣйшаго и идеальнѣйшаго наставника и учителя, совершавшаго обыкновенныя чудеса только въ силу стеченія особыхъ обстоятельствъ, мы не удержимся и на этой точкѣ зрѣнія, но описывая Его положеніе при совершеніи нѣкоторыхъ чудотвореній, изображая характеръ Его чудесъ въ вышеприведенномъ видѣ, невольно заподозримъ Его въ раздѣленіи разныхъ суевѣрій современниковъ, въ постворствѣ лжи, обману и т. под.—[1]).

[1]) О совмѣстномъ сочетаніи подобнаго рода представленій см. *Keim*, Gesch. Iesu. T. II. 1871. 125—204; его же dritt. Vearbeitung 1875 г. 364—374.

Совершеннѣйшій и идеальнѣйшій учитель, проповѣдывавшій высочайшія нравственныя истины и умершій за эти истины, предстанетъ нашимъ глазамъ въ одеждѣ обманщика и лжеца. Въ такой неудержимый водоворотъ темныхъ, сбивчивыхъ и запутанныхъ мнѣній и представленій мы вступимъ, уклоняясь отъ древне-христіанскаго и усвояя современный позднѣйшій взглядъ на чудеса, совершенныя Іисусомъ Христомъ въ разсматриваемый періодъ.

Принявъ же во вниманіе то, что чудесность сверхъестественнаго характера, какъ мы видѣли изъ посланій ап. Павла, вынаруживалась еще въ жизни первенствующихъ христіанъ, обращенныхъ апостолами, что послѣдніе также владѣли даромъ такой чудесности, и что она еще долго сохранялась въ жизни послѣдующихъ христіанъ, какъ видно изъ свидѣтельствъ позднѣйшихъ церковныхъ писателей, незаподозрѣваемыхъ и критикою предвзятаго направленія [1]), мы тѣмъ менѣе можемъ отрицать ее въ самомъ Основателѣ христіанства. Мало того, какъ въ виновникѣ всего необычайнаго и сверхъестественнаго въ христіанствѣ мы должны мыслить эту чудесность не въ какомъ-нибудь посредствующемъ видѣ, при которомъ Онъ являлся бы не болѣе какъ посредствующимъ подателемъ высшей божественной помощи, ниспосылаемой на людей по Его молитвамъ [2]), подобно позднѣйшимъ христіанскимъ чудотворцамъ,

---

Schenkel, Charakterbild Iesu. 1873 г. стр. 59—95, 337—342; *Hase*, Geschicht. Iesu. 1876, § 43. 44.

[1]) Keim, Geschicht. Iezu von Nazara, 1871 г. 160 2-е примѣч.

[2]) Въ евангельской исторіи встрѣчаются чудотворенія, предъ совершеніемъ которыхъ Іисусъ Христосъ дѣйствительно возводилъ свой молитвенный взоръ къ небу (Марк. 6, 41; 7, 34; Іоан. 11, 41 и сл.) и другимъ рекомендовалъ молитву и постъ (Матѳ. 17, 21), но вообще онъ совершалъ чудотворенія во имя своего полновластія (Матѳ. 9, 6; Марк. 2, 10. 11; Матѳ. 9, 28. 29; 8, 26; Лук. 7, 14. 15; 8, 29. 54 и др.) и могущества того божественнаго духа, котораго Онъ имѣлъ

но въ самостоятельномъ и самодѣятельномъ проявленіи ея, при которомъ Онъ былъ совершенно свободнымъ и полновластнымъ ея совершителемъ. Только такое представленіе о Его чудесности вполнѣ соотвѣтствуетъ величію Его нравственнаго характера, не низводитъ Его въ рядъ обыкновенныхъ чудотворцевъ этого времени и вслѣдствіе этого не ставитъ въ фальшивое отношеніе къ современникамъ; во имя только такой чудесности Онъ возвышался надъ древними ветхозавѣтными великими пророками и дѣятелями, съ которыми сравнивая себя, онъ говорилъ, что, еслибы у нихъ были такія силы (αἱ δυνάμεις), какими Онъ располагалъ и дѣйствовалъ, то современники ихъ принесли бы болѣе достойные плоды покаянія, чѣмъ Его слушатели (ср. Матѳ. 11, 20—24; 12, 41. 42; Лук. 11, 30—32); ею отдѣляясь и отличаясь отъ обыкновенныхъ и ложныхъ пророковъ и чудотворцевъ своего времени, нерѣдко прикрывавшихся мнимою чудотворностію (Матѳ. 7, 15—23) и возвышаясь надъ древними великими пророками, Онъ воспиталъ вѣру въ себя, какъ истиннаго Мессію, въ кругу избранныхъ и преданнѣйшихъ послѣдователей (ср. Матѳ. 8, 27, 14, 33; 16, 16 [1]).

Наконецъ только рядъ новыхъ необычайныхъ и сверхъ-

(Матѳ. 12, 28), а также и другихъ уполномочивалъ совершать чудеса въ свое имя (Матѳ. 10, 8; Марк. 16, 17. 18).

[1]) Приведенными мѣстами многіе изъ отрицательныхъ критиковъ даже пользуются для доказательства того своего положенія, будто самъ Іисусъ Христосъ все отличіе своего величія среди другихъ великихъ учителей и проповѣдниковъ древности поставлялъ въ силѣ слова, которое по своему вліянію на современниковъ должно быть могущественнѣе и дѣйственнѣе проповѣди пр. Іоны и мудрости Соломона. Но въ такомъ объясненіи приведенныхъ мѣстъ высказывается только одностороннее ихъ пониманіе; Іисусъ Христосъ, сравнивая свою дѣятельность съ проповѣдію пр. Іоны и мудростію Соломона, имѣлъ въ виду, какъ видно изъ контекста рѣчи, не одно ученіе, но весь образъ своей жизни, который слагался какъ изъ ученія такъ и дѣлъ. Обнимая своимъ взоромъ всю

естественныхъ событій могъ вдохновить, воодушевить и расположить апостоловъ, послѣ крестной смерти Іисуса Христа, выступить съ проповѣдію о Немъ, какъ истинномъ Мессіи, Сынѣ Божіемъ, виновникѣ Новаго Завѣта, основателѣ царствія небеснаго. Предшествующія событія земной жизни Іисуса Христа настолько одухотворили и возвысили взглядъ ближайшихъ учениковъ Его, что они въ концѣ галилейской дѣятельности исповѣдали и признали въ Немъ, смиренномъ проповѣдникѣ небеснаго царствія, вооруженномъ необычайными силами только для основанія послѣдняго, «Христа» «Сына Божія»; но какимъ образомъ Онъ долженъ былъ открыть проповѣдуемое и основываемое небесное царство, какъ долженъ былъ самъ войдти и съ собою ихъ ввесть въ славу новаго царства, это пока оставалось для нихъ неизвѣстнымъ. Поэтому, когда вслѣдъ за вышеприведенною исповѣдію Іисусъ Христосъ началъ открывать ученикамъ, что для окончательнаго утвержденія на землѣ проповѣдуемаго Имъ царства, Ему должно идти въ Іерусалимъ, много пострадать тамъ, быть убиту и въ третій день воскреснуть, то тотъ самый ученикъ, въ устахъ котораго высказалась исповѣдь всѣхъ учениковъ, не проникая въ глубокій смыслъ предуказываемыхъ событій, съ недовѣріемъ отнесся къ нимъ. Несмотря на послѣдующее приготовленіе къ путешествію въ Іерусалимъ, главнымъ образомъ посвященное раскрытію и уясненію необходимости страданій и крестной смерти (Матѳ. 16, 21; 17, 22; 20, 17. 18), смыслъ и значеніе этихъ событій оставались тайною отъ нихъ сокрытою (Лук. 9, 45; 18, 31—34). Когда Іисусъ Христосъ, входя въ Іерусалимъ, вновь напомнилъ о предстоящихъ страданіяхъ и смерти, два преданнѣй-

---

свою жизнь, онъ говорилъ, что въ цѣломъ своемъ составѣ она должна быть могущественнѣе слова пр. Іоны и мудрости Соломона. Выраженіе—δυνάμεις здѣсь означало сверхъестественную силу не только въ словѣ, но и въ дѣлахъ.

шихъ ученика Его ревновали о занятіи высшихъ мѣстъ въ томъ царствѣ, которое еще предстояло купить цѣною крови (Матѳ. 20, 18—23). Мало того, когда приблизился роковой часъ разлуки съ учениками и Іисусъ Христосъ ясно указалъ на неминуемость тяжкихъ крестныхъ страданій и въ нихъ положилъ начало Новаго Заазѣта (Матѳ. 26, 26—28; Марк. 14, 22—24), одинъ изъ приближенныхъ учениковъ и въ эти минуты думалъ было защищать своего учителя съ мечемъ въ рукахъ (Матѳ. 26, 51. 52; Марк. 14, 47). Такое, повидимому, совершенно не подготовленное со стороны учениковъ отношеніе къ страданіямъ Іисуса Христа, считаемое нѣкоторыми изъ отрицательныхъ критиковъ невѣроятнымъ въ виду ясныхъ предуказаній на нихъ какъ теченіемъ самыхъ событій, такъ и рѣчами Іисуса Христа, намъ представляется естественнымъ: въ присутствіи обожаемаго учителя, въ необычайномъ могуществѣ котораго они успѣли уже увѣриться, имъ неестественно было предаваться скорби и печали и призадумываться надъ тяжестію предуказываемыхъ событій; скорбныя чувства, иногда ими овладѣвавшія, были мимолетными (Матѳ. 17, 22. 23); съ Нимъ они препобѣждали всѣ опасности, ихъ постигавшія, съ Нимъ они и теперь надѣялись быть торжествующими въ виду надвигающихся опасностей; тяжесть предуказанныхъ событій, во всей ихъ наготѣ, должна была предстать ихъ взору уже въ то время, когда наступило ихъ исполненіе, когда не стало обготвореннаго ими наставника (Матѳ. 9, 15; Іоанн. 16, 4); тогда гнетъ ихъ всею своею тяжестію долженъ былъ лечь на ихъ душу. Зная такое состояніе ихъ духа, Іисусъ Христосъ напередъ говорилъ имъ, что во время имѣющей постигнуть Его печальной участи, они всѣ соблазнятся о Немъ, оставятъ Его и только послѣ обратятся (Матѳ. 26, 31; Лук. 22, 31. 32). Такъ и случилось. Во время суда, производимаго надъ Іисусомъ Христомъ іудейскими старѣйшинами тотъ ученикъ, кото-

рый болѣе другихъ завѣрялъ Его въ неизмѣнной Ему вѣрности, послѣ легкаго искушенія, первый отказался отъ Него; по совершеніи же крестной смерти надъ Нимъ, всѣ остальные, разбѣжавшись, предались скорби и унынію; съ позорною смертію обожаемаго учителя они полагали разрушенными всѣ свои надежды, съ погребеніемъ Его они считали погребенными всѣ свои чаянія и ожиданія: мало того, подъ гнетомъ тяжелой дѣйствительности они готовы были причислить себя къ ряду обольщенныхъ великими дѣлами своего Наставника (Матѳ. 26, 69—74; Марк. 16, 10. 11; Лук. 24, 19—21). Всего этого, конечно, не могло бы быть, если бы они сроднились духомъ съ событіями, предуказанными Іисусомъ Христомъ, еслибы, примирившись съ необходимостію крестныхъ страданій и смерти, они надѣялись вскорѣ увидѣть рядъ новыхъ побѣдъ и торжествъ; будучи увѣрены въ скорой и славной побѣдѣ своего Учителя надъ всѣми препятствіями, они съ торжествомъ глядѣли бы на все совершающееся предъ ихъ глазами и не пали бы ни предъ какими искушеніями и испытаніями; не имѣя же твердой заручки въ вѣрѣ въ событія, предсказанныя Іисусомъ Христомъ, не сроднившись мыслію съ ними, они впали въ уныніе и отчаяніе по наступленіи ихъ. Позоръ смерти, опредѣленной закономъ для тяжкихъ преступниковъ (Второзакон. 21, 22. 23), поддерживалъ у нихъ такое расположеніе (1 Кор. 1, 23).

При такомъ состояніи духа ближайшихъ учениковъ Іисуса Христа, дабы они снова могли выступить и явиться вдохновенными проповѣдниками Его ученія и дѣлъ, необходимо долженъ былъ послѣдовать рядъ новыхъ такихъ событій, которыя въ состояніи были бы не только возбудить и возвратить ихъ потухшія и угасшія вѣрованія и ожиданія, но уяснить и раскрыть взглядъ на значеніе ихъ будущаго проповѣдническаго служенія, на ихъ будущія чаянія и упованія, сдѣлать ихъ новою тварію во Христѣ, способною служить Ему въ новомъ

духѣ. Въ ряду такихъ событій первое мѣсто, по важности его вліянія, апостольская проповѣдь отводитъ *воскресенію Іисуса Христа*; съ нимъ она связываетъ начало великихъ дѣлъ апостольскаго служенія, въ немъ видитъ опору будущихъ чаяній и упованій (Дѣян. 2, 22—33; 3, 13—18; 4, 9—12 и др.; 1 Кор. 15, 12—34). Въ такомъ значеніи воскресенія Іисуса Христа для возбужденной и возобновленной жизни апостоловъ не сомнѣвается и отрицательная критика; сущность вопроса касательно его она сводитъ только къ слѣдующему: необходимо-ли считать его сверхъестественнымъ событіемъ? не слѣдуетъ-ли причислить его къ ряду возможно-объяснимыхъ обыкновенныхъ при извѣстныхъ условіяхъ явленій? Минуя евангельскія сказанія, какъ несогласныя между собою и слѣдовательно не заслуживающія полнаго довѣрія, опираясь на свидѣтельства одного ап. Павла, она всѣми сподручными средствами старается доказать, что оно принадлежало къ категоріи явленій втораго рода.

Попытки къ низведенію воскресенія Іисуса Христа въ рядъ обыкновенныхъ и даже ложныхъ событій современны самому факту воскресенія; іудейскіе старѣйшины, по евангельскому сказанію, первые старались огласить это событіе ложно выданнымъ (Матѳ. 28, 11—15); вслѣдъ за ними повторяли такое сужденіе о немъ поборники древняго язычества [1]); съ конца семнадцатаго и начала восемнадцатаго вѣковъ къ нимъ присоединились христіанскіе экзегеты, деисты и натуралисты [2]); въ наше время вопросъ о воскресеніи Іисуса Христа подобно вопросу объ обращеніи ап. Павла былъ предметомъ самой оживленной полемики между апологетами сверхъестественнаго

---

[1]) Celsus 2, 55.. 3, 43.

[2]) Объ ихъ произведеніяхъ и направленіи см. у Ed. *Reuss*, Geschicht. der heil. Schrift. N. Test. 1864 г. § 341. 342. 575. 576.

его характера и поборниками противоположнаго на него взгляда [1]).

Въ обзорѣ гипотезъ, посвященныхъ объясненію воскресенія Іисуса Христа, какъ обыкновеннаго событія, не настоитъ необходимости заниматься разборомъ каждой изъ нихъ; всякая новая гипотеза непремѣнно указываетъ недостатки предшествующей, поэтому для оцѣнки достоинства всѣхъ ихъ цѣлесообразнѣе всего представить перечень ихъ съ показаніемъ тѣхъ недостатковъ, которые каждая новая гипотеза открываетъ въ предшествующей и затѣмъ остановиться на достоинствѣ послѣднихъ, претендующихъ на болѣе удовлетворительное объясненіе естественности событія.

Въ настоящее время ни одинъ изъ отрицательныхъ критиковъ не рѣшается уже повторять того грубаго объясненія, измышленнаго іудейскими первосвященниками и старѣйшинами и поддержаннаго языческимъ полемикомъ противъ христіанства *Цельсомъ*, будто ученики украли мертвое тѣло своего учителя и распустили слухъ объ Его воскресеніи для своихъ

---

[1]) Статьи апологетическаго и отрицательнаго направленія помѣщались на страницахъ „Zeitschrift für Wissensch. Theolog. *Holsten*, die Christusvision des Paulus, 1861, 223 и дал. *Ludw. Paul*, die geschicht. Beglaubigung einer realen Auferstehung Iesu 1863, 182 и дал. 1864, 82 и дал. *Hilgenfeld*, Nachwort zu den neuester Verhandlungen ueber die Aufastehung Christi 1864, 95; *Pauls*, Erwieder. auf. Hilgenfeld Nachwort 396. Изъ выдающихся отдѣльныхъ изслѣдованій отрицательнаго направленія можемъ поименовать: Holsten zum Evangel. d. Paulus u. des Petrus: стр. 115—237, 1868 г. Alb. *Reville*, L. resurer. d. I. Chr. 1869. *Keim*, Geschicht. Iesu von Nazara 111. 1872, 527—606. Между апологетическими изслѣдованіями можемъ указать: *Godet*, l'hypothese d. visions 1869 г. *Beischlag*, die Visions hipoth. in ihrer neuest. Begrundung. Stud. Kritik. 1870 г. *Steinmeyr*, die Aufersteh. d. Heru. apolog. Beitrag. 111. 1871 г. Въ нашей отечественной литературѣ этому предмету было посвящено довольно обстоятельное изслѣдованіе: „о воскресеніи Іисуса Христа“ И. *Петропавловскаго*, сначала помѣщенное въ „Чтен. общ. люб. дух. просв. за 1873, кн. 9. 11. 12 и послѣ вышедшее отдѣльно, см. также апологетическія бесѣды“ о лицѣ І. Христа *Шикотта*, въ переводѣ съ нѣмецкаго, стр. 202—226. 1870 г.

выгодъ. *Реймарусъ*, составитель «Вольфенбиттельскихъ отрывковъ», былъ послѣднимъ въ минувшемъ столѣтіи, повторившимъ эту грубую іудейскую клевету [1]). Замѣчаніе Оригена, что ложь учениковъ, ими самими придуманная, никакъ не могла воодушевить ихъ къ столь твердому проповѣданію о воскресеніи Іисуса Христа, среди величайшихъ опасностей, и затѣмъ мнѣніе нѣкоторыхъ изъ новыхъ апологетовъ, что необычайный переходъ учениковъ отъ самаго глубокаго уныній и совершенной безнадежности при смерти Іисуса Христа, къ сильной вѣрѣ и воодушевленію, съ какими они начали проповѣдь о Немъ, какъ о Мессіи, былъ бы необъяснимъ, если бы въ этотъ промежутокъ времени, не случилось чего-нибудь чрезвычайнаго, ихъ ободряющаго, признаны самою отрицательною критикою вполнѣ ниспровергающими это старое объясненіе [2]). Столь же невѣроятнымъ считается и второе объясненіе этого же разряда, повидимому, нѣсколько утонченнѣе перваго, предполагающее, будто мертвое тѣло Іисуса Христа могло быть украдено или уничтожено другими, и не знавшіе этого ученики, обманутые, сочли его возвращеннымъ къ жизни могуществомъ Божіимъ [3]). Помимо его неестественности, оно считается у критиковъ новозавѣтной исторіи не имѣющимъ научныхъ основаній и совершенно не уясняющимъ характера явленій воскресшаго Іисуса Христа, описанныхъ евангелистами и ап. Павломъ [4]). Немного находитъ поборниковъ въ настоящее время и гипотеза мнимой смерти Іисуса Христа, измыш-

---

[1]) *Strauss*, S. Reimarus u. seine schutzschrif fur d. vernuftig. verchrer Gottes. 1862 стр. 214 и дал.

[2]) Keim, Geschichte Iesu, drith. Vearb. 1875, стр. 358. 359.

[3]) На существованіе этого мнѣнія между іудеями или язычниками указывалъ еще Тертулліанъ въ свое время (Tert. Spect. 30).

[4]) Ср. Renan, les Apotres, 1866 г. стр. 38—44. Keim, Geschicht. Iesu Von Nazara 111. 1872. 572. 573.

ленная въ концѣ минувшаго столѣтія и нашедшая сильныхъ защитниковъ въ первой трети настоящаго столѣтія въ Павлюсѣ, Шлейрмахерѣ, Бунзенѣ [1]). Сущность ея состоитъ въ томъ, что воскресеніе Іисуса Христа было дѣйствительнымъ фактомъ, только совершившимся не по особенному божественному воздѣйствію, но вслѣдствіе возстановленія внимательнымъ уходомъ друзей истощившейся, но не вполнѣ угасшей, жизненной силы въ измученномъ крестными страданіями до потери сознанія Христѣ. Кромѣ множества фактическихъ противорѣчій этой гипотезѣ самымъ сильнымъ аргументомъ противъ ея, со стороны же отрицательной критики, считается то замѣчаніе Штрауса, что «вышедшій изъ гроба полумертвымъ, хилой, изможденный, нуждающійся во врачебныхъ пособіяхъ, перевязкахъ, подкрѣпленіи и уходѣ, и за всѣмъ этимъ умирающій отъ страданій, никакъ не могъ произвесть на учениковъ того впечатлѣнія побѣдителя смерти и гроба, владыки жизни, которое послужило основаніемъ для ихъ позднѣйшаго выступленія на дѣятельность; такое возвращеніе къ жизни только ослабило бы то впечатлѣніе, какое Іисусъ производилъ на учениковъ при жизни и смерти, заставляя его откликаться въ высшей степени элегически, но не будучи въ состояніи превратить ихъ скорбь въ воодушевленіе, ихъ уваженіе возвысить до обожанія [2])».

Такимъ образомъ, способъ объясненія происхожденія вѣры въ воскресшаго Іисуса Христа помощію случайнаго совпаденія внѣшнихъ обстоятельствъ, въ настоящее время, при болѣе внимательномъ изученіи событій, потерялъ свою обая-

---

[1]) Ревностнымъ защитникомъ этой гипотезы въ настоящее время является едва ли не одинъ Газе (Geschicht. Iesu, 1876. 600—603).

[2]) Ср. Strauss, Leben Iesu, 1864 г. стр. 298; Keim, Geschicht. Iesu, dritt. Vearb. 1875, стр. 359.

тельность; тѣмъ съ большею спѣшностію поборники натурализма старались перенесть выясненіе этого факта въ область внутреннихъ ощущеній и созерцаній, въ область внутренняго міра, представляющаго по своей недоступности широкое поле для гаданій и предположеній. Въ ряду объясненій послѣдняго рода первое мѣсто по своей распространенности занимаетъ гипотеза такъ называемыхъ визіонерныхъ явленій, обусловливающихся только извѣстнымъ состояніемъ, положеніемъ и настроеніемъ воспринимающихъ субъектовъ. Мысль о возможности обольщенія видѣвшихъ воскресшаго Іисуса Христа чрезъ обманъ возбужденной фантазіи или ложнаго видѣнія высказывалъ еще древній противникъ христіанства Цельсъ. Раздѣляя мнѣніе іудейскихъ первосвященниковъ и старѣйшинъ о возможности похищенія мертваго тѣла Іисуса Христа Его учениками, касательно явленій Его по воскресеніи, онъ спрашивалъ «кто видѣлъ это? Изступленная женщина.... и развѣ еще кто-нибудь изъ принадлежащихъ къ той же партіи, въ болѣзненномъ состояніи увлекшійся мечтою, или добровольно дозволившій себѣ обольститься мнимымъ видѣніемъ».. [1]). Затѣмъ нѣкоторые изъ позднѣйшихъ мыслителей и экзегетовъ повторяли это мнѣніе, но собственно научное основаніе оно получило въ трудахъ новѣйшихъ критиковъ Штрауса, Ренана, Ревиля, Гольштена и др.... Сущность теоріи послѣднихъ состоитъ въ томъ, что они, не отрицая дѣйствительности явленій воскресшаго Іисуса Христа ближайшимъ изъ Его послѣдователей, заключаютъ эту дѣйствительность въ кругъ субъективныхъ представленій, слагавшихся подъ вліяніемъ извѣстныхъ психическихъ условій лицъ видѣвшихъ, не признавая за нею объективности, и слѣдовательно не допуская въ проявленіи ея особеннаго божественнаго воздѣйствія. Основы для такой те-

[1]) Origen. contra Celsum, lib. 2. § 55.

оріи они находятъ въ тѣхъ возбужденныхъ психическихъ состояніяхъ, при которыхъ въ жизни многихъ дѣятелей совершаются, повторяются вызываемыя визіонерныя явленія и въ эпохи политическихъ бѣдствій, религіозныхъ притѣсненій и преслѣдованій мгновенно передаются многимъ и даже охватываютъ цѣлыя народныя массы. Ближайшіе же послѣдователи Іисуса Христа, по ихъ представленію, именно находились въ состояніи, располагавшемъ къ визіонернымъ явленіямъ: будучи свидѣтелями позорной нежданной крестной смерти, видя разрушающимися свои чаянія и ожиданія, находясь подъ давленіемъ тяжелыхъ чувствъ и въ тоже время не будучи въ состояніи сгладить отпечатлѣвшійся въ душѣ образъ любимаго учителя, они пришли въ то положеніе, въ которомъ теряется сознаніе о разграниченіи между внутреннею и внѣшнею дѣйствительностію, въ которомъ слухъ, зрѣніе и прочія чувства дѣлаются воспринимающими внутреннія движенія и ощущенія за внѣшніе образы и представленія. Мыслимый и воображаемый ими Христосъ казался имъ видѣннымъ наяву. Фактическимъ оправданіемъ такого представленія можетъ служить ап. Павелъ, который внутреннее созерцаніе Іисуса Христа (Галат. 1, 16) принялъ за внѣшнее Его видѣніе (1 Кор. 9, 1). Коль скоро же одинъ изъ нихъ испытавъ такое состояніе, то при одинаковомъ расположеніи и настроеніи оно мгновенно могло охватить всѣхъ остальныхъ. Писатель кн. Дѣяній апостольскихъ подтверждаетъ, что и остальные апостолы были подвержены видѣніямъ (Дѣян. 2, 3; 7, 55; 8, 26 и дал.; 10, 3. 11—16 и др..).

Таково построеніе теоріи упомянутыхъ критиковъ на вышеуказанныхъ основахъ. Не смотря на прикрытое ея искуство, на авторитетъ лицъ принявшихъ ее подъ свою защиту, со стороны же отрицательныхъ критиковъ въ ней открываются такіе недостатки, которые не дозволяютъ имъ принять ее въ

безусловномъ видѣ и побуждаютъ искать новыхъ путей для выхода изъ затрудненія [1]). Обращая вниманіе на характеръ явленій воскресшаго Іисуса Христа ближайшимъ послѣдователямъ, они не находятъ прежде всего сходства въ самомъ происхожденіи между этими явленіями и такъ называемыми визіонерными видѣніями. Послѣ случившихся событій ученики и ближайшіе послѣдователи Іисуса Христа дѣйствительно могли быть въ крайне возбужденномъ состояніи, тѣмъ не менѣе для того чтобы при такомъ состояніи ихъ могли послѣдовать явленія извѣстнаго рода, необходимо должно быть предварительное предрасположеніе къ нимъ съ ихъ стороны. Обыкновенныя визіонерныя видѣнія бываютъ воплощеніемъ, воспроизведеніемъ того, что или задолго покоилось въ духѣ созерцателей или хотя недавно возникло въ немъ, но преслѣдуется съ напряженнымъ вниманіемъ и большимъ усиліемъ; ни того ни другаго не замѣтно въ духовномъ состояніи учениковъ, предшествовавшемъ явленіямъ Воскресшаго. Съ мыслію о Мессіи, имѣвшемъ пострадать, умереть и воскреснуть они не свыклись при жизни Іисуса Христа, не пришли къ нѣй тотчасъ и послѣ Его крестной смерти. Явленія воскресшаго были для нихъ внезапными, нежданными; они встрѣчали ихъ съ испугомъ, недоумѣніемъ и сомнѣніемъ (Матѳ. 28, 17; Лук. 24, 16—31; 24, 37; Марк. 16, 8. 10. 11. 13; Іоан. 20, 8. 9. 24. 25). Такое тревожное состояніе было бы немыслимо, если бы послѣдователи Іисуса Христа ожидали Его воскресенія. Такимъ образомъ съ точки зрѣнія поборниковъ визіонерныхъ видѣній необъяснимо происхожденіе явленій Воскресшаго; психическая почва, на которой они строютъ свою теорію, оказывается не

---

[1]) Keim, Geschicht. Iesu von Nazara 111. 1872, стр. 577—606; его же, Geschicht. Iesu, dritt. Vearbeitung. 1875, 359—364. Schenkel, Characterbild. Viert. Auflage, 1873, стр. 336. *Hase*, Geschicht. Iesu, 1876. 593—600.

твердою и непрочною. Необъяснимы также съ ихъ точки зрѣнія продолженіе этихъ явленій и ихъ распространеніе. Извѣстный психическій законъ возрастанія, по которому визіонерныя видѣнія сразу не прекращаются у субъектовъ, имъ подвергшихся, но постепенно увеличиваются и переходятъ къ субъектамъ, къ нимъ предрасположеннымъ, здѣсь не можетъ имѣть своего приложенія. Явленія Воскресшаго, послѣ пяти, шести разъ [1]), совершенно прекращаются; писатели, упоминающіе о видѣніяхъ, обиловавшихъ въ апостольскій вѣкъ, отличаютъ послѣднія отъ первыхъ, и ап. Павелъ былъ послѣднимъ свидѣтелемъ, видѣвшимъ всего одинъ разъ Воскресшаго, спустя уже много времени послѣ Его вознесенія. Видимое дѣло, что основа продолженія явленій Воскресшаго лежала не въ возбужденномъ и разстроенномъ состояніи созерцателей, при которомъ оно не могло бы быть такъ законообразно, но скрывалась въ какой-то высшей силѣ, заправлявшей ими. Явленія Воскресшаго прекращаются именно въ тотъ моментъ, когда вѣра, убѣжденіе Его послѣдователей, способныхъ продолжать Его дѣло, настолько озарились, окрѣпли и утвердились, что они могли выступить на проповѣдь новаго ученія съ полною вѣрою въ Него и свое служеніе. При чемъ эти явленія происходятъ предъ глазами и такихъ послѣдователей, которые совершенно не были предрасположены къ нимъ (Іоан. 20, 24—29); слѣдовательно причина увлеченія видѣніями лежала внѣ условій тождества и одинаковости духовнаго настроенія созерцателей. При такомъ же неодинаковомъ и даже различномъ душевномъ настроеніи послѣдователей Іисуса Христа нитолько не можетъ быть рѣчи объ эпидемической заразѣ видѣніями со стороны послѣднихъ, но даже немыслима потеря сознанія разграниченія между внѣшнею и внутреннею дѣйствительно-

[1]) По счету отрицательной критики.

стію; послѣдняя, если бы даже случилась у нѣкоторыхъ изъ послѣдователей, то, по миноватіи ея и наступленіи нормальнаго состоянія, обманъ, ею произведенный, непремѣнно былъ бы сознанъ. Ссылка на ап. Павла въ подкрѣпленіе этой теоріи не можетъ служить ей большимъ подспорьемъ: между явленіемъ Воскресшаго ап. Павлу и явленіями Его первымъ ближайшимъ послѣдователямъ есть нѣкоторая разница; сходство здѣсь простирается скорѣе на слова и выраженія, чѣмъ на самое существо событій. Равнымъ образомъ приведеніе въ примѣръ остальныхъ апостоловъ, имѣвшихъ видѣнія, еще не служитъ доказательствомъ того, что и тѣ пятьсотъ братій которымъ явился Воскресшій (1 Кор. 15, 6), всѣ были расположены къ видѣніямъ; между ними могло быть много похожихъ на ап. Ѳому по своему расположенію и настроенію. Вслѣдствіе такихъ соображеній приведенная теорія самими же отрицательными критиками низводится въ разрядъ такихъ гипотезъ, которыя не только обходятъ частности, пользуются случайностями для своихъ цѣлей, но нисколько не уясняютъ существеннаго въ томъ событіи, которое избираютъ своимъ предметомъ, и ими же самими на мѣсто ея ставятся новыя, по ихъ мнѣнію, болѣе цѣлесообразныя, теоріи. Какого же рода эти послѣднія теоріи и насколько онѣ близки къ достиженію желаемой цѣли?

Изъ послѣднихъ—новѣйшихъ теорій, претендующихъ на болѣе соотвѣтствующее характеру событія рѣшеніе вопроса, слѣдуетъ упомянуть только о нѣкоторыхъ, отличающихся выдающимися особенностями, такъ какъ въ существенномъ всѣ онѣ болѣе или менѣе сходятся между собою. Идеализируя воскресеніе Іисуса Христа, стараясь по возможности сблизить его съ актомъ внутренняго сознанія величія истинъ, повѣданныхъ міру христіанствомъ, со стороны ближайшихъ послѣдователей Іисуса Христа, поборники послѣдняго направленія главною

основою для построенія своихъ теорій избираютъ туже малодоступную область духа, въ которой они надѣются открыть новыя данныя для желаемаго рѣшенія вопроса. Но въ то время какъ одни изъ нихъ ограничиваются изложеніемъ самыхъ общихъ положеній, въ родѣ слѣдующихъ, что воскресеніе Іисуса Христа было только возрожденіемъ, духовнымъ воплощеніемъ образа великаго учителя въ сознаніи учениковъ, всецѣлымъ усвоеніемъ идей, имъ проповѣданныхъ, другіе, не удовлетворяясь такимъ утонченнымъ и одухотвореннымъ пониманіемъ, и желая видѣть въ немъ событіе дѣйствительно возводящее взоръ христіанина отъ этого видимаго міра къ невидимому, граничащее съ потустороннею дѣйствительностію, и въ самомъ христіанскомъ вѣрученіи, тѣсно связаннымъ съ нимъ, религію устанавливающую связь съ сверхъестественною областію, въ этомъ духѣ стараются понять и самый фактъ воскресенія. Послѣ того какъ доказана была несостоятельность объясненія происхожденія вѣры въ Воскресшаго изъ случайнаго совпаденія внѣшнихъ обстоятельствъ и уяснена невозможность происхожденія явленій Воскресшаго изъ обмана чувствъ и разстроеннаго воображенія, между тѣмъ явленія были, тѣмъ, которые не хотѣли успокоиваться на безсодержательной теоріи мифовъ и сагъ, оставалось признать виновникомъ послѣднихъ или самого Бога или прославленнаго Христа. Допущеніе проявленія особаго могущества Божія въ этомъ событіи было бы равносильно признанію происхожденія чуда, перенесеніе же выясненія возможности явленій на лице Іисуса Христа по видимому скрывало участіе въ нихъ сверхъестественнаго элемента; вслѣдствіе этого все вниманіе новѣйшихъ экзегетовъ раціоналистическаго направленія было обращено на уясненіе возможности явленій умершаго Іисуса Христа изъ особенно-

стей Его духовной натуры [1]). Ссылаясь на авторитетъ такихъ мыслителей, каковы Лессингъ и Кантъ, не отрицавшихъ возможности воздѣйствія умершихъ на живыхъ въ видѣ явленія первыхъ послѣднимъ, указывая на сѣмя вѣры въ возможность явленій подобнаго рода, скрывающееся въ жизни всѣхъ народовъ, и вслѣдствіе этого считая вопросъ объ отношеніи потусторонняхъ существъ къ живущимъ здѣсь открытымъ, критики нового направленія этими данными стараются обусловить возможность явленій Воскресшаго Его послѣдователямъ. Но въ то время какъ одни изъ нихъ, опираясь на совершеніе нѣкоторыхъ чудотвореній чрезъ прикосновеніе, думаютъ, что Іисусу Христу была дарована дивная магнетическая сила, дававшая Ему способность магнетически дѣйствовать на своихъ учениковъ и на другія личности, расположенныя къ воспріятію Его вліянія, и послѣ смерти, и сообщать имъ убѣжденіе въ Его духовной, живо дѣйствующей на нихъ близости [2]), другіе, полагая Его превосходство въ духовномъ богатствѣ—могуществѣ воли, силѣ любви, явленія Его, послѣ смерти, ставятъ въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ качествъ и соучастія опредѣленія Божія, которое только такимъ путемъ могло спасти религію, проповѣдникомъ которой оно избрало Его [3]), третьи, въ виду тѣхъ же данныхъ, явленія Воскресшаго въ новомъ видѣ и новой славѣ считаютъ дѣломъ божественнаго провидѣнія, которое не могло допустить погибнуть столь великому

---

[1]) Еще Спиноза явленіе Воскресшаго ученикамъ приписывалъ дѣятельности божественной (см. Epistol. XXIII. Henr.-Oldenburg. ed. Gfracr. 559); но между его воззрѣніемъ и мнѣніемъ новыхъ критиковъ одно внѣшнее сходство.

[2]) *Weisse*, Evangelisch. Geschicht. kritisch. u. philol. bearbeitet. 1848. 2 426. 432—440.

[3]) Keim, Gesch. Iesu von Nazara 1872. стр. 601—606; его же Gesch. Iesu, drit. vearb. 1875. 362—364.

дѣлу, Имъ созданному [1]). Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ точно не опредѣляется, какого рода были эти явленія, были-ли это такія духовныя явленія, которыя вызывали извѣстныя реальныя представленія, независимо отъ субъективныхъ условій [2]), или это были неопредѣленныя ощущенія, отражавшіяся уже въ субъективныхъ рефлективныхъ представленіяхъ извѣстнаго рода з), во всякомъ случаѣ, при такомъ объясненіи явленія Воскресшаго уже не считаются плодомъ творчества однихъ субъективныхъ представленій, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ болѣзненно-настроенной фантазіи, или нервно-потрясенной натурѣ извѣстнаго субъекта, но ставятся въ зависимость отъ другаго какого-то невѣдомаго фактора. Мало того, по своей таинственности и непостижимости, эти теоріи, помимо воли своихъ изобрѣтателей, увлекаютъ ихъ въ область сверхъестественнаго, ставятъ ихъ въ соприкосновеніе съ міромъ потустороннимъ, или, какъ они выражаются, ставятъ ихъ на рубежъ двухъ міровъ видимаго и невидимаго.

И дѣйствительно, при внимательномъ взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, сопутствовавшихъ воскресенію Іисуса Христа, съ точки зрѣнія даже раціоналистической, трудно не переступить границъ этого видимаго міра и не перейти въ тотъ невѣдомый міръ, о которомъ мы можетъ гадать только по темнымъ предуказаніямъ невполнѣ объяснимыхъ обыкновеннымъ теченіемъ событій этого ограниченнаго міра. Изъ изложенныхъ теорій, имѣющихъ цѣлію естественнымъ образомъ объяснить происхожденіе вѣры въ Воскресшаго, преимущественнѣе всѣхъ, по своей фактической постановкѣ, можетъ обращать на себя вниманіе гипотеза такъ называемыхъ визіанерныхъ видѣній. Въ свою пользу, она представляетъ много историческихъ аналогическихъ явленій изъ области психической; но при внимательномъ обсужденіи обстоятельствъ, сопровож-

[1]) Schenkel, Charakterbild. Iesu viert. Auflag. 1873. 336. 337.
[2]) Вейссе.
[3]) Кеймъ.

дающихъ визіонерныя видѣнія и сопровождавшихъ явленія Воскресшаго, эта гипотеза менѣе другихъ можетъ быть прилагаема къ объясненію этого событія. Помимо выше приведенныхъ основаній противъ нея, съ нею несогласны и многія другія данныя. Временемъ воскресенія Іисуса Христа, или, выражаясь ближе къ дѣлу, временемъ убѣжденія въ дѣйствительности воскресенія Іисуса Христа, со стороны апостоловъ, отрицательная критика, на основаніи тѣхъ данныхъ, которымъ она слѣдуетъ при обсужденіи этого событія, должна прежде всего признать третій день (ἡ ἡμέρα ἡ τρίτη 1 Кор. 15 4), за тѣмъ первымъ провозвѣстникомъ этого событія, согласно тѣмъ же даннымъ, должна считать ап. Петра (ст. 5) [1]). Но при принятіи этихъ двухъ положеній примѣненіе гипотезы визіонерныхъ видѣній къ объясненію явленій воскресшаго Іисуса Христа встрѣчаетъ неодолимыя препятствія. Для того, чтобы послѣдовали визіонерныя видѣнія этого рода, необходимо болѣе продолжительное время, чѣмъ промежутокъ отъ вечера пятницы до утра воскресенія. Путь, которымъ пришли ученики Іисуса Христа къ видѣніямъ Воскресшаго, одинъ же изъ отрицательныхъ критиковъ описываетъ такимъ образомъ, что они сначала воспитали въ себѣ идею воскресенія и стали защищать ее, за тѣмъ бѣжали въ Галилею, утвердились здѣсь въ своемъ вѣрованіи при помощи нѣкоторыхъ мѣстъ Писанія, указывавшихъ, что Мессія не могъ умереть, и затѣмъ уже возъимѣли видѣнія [2]). Для всего этого требовались не два три дня, а цѣлыя недѣли; между тѣмъ ап. Павелъ, согласно съ

---

[1]) Ср. Lud. *Paul*, Duplik. gegen Strauss; *Hilgenfeld*, Nachwort zu den Neuesten Verhandl. über die Auferstehung Christi u. L. *Paul*, Erwiederung auf das Hern pr. Hilgenfeld Nachwort.... помѣщен. въ Zeitschrift für vissensch. Theolog. 1864. 83—98. 396—408.

[2]) *Strauss*, Leben Iesu, 1864, 304—318.

четырьмя евангелистами, прямо говоритъ, что онъ воскресъ въ третій день (ἐγήγεται τῇ ἡμέρᾳ τῇ τρίτῃ 1 Кор. 15, 4), и преданіе церковное еще со временъ апостольскихъ запечатлѣло этотъ день именемъ дня Господня (τῆς κυριακῆς ἡμέρας Апок. 1, 10). Въ виду этихъ послѣднихъ обстоятельствъ другой изъ болѣе послѣдовательныхъ критиковъ отрицательнаго направленія, для законосообразности объясненія явленія, приготовленіе къ визіонернымъ видѣніямъ со стороны учениковъ отнесъ ко днямъ еще предшествовавшимъ страданіямъ и смерти Іисуса Христа, въ которые ученники, по его соображеніямъ, не могли оставаться праздными зрителями всего того, что совершалось вокругъ ихъ и не могли не призадуматься надъ тяжелою участію, грозившею ихъ Учителю [1]). Но если бы дѣйствительно послѣдователи Іисуса Христа еще въ то время проникали своею мыслію въ будущность своего Учителя, еслибы еще тогда они сроднились мыслію съ предуказанными страданіями, смертію и слѣдовавшимъ за ними воскресеніемъ, въ такомъ случаѣ для насъ непонятными были бы ихъ дѣйствія во время страданій, смерти и тотчасъ послѣ смерти Іисуса Христа, въ такомъ случаѣ, чтобы быть послѣдовательными, мы должны считать евангельскую исторію послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа въ отношеніи къ Его ученикамъ или измышленною или превратно изложенною, т. е., должны набросить тѣнь сомнѣнія на такія событія, дѣйствительности которыхъ не рѣшился заподозрѣвать еще ни одинъ изъ отрицательныхъ критиковъ [2]). Но, еслибы мы, игнори-

---

[1]) *Holsten*, Zum Evangelium d. Paulus u. d. Petrus 115 и дал.

[2]) Тогда не понятно будетъ отреченіе ап. Петра отъ Іисуса Христа, неестественно его желаніе защищать Его съ мечемъ въ рукахъ во время взятія, странны сомнѣнія и колебанія при видѣ возставшаго изъ гроба со стороны всѣхъ апостоловъ.

руя всѣ эти обстоятельства, допустили, что послѣдователи Іисуса Христа, послѣ его смерти, внезапнымъ и непонятнымъ для насъ образомъ подверглись видѣніямъ, въ такомъ случаѣ эти видѣнія, согласно законамъ психическихъ явленій, должны были бы соотвѣтствовать тѣмъ субъективнымъ представленіямъ, которыя они имѣли объ умершихъ великихъ праведникахъ; тогда они могли бы видѣть Его блаженно торжествующимъ на лонѣ Аврамма, Исаака, Іакова (Матѳ. 8, 11, Лук. 16, 22. 23), окруженнымъ небесною славою и вкушающимъ радость и веселіе царствія небеснаго (Матѳ. 25, 31. 46), но не воставшимъ изъ гроба. Наконецъ, если бы минуя законосообразность психическихъ явленій, мы признали, что кто-нибудь одинъ изъ послѣдователей Іисуса Христа въ крайне разстроенномъ нервномъ состояніи подвергся видѣнію будто возставшаго изъ гроба, и отъ него это вѣрованіе путемъ воспріимчивости распространилось на всѣхъ остальныхъ, въ такомъ случаѣ виновникомъ такой восторженной молвы, согласно уважаемымъ историческою критикою источникамъ, должны считать ап. Петра (1 Кор. 15, 5) [1]); но для того, чтобы изъ его устъ сдѣлать вѣроятнымъ распространеніе этого обаятельнаго видѣнія на всѣхъ увѣровавшихъ въ Іисуса Христа, мы вынуждены будемъ построить такого рода силлогистическое доказательство: сначала ап. Петръ, крайне потрясенный послѣдними событіями жизни Іисуса Христа и собственнымъ отъ Него отреченіемъ, подвергся призрачному видѣнію Воскресшаго; вслѣдъ за нимъ остальные двѣнадцать учениковъ, хотя не одинаково расположенныхъ, но постомъ и молитвою приведшихъ себя въ состояніе духовныхъ созерцаній, имѣли такія же ви-

[1]) Впрочемъ Ренанъ, по предуказанію Цельса, первую роль въ этомъ дѣлѣ усвояетъ Маріи Магдалинѣ; но сущность дѣла отъ этого не измѣняется (Les Apotres, 1866, 42.*43 и дал.)

дѣнія; далѣе пятьсотъ братій, ап. Іаковъ и всѣ апостолы такимъ или инымъ путемъ достигли этихъ видѣній; наконецъ къ нимъ присоединился ап. Павелъ по своему органическому расположенію къ видѣніямъ; въ заключеніе имъ повѣрили всѣ обращавшіеся въ христіанство. Такимъ образомъ христіанство въ результатѣ оказывается обязаннымъ своимъ происхожденіемъ призраку и обману; ложь, выходитъ, родила истину. Результатъ весьма неутѣшительный для человѣческаго сознанія, но необходимый въ ходѣ доказательствъ психической гипотезы. Съ допущеніемъ только такихъ крайнихъ положеній, не раздѣляемыхъ даже большинствомъ отрицательныхъ критиковъ, соединено примѣненіе гипотезы призрачныхъ видѣній къ объясненію явленій Воскресшаго.

Если же такимъ образомъ оказывается невозможнымъ порѣшить этотъ вопросъ, безъ пожертвованія самыми основными убѣжденіями, на почвѣ психической, почвѣ, по своей малодоступности, самой благопріятной для рѣшенія подобнаго рода вопросовъ, то послѣ очевидной несостоятельности другихъ способовъ объясненія, тѣмъ, которые не хотѣли оставаться въ безотрадной неизвѣстности и прикрывать свои недоумѣнія софистическими сужденіями, въ родѣ слѣдующихъ, что «чудо можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія только какъ субъективное явленіе, что оно не есть что-нибудь объективное въ смыслѣ эмпирическомъ, которое можно было бы разсматривать съ точки зрѣнія физической или метафизической, но объективное только по отношенію къ извѣстному кругозору субъекта [1]),» и не могли остановиться на такихъ неопрдѣленныхъ сужденіяхъ, что только чудо воскресенія могло разсѣять со-

[1]) *Hilgenfeld*, „Nachwort zu den neuesten Verhandlung, über die Auferstehung Christi“, Zeitschrift. fur Wissensch. Theolog. 1864. 98.

мнѣніе учениковъ, по видимому, погребавшихъ самую вѣру въ вѣчномъ мракѣ смерти, но что «при воскресеніи Іисуса, какъ бы ни понимали его, какъ объективно-совершенное чудо или какъ субъективно-психическое явленіе, никакимъ психологическимъ анализомъ нельзя проникнуть въ тотъ внутренній духовный процессъ, при посредствѣ котораго въ сознаніи учениковъ ихъ невѣріе при смерти Іисуса обратилось въ вѣру въ Его воскресеніе» [1]) но, соотвѣтственно значенію событія, ясно засвидѣтельствованному въ новозавѣтныхъ писаніяхъ, желали понять его, какъ основное начало христіанства, ничего болѣе не оставалось, какъ перевесть рѣшеніе вопроса на почву нейтральную, стать на рубежѣ между двухъ міровъ видимаго и невидимаго и искать условій для уясненія событія въ основахъ вѣры въ міръ загробный. Такой исходъ былъ естестественнымъ и послѣдовательнымъ послѣ всего сдѣланнаго со стороны критики для натуральнаго объясненія происхожденія явленій Воскресшаго; событіе, по своему характеру, дѣйствительно было такого рода, что, при непредвзятомъ отношеніи къ нему, никоимъ образомъ нельзя было подчинить происхожденіе его естественнымъ условіямъ; но, переводя рѣшеніе вопроса въ область, открытую только вѣрѣ и недоступную опытному наблюденію, критика этимъ не освобождаетъ себя отъ обязательства найдти въ ней такіе факторы, которые дѣйствительно уяснили бы событіе, а не указывали бы на него только въ отдаленной преспективѣ, или же уясняли бы одну его сторону. Новая область, назначаемая для уясненія извѣстныхъ событій, предполагаетъ только открытіе новыхъ факторовъ, но не даетъ права смотрѣть на нее, какъ на средство для прикритія дву-

---

[1]) *Baur*, Christenthum u. d. christ. Kirche drei erst. Jarhund. 1860. zweit. Ausgab. 30. 40.

личія взглядовъ. Между тѣмъ представители новѣйшей теоріи въ этихъ видахъ именно и направили свои поиски на эту новую невѣдомую область, чтобы чрезъ нее замаскировать свое воззрѣніе и не дать надлежащаго представленія объ уясняемомъ событіи. Вступая въ эту область, повидимому, для того, чтобы найти рѣшеніе, соотвѣтствующее какъ характеру событія, такъ и важности его значенія въ христіанствѣ, они не удовлетворяютъ ни тому ни другой и свое желаніе скорѣе выражаютъ на словахъ, чѣмъ исполняютъ на дѣлѣ.

Слѣдуя согласному сказанію четырехъ евангелистовъ, подтверждаемому свидѣтельствомъ ап. Павла (Матѳ. 28, 9. 10. 17; Марк. 16, 9—14; Лук. 24, 36—47. 31. Іоан. 20, 24—29; 1 Кор. 15, 4—9), мы должны прежде всего признать, что явленіе воскресшаго Іисуса Христа было не какого-нибудь неопредѣленнаго вида духовно-созерцательное, но въ тѣлѣ, и именно томъ, въ которомъ онъ пострадалъ и умеръ; далѣе, что съ воскресеніемъ и явленіемъ въ томъ самомъ тѣлѣ непосредственно связано у послѣдователей Іисуса Христа развитіе дальнѣйшаго ученія какъ о Немъ Самомъ, такъ и Его царствѣ и будущемъ упованіи на Него. Оба эти пункта, тѣсно связанные между собою, весьма ясно отмѣчены какъ въ евангельской такъ и апостольской исторіи. Касательно перваго мы имѣемъ неотрицаемое доказательство въ томъ, что всѣ ученики встрѣтили вѣсть о воскресеніи Іисуса Христа съ сомнѣніемъ и недовѣріемъ. Такое недовѣріе, обнаруженное одними къ извѣстію другихъ, было бы болѣе чѣмъ страннымъ, еслибы шла рѣчь объ обыкновенномъ явленіи умершаго или даже его воскресеніи. При распространенности въ это время вѣры въ возможность явленія умершихъ и даже ихъ воскресенія (Матѳ. 14, 2; Марк. 6, 14—16; Лук. 16, 30. 31), при томъ упованіи, которымъ тогда руководились, что Богъ можетъ воздвигать и посылать своихъ избранниковъ въ угодное Ему время

(Матѳ. 16, 14; Лук. 9, 19), такая вѣсть могла бы казаться ни настолько невѣроятною, чтобы требовать завѣрительныхъ и убѣдительныхъ доказательствъ. Сомнѣніе и колебанія, со стороны послѣдователей Іисуса Христа, сосредоточивались именно на возможности воскресенія въ томъ тѣлѣ, которое было предано публичному поруганію, опредѣленному закономъ для тяжкихъ преступниковъ (Второз. 21, 22. 23). Ихъ останавливало недоумѣніе: неужели предметомъ особенной любви и особеннаго божественнаго милосердія могло быть то лице, тѣло котораго предано проклятію, возвѣщенному закономъ? Это недоумѣніе, выраженное устами Ѳомы, высказалось въ такой формѣ: *аще не вижду на руку Его язвы гвоздинныя, и вложу перста моего въ язвы гвоздинныя, и вложу руку мою въ ребра Его, не имѹ вѣры* (Іоан. 20, 25); его имѣя въ виду, Іисусъ Христосъ съ своей стороны не одинъ разъ обращалъ вниманіе своихъ учениковъ на изъязвленныя руки, ноги и ребра (Лук. 24, 39. 40; Іоан. 20, 20. 27). Кромѣ того, самая вѣсть о воскресеніи, по согласному сказанію евангелистовъ, началась съ гроба, найденнаго пустымъ (Матѳ. 28, 1. 6; Марк. 16, 5. 6; Лук. 24, 3. 9; Іоан. 20, 1—8). Какъ бы скептически ни относились къ этому единогласному евангельскому преданію, во всякомъ случаѣ нельзя отвергнуть того, что тѣло Іисуса Христа было погребено согласно свидѣтельству ап. Павла (1 Кор. 15, 4 [1]); коль скоро же это преданіе вѣрно, то нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ, что первая вѣсть о вокресе-

---

1) Критики отрицательнаго направленія крайне несогласны между собою касательно этого событія; въ то время, какъ одни изъ нихъ (*Шлейермахеръ, Бунзенъ, Газе*) признаютъ несомнѣнно дѣйствительнымъ фактъ погребенія, другіе (Кеймъ) относятся къ нему нерѣшительно; третьи (Шенкель) готовы даже заподозрить его дѣйствительность (см. Bibel-Lexicon, herausg. von Schenkel. Bd. 1 стр. 297; Characterbild. Iesu 1873 г. 324. 337).

ніи началась съ гроба, найденнаго пустымъ; даже странно было бы предположить, чтобы ученики не поспѣшили закрѣпить свою колеблющуюся вѣру посѣщеніемъ гроба. Такимъ образомъ, съ необрѣтенія тѣла въ гробѣ начинается первое извѣстіе о воскресеніи и съ явленіемъ въ изможденномъ тѣлѣ связывается убѣжденіе въ дѣйствительности воскресенія. Съ этимъ-то послѣднимъ, далѣе неразрывно соединяются развитіе, образованіе и усвоеніе новыхъ понятій какъ о служеніи Мессіи, такъ характерѣ новоустрояемаго Имъ царства и отношеніи къ Нему Его послѣдователей. Евангельское преданіе прямо говоритъ, что съ того времени, когда Воскресшій въ ликѣ восторжествовавшаго страдальца предсталъ взору своихъ ближайшихъ послѣдователей, имъ стало ясно, что такимъ а не инымъ путемъ Онъ долженъ унаслѣдовать свою славу (ἔδει παθεῖν τὸν Χριστὸν καὶ εἰσελθεῖν εἰς τὴν δόξαν αὐτοῦ Лук. 24, 26), что Его назначеніе быть побѣдителемъ смерти (ἀναστῆναι ἐκ νεκρῶν ст. 46), и вслѣдствіе этого сдѣлаться возстановителемъ попраннаго духовнаго, а не павшаго израильскаго царства (καὶ κηρυχθῆναι ἐπὶ τῷ ὀνόματι αὐτοῦ μετανοίαν καὶ ἄφεσιν ἁμαρτιῶν ст. 47), что ихъ призваніе состоитъ въ томъ, чтобы быть проповѣдниками этого ново-устроеннаго царства среди всѣхъ языковъ, начиная отъ Іерусалима (εἰς πάντα τὰ ἔθνη, ἀρξάμενοι ἀπὸ Ἰερουσαλήμ ст. 41). Такое преданіе вполнѣ оправдывается ходомъ событій евангельской исторіи. Еще предъ послѣднимъ путешествіемъ въ Іерусалимъ, какъ мы выше видѣли, апостолы исповѣдали Іисуса Христа истиннымъ Мессіей, но какимъ образомъ Онъ откроетъ свое мессіанское царство, какъ начнется Его прославленіе какъ Мессіи, какого рода будетъ Его царство, это пока оставалось для нихъ невѣдомою тайной. И потому, когда Іисусъ Христосъ приближился къ Іерусалиму, мать двухъ преданнѣйшихъ учениковъ въ чаяніи, что уже наступаетъ время открытія царства, обратилась къ Нему съ

просьбою, дабы Онъ представилъ ея сыновьямъ высшія мѣста въ устрояемомъ царствѣ (Матѳ. 20, 17—21). Самое же вступленіе въ Іерусалимъ ученики, можетъ быть въ такихъ же надеждахъ, встрѣтили съ особенною радостію и ликованіемъ (Лук. 19, 35—40). Наступившія затѣмъ страданія и смерть и послѣдовавшее за ними воскресеніе въ тѣлѣ, имѣвшемъ знаки страданій, разувѣрили ихъ въ этихъ надеждахъ и сродними ихъ духъ съ выше-изложенными понятіями (ср. Іоан. 20, 9; Дѣян. 1, 3—8). Наконецъ съ явленіемъ Воскресшаго въ тѣлѣ неразрывно связаны всѣ будущія чаянія и ожиданія Христовыхъ благовѣстниковъ касательно обновленія и возрожденія человѣка не по одной внутренней но и внѣшней сторонѣ, касательно его приготовленія къ новому небу и новой землѣ и исполненія всѣхъ утѣшительныхъ надеждъ на его будущее величіе и совершенство; во вновь открывшемся и явившемся всецѣломъ образѣ Мессіи они видѣли начало и прототипъ всего будущаго, ожидающаго человѣка (1 Кор. 15, 12—19. 35—49; 1 Солун. 4, 13—17; Римл. 8, 17—23; 2 Петр. 3, 10—13 и др). Такимъ образомъ тѣлесность является существенною принадлежностію видѣній Воскресшаго; съ нею неразрывно связана значительная часть существенныхъ вѣрованій христіанства; на ней основаны будущія его чаянія и ожиданія; безъ нея воскресеніе теряло бы всѣ свое великое значеніе во христіанствѣ.

Между тѣмъ представители послѣдней теоріи тѣлесность въ явленіяхъ Воскресшаго или совершенно игнорируютъ или даже ее отрицаютъ. Высвобождая фактъ явленій Воскресшаго изъ области произвольныхъ субъективныхъ представленій, подчиняя его неизвѣстному внѣшнему дѣятелю, они тѣмъ не менѣе считаютъ его однимъ духовнымъ явленіемъ, хотя и не чуждымъ нѣкоторой реальности. Съ явленіями же Воскресшаго въ тѣлѣ они не могутъ примириться потому, что въ возсоеди-

неніи безсмертнаго божественнаго духа съ возстановленнымъ божественною силою тѣломъ они вынуждены будутъ допустить участіе божественнаго могущества, а это въ свою очередь приведетъ къ невольному признанію сверхъестественнаго элемента въ исторіи христіанства, котораго, по своимъ началамъ, они не желаютъ видѣть въ немъ. Вслѣдствіе этого они измыслили такого рода сдѣлочное объясненіе, которое, по своему характеру, ставитъ рядъ явленій Воскресшаго какъ будто внѣ условій этого міра и въ тоже время по нѣкоторымъ аналогическимъ явленіямъ (явленіямъ отшедшихъ духовъ другимъ) дѣлаетъ ихъ обыкновенными событіями. Видѣнія Воскресшаго являются такимъ образомъ событіемъ, стоящимъ на границѣ соприкосновенія двухъ міровъ—видимаго и невидимаго. Но чрезъ такой двуличный взглядъ они не примыкаютъ ни къ школѣ патуралистовъ, потому что въ объясненіе явленія вводятъ невѣдомыя внѣміровыя силы, ни къ школѣ супранатуралистовъ, потому что не признаютъ открыто участія въ событіи сверхъестественнаго дѣятеля. По своимъ воззрѣніямъ они стараются занять срединное мѣсто между тѣми и другими въ видахъ выясненія, болѣе соотвѣтствующаго характеру событія; но это желаніе не вѣнчается успѣхомъ. Воскресеніе потому прежде всего имѣло могущественное воздѣйствіе и вліяніе на учениковъ Іисуса Христа, что послѣдніе, понимая его какъ возсоединеніе вѣчно неумирающаго божественнаго духа съ возстановленнымъ божественною силою тѣломъ, видѣли въ немъ ясные признаки проявленія особеннаго божественнаго могущества, милосердія и любви; затѣмъ потому, что въ новомъ представшемъ взору ихъ тѣлесномъ ликѣ Воскресшаго они получили залогъ новыхъ упованій и надеждъ. Сочетаніе такихъ представленій съ фактовъ воскресенія повсюду видно въ устахъ первыхъ благовѣстниковъ (Дѣян. 1, 3; 2, 24—36; 3, 16—18; 5, 30—32; Римл. 1, 4. 1 Кор. 15, 12—28. 47—

57 и др.). Не признавая же перваго основанія въ фактѣ воскресенія и отрицая второе условіе явленій Воскресшаго, представители новѣйшей теоріи не только не объясняютъ событія въ соотвѣтствующемъ значеніи, но отнимаютъ у него ту силу и то вліяніе, которыя оно безспорно имѣло, по признанію сатихъ критиковъ отрицательнаго направленія, на послѣдователей Христовыхъ, и извращаютъ смыслъ истинъ, неразрывно съ нимъ связанныхъ. Воскресшій былъ, по ихъ воззрѣніямъ, отшедшимъ духомъ, законообразно явившимся по особенному допущенію и благоволенію Божію; связанныя съ Его явленіемъ вѣрованія, чаянія и упованія были ложнымъ увлеченіемъ и заблужденіемъ со стороны послѣдователей. И такой духъ, не представившій особыхъ завѣрительныхъ знаковъ божественнаго могущества, ложно связанныя съ нимъ чаянія и упованія, произвели такое могущественное вліяніе, возстановили поколѣбавшуюся вѣру, вдохнули мужество и терпѣніе, доставили торжество вѣрѣ въ Распятаго! Не въ ложныхъ вѣрованіяхъ, не въ обольщенныхъ увлеченіяхъ сила христіанства; безъ дѣйствительной истины воскресенія не было бы проповѣди о воскресеніи, безъ соотвѣтствующихъ фактическихъ основаній не возникли бы воодушевляющія христіанскія чаянія и упованія. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что идея возможности воскресенія мертвыхъ въ это время пропагандировалась въ іудействѣ и Иродъ Антипа при слухѣ о дѣлахъ Іисуса Христа распускалъ молву, что это Іоаннъ Креститель, возставшій изъ мертвыхъ (Матѳ. 14, 2; Марк. 14, 16); тѣмъ не менѣе, при одинаково благопріятныхъ условіяхъ, никто изъ преданнѣйшихъ учениковъ Іоанна Крестителя не подхватилъ этой молвы и не сдѣлалъ ее предметомъ своей и другихъ вѣры; равнымъ образомъ есхатологическія вѣрованія и ожиданія этого времени были довольно близки къ будущимъ христіанскимъ чаяніямъ

и ожиданіямъ, но безъ фактическихъ основъ они замерли. Все величіе и превосходство христіанства, сравнительно съ другими вѣрованіями, заключается именно въ томъ, что въ основѣ хранимыхъ имъ истинъ лежатъ дѣйствительныя фактическія данныя, сообщающія твердость и крѣпость вѣрѣ въ него, и безъ признанія соотвѣтствующей дѣйствительности послѣднихъ немыслимо надлежащее объясненіе происхожденія первыхъ. Вслѣдствіе этого, для того, чтобы понять фактъ воскресенія во всеобъемлющемъ его значеніи для христіанства необходимо возстановить его не только въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ въ глазахъ первыхъ его зрителей и свидѣтелей, но и съ тѣми чаяніями и упованіями, которыя онъ внушалъ имъ по своей дѣйствительной основѣ. Въ этомъ отношеніи разсматриваемая теорія новѣйшихъ критиковъ немногимъ разнится отъ предшествующихъ гипотезъ: перенося рѣшеніе вопроса изъ сферы настоящей дѣйствительности въ область потусторонняго міра, составители этой теоріи, вмѣсто того, чтобы найдти въ этой области соотвѣтствующаго факту виновника и дѣятеля, опираясь на туманныя и неопредѣленныя представленія нѣкоторыхъ мыслителей объ этой области, извращаютъ видъ факта, придаютъ ему своеобразную осанку, и такимъ образомъ своею теоріей только увеличиваютъ сумму тѣхъ гипотезъ, которыя исказили смыслъ и значеніе событія въ христіанствѣ.

При этомъ мы не придаемъ особаго значенія приводимымъ въ подтвержденіе выводовъ этой и предшествующихъ гипотезъ разногласіямъ въ евангельскихъ сказаніяхъ, касательно событія воскресенія Іисуса Христа, такъ какъ отрицательная критика, помимо этихъ сказаній, находитъ возможнымъ оправдать это событіе въ главныхъ положеніяхъ на основаніи свидѣтельствъ ап. Павла; не подвергаемъ разбору разнорѣчивыя и будто исключающія другъ друга евангельскія ска-

занія объ особенностяхъ тѣла Воскресшаго, такъ какъ это тѣло, стоя на рубежѣ двухъ міровъ, точно могло совмѣщать непонятныя для насъ особенности этого видимаго и потусторонняго міра [1]). Намъ извѣстно только то, что христіанство, вступая въ міръ съ вѣстію о Воскресшемъ, вносило въ него новое міросозерцаніе, новыя чаянія и упованія. Въ то время какъ іудейство идеальныя требованія и узаконенія ветхозавѣтной религіи старалось подчинить національнымъ интересамъ и въ религіи воплотить національный культъ, а язычество хотѣло олицетворить въ ней вообще стремленія человѣческія, не дѣлая между ними строгаго различія, христіанство съ вѣстію о Воскресшемъ отводя взоръ отъ узкаго іудейскаго кругозора и считая суетными языческія стремленія, указало человѣку на горнее отечество, и на религію, какъ на средство воспитательное и подготовительное, въ процессѣ его развитія, къ этому новому отечеству. Выступая съ такою миссіей, христіанство въ истинѣ воскресенія безспорно должно было выставить тотъ пробный испытующій камень, о который должны были приразиться несогласныя съ нимъ міросозерцанія и религіозныя вѣрованія; стоя съ такою же миссіей въ настоящее время, оно должно подвергать время отъ времени той же участи эту важнѣйшую основу своего величія и совершенства. Ее не могутъ обойти молчаніемъ разныя міросозерцанія, спорящія въ настоящее время за свое существованіе, и, смотря потому, допускаютъ ли они въ своихъ системахъ мѣсто личному Богу и безсмертной душѣ, или же безпрекословно склоняясь предъ природою, ее одну оглашаютъ божествомъ и на всю жизнь человѣчества и цѣлую всемірную исторію глядятъ

---

1) См. объ этомъ въ вышепоименованномъ изслѣдованіи г. *Петропавловскаго.*

не иначе, какъ на безпрерывно видоизмѣняющійся процессъ природы, ихъ воззрѣнія на это важнѣйшее событіе христіанства или склоняются къ ряду гипотезъ, обращающихъ его въ миѳъ и сагу, или примыкаютъ къ гипотезамъ, признающимъ за нимъ дѣйствительность, но только въ видѣ послѣдней, разсмотрѣнной теоріи. Тотъ же, кто при видѣ этой безпрерывно смѣняющейся, но несмолкающей борьбы противъ важнѣйшей истины христіанства, не теряетъ вѣры въ него, какъ совершеннѣйшее Божіе зданіе, всегда скажетъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ, что если дѣйствительно не послѣдовало воскресеніе Іисуса Христа въ томъ видѣ, въ какомъ проповѣдали его апостолы, то христіане самые жалкіе люди, блуждающіе во мракѣ тьмы и невѣдѣнія (1 Кор. 15, 14—19); тогда все христіанское міросозерцаніе, основанное на этой истинѣ, точно обратится въ одно сновидѣніе; но если, не смотря на всѣ прираженія современной натуралистической мудрости, оно останется твердымъ и не зыблимымъ въ его сознаніи, тогда онъ найдетъ въ немъ самый вѣрный залогъ для признанія дѣйствительности всего сверхъестественнаго міра и въ религіи, основанной на немъ, лѣстницу для восхожденія въ этотъ міръ (1 Кор. 15, 20—26). Таковъ собственно высокій смыслъ и таково достоинство этого важнаго событія въ жизни христіанства.

Послѣдовавшее за воскресеніемъ *вознесеніе* Іисуса Христа на небо въ прославленномъ тѣлѣ было заключеніемъ возстанія изъ гроба въ тѣлѣ и явленій въ тѣлѣ. Такъ могущественно и дивно возставшій изъ гроба и такъ чудесно явившійся своимъ послѣдователямъ долженъ былъ сообразно своему могуществу и силѣ закончить свое видимое пребываніе на землѣ. Вознесеніе на небо, описанное во всей видимой славѣ въ евангеліяхъ Марка (16, 19) и Луки (24, 50—52), въ книгѣ Дѣяній (1, 9—12), и засвидѣтельствованное ап. Павломъ (1 Ѳессал.

4, 16; Римл. 8, 34; 10, 6; Ефес. 1, 20; 2, 6; 4, 8—10 и др.) вполнѣ соотвѣтствовало окончанію величественной земной дѣятельности божественнаго посланника. Взглядъ отрицательныхъ критиковъ на это важное событіе земной жизни Іисуса Христа стоитъ въ прямой зависимости отъ взгляда на характеръ воскресенія. Тѣ, которые отрицаютъ дѣйствительность возстанія въ тѣлѣ, обращаютъ его или въ одинъ духовный актъ созерцанія, послѣ котораго прославленный духъ долженъ былъ возвратиться въ обитель небеснаго Отца [1]), или въ символическое представленіе возвращенія Его къ небесному Отцу [2]); тѣ же, которые находятъ возможнымъ допустить тѣлесное возстаніе, въ видѣ пробужденія отъ мнимой смерти, на вознесеніе смотрятъ или какъ на скоро послѣдовавшую натуральную смерть [3]), или какъ на миѳическое ея описаніе [4]). Есть впрочемъ между ними и такіе, которые не отрицая дѣйствительности воскресенія Іисуса въ томъ видѣ, въ какомъ оно описано въ евангельской исторіи, сказаніе о вознесеніи Его у евангелиста Луки и писателя книги Дѣяній считаютъ нѣсколько видоизмѣненнымъ позднѣйшимъ преданіемъ, и полагаютъ, что оно скорѣе было невидимымъ духовнымъ актомъ, чѣмъ внѣшнимъ, созерцаемымъ [5]). Но если видоизмѣненное представленіе воскресенія отнимаетъ у послѣдняго, какъ мы выше видѣли, всякую силу и значеніе для его созерцателей, то не только отрицаніе, но даже легко

---

[1]) *Ewald*, Geschicht. d. Wolk. Israel. V. Bd. 2. Ausg. 1857. стр. 95 и дал.

[2]) *Keim*, Geschicht. Iesu von Nazara, T. III, 1872. 606—621.

[3]) *Theile*, Zur Biogr. Iesu 73; также Павлюсъ.

[4]) *Hase*, Geschicht. Iesu. 1876. § 113.

[5]) *Meyer*, Krit. Hand. über d. Evangel. d. Marc. и Luc. 1860 стр. 587.

видоизмѣненное пониманіе вознесенія дѣлаетъ незаконченною исторію новозавѣтнаго откровенія. Воскресеніе уяснило характеръ царства Мессіи, поставило въ должное отношеніе къ Нему Его послѣдователей, но еще не указало, въ какихъ видахъ, подъ чьимъ руководствомъ, съ какими надеждами должны были трудиться призванные для устроенія этого царства, каковъ будетъ его конецъ. Между тѣмъ только уясненіе этихъ конечныхъ цѣлей могло воодушевить и располагать апостоловъ къ той неутомимой дѣятельности, съ которою они выступали на поприще новаго служенія, только обѣщаніе новаго Утѣшителя, увѣренность въ исполненіи этого обѣщанія и указаніе ожидающаго вѣнца награды могли побудить къ тому ревностному состязанію на поприщѣ новой дѣятельности, которое такъ было имъ необходимо на первыхъ порахъ служенія. Все же это неразрывно связано уже съ вознесеніемъ Іисуса Христа на небо и вознесеніемъ именно въ томъ видѣ въ какомъ оно описано въ евангеліи Луки и книгѣ Дѣяній. При видѣ возносящагося Іисуса апостолы узнаютъ, что Онъ прійдетъ такимъ же образомъ, какимъ видѣли Его восходящимъ на небо; здѣсь же они получаютъ завѣреніе, что для продолженія служенія будетъ дана имъ сила (δύναμις), когда сойдетъ на нихъ Св. Духъ; вознесеніе въ прославленномъ видѣ служитъ для нихъ ручательствомъ того, что все видимое и слышимое ими будетъ исполнено (ср. Римл. 8, 34. Ефес. 4, 10). Такимъ образомъ фактъ вознесенія въ описанномъ видѣ евангелистомъ Лукою, помимо прямыхъ засвидѣтельствованій о немъ ап. Павла, является внутреннимъ необходимымъ звѣномъ въ исторіи новозавѣтнаго откровенія; имъ завершается тотъ кругозоръ воззрѣній апостоловъ, съ которымъ они только и могли выступить на поприще воодушевленной и полной надеждъ дѣятельности. Заподозрѣвать и оспаривать его дѣйствительность можно только съ предвзятой точки зрѣнія.

Внутренно подготовленные, ясно глядящіе въ свое будущее, полные надеждъ и упованій, Апостолы получаютъ *силу Св. Духа*, которую, какъ мы выше видѣли, никакимъ образомъ нельзя отожествлять съ личнымъ субъективнымъ воодушевленіемъ вѣрующихъ, и съ нею являются продолжателями служенія Іисуса Христа.

Чудо въ видѣ сверхъестественнаго событія неразрывно сопутствуетъ новозавѣтному откровенію во всѣ важнѣйшіе моменты его; проявленіе его въ значительной мѣрѣ замѣчается еще въ жизни первыхъ христіанскихъ общинъ; затѣмъ въ большей мѣрѣ оно высказывается въ жизни и дѣятельности просвѣтителей и учредителей этихъ общинъ; далѣе, еще сильнѣе и могущественнѣе оно вынаруживается при воспитаніи и приготовленіи самихъ просвѣтителей и учредителей христіанскихъ общинъ—въ жизни и дѣлахъ Іисуса Христа, самаго Основателя христіанства. Но сверхъестественностію ли однихъ этихъ внѣшнихъ событій, сопутствовавшихъ новозавѣтному откровенію, измѣряется его божественное достоинство?

II.

Мое ученіе нѣсть мое, но Пославшаго мя (Іоан. 7, 16).

Николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко сей человѣкъ (Іоан. 7, 46).

Когда Іисусъ Христосъ выступилъ на общественное служеніе, когда Онъ сталъ учить, проповѣдь слова Божія была первымъ дѣломъ Его служенія. Когда ученики, увлекаемые славою Его чудотвореній, искали случаевъ для совершенія послѣднихъ, Онъ прямо имъ объявилъ: *идемъ въ ближнія веси и грады, да и тамо проповѣмъ* (κηρύξω): *на сіе бо изыдохъ* (εἰς τοῦτο γὰρ ἐξῆλθον) (Марк. 1, 35—38). Онъ не отвергалъ чуда, какъ средства, подготовительнаго для достиженія высшихъ цѣлей, какъ средства, назначеннаго для воспитанія вѣры и соотвѣтствующаго уваженія къ себѣ (Матѳ. 8, 5—10; 11, 21—23); напротивъ, Онъ называлъ тяжкою и даже непростительною хулою самую мысль тѣхъ людей, которые рѣшались связывать даръ чудотвореній Его съ властію темныхъ

силъ (Матѳ. 12, 22—32); но Онъ не уважалъ и даже порицалъ тѣхъ людей, которые требовали отъ Него однихъ чудотвореній, которые хотѣли составить понятіе о Немъ, какъ объ истинномъ Мессіи, по одному извѣстному роду чудотвореній; такихъ людей Онъ называлъ людьми съ извращеннымъ взглядомъ и испорченнымъ сердцемъ (Матѳ. 12, 38. 39; 16, 1—4). Ученіе и дѣла должны были совмѣстно свидѣтельствовать и говорить о Немъ: былъ ли Онъ однимъ изъ обыкновенныхъ дѣятелей, или же дѣйствительно Онъ былъ божественный посланникъ и истинный Сынъ Божій (Іоан. 7, 16. 17; 8, 38; 12, 49; 5, 36; 10, 25. 38). Въ такое совершенно отношеніе ап. Павелъ ставилъ обѣ стороны новозавѣтнаго откровенія: въ доказательство своего истиннаго апостольства Онъ не одинъ разъ ссылался на обладаемый имъ даръ чудотвореній (Римл. 15, 19; 2 Кор. 12, 12), но въ тоже самое время говорилъ, что обладаніе пророчествомъ и такою дивною вѣрою, которая и горы можетъ преставляти, безъ внутренней силы любви, внушаемой христіанствомъ, ничто (1 Кор. 13, 2), и коринѳянъ, изощрявшихъ все свое остроуміе на различіи и оцѣнкѣ достоинства разнаго рода чудотвореній, называлъ не достигшими мѣры возраста Христова, младенцами о Христѣ (1 Кор. 3, 1. 2); вообще же Онъ считалъ знаменія признакомъ необходимымъ не столько для вѣрующихъ, сколько для невѣрныхъ (1 Кор. 14, 22). Но при оцѣнкѣ достоинства христіанскаго вѣроученія ап. Павелъ полагалъ необходимымъ имѣть въ виду соединеніе и совпаденіе обѣихъ сторонъ откровенія, внѣшней и внутренней (Галат. 3, 1—5); при дознаніи истинности апостольскаго служенія Онъ также указывалъ на соединеніе этихъ обѣихъ сторонъ откровенія, какъ на вѣрный критерій, способный представить въ настоящемъ видѣ дѣло (2 Кор. 10—13 гл.; Римл. 15, 19; 1 Кор. 2, 1—4). На такомъ совмѣстномъ сочетаніи чудесности съ внутренней силой ученія точно

основывалось убѣжденіе нѣкоторыхъ современниковъ Іисуса Христа въ истинномъ величіи Его, хотя по ходу обстоятельствъ евангельскія сказанія выдвигаютъ на первый планъ то тотъ, то другой способъ обращенія (Матѳ. 9, 8. 31. 33; 12, 23; Марк. 1, 45; 2, 12; Іоан. 2, 11. 23; 3, 2; 4, 45; 5, 36. Матѳ. 7, 28. 29; Іоан. 6, 68. 69; 7, 46). Въ Капернаумѣ, главномъ центрѣ галилейской дѣятельности Іисуса Христа, послѣ первой проповѣди Его въ синагогѣ, всѣ изумились потому именно, что вслѣдъ за необычнымъ ученіемъ увидѣли необычнымъ образомъ совершенное чудо (ср. Марк. 1, 21—27; Лук. 4, 31—36) [1]). Многія изъ христіанскихъ общинъ обязаны были своимъ обращеніемъ этому взаимному воздѣйствію чудесности съ силою и богатствомъ внутренняго содержанія новаго ученія (1 Кор. 4—7; 2, 1—5; Галат. 3, 1—5; 1 Ѳессал. 1, 4. 2, 13 и др.). Равнымъ образомъ враги Іисуса Христа, унижая даръ чудотвореній, въ ученіи Его также видѣли богохульство и посягательство на божественную истину (Марк. 2, 6—7; Лук. 5, 21; Матѳ. 26, 64—66; Іоан. 10, 33). Въ чемъ же собственно выпаруживалась поражающая особенность христіанскаго благовѣстія въ устахъ Іисуса Христа и Его учениковъ, приводившая къ столь разнорѣчивымъ взглядамъ и сужденіямъ?

Въ описаніи характера и величія внутренней стороны христіанскаго вѣроученія, въ изображеніи Его нравственно-духовныхъ совершенствъ соперничаютъ отрицательные современные критики съ ортодоксальными апологетами; тѣ и дру-

---

[1]) Мысль сказанія евангелія Марка: *что ученіе новое сіе, яко по области, и духовомъ нечистымъ велитъ* (τίς ἡ διδαχὴ ἡ καινὴ αὕτη, ὅτι κατ' ἐξουσίαν καὶ τοῖς πνεύμασι τοῖς ἀκαθάρτοις ἐπιτάσσει... *Шольцъ*) еще яснѣе будетъ, если допустимъ чтеніе, нынѣ принятое въ западныхъ изданіяхъ: τί ἐστιν τοῦτο; διδαχὴ καινὴ κατ' ἐξουσίαν καὶ τοῖς πνεύμασιν.... *(Тишендорфъ)*.

гіе изощряютъ свое остроуміе въ открытіи въ немъ особенностей, подходящихъ къ ихъ выводамъ. Первые въ тѣхъ видахъ, чтобы доказать, что христіанство обязано своимъ торжествомъ надъ язычествомъ и іудействомъ исключительно внутреннему богатству содержанія, преимущественно обращаютъ свое вниманіе на нравственное его ученіе, стараются возвысить его требованія до возможной идеальности и въ немъ представить совершеннѣйшій нравственно-религіозный идеалъ для человѣчества [1]); вторые, стоя на почвѣ супранатурализма, и въ немъ видя послѣднюю основу величія христіанства, помимо чудесности, и въ ученіи стараются представить неземной характеръ, въ его проповѣдникѣ неземное существо, въ возвѣщенномъ Имъ царствѣ—небесное царство [2]). Не отрицая важности и значенія описанія и изображенія указанныхъ сторонъ христіанскаго вѣроученія, считая въ особенности послѣднія вполнѣ цѣлесообразными, тѣмъ не менѣе мы должны замѣтить, что дѣло не въ одной высокой идеальности нравственно-христіанскихъ требованій; послѣдними неменѣе богато и ветхозавѣтное домостроительство и во имя ихъ выступивъ Іоаннъ Креститель, по глубинѣ пониманія, силѣ проповѣди, возвысился надъ всѣми обыкновеннымъ путемъ рожденными женами (Матѳ. 11, 11); не смотря на это онъ не сдѣлался обоготвореннымъ учителемъ, обѣщаннымъ Мессіей, онъ былъ только предтечею послѣдняго (Матѳ. 11, 13. 14). Равнымъ образомъ сущность дѣла не въ томъ только, что Іисусъ Христосъ явился пропо-

---

[1]) Keim, 1872. III, 621—667; его же 1875. 364—374; Hausrath, 1873. I. 357—363; Schenkel, 1873. 70—95; Hase. 1876 § 56. 57.

[2]) *Pressense*, Iesus Christ. 1865. 1—151; *Гизо*, „Размышл. о сущности христ. вѣры“, Пр. Обозр. 1865. март. 219—256; *Лютардъ*, Апологетика, Пр. Обозр. 1867. февр. 133—164; *Ците*, „Истина и величіе христіанства“ въ переводѣ священ. *Тачалова*, 1869; *Шаффъ*, „Іисусъ Христосъ чудо исторіи“ въ русск. переводѣ 1875 г.

вѣдникомъ не земнаго, но небеснаго царства, и въ своемъ характерѣ, въ своемъ ученіи обнаружилъ черты необычайности; проповѣдникомъ не земнаго, но небеснаго царства былъ Іоаннъ Креститель (ἤγγικεν ἡ βασιλεία τῶν οὐρανῶν, Матѳ. 3, 2), и въ своей жизни представилъ высокій примѣръ святости (11, 18); не смотря на это, не онъ сдѣлался обѣтованнымъ его основателемъ, и не его ученики и послѣдователи были распространителями вѣры въ это царство.

Чтобы ближе и точнѣе указать тѣ выдающіяся особенности, которыя, помимо чудесности, обращали на себя вниманіе современниковъ Іисуса Христа и побуждали однихъ изъ нихъ признать прежде всего въ Немъ Самомъ истиннаго Мессію-Сына Божія, а за тѣмъ въ Его ученіи и основанномъ Имъ царствѣ—новозавѣтное божественное домостроительство, а другихъ видѣть въ Немъ преступника закона, разорителя отеческихъ преданій, богохульника и въ Его ученіи искаженіе и извращеніе божественной откровенной истины, для этого слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то, что въ особенности бросалось въ глаза современникамъ Іисуса Христа при встрѣчѣ съ Нимъ, чему они главнымъ образомъ удивлялись и изумлялись при видѣ Его поучающаго и наставляющаго, и вслѣдствіе чего приходили къ столь противоположнымъ и разнорѣчивымъ взглядамъ на Него, а затѣмъ на то, что преимущественно было предметомъ удивленія въ Его ученикахъ и благовѣстникахъ, вслѣдствіе чего одни изъ ихъ слушателей дѣлались ревностными поборниками и послѣдователями проповѣданнаго ими ученія, а другіе гнали и преслѣдовали ихъ, какъ нарушителей общественнаго спокойствія, разорителей установившихся обычаевъ и преданій. То и другое слѣдуетъ указать на основаніи фактическихъ евангельскихъ и апостольскихъ показаній, уважаемыхъ отрицательною критикою, но часто игнорируемыхъ современною апологетикою,

и, послѣ фактическаго завѣренія, посмотрѣть, дѣйствительно-ли представляемыя ими данныя заключали въ себѣ основы для столь разнорѣчивыхъ и противоположныхъ взглядовъ на лицо Іисуса Христа, Его ученіе и Его послѣдователей, и что въ заключеніе вліяло на окончательную выработку у современниковъ такого или иного отношенія къ Нему и Его послѣдователямъ.

Первое впечатлѣніе, вынесенное слушателями послѣ первой проповѣди, произнесенной Іисусомъ Христомъ въ капернаумской синагогѣ, главномъ мѣстѣ Его мессіанской дѣятельности, было то, что Онъ училъ не какъ книжники, руководившіеся предписаніями и опредѣленіями закона и въ нихъ получавшіе силу вдохновенія и власти для поученія и назиданія народа, но какъ Самъ по Себѣ имѣвшій власть и во имя ея проповѣдавшій и поучавшій; затѣмъ то, что ученіе Его было новое (καινὴ), до сихъ поръ ими не слыханное (Марк. 1,22. 27) [1]). Оба эти качества новой проповѣди, повидимому, отдѣльно стоящія другъ отъ друга, внутренно тѣсно связаны между собою: тотъ, конечно, можетъ проповѣдывать новое ученіе, кто имѣетъ для этого право и власть, и наоборотъ, тотъ не располагаетъ соотвѣтствующею властію, кто не можетъ возвѣщать новаго ученія. Но оба эти качества, удобно совмѣщающіяся въ одномъ лицѣ, сами по себѣ, въ своемъ общемъ видѣ, еще не опредѣляютъ достоинства лица, ими обладающаго; они предполагаютъ, что оно выдѣляется изъ ряда обыкновенныхъ дѣятелей и учителей, но еще не уясняютъ спе-

---

[1]) Мысль приводимаго мѣста ясно выражается въ чтеніи его, принятомъ въ западныхъ изданіяхъ: τί ἐστι τοῦτο; διδαχὴ καινὴ κατ' ἐξουσίαν καὶ τοῖς πνεύμασιν...— „Что это? новое ученіе со властію, и духамъ нечистымъ повелѣваетъ и повинуются ему“. Такое чтеніе этого мѣста подтверждается многими авторитетными древними кодексами и списками: B. L. 1. 33. 102. 118. 131. 205 и др. См. у *Шольца*...

цифическаго его отличія отъ нихъ. Для опредѣленія послѣдняго необходимо обратиться къ уясненію характера и сущности власти и новизны ученія, вынаружившихся въ новомъ учителѣ и проповѣдникѣ, и послужившихъ предметомъ удивленія и изумленія для современниковъ.

Обращаясь къ тѣмъ событіямъ, при которыхъ современники Іисуса Христа говорили объ Его власти, ихъ удивлявшей и поражавшей, можемъ видѣть, что подъ послѣднею они разумѣли Его право прежде всего а) открывать и возвѣщать имъ тѣ новыя истины, которыя указывали на новое божественное домостроительство (Марк. 1, 22. 27 ср. Лук. 4, 32. 36); за тѣмъ б) въ связи съ послѣднимъ изъяснять содержаніе закона и пророковъ совершенно не въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняли ихъ наставники и руководители (Матѳ. 5, 17—48 и 7, 28. 29); далѣе в) указывать новый путь къ совершенію уважаемыхъ и исполняемыхъ ими добродѣтелей (Матѳ. 6, 1—34 и 7, 28. 29); г) совершенно самостоятельно и независимо относиться ко всѣмъ ихъ священнымъ религіознымъ учрежденіямъ и указывать имъ новое назначеніе (Матѳ. 21, 12—17. 23; Марк. 11, 15—18. 28; Матѳ. 12, 1—12); и въ оправданіе всего этого д) усвоять себѣ могущество, равное Богу (Марк. 2, 1—12; Матѳ. 9, 1—8). Новость проповѣдуемаго Имъ ученія состояла въ томъ, что Онъ требованія и опредѣленія воли Божіей возвѣщалъ не въ томъ грозномъ видѣ, въ какомъ возвѣстилъ ихъ древній законодатель Моисей и въ какомъ они недавно слышали ихъ изъ устъ Іоанна Крестителя (Матѳ. 3, 7—12), но въ духѣ кротости, снисхожденія и любви (Матѳ. 5, 1—48; 11, 28—30); основаніемъ выполненія ихъ Онъ также полагалъ чувство сыновняго расположенія и любви; Онъ училъ, что всѣ люди дѣти одного небеснаго Отца, и всѣ они, руководясь сыновними отношеніями, должны стремиться къ тому высокому нравственному совершенству, какое Онъ указываетъ имъ (Матѳ. 5, 45—48).

Все это, вмѣстѣ взятое, дѣйствительно предуказывало въ Немъ благовѣстника новаго царства небеснаго, проповѣдника новаго лѣта Господня, когда самъ Іегова долженъ былъ водвориться среди своихъ людей (Захар. 2, 10), когда Онъ долженъ былъ дать имъ свои законы, писанные не на каменныхъ скрижаляхъ, но внутри сердца, такъ что для выполненія ихъ они не нуждались бы болѣе во внѣшнихъ понужденіяхъ, внѣшнихъ наставленіяхъ и предписаніяхъ, но, имѣя внутреннее сыновнее сознаніе о своемъ долгѣ въ отношеніи къ небесному Отцу, во имя послѣдняго охотно стремились бы выполнять первые (Іер. 31, 33. 34). Это были факты такого рода, происхожденія которыхъ никакъ нельзя было объяснить обыкновеннымъ путемъ: трудно и даже невозможно было мыслить, чтобы воспитавшійся на почвѣ ѳеократическихъ учрежденій, самъ собою, безъ откровенія и полномочія свыше, могъ придти къ сознанію такихъ великихъ истинъ и необходимости ихъ проповѣди среди народа, руководившагося ѳеократическими учрежденіями и имѣвшаго такія высокія идеальныя предначертанія въ законѣ Моисея; по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ древнихъ великихъ пророковъ, ни даже Іоаннъ Креститель, стяжавшій между современниками славу великаго и святаго пророка, не принимали на себя такой великой миссіи. Всѣ они выступали во имя того, о чемъ уже говорилось въ древнемъ законѣ, и что ихъ современниками было или забываемо или неправильно прилагаемо къ жизни; о новомъ же откровеніи богатства благодати божественной, о наступленіи и откровеніи царства Божія на землѣ и учрежденіи Новаго Завѣта они вѣщали только пророчески.

Такихъ данныхъ, вынаружившихся въ новомъ проповѣдникѣ, въ это время, жившее мессіанскими чаяніями и ожиданіями, было достаточно для того, чтобы видѣть въ немъ, если не самаго Мессію, то одного изъ такихъ пророковъ, ка-

кихъ еще не было во Израили (Матѳ. 9, 33. Марк. 2, 12). Естественно возникавшій при этомъ вопросъ былъ такого рода: да кто же этотъ новый дѣятель, принимающій на себя такое высокое званіе? «не плотниковъ ли онъ Сынъ»? откуда возьмутся у Него такая премудрость и силы для выполненія и осуществленія такой великой миссіи (Матѳ. 13, 54. 55; Марк. 6, 2. 3)? И если у іудеевъ этого времени было распространено мнѣніе, что Мессія—Христосъ—родится какъ человѣкъ [1]), то не безъизвѣстно было и другое, что Онъ будетъ больше патріарховъ выше Моисея, выше ангеловъ, что въ началѣ Онъ былъ Духомъ Божіимъ, носившимся верху водъ и въ будущемъ мірѣ сядетъ одесную Бога, а Авраамъ—ошую [2]); во всякомъ случаѣ, то и другое мнѣніе сходилось въ томъ, что Онъ будетъ существомъ, самымъ близкимъ къ Богу (Матѳ. 22, 42—45). Но если, съ одной стороны, проявленіе необычайной власти въ связи съ новостію ученія, при существовавшихъ въ это время воззрѣніяхъ, способно было привесть нѣкоторыхъ къ такому представленію, что выступающій во имя ихъ долженъ быть облеченнымъ силою свыше даже Мессіей, то, съ другой стороны, извѣстность условій его предшествующей жизни (плотниковъ сынъ) и отличіе Его ученія, отъ обыкновеннаго въ это время, о характерѣ мессіанскаго служенія, могли значительно ослаблять это представленіе у дру-

---

[1]) Мнѣніе, приведенное въ разговорѣ *Іустина* мученика, отъ лица спорившаго іудея: „πάντες ἡμεῖς τὸν χριστὸν ἄνθρωπον ἐξ ἀνθρώπων προσδοκῶμεν γενήσεσθαι“ (гл. 49), можетъ служить выраженіемъ ученія, распространеннаго въ это время среди іудеевъ. Ученіе о предвѣчномъ существованіи Мессіи оспаривается въ предшествующей главѣ (48-ой) со стороны іудея.

[2]) См. L. *Berthold*, Christologia Judaeorum Iesu Apostolorumque aetate. 1811. стр. 91—94. 100—104, гдѣ приведены важнѣйшія мѣста изъ древнихъ іудейскихъ толковыхъ книгъ—*Bereschith rabba*, *Sohar*—касающіяся Мессіи. Въ нихъ ясно усвоется ему сверхъестественное величіе.

гихъ. Въ то время, какъ одни, проникаясь величіемъ и необычайностію возвѣщаемыхъ истинъ, видя въ нихъ предуказаніе на приближеніе мессіанскаго явленія и предстоящее осуществленіе завѣтныхъ чаяній, готовы были въ проповѣдникѣ ихъ признать одного изъ величайшихъ пророковъ (Матѳ. 16, 14; Лук. 9, 19), другіе, руководясь иными чувствами, не вникая въ смыслъ и значеніе проповѣдуемыхъ истинъ и даже не будучи въ состояніи понять ихъ глубокой важности (Матѳ. 13, 13—15; Іоан. 12, 39. 40; Римл. 11, 8—10), но, видя разоряемыми свои законы и преданія отцевъ, не только не возвышались къ подобному представленію о Немъ, но еще готовы были гнать и преслѣдовать Его, какъ преступника (Матѳ. 12, 14; Марк. 3, 6; Іоан. 5, 18). Одно и тоже лицо, смотря по внутреннему расположенію свидѣтелей его ученія и дѣлъ было предметомъ столь разнорѣчивыхъ и даже противорѣчащихъ мнѣній и сужденій. Очевидно, что оно дѣлалось предметомъ столь противорѣчивыхъ сужденій потому, что было необыкновенно по своей власти и дѣламъ при встрѣчѣ съ современниками. Необычайность власти въ ученіи и дѣлахъ и новость ученія въ проповѣди и наставленіи служили камнемъ претыканія и соблазна для современниковъ (Марк. 3, 5—9; Лук. 5, 21; Іоан. 8, 42—59; 6, 41. 42; 5, 17. 18). Учитель, видоизмѣнявшій пониманіе закона и пророковъ, разорявшій субботу и преданія отцовъ, отпускавшій грѣхи согрѣшившимъ и говорившій, что съ пришествіемъ его водворилось царствіе Божіе на землѣ (Лук. 17, 20. 21), долженъ быть или дѣйствительнымъ божественнымъ посланникомъ, имѣвшимъ право учить всему этому, или посягателемъ на божескія права, богохульникомъ, лжецомъ и обманщикомъ (Марк. 2, 7; Матѳ. 26, 65. 27, 63); средины здѣсь не могло быть (Дѣян. 5, 34—39).

Такимъ образомъ становятся понятными тѣ раздѣленія и

разъединенія въ мнѣніяхъ іудейскаго народа, вслѣдствіе которыхъ одни изъ его среды, при первоначальномъ выступленіи Іисуса Христа на общественное служеніе, во множествѣ слѣдовали за Нимъ, желая слушать Его ученіе и видѣть Его дѣла (Матѳ. 4, 25; Лук. 6, 17; Марк. 1, 37. 45; 2, 15; 3, 20 и др.), а другіе старались уличить Его въ богохульствѣ, обвинить въ нарушеніи субботы, въ преступленіи закона и отеческихъ преданій (Марк. 2, 7. 18. 24; 3, 2; 7, 5 и др.). Тѣ, которые по своимъ особымъ убѣжденіямъ не хотѣли и не могли признать въ Немъ божественнаго посланника, вслѣдствіе необычайности Его ученія и дѣлъ, дабы быть правыми въ глазахъ другихъ, должны были причислить Его или къ богохульникамъ (Марк. 2, 7; Матѳ. 26, 65) или къ людямъ, стоявшимъ въ связи съ темными силами (Матѳ. 9, 34; 12, 24; Марк. 3, 22) и находившимся вообще въ ненормальномъ состояніи (Марк. 3, 21; Іоан. 8, 48—52); руководившіяся же непредвзятыми взглядами, видя въ Его ученіи и дѣлахъ проявленіе высшей божественной силы (Матѳ. 9, 8. 33; Іоан. 7, 46), считали Его если не самымъ Христомъ, то однимъ изъ величайшихъ пророковъ (Матѳ. 12, 23; 16, 14; Іоан. 6, 14; 7, 40. 41), и желали быть въ числѣ Его послѣдователей. Такое или иное расположеніе обусловливалось тѣми чаяніями и ожиданіями, которыя соединяли съ имѣвшимъ прійти Мессіей: тѣ, которые уповали и надѣялись видѣть въ Немъ освободителя угнетеннаго народа отъ иноплеменнаго ига, возстановителя попраннаго царства Израилева, побѣдителя чуждыхъ народовъ, и въ исполненіи этихъ чаяній поставляли все величіе и славу ожидаемаго пришествія Мессіи, не могли, конечно, примириться съ нравственно-духовнымъ возродителемъ человѣчества, съ освободителемъ его отъ попраннаго нравственнаго униженія и порабощенія, съ возстановителемъ его духовнаго единенія съ Богомъ,—для людей съ такими предвзятыми взглядами Мессія—*Спаситель*—

былъ чуждымъ и не желаемымъ; тѣ же, которые не были далеки отъ раздѣленія и первыхъ чаяній, но для достиженія ихъ первымъ условіемъ полагали нравственно-духовное возрожденіе, и высшимъ благомъ въ жизни считали нравственно-духовное совершенство, не могли оставаться равнодушными къ возвѣщаемымъ имъ истинамъ, и въ проповѣдникѣ ихъ, такимъ безпримѣрнымъ образомъ указывавшемъ путь къ высшему духовному совершенству, не могли не признать божественнаго посланника—способъ возвѣщенія этихъ истинъ и достоинство ихъ содержанія приводили ихъ къ такому убѣжденію. Но очевидно, что окончательно опредѣляющимъ отношеніе тѣхъ и другихъ къ Іисусу Христу, окончательно устанавливающимъ положеніе въ мірѣ проповѣданнаго Имъ ученія и основываемаго Имъ царства, могло быть дальнѣйшее Его ученіе объ усвоенныхъ Имъ правѣ и власти такъ учить и дѣлать. Еслибы Іисусъ Христосъ, подобно Іоанну Крестителю, исповѣдалъ (ср. Матѳ. 3, 11 и Лук. 3, 15. 16; Іоан. 1, 19—24), что Онъ такъ учитъ и дѣлаетъ не какъ Мессія и истинный Божій Сынъ, но только какъ Его предтеча, или обыкновенный наставникъ, чувствующій особое призваніе къ дѣятельности такого рода, все Его служеніе могло бы и не сдѣлаться предметомъ столь оживленныхъ и противорѣчивыхъ пререканій, какимъ оно подверглось въ послѣдствіи времени, тогда все враждебное отношеніе къ Нему однихъ могло бы закончиться однимъ преслѣдованіемъ Его, какъ нарушителя общественнаго спокойствія, или даже холоднымъ и равнодушнымъ отношеніемъ къ Нему и объявленіемъ Его главой какой-нибудь вновь возникающей секты (Дѣян. 5, 34—39), и вся преданность и любовь другихъ къ Нему могли бы выразиться въ уваженіи Его какъ достойнаго и заслуживающаго вниманія учителя. Но коль скоро Онъ возвѣститъ, что Онъ такъ учитъ и дѣлаетъ какъ Мессія, какъ истинный Божій Сынъ, тогда эта исповѣдь, опирающаяся на Его

ученіе и дѣла, любовь и преданность однихъ обратитъ въ благоговѣйное почитаніе Его, какъ провозвѣстника новаго божественнаго домостроительства, сдѣлаетъ Его самаго и ученіе Его предметомъ вѣры и любви, негодованіе же и нерасположенность другихъ обратитъ въ ненависть къ Нему и приведетъ ихъ къ осужденію Его на смерть, какъ богохульника и развратителя людей, желающаго отклонить ихъ отъ вѣры ихъ отцовъ и на мѣсто ея поставить свое ученіе. Таковъ результатъ былъ необходимымъ и неизбѣжнымъ въ виду тѣхъ противоположныхъ чувствъ, которыя высказались при первомъ выступленіи Іисуса Христа на общественное служеніе; но въ основѣ его могла только лежать какъ необычайная первоначальная Его дѣятельность, вынаружившаяся въ Его ученіи и дѣлахъ, такъ и послѣдующее необыкновенное ученіе о себѣ, какъ дѣйствительномъ божественномъ посланникѣ, имѣвшемъ право такъ учить и поступать.

При вступленіи на общественное служеніе Іисусъ Христосъ усвоилъ себѣ имя *сына человѣческаго* (τοῦ υἱοῦ τοῦ ἀνθρώπου Матѳ. 8, 20; Марк. 2, 10; Лук. 5, 24; Іоан. 1, 51). Это имя было однимъ изъ самыхъ любимыхъ Имъ и чаще другихъ употребляемыхъ при встрѣчѣ съ самыми разнообразными явленіями жизни, при изреченіи самыхъ важныхъ и возвышенныхъ истинъ (Матѳ. 8, 20; 9, 6; 11, 19; 12, 8. 40; 16, 27; 17, 12. 22. 23; 19, 28; 20, 18. 28; 24, 27. 30; 26, 2. 24. 45. 64 и парал.; Іоан. 1, 51; 3, 13. 14; 5, 27; 6, 27. 53. 62 и др. [1]). Въ недавнее время это имя сдѣлалось предметомъ самыхъ тщательныхъ изслѣдованій какъ со стороны отрицательныхъ такъ и ортодоксальныхъ западныхъ критиковъ [2]): тѣ и другіе

[1]) Въ евангельскихъ сказаніяхъ это имя самымъ Іисусомъ Христомъ употребляется свыше восьмидесяти разъ.

[2]) *Baur*, Vorlesung. neber N. Tlich. Theolog. 1854. 75—90; *Ewald* Geschicht. Christus, Ausg. 2. 90—115, *Weisse*, Evangelicenrage, 1856. 196—229; *Renan*, Vie de Iesus 131 и д.; *Meyer*, Komment. zu Matthaeus. 1864. 223—226

хотѣли найдти въ немъ подтвержденіе своихъ особыхъ мнѣній о лицѣ Іисуса Христа. Въ то время какъ одни, имѣя въ виду употребленіе этого имени при самоотверженіи и тяжелыхъ испытаніяхъ разнаго рода видѣли въ немъ выраженіе самыхъ искреннихъ и непритязательныхъ воззрѣній Іисуса Христа на себя, какъ на подобнаго намъ во всемъ, подверженнаго скорбямъ, страданіямъ, лишеніямъ нуждѣ [1]), другіе, принимая во вниманіе то величіе и власть, которыя Онъ иногда усвоялъ себѣ при этомъ имени, находили въ немъ указаніе на высшій и совершеннѣйшій идеалъ человѣка, осуществленный Имъ въ жизни, на первообразъ существа человѣческаго, явленнаго Имъ въ его первозданной истинѣ и чистотѣ, свободнаго отъ всякаго помраченія и искаженія, внесенныхъ въ него грѣхомъ [2]); нѣкоторые же хотѣли было даже сдѣлать его исходнымъ пунктомъ для уясненія характера и специфическихъ особенностей ученія Іисуса Христа [3]). Послѣ сдѣланнаго для уясненія происхожденія и характера этого имени немного требуется вниманія и труда, чтобы угадать его существенное значеніе и цѣлесообразное употребленіе со стороны Іисуса Христа. Что оно было употребляемо Іисусомъ Христомъ въ смыслѣ мессіанскаго имени, въ этомъ можно увѣриться изъ книги пророка Даніила, въ которой оно встрѣчается въ томъ видѣ, въ которомъ Іисусъ Христосъ иногда усвоялъ его себѣ и усвояли Ему Его послѣ-

---

Holtzmann, Ueb. d. N. Tlich. Ausdr. Menschensohn, Zeitscrit für Wissench; Teolog. 1865. 212—237; *Hengstenberg*, chsistolog. d. A. T. Ausg. 2, III. 1. 8 и дал. *Neander*, Leben Iesu 1839. 142—146; *Hofmann*, Sshriftbewejes II. erst. Abth. 1859 77—82.

[1]) *De Wette* (Comment: zu Matth., Ausg. 4. 120), *Бауръ*, *Евальдъ*, *Штраусъ* (Leben. Iesu стр. 228). *Гильгельфельдъ*, (Zeitschrift. f. Wissensch. Teolog. 1863. 229—234).

[2]) *Вейссе*, *Гофманъ*, *Лютардъ* (Правосл. Обозр. 1867 г. февр. 158. 159), *Шаффъ* (Іисусъ Христосъ чудо исторіи, въ русск. пер. 1875 г. 57. 58) и др.

[3]) *Вейссе*, (Evangelienfrag. 1856. 229—247).

дователи (ср. Дан. 7, 9 — 14; Матѳ. 16, 27; 24, 30. 31; 25, 31; Іоан. 5, 27; Апок. 1, 13—18) [1]), и изъ которой Онъ любилъ приводить свидѣтельства (Матѳ. 24, 15; Мар. 13, 14); тѣмъ не менѣе оно не было однимъ изъ тѣхъ именъ — Христосъ, Сынъ Давидовъ—которыя преимущественно были извѣстны между современниками и съ произнесеніемъ которыхъ они уже привыкли соединять извѣстныя чаянія и ожиданія съ имѣющимъ придти Мессіей. Само по себѣ, оно не внушало страха и трепета иноплеменнымъ народамъ и не льстило надеждамъ и упованіямъ израильскаго народа; по предуказанію пророка Даніила оно точно обѣщало въ лицѣ, усвояющемъ его, судью всѣхъ народовъ, обладателя всѣхъ племенъ и поколѣній, но только еще въ будущемъ времени послѣ разрушенія имѣющихъ пройдти предъ нимъ царствъ; при окружавшей же обстановкѣ въ то время оно скорѣе внушало мысль о томъ скромномъ жребіѣ, который должно было до времени принять на себя лицо, выступающее подъ его знаменіемъ, дабы быть превознесеннымъ выше всякаго имени, дабы предъ нимъ могло преклониться всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Филипп. 2, 6—10) [2]). Не смотря на это, при такомъ

---

[1]) Въ этомъ отношеніи большое сходство съ описаніемъ явленія Сына человѣческаго, сдѣланнымъ пр. Даніиломъ представляетъ евангеліе Матеея 24, 30. 31. Сынъ человѣческій здѣсь и тамъ является ἐρχόμενος ἐπὶ τῶν νεφελῶν τοῦ οὐρανοῦ μετὰ δυνάμεως καὶ δόξης πολλῆς. При такомъ разительномъ сходствѣ описаній явленія Сына человѣческаго едва-ли можетъ заслуживать вниманія мнѣніе тѣхъ толковниковъ (*Hitzig* Comment. zu Daniel. 114 и дал. *Hofmann*, Schriftbeweis. II. 1 Abtheil 51), которые въ выраженіи пр. Даніила—בַּר אֱנָשׁ—ὡς υἱὸς ἀνθρώπου—видятъ образное представленіе или царства святыхъ или народа израильскаго и не находятъ никакого отношенія къ имени, усвоенному Іисусомъ Христомъ. (Ср. *Ewald*, Geschicht. Christ. 90 и дал.)

[2]) Черты двоякаго состоянія Сына человѣческаго, а также основанія для усвоенія этого имени со стороны Мессіи можно видѣть предуказанными еще въ древнихъ пророчествахъ, въ которыхъ Онъ изображается то какъ отрокъ, посвящающій себя служенію Богу и вслѣдствіе этого обрекающій себя на борьбу,

ближайшемъ и непосредственномъ его значеніи, могли быть обстоятельства, при которыхъ имя Сына человѣческаго получало иной смыслъ. Когда Іисусъ Христосъ говорилъ, что Онъ, какъ Сынъ человѣческій, имѣетъ право отпускать грѣхи (Матѳ. 9, 6), есть полный и совершенный господинъ субботы (Матѳ.

страданія, истязанія и лишенія для блага другихъ, то какъ Сынъ Божій владѣющій могуществомъ и достоинствомъ Отца и имѣющій возсѣсть на престолѣ одесную Его (Исаіи 7, 14; 9, 6. 7; 42, 1—4, 52, 13—53 гл. и др.). Предуказателями и преобразователями служенія Его, какъ отрока, были Моисей и другіе пріемники его служенія, а также цари, но всѣ они только отчасти исполняли это великое посвященіе себя служенію Богу; будущій же отрокъ—Мессія имѣлъ всецѣло и всесовершенно посвятить себя ему, отсюда названіе, выражающее идею такого посвященія служенію—παῖς θεοῦ (Матѳ. 12, 18; Лук. 1, 54; Дѣян. 4, 27. 30; 3, 13. 26), параллельное названію υἱὸς ἀνθρώπου въ уничиженномъ состояніи. Но этотъ же отрокъ, какъ облеченный силою свыше, имѣлъ возвыситься, и быть весьма великимъ (Исаіи 52, 13), отсюда переходъ и замѣна слова παῖς или δοῦλος словомъ κύριος. Далѣе, этотъ отрокъ изображается подъ видомъ отрасли и земнаго плода, возникающихъ и произрастающихъ среди духовнаго израильскаго общества, отрасли, принадлежащей Господу и въ тоже время выходящей изъ земли (Исаіи 4, 2). По дальнѣйшему описанію и изображенію пророковъ эта избранная отрасль явится отъ усѣченнаго корня Іессеева, но въ тоже время въ ней будетъ витать духъ Іеговы, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и мужества, духъ вѣдѣнія и страха Іеговы (ср. Исаіи 11, 1. 2; Іер. 23, 5; 33, 15; Захар. 3, 8; 6, 12). Такимъ образомъ избранная отрасль является выходящею изъ чреслъ человѣческихъ и въ тоже время божественною. Не эти ли предуказанныя черты двоякаго характера избранной отрасли совмѣщаются въ зримомъ пророкомъ Даніиломъ Сынѣ человѣческомъ (7, 14)? Онъ видитъ сына человѣческаго, но въ тоже время грядущаго на облакахъ, слѣдовательно обладающаго какою-то необычайною божественною силою и потому названнаго: ὡς υἱὸς ἀνθρώπου, или какъ позже выразился апостолъ Павелъ: ἐν ὁμοιώματι ἀνθρώπων γενόμενος καὶ σχήματι εὑρεθεὶς ὡς ἄνθρωπος (Филипп. 2, 7). Въ виду предходящихъ предъ нимъ царствъ онъ является обладателемъ вѣчнаго царства и вѣчной славы, но въ то же время какбы въ отличіе отъ дающаго ему это обладаніе онъ предстоитъ предъ нимъ въ образѣ человѣка. Если предходящія четыре царства являются представителями плотскихъ силъ, то въ виду ихъ онъ дѣлается учредителемъ вѣчнаго духовнаго царства; человѣческое естество въ немъ достигнетъ высшаго прославленія. Такъ еще въ древнихъ пророчествахъ разнообразнобыли предуказаны черты будущаго Мессіи и мессіанскаго служенія, совмѣщенныя Іисусомъ Христомъ въ одномъ имени—Сынъ человѣческій (ср. *Dorner*, Lehre von Person. Iesu 1845. 1. 60—64; *Schmidt*, Biblisch. Theolog. d. N. Tist. 1868 126. 127.).

12, 8; Марк. 2, 28), и явится для суда всѣхъ земныхъ племенъ (Матѳ, 24, 30. 31), тогда съ усвояемымъ имъ именемъ могло соединяться представленіе о Немъ, не только какъ первообразѣ человѣка, но какъ о такомъ совершеннѣйшемъ Сынѣ человѣческомъ, въ которомъ тѣлеснѣ воплотилось Божество, и который вслѣдствіе этого усвоялъ себѣ вышеозначенныя права, тогда это названіе служило предвѣріемъ и переходною ступенью къ употребленію и усвоенію болѣе соотвѣтствущаго Его лицу имени—*Сына Божія*. Этими-то послѣдними обстоятельствами опредѣляется полное и совершенно цѣлесообразное освященіе и употребленіе въ устахъ Іисуса Христа имени-Сынъ человѣческій—при первоначальномъ выступленіи на общественное служеніе.

Имѣя въ виду съ одной стороны устранить отъ себя тѣ несоотвѣтствующія чаянія и ожиданія, которыя іудейскій народъ привыкъ въ это время связывать съ ожидаемымъ Мессіею, съ другой стороны, желая воспитать подобающее уваженіе къ себѣ на поприщѣ духовнаго мессіанскаго служенія, Іисусъ Христосъ усвоилъ себѣ названіе—Сынъ человѣческій,—какъ болѣе подходящее къ достиженію предположенной цѣли [1]). Съ одной стороны по своему непосредственному значенію оно указывало на общность человѣческаго Его естества съ тѣми, среди которыхъ Онъ говорилъ и дѣйствовалъ, съ другой стороны, по предуказанію пророческому оно свидѣтельствовало о сверхъестественномъ Его величіи, но величіи не того вида, на какое питали надежду современники. Для тѣхъ, которые способны были сквозь видимый покровъ его возвыситься къ богоподобному представленію о лицѣ, усвоившемъ

---

[1]) Судя по тому, что Іисусъ Христосъ, по сказанію ев. Марка, въ первый разъ употребилъ это имя въ бесѣдѣ съ книжниками (2, 7. 10) и что оно въ

это имя, исповѣдали его Христомъ, Сыномъ Божіимъ (Матѳ. 12, 23; 14, 33; Іоан. 7, 41), оно было достаточнымъ, указаніемъ на Его божеское естество (Іоан. 1, 14), на Его особенное чрезвычайное положеніе среди другихъ (Іоан. 1, 51), и служило предметомъ уваженія; для тѣхъ же, которые, останавливаясь на видимомъ знаменательномъ его значеніи, не находили подтвержденія своихъ надеждъ въ лицѣ, выступавшемъ подъ его видомъ, оно было предметомъ злорѣчивыхъ сужденій (Марк. 2, 7, 10. Іоан. 6, 52. 53), и служило поводомъ къ порицанію самаго лица, его усвоявшаго (Марк. 2, 7. 10). По мѣрѣ того какъ при употребленіи этого имени высказывались столь противоположныя сужденія о дѣятелѣ, носившемъ его, въ помощь ему должно было присоединиться другое названіе, прямѣе и яснѣе опредѣляющее достоинство лица, имъ именующагося, въ глазахъ тѣхъ и другихъ. Это необходимо должно было послѣдовать для уясненія истины въ виду столь разнорѣчивыхъ сужденій. Такой важный моментъ въ общественномъ служеніи Іисуса Христа наступилъ въ концѣ Его галилейской дѣятельности. Когда Іисусъ Христосъ, уединившись въ страны Филиппповой Кесаріи, и желая узнать, вполнѣ-ли постигли Его послѣдователи тайну имени, Имъ усвоеннаго, обратился къ ученикамъ съ вопросомъ, за кого считаютъ люди Его, принявшаго на себя столь знаменательное имя, и въ отвѣтъ

устахъ народа нигдѣ не упоминается въ числѣ тѣхъ почетныхъ именъ, которыя онъ давалъ Ему, или при видѣ особаго чуда, или при слышаніи изумлявшаго ученія, можно полагать, что это имя не пользовалось особенною извѣстностію среди народа и не было такъ популярно какъ названія—Сынъ Давидовъ Христосъ, Сынъ Божій,—и вслѣдствіе этого не соединяло съ собою мессіанскихъ чаяній этого времени. Извѣстность этого имени въ апокрифической литературѣ (книгѣ Еноха и 4-й кн. Ездры) еще не можетъ служить доказательствомъ популярности его въ народѣ (см. Judisch Apokalyptik von *Hilgenfeld.* 1855. стр. 133. 148 и дал.).

получилъ, что они признаютъ Его Христомъ, Сыномъ Бога живаго, тогда въ откровенной бесѣдѣ съ ними Онъ исповѣдалъ Себя дѣйствительнымъ Сыномъ небеснаго Отца (ὁ πατήρ μου ὁ ἐν οὐρανοῖς... Матѳ. 16. 13—17). Это дружески откровенное признаніе, еще и прежде не одинъ разъ вынаруживавшееся, съ теченіемъ времени долженствовало быть торжественно объявленнымъ во всеуслышаніе всѣхъ. Открывая тайны новаго божественнаго домостроительства, свидѣтельствуя о своемъ величіи ученіемъ и дѣлами, учреждая Новый Завѣтъ, Іисусъ Христосъ, не обинуясь, долженъ былъ возвѣстить, во имя чего Онъ все это дѣлаетъ. Такое признаніе тѣмъ болѣе должно было послѣдовать, что оно вынуждалось со стороны представителей и руководителей іудейскаго народа (Матѳ. 21 23).

По сказаніямъ трехъ первыхъ евангелистовъ торжественное признаніе и объявленіе себя Сыномъ Божіимъ со стороны Іисуса Христа послѣдовало главнымъ образомъ въ послѣдніе дни и часы земной Его жизни въ Іерусалимѣ (Матѳ. 21, 37; 22, 2; 26, 63. 64; 27, 40. 43; Лук. 23, 46 и парал.); по сказаніямъ же евангелиста Іоанна оно было высказываемо и открыто объявляемо еще задолго до наступленія этого времени (Іоан. 2, 16; 3, 16. 17. 18. 35. 36; 5, 18—23. 25. 26. 28. 36. 37 и др.). Этимъ евангельскія сказанія не только не исключаютъ, но еще взаимно восполняютъ другъ друга, и уясняютъ характеръ и значеніе самаго событія. Исповѣданіе себя Сыномъ Божіимъ со стороны Іисуса Христа могло быть и дѣйствительно было и въ первое время земной Его жизни, какъ не отрицаютъ этого и первые три евангелиста (Матѳ. 11, 25—27; 16, 17 и парал.); но тогда оно еще не могло имѣть того значенія, какое получило въ послѣдніе дни Его видимой жизни; тогда оно было средствомъ, приготовляющимъ и воспитывающимъ вѣру въ Него, какъ Сына Божія, среди тѣхъ, которые способны были возвыситься къ богоподобному

представленію о Немъ; для тѣхъ же, которые были чужды такого возвышеннаго представленія о Немъ оно было пробнымъ камнемъ испытующимъ силу ихъ мнѣній и воззрѣній (ср. Іоан. 5, 18—47; 6, 48—69; 8, 12—59 и др.); въ послѣднее же время Его земной жизни оно выступаетъ во всеобъемлющемъ своемъ значеніи, оно является событіемъ, завершающимъ и заключающимъ все дѣло Его земнаго служенія. Когда Іисусъ Христосъ воспиталъ вѣру въ Себя, какъ Сына Божія, среди преданныхъ и приближенныхъ послѣдователей (Матѳ. 16, 16), когда Онъ увидѣлъ другихъ колебающимися въ своихъ мнѣніяхъ касательно Его достоинства (Матѳ. 16, 14), нѣкоторыхъ же съ совершенно извращеннымъ взглядомъ на Него (Матѳ. 12, 24), тогда, приближаясь къ концу своей божественной миссіи, Онъ торжественно опредѣляетъ свое отношеніе къ прежде бывшимъ божественнымъ посланникамъ и неприкровенно называетъ Себя именемъ, соотвѣтствующимъ Его истинному величію. Послѣ того какъ Іисусъ Христосъ обратившимся къ Нему первосвященникамъ и старѣйшинамъ іудейскаго народа съ понудительнымъ вопросомъ: какою властію Ты это дѣлаешь? и кто Тебѣ далъ такую власть (Матѳ. 21, 23)? указалъ на крещеніе, введенное Іоанномъ Крестителемъ и этимъ привелъ ихъ въ недоумѣніе, Онъ не ограничился однимъ сопоставленіемъ дѣлъ своего служенія съ дѣлами Іоанна Крестителя, но, желая вывесть ихъ и окружавшій Его народъ изъ недоумѣнія на счетъ Себя, Онъ въ приточномъ изображеніи, описывавшемъ все божественное домостроительство до Него, прямо назвалъ себя единымъ возлюбленнымъ Сыномъ небеснаго Отца, заключающимъ Собою рядъ великихъ прежде бывшихъ Его посланниковъ (ср. Матѳ. 21, 33—38; Марк. 12, 1—6) [1]). Въ другомъ

[1]) Замѣчательно, что указываемыя здѣсь притчи слѣдуютъ въ одномъ и томъ же порядкѣ у всѣхъ трехъ евангелистовъ (ср. Матѳ. 21, 23—22. 14; Марк. 11, 28—12, 11; Лук. 20, 1—18). Видимое ручательство за то, что онѣ могли быть произнесены въ такомъ видѣ.

приточномъ изображеніи такого же рода, обращенномъ къ тѣмъ же старѣйшинамъ, архіереямъ и народу Онъ называетъ себя брачущимся Сыномъ небеснаго царя (Матѳ. 22, 1—14 и паралл.); затѣмъ на судѣ, при допросѣ первосвященника, съ заклинаніемъ, открыть ему дѣйствительно-ли Онъ Христосъ—Сынъ Божій, Онъ подтверждаетъ свое истинное божественное сыновство (Матѳ. 26, 63. 64); наконецъ съ исповѣдію на устахъ своего истиннаго сыновства умираетъ на крестѣ (Лук. 23, 46). Среди этого учащеннаго заключительнаго исповѣданія и признанія себя Сыномъ Божіимъ Іисусъ Христосъ не оставляетъ и своего прежняго любимаго названія—Сынъ человѣческій; этимъ именемъ, въ эти дни, Онъ особенно любитъ называть Себя тогда, когда говоритъ о своемъ будущемъ пришествіи на судъ (Матѳ. 24, 27—30; 36—40; 25, 31—46 и паралл.). Этимъ Онъ свидѣтельствуетъ, что насколько близко и существенно было для Него первое названіе, настолько же неразлучно съ Нимъ было и второе, и что подъ знаменіемъ послѣдняго Онъ, какъ воспринявшій плоть и кровь и искушенный по всѣмъ (Евр. 2, 14. 18) явится судить людей, такъ какъ Ему, какъ причастному нашего естества, а не Отцу, по замѣчанію древнихъ толковниковъ, естественнѣе судить сродныхъ Себѣ.

Послѣ сказаннаго едва-ли можетъ возникать вопросъ о томъ, въ какомъ смыслѣ Іисусъ Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ. Это названіе, подобно названію—*Сынъ человѣческій*, не ново и не впервые было усвоено себѣ Іисусомъ Христомъ. Оно много разъ встрѣчается въ ветхозавѣтныхъ книгахъ и въ самыхъ разнообразныхъ приложеніяхъ: оно усвояется народу израильскому, какъ избранному среди другихъ народовъ (Исход. 14, 22; Второз. 14, 1. Іерем. 31, 9; Осіи 11, 1; Исаіи 1, 2; 30, 1. 9), его царямъ, какъ облеченнымъ свыше властію, его руководителямъ и представите-

лямъ (2 Цар. 7, 14; Псал. 81, 6. Псал. 88, 28), его избраннымъ людямъ (Псал. 102, 13), наконецъ его Мессіи, какъ помазаннику и Богомъ подкрѣпляемому царю (Псал. 2, 7—12); во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ можно открывать въ этомъ названіи смыслы естественный, метафизическій, теократическій, нравственный и идеальный [1]). Но если проводить аналогію между употребленіемъ имени, сдѣланнымъ Іисусомъ Христомъ и древними ветхозавѣтными писателями, то ни одно изъ указанныхъ мѣстъ не представитъ точной параллели для него и только всѣ, взятыя вмѣстѣ, укажутъ соотвѣтствующее ему основаніе и то въ высшемъ идеальномъ смыслѣ [2]). Народу израильскому потому иногда усвоялось имя Сына Божія, что, въ своей жизни, по идеальнымъ стремленіямъ, по законодательнымъ учрежденіямъ, онъ чище и свѣтлѣе выражалъ образъ Божій, чѣмъ сосѣдственные съ нимъ народы (ср. Второз. 14, 1. 2; 7, 6; 26, 18. 19 и др.); на томъ же основаніи и избранные этого

---

[1]) Ср. *Hengstenberg,* Christslogie zweit. Aufl. 1 стр. 98 и дал.; *Shmid,* bibl. Theolog. d. N. T. 4, Auflag. 1868, стр. 127—134; de Wette, bibl. Dogm. стр. 206—7.

[2]) Если прежде всего обратимся къ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ ангелы называются сынами Божіими (Іов. 1, 6; 2, 1. 38, 7 и др.), то, сопоставляя это названіе—בְּנֵי אֱלֹהִים съ בְּנֵי הַנְּבוּאִים (3 Цар. 20, 35; 4 Цар. 2, 3; 4, 1) должны будемъ придти къ такому заключенію, что слово בֵּן употреблено здѣсь не въ смыслѣ рожденія, но принадлежности къ извѣстному роду, имѣющему свои особыя свойства и отличія. Въ этомъ отношеніи писатель посланія къ Евреямъ, доказывая превосходство Іисуса Христа, какъ Сына Божія, предъ ангелами и имѣя въ виду, что послѣдніе иногда называются οἱοὶ τοῦ Θεοῦ (ср. 20, 36), совершенно справедливо предложилъ вопросъ такого рода: „кому когда изъ ангеловъ сказалъ Богъ: Ты сынъ мой, я нынѣ родилъ тебя“ (1, 5). Если за тѣмъ обратимся къ названію сынами Божіими царей и представителей власти, то увидимъ, что и имъ усвоятся такое имя не по личному ихъ достоинству или предопредѣленію изначала, но по принятію ими Богомъ установленной власти въ теченіе жизни (ср. Псал. 81, 1. 6; Исх. 22, 27 и др.). Слѣдовательно смыслъ и право названія ихъ такимъ именемъ отличны отъ тѣхъ, по которымъ Іисусъ Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ.

народа назывались сынами Божіими; царямъ же и должностнымъ лицамъ давалось это имя не по праву рожденія, но потому, что они были представителями Богомъ учрежденной власти; только въ обѣтованіяхъ, данныхъ Давиду (ср. 2 Цар. 7, 12—16; Псал. 88, 20—38) понятіе Сына Божія достигаетъ того всеобъемлющаго значенія, въ какомъ Іисусъ Христосъ усвоялъ его Себѣ; но въ основѣ этого обѣтованія уже кроется идея Мессіи, имѣвшаго его осуществить; Давидову роду не было бы обѣщано такое сыновство, если бы не предстояло его исполненіе въ будущемъ Мессіи, имѣвшемъ явиться отъ этого рода. Такимъ образомъ въ идеѣ самаго сыновства Божія, не въ собственномъ смыслѣ усвояемаго израильскому народу, его избраннымъ и царямъ, лежала необходимость явленія будущаго представителя и исполнителя его въ собственномъ смыслѣ. По предуказанію древнихъ пророчествъ и обѣтованій, будущій Мессія долженъ быть Сыномъ Божіимъ въ исключительномъ смыслѣ. И Іисусъ Христосъ потому только могъ и усвоить себѣ это величественное и знаменательное имя, что, *будучи въ образѣ Божіи* (ἐν μορφῇ θεοῦ ὑπάρχων Филип. 2, 6), будучи въ естествѣ Божіемъ [1]), будучи истиннѣйшимъ и совершеннѣйшимъ образомъ Божіимъ [2]), и затѣмъ чрезъ рожденіе принявъ зракъ раба, бывъ *въ подобіи человѣчестѣмъ* (ἐν ὁμοιώματι ἀνθρώπων γενόμενος), Онъ явился на землѣ единственнымъ—единосущнымъ Сыномъ Бога, равнымъ Ему (ἴσα θεῷ 2, 6) по совѣчному существованію, могуществу, и правамъ.

---

[1]) Здѣсь слово μορφή, какъ справедливо допускали древніе толковники—Златоустъ, Ѳеодоритъ, Икуменій,—равнозначуще слову φύσις,—οὐσία,—оно только частнѣе опредѣляетъ предвѣчный образъ бытія втораго лица св. Троицы; совершеннымъ объясненіемъ его служатъ слова посланія къ Евреямъ: ὢν ἀπαύγασμα τῆς δόξης καὶ χαρακτὴρ τῆς ὑποστάσεως (1, 3).

[2]) Конечно по самому естеству (ipsa natura divina), а не по развитію сознанія, какъ полагаетъ Шенкель.

Что Іисусъ Христосъ дѣйствительно въ такомъ смыслѣ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, для увѣренности въ этомъ не станемъ приводить свидѣтельствъ евангелиста Іоанна, въ которыхъ Онъ очевидно приписываетъ Себѣ божественную сущность, божественное достоинство и божескія дѣла (Іоан. 10, 30; 14, 9; 8, 58; 3, 16; 14, 6; 5, 21. 22. 25 и др.), и которыя, вслѣдствіе ихъ разительной ясности, отрицательная критика считаетъ неподлинными, но позволимъ себѣ остановиться только на тѣхъ немногихъ выраженіяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ, которыхъ отрицательная критика при всемъ своемъ предвзятомъ отношеніи не можетъ не признать дѣйствительными изреченіями Іисуса Христа, и въ которыхъ довольно ясно указывается сущность дѣла.

Одно изъ такихъ выраженій встрѣчается прежде всего въ томъ вышеприведенномъ приточномъ изображеніи, въ которомъ Іисусъ Христосъ, описывая ветхозавѣтное домостроительство и послѣ предложеннаго Ему архіереями и старѣйшинами вопроса: «какою властію Ты это дѣлаешь»? желая опредѣлить свое отношеніе къ бывшимъ прежде Его служителямъ ветхозавѣтнаго откровенія и указать истинное основаніе своихъ дѣйствій, называетъ Себя единымъ возлюбленнымъ Сыномъ (Марк. 12, 6; Лук. 20, 13; Матѳ. 21, 37). Ни по ходу рѣчи, ни по связи мыслей, ни одно изъ тѣхъ понятій, которыя обыкновенно прилагаютъ къ этому названію въ Ветхомъ Завѣтѣ, здѣсь не примѣнимо: если бы Іисусъ Христосъ назвалъ себя Сыномъ Божіимъ только въ смыслѣ или ѳеократическомъ, или нравственномъ, или идеальномъ, въ такомъ случаѣ Онъ не отличилъ бы Себя отъ бывшихъ прежде Его служителей и исполнителей ветхозавѣтной экономіи; названіе—единый возлюбленный Сынъ—примѣненное Имъ къ Себѣ, осталось бы безъ соотвѣтствующаго значенія. Δοῦλοι или δοῦλος въ этой притчѣ, соотвѣтствующіе παῖς Θεοῦ (Матѳ. 12, 18; Дѣян. 4, 27. 30;

3, 13. 26) и еврейскому עֶבֶד (Исаіи 42, 1—5; 52, 13), представляютъ именно тѣхъ, которые всецѣло и всесовершенно посвятили себя служенію Іеговѣ т. е. пророковъ и благочестивыхъ царей древней ѳеократіи, которые были ревнивыми хранителями и блюстителями ввѣреннаго имъ достоянія; въ заключеніе ихъ блюстительства (ἔσχατον) посылается единый возлюбленный Сынъ, который, какъ исполнитель ветхозавѣтной экономіи, близокъ къ нимъ по своему служенію, но какъ Сынъ, Онъ является полнымъ владѣтелемъ наслѣдія Отца съ полнымъ правомъ имъ распоряжающимся; рабы блюли и хранили ввѣренное имъ достояніе, Сынъ, же, какъ равноправный Отцу, является видоизмѣнителемъ древней и основоположителемъ, учредителемъ новой экономіи; такъ Онъ поступаетъ потому, что Онъ Сынъ. Таковъ прямой и естественный смыслъ этого приточнаго изображенія въ ряду тѣхъ сказаній, среди которыхъ оно стоитъ. Продолжая образную рѣчь, Іисусъ Христосъ говоритъ, что тотъ камень, разумѣя подъ послѣднимъ Себя, которому они не усвояютъ соотвѣтствующаго значенія, на ихъ глазахъ дѣлается основоположеніемъ новаго зданія; у нихъ же отнимается царствіе Божіе (Матѳ. 21, 42. 43).

Въ дополненіе къ этому приточному изображенію можно присоединить еще одну бесѣду, обращенную Іисусомъ Христомъ нѣсколько позже, по сказанію евангелиста Марка, къ народу во храмѣ (12, 35. 37), а по сказаніямъ евангелистовъ Матѳея и Луки, къ книжникамъ и фарисеямъ (Матѳ. 22, 41. 42; Лук. 20, 39—46). Послѣ разнаго рода вопросовъ, предложенныхъ Іисусу Христу книжниками и фарисеями съ цѣлію уличить Его въ чемъ-нибудь, Онъ съ своей стороны, желая обличить ихъ въ несправедливости ихъ негодованія на Него за оправданіе своихъ дѣйствій божественностію посланничества и божескимъ достоинствомъ, ясно указаннымъ въ усвоенномъ Имъ имени-Сынъ божій, обратился къ нимъ съ во-

просомъ: «что вы думаете о Христѣ? чей Онъ Сынъ»? и такъ какъ у нихъ готовъ былъ отвѣтъ: «Давидовъ», то Онъ продолжалъ: «какъ же Давидъ, по вдохновенію, Господомъ называетъ Его, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу моему» [1]). Приводя это изреченіе древняго Псалмопѣвца, Іисусъ Христосъ очевидно имѣлъ имъ указать, что достоинство Мессіи еще не измѣряется однимъ происхожденіемъ отъ Давида. И такъ какъ Они были убѣждены, что будущій Мессія не могъ быть однимъ простымъ человѣкомъ, то отвѣтъ, который они должны были дать, былъ бы таковъ: по человѣческому происхожденію Онъ—Сынъ Давидовъ, по божескому же достоинству какъ существовавшій прежде Давида—Сынъ Божій (Рим. 1, 3; Іоан. 6, 46; 7, 28). Но давая такой отвѣтъ, они сами осудили бы себя въ своемъ неправомъ отношеніи къ Нему, усвоявшему Себѣ два названія Сына человѣческаго и Сына Божія; вслѣдствіе этого они сочли за лучшее молчать. Тѣмъ не менѣе мысль, выраженная приведеніемъ этого изреченія, была до того очевидна, что съ того дня никто не смѣлъ спрашивать Его (Матѳ. 22, 41—46); стало ясно, что Онъ усвояетъ Себѣ имя Сына Божія по божественному достоинству, и что, еслибы книжные законоучители іудейскаго народа дорожили истиною, открываемою въ словѣ Божіемъ, и не руководились своими предвзятыми сужденіями, то они не вооружались бы противъ Него за усвоеніе имени, открывающаго Его истинное божественное достоинство [2]). Послѣ такого яснаго ученія о своемъ

[1]) Сила доказательства изреченія, приведеннаго изъ 109 псалма, заключается въ томъ, что этотъ псаломъ и у фарисеевъ считался пророческимъ и слѣдовательно говорившимъ о Мессіи; еслибы спрошенные отвѣтили, что Давидъ здѣсь говоритъ не о будущемъ Мессіи, но отъ лица народа—о Себѣ или одномъ изъ своихъ потомковъ въ такомъ случаѣ вопросъ не имѣлъ бы такой очевидной и наглядной силы убѣдительности. Но они не могли сказать этого не противорѣча своимъ собственнымъ воззрѣніямъ.

[2]) Приведеніе этихъ изреченій Іисуса Христа евангелистомъ Маркомъ въ нѣсколько отличномъ видѣ отъ сказаній евангелистовъ Матѳея и Луки не

достоинствѣ, Іисусу Христу оставалось только предостеречь своихъ послѣдователей отъ увлеченія тою мудростію книжниковъ, которая въ пользу своихъ мнѣній готова измѣнять смыслъ священнаго слова (Марк. 12, 38; Лук. 26, 46).

Но собственно завершающею и опредѣляющею характеръ и сущность названія,—Сынъ Божій, усвоеннаго Іисусомъ Христомъ, будетъ исповѣдь, произнесенная Имъ въ послѣдніе дни галилейской дѣятельности. Сопоставляя сказанія двухъ евангелистовъ, упоминающихъ о ней (Матѳ. 11, 25—30; 17—10, Луки 24), можно полагать, что она была произнесена въ первыя торжественныя минуты послѣ возвращенія учениковъ съ перваго посольства ихъ на проповѣдь, когда они въ чувствѣ радости разсказывали своему учителю, что бѣсы имъ повинуются, и что, слѣдовательно, первое выступленіе ихъ на проповѣдь сопровождалось счастливыми результатами [1]). Въ восторженной молитвѣ, обращенной по этому поводу къ небесному Отцу, Іисусъ Христосъ славитъ Его за то, что тайны новоустрояемаго Имъ царствія небеснаго, не узнанныя тѣми, которые считаютъ себя мудрыми и разумными, и которые по-

---

только не видоизмѣняетъ ихъ существенной мысли, но еще дѣлаетъ ее яснѣе и опредѣленнѣе. Послѣ того какъ Іисусъ Христосъ въ отвѣтахъ на разнаго рода вопросы, предложенные Ему съ цѣлію искусить Его, оказался не искушен нимъ, и когда, вслѣдствіе этого уже никто изъ нихъ не рѣшался обращаться къ Нему съ вопросами подобнаго рода, желая уяснить окружавшему народу свое истинно-божественное величіе, Онъ обратился къ нему съ вышеприведенною рѣчью во храмѣ.

[1]) Евангелистъ Матеей упоминаетъ собственно о посольствѣ двѣнадцати учениковъ (гл. 10), евангелистъ Лука говоритъ и о посольствѣ еще семидесяти; у послѣдняго приводимая исповѣдь произносится Іисусомъ Христомъ послѣ возвращенія семидесяти учениковъ; у перваго она стоитъ отрывочно, но въ такомъ видѣ, что безъ натяжки можно допустить, что она могла быть произнесенною послѣ возвращенія двѣнадцати учениковъ и такимъ образомъ или совпала съ первою или же дѣйствительно была произнесена два раза при различныхъ обстоятельствахъ.

этому прежде другихъ должны были освоиться съ ними, Онъ открываетъ тѣмъ, которые, повидимому, менѣе другихъ были способны къ ихъ воспріятію, которые не учились книжной мудрости и имѣли только не омраченный умъ и не испорченное сердце къ уразумѣнію небесной истины [1]). Эти-то младенцы, Имъ озаренные и просвѣтленные, теперь выступаютъ проповѣдниками и провозвѣстниками небесной истины. Такова воля небеснаго Отца въ открытіи таинъ новоустроеннаго Имъ царства. Послѣ такой восторженной молитвы, обращаясь къ предстоявшимъ младенцамъ или ученикамъ (Лук. 10, 21), оказавшимся проповѣдниками высшей небесной мудрости (1 Кор. 2, 7. 8), и желая вдохнуть въ нихъ безпредѣльную вѣру въ святость и величіе их служенія и въ побѣду и торжество надъ препятствіями, Іисусъ Христосъ произноситъ исповѣдь, опредѣляющую Его положеніе среди совершающагося и уясняющую Его отношеніе къ тѣмъ истинамъ, которыя Онъ проповѣдуетъ. Обнимая взоромъ прошедшее, свидѣтелями котораго были Его ближайшіе послѣдователи, и указывая на будущее, Онъ говоритъ: *вся мнѣ предана суть Отцемъ моимъ*; всѣ, что способно служить къ устроенію царства Божія на землѣ, что способно содѣйствовать Его торжеству и прославленію, передано Мнѣ, всѣ служебныя для него силы находятся въ моей власти и моемъ распоряженіи (Матѳ. 28, 18), и потому нечего бояться за успѣхи, нечего опасаться за будущность [2]). И

---

[1]) Ст. 25. Слово νηπίοι—младенцы, соотвѣтствующее еврейскому פְּתָאִים означаетъ непосвященныхъ школьной іудейской мудрости.

[2]) Совершенно вѣрно Мейеръ (Kommentar. üb. Matth). согласно съ древними толковниками выраженіе—πάντα μοι παρεδόθη принимаетъ въ неограниченномъ смыслѣ, обнимающемъ все необходимое и сподчиненное для блага царствія небеснаго (ср. Матѳ. 28, 18), и крайне ограниченно понимаетъ его Кеймъ (стр. 382), видя въ Немъ указаніе только на тѣхъ младенцевъ, которые ступаютъ въ мессіанское проповѣданное царство.

естества Его, обладающаго такими могучими силами и средствами, тайны Его бытія, совмѣщающаго въ себѣ въ такомъ дивномъ сочетаніи божеское и человѣческое, никто не знаетъ, кромѣ Отца; но съ другой стороны, и объ Отцѣ небесномъ никто не имѣетъ такого знанія какъ Онъ; Онъ первый и единственный знаетъ такъ Бога, какъ Сынъ Отца. Отецъ, какъ единосущный Сыну, состоящій въ тождествѣ природы съ Нимъ, знаетъ Его такъ, какъ никто; Сынъ, какъ единосущный Отцу и отъ Него раждающійся знаетъ Его только какъ Сынъ. Оба они, какъ лица, находясь въ тождествѣ и единствѣ природы, соуслаждаются взаимнымъ вѣдѣніемъ и знаніемъ. Эта тайна ихъ бытія, недоступная ограниченному человѣческому уму, открывается единственно чрезъ свободное желаніе и любовь Сына тому, *ему же аще волитъ Сынъ открыти.* Такой прямой и естественный смыслъ въ ненарушенномъ и непосредственномъ теченіи, и сочетаніи выраженій этой знаменательной исповѣди Іисуса Христа [1]). Въ ней явственно выступаютъ три положенія: единство и тождество природы между Отцемъ и Сыномъ, единство и тождество у нихъ знанія, и единство откровенія чрезъ посредство Сына.

Послѣ этого едва-ли можно считать серьезнымъ мнѣніе тѣхъ критиковъ, которые, признавая подлинность этой исповѣди, думаютъ видѣть въ ней ученіе Іисуса Христа не о метафизическомъ своемъ сыновствѣ, о которомъ говорятъ евангелистъ Іоаннъ (1, 1—18), и ап. Павелъ (Римл. 1, 3. 4.), но или о нравственно-духовномъ—идеальномъ, или вообще мессіан-

---

[1]) Нѣкоторые изъ новыхъ толковниковъ возстановляютъ въ этомъ мѣстѣ древне-маркіонитское чтеніе: οὐδεὶς ἔγνω πατέρα εἰ μὴ ὁ υἱός, καὶ τὸν υἱον εἰ μὴ ὁ πατὴρ καὶ ᾧ ἂν ὁ υἱὸς αποκαλυψῃ (Кеймъ, Гильгенфельдъ, Zeitschrift. fur Wissensch Teolog. 1867, 407), считая его подлиннымъ. Но благопріятствуя нѣкоторымъ выводамъ отрицательныхъ критиковъ, сущности смысла не нарушаетъ и это чтеніе.

скомъ [1]). Одно предвзятое толкованіе можетъ довольствоваться такимъ пониманіемъ этой исповѣди, будто Іисусъ Христосъ говоритъ въ ней только о добытомъ чрезъ себя и полученномъ чрезъ откровеніе представленіи и познаніи Бога Отцемъ, составляющемъ сущность Его проповѣди и побудившемъ Его усвоить Себѣ это знаменательное имя, какъ вполнѣ соотвѣтствующее высотѣ познанной истины [2]). Немного нужно усилій, чтобы видѣть, что одно общее представленіе и познаніе Бога какъ Отца еще не могло само по себѣ составить такой специфической принадлежности мессіанскаго служенія, которая побудила бы лицо, добывшее и получившее его, явиться въ качествѣ Мессіи и выступить съ такимъ знаменательнымъ именемъ. Представленіе о Богѣ, какъ Отцѣ, свойственно не только библейскому, но даже языческому міросозерцанію (Дѣян. 17, 28). Если же здѣсь идетъ рѣчь объ особенномъ, болѣе возвышенномъ и болѣе внутреннемъ познаніи Бога, какъ Отца, то такое познаніе уже не могло быть плодомъ внѣшняго наблюденія и изученія внѣшней природы и исторіи ѳеократическаго народа, но было слѣдствіемъ того внутренняго созерцанія, о которомъ повѣствуетъ евангелистъ Іоаннъ 1, 18, и которое возможно было только единородному и единосущному Сыну. Возведеніе этого познанія въ высшее и совершеннѣйшее уже выступаетъ изъ предѣловъ знанія ограниченнаго существа и необходимо приводитъ къ принятію Безпредѣльнаго и Безграничнаго, о которомъ говоритъ евангелистъ Іоаннъ (1, 1—3). Уже болѣе подходящимъ къ раціоналистическому объясненію представляется допущеніе здѣсь того нравственнаго внутренняго единенія, по силѣ котораго Іисусъ Христосъ чувствовалъ и сознавалъ Себя въ такой непосредственной близо-

---

[1]) *Schmid*, Bibl. Theolog. d. N. T. 4. Aufl. 1868 г. 132. 133. и др.

[2]) Keim, Gesch. Iesu von Nazara 11. 1871. 384, 385 и дал.

сти къ Богу, въ какой стоитъ Сынъ къ Отцу [1]). Но такого возвышеннаго нравственнаго чувства такіе не могли воспитать въ Немъ ни наблюденіе надъ внѣшнею природою, ни сознаніе не правости воззрѣнія современниковъ, считавшихъ Бога единымъ грознымъ судьей, обличителемъ и мстителемъ за грѣхи. Какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ отрицательныхъ критиковъ, утверждающихъ такое нравственное единеніе, односторонность воззрѣній современниковъ замѣчалась и другими, тѣмъ не менѣе никто изъ нихъ не взывалъ: Авва, Отче! равнымъ образомъ душистыя линіи Галилеи благоухали и для другихъ, и лучезарное небо Палестины свѣтило для фарисеевъ и саддукеевъ, но ни кому изъ нихъ не сдѣлались сродными такія высокія чувства, объединяющія ихъ духъ съ Духомъ божественнымъ [2]). Для того, чтобы стоять на такой высотѣ нравственно-духовнаго единенія, необходимо было, по сознанію того же критика, обладать такою высокою святостію при которой не чувствовалось бы никакого пятна, способнаго омрачить нравственное сознаніе или нарушить чистоту сердца. Но такое безпорочное и совершенно невинное состояніе едвали мыслимо для человѣка, еслибы даже и единъ день житія его былъ на землѣ. Омраченному же человѣческому сознанію грѣхомъ и возмущенному чувству невинности всегда будетъ казаться божество гнѣвнымъ, требующимъ покаянія и очищенія. Только сущій во образѣ Бога (ἐν μορφῇ Θεοῦ), будучи чистѣйшимъ и совершеннѣйшимъ выраженіемъ Его, можетъ сознавать Себя въ такомъ внутреннемъ единствѣ съ Богомъ, какое описано въ вышеприведенной исповѣди. Примѣненіе къ

---

[1]) *Ренанъ* говоритъ: Jésus na pas de visions; Dieu ne lui parle pas comme auquelq'un hors de lui; Dieu est en lui; il se sent avec Dieu, et il tire de son coeur ce qu'il dit de son Pere" (Vie de Iesus, Berlin 1864. 105.

[2]) Hausrath, Neutest. Zeitgeisch. 1. 2 Auf. 1873. 355.

объясненію ея содержанія нравственно-духовнаго или идеальнаго сознанія всегда будетъ приводить къ признанію единосущнаго единства лицъ, стоящихъ въ такомъ неразрывномъ внутреннемъ соотношеніи. *Сый въ лонѣ Отчи* (Іоан. 1, 18), только такъ могъ исповѣдать небеснаго Отца, какъ исповѣдалъ Его Іисусъ Христосъ въ этой дивной исповѣди. Содержаніе ея прямо и непосредственно связываетъ ученіе трехъ первыхъ евангелистовъ о лицѣ Іисуса Христа съ ученіемъ четвертаго. Одна предвзятая мысль не найдетъ между ними въ этомъ отношеніи полнаго согласія [2]).

Только съ такъ понимаемымъ содержаніемъ этой исповѣди, сказанной въ утѣшеніе и ободреніе учениковъ, гармонируютъ ея заключительныя слова. По сказанію евангелиста Луки, Іисусъ Христосъ, обратясь къ ученикамъ, особо сказалъ: «блаженны очи видящія то, что вы видите. Ибо я вамъ сказываю, что многіе пророки и цари желали видѣть, что вы видите, и не видали; и слышать, что́ вы слышите и не слыхали» (10, 23. 24); по сказанію евангелиста Матѳея, Онъ обратился къ труждающимся и обремененнымъ съ воззваніемъ для успокоенія своего взять иго Его на себя и научиться отъ Него, ибо Онъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, и иго Его благо, и бремя Его легко (11, 28—30). То и другое заключеніе могло быть вызвано только соотвѣтствующимъ величіемъ исповѣданнаго ученія. Древніе именитые мужи, пророки, предрекавшіе о дивной отрасли, имѣвшей родиться отъ усѣченнаго

---

[2]) Западные апологеты единогласно считаютъ это мѣсто тѣсно и внутренно связывающимъ ученіе трехъ первыхъ евангелистовъ о лицѣ Іисуса Христа съ ученіемъ четвертаго евангелиста (ср. *Christlieb*, Die best. Method. d. Bekämpfung des modern. Unglaub. 1874. 32, въ русск. переводѣ помѣщено въ Чт. Об. люб. дух. просв. за 1875 г.); даже полураціоналистическіе критики согласны въ этомъ отношеніи съ апологетами (см. *Meyer*, Comment. uber. Math. 1864. 280, также Reuss, Histoir. de la Theolog. Chret. 1852. 1, 105 и дал.).

корня Давидова и въ тоже время обладавшей Духомъ Іеговы, Духомъ премудрости и разума, Духомъ совѣта и мужества, и носящей знаменательное имя: «Іегова, праведность наша» (Исаіи 4, 2. 3; 11, 1. 2; Іерем. 23, 5. 6; 33, 15, 16; Захар. 6, 12. 13), конечно желали бы видѣть тѣ счастливые дни, въ которые прозябла, процвѣла эта дивная отрасль, и напитаться ея сочными гроздами; цари, желавшіе среди израиля, создать такой храмъ Іеговѣ, въ которомъ учились бы и вразумлялись всѣ земные народы (3 Цар. 8, 41—43), почли бы для себя за счастье быть въ сообществѣ съ основополагающимъ и устрояющимъ такой храмъ (Іоан. 4, 23. 24). Равнымъ образомъ, бѣдные, окружавшіе Іисуса Христа, и изнемогавшіе и изнывавшіе подъ бременемъ неудобоносимаго ига, возлагаемаго на нихъ іудейскими законоучителями (Матѳ. 23, 4), въ Немъ, какъ одномъ истинномъ Учителѣ, указывавшемъ правый путь къ унаслѣдованію жизни, могли найти истинный покой и дѣйствительное успокоеніе своему истомленному духу. Всѣ, именитые и бѣдные, проникнутые исканіемъ истины и правды, въ Немъ, какъ открывшемъ источникъ живой воды (Іоан. 7, 37), могли найти дѣйствительное утоленіе томившей ихъ жажды (Матѳ. 5, 3. 6). Съ такимъ воззваніемъ къ окружавшимъ могъ обращаться только тотъ, кто сознавалъ себя дѣйствительнымъ божественнымъ посланникомъ, черпавшимъ истину въ самомъ нѣдрѣ величайшей и совершеннѣйшей Истины.

Такимъ образомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Іисусъ Христосъ, называя Себя Сыномъ Божіимъ, и въ сказаніяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ употреблялъ это имя въ метафизическомъ смыслѣ, указывавшемъ на истинное божественное Его достоинство. Одно предвзятое толкованіе помощію изысканнаго объясненія можетъ или придавать этому имени иное значеніе въ повѣствованіяхъ указанныхъ евангеліи

листовъ, или дѣлать его недѣйствительнымъ [1]). Если же въ четвертомъ евангеліи это названіе встрѣчается чаще, если Іисусъ Христосъ здѣсь чаще употребляетъ его для означенія своего истиннаго величія и его метафическій характеръ здѣсь яснѣе вынаруживается, то это объясняется особенностями, свойственными этому евангелію, сравнительно съ тремя первыми. Всѣ четыре евангелиста заняты тѣмъ, чтобы въ своихъ повѣствованіяхъ въ совершенно объективномъ видѣ изобразить жизнь Іисуса Христа со времени выступленія Его на общественное служеніе въ тѣхъ именно чертахъ, въ которыхъ главнымъ образомъ высказывался мессіанскій характеръ Его служенія. Но въ то время, какъ евангелистъ Іоаннъ, указывая на величіе любви Бога, обнаружившейся въ посланничествѣ Его единороднаго Сына, и желая воспитать вѣру въ Него, соотвѣтствующую Его достоинству, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на ученіи и главнымъ образомъ на тѣхъ его сторонахъ, въ которыхъ ясно доказывается Его дѣйствительная божественность,—евангелистъ Матѳей, желая изобразить Его истинно-мессіанское достоинство, обращаетъ вниманіе на исполненіе на Немъ древнихъ предсказаній и пророчествъ, на сужденія о Немъ современниковъ, на недосягаемое величіе Его нравственнаго ученія, евангелистъ Маркъ главнымъ образомъ описываетъ Его, какъ необычайнаго чудотворца и дѣятеля, евангелистъ Лука, не опуская всего этого изъ виду, главною цѣлію своею повѣствованія поставляетъ историко-хронологическое описаніе Его дѣятельности и жизни (1, 1—4). Такимъ образомъ ученіе собственно о лицѣ Іисуса Христа является преобладающимъ у двухъ евангелистовъ: Іоанна и Матѳея. Но въ то время, какъ евангелистъ Іоаннъ, желая указать въ

---

[1]) Ср. Keim, Gesch. Iesu von Nazara, 1871. II. 376—390.

Немъ Спасителя міра (σωτῆρα τοῦ κόσμου) и всего человѣчества, отъ начала до конца говоритъ о Немъ какъ о воплотившемся божественномъ Словѣ, евангелистъ Матѳей, прежде всего, имѣя въ виду Его мессіанское служеніе среди іудейскаго народа, ставитъ Его въ ближайшее отношеніе къ ученію, узаконеніямъ и учрежденіямъ этого народа. Этими и другими подобными особенностями объясняются тѣ выдающіяся явленія въ ихъ повѣствованіяхъ, на основаніи которыхъ отрицательная критика составляетъ столь разнорѣчивыя сужденія объ отношеніи трехъ первыхъ евангелій къ четвертому въ ученіи о лицѣ Іисуса Христа.

Если бы мы, отрѣшившись отъ этихъ особенностей признали соотвѣтствующими дѣйствительному положенію выводы современной отрицательной критики, касательно отношенія трехъ первыхъ евангелистовъ къ четвертому, и въ уясненіи занимающаго насъ вопроса согласились съ такимъ мнѣніемъ, что въ сказаніяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ, вслѣдствіе особенности ихъ взгляда, говорится объ Іисусѣ Христѣ только какъ о Мессіи—человѣкѣ, а не божественномъ Существѣ вмѣстѣ и Богѣ, и въ повѣствованіи евангелиста Іоанна Онъ только является такимъ, но его евангеліе по предвзятости сужденій и позднѣйшему происхожденію, не заслуживаетъ уваженія въ этомъ дѣлѣ; то, не говоря о томъ, что христіанство безъ ученія о воплотившемся Словѣ лишило бы человѣческое міросозерцаніе открытія новой жизненной истины, и не имѣло бы основы для признанія дѣйствительности за многими изъ его истинъ, что все жизненное его содержаніе, такъ долго питавшее умъ человѣческій, должно быть сокращено и съужено въ нѣсколько тезисовъ отвлеченныхъ нравственныхъ истинъ, помимо всего этого столь важнаго и существеннаго въ новозавѣтномъ откровеніи, мы поставили бы себя въ безвыходное положеніе касательно уясненія многихъ другихъ не менѣе

важныхъ и существенныхъ сторонъ въ христіанскомъ вѣроученіи. Считая это положеніе вѣрнымъ, мы, прежде всего, съ точки зрѣнія, искуственно навязываемой тремъ первымъ евангелистамъ, затруднялись бы объяснить начало христіанскаго благовѣстія соотвѣтственно величію и значенію заключающихся въ немъ истинъ. Послѣ того какъ три первые евангелиста, начавъ свою рѣчь объ общественномъ служеніи Іисуса Христа съ Іоанна Крестителя, представили послѣдняго однимъ изъ величайшихъ пророковъ, облеченнымъ высокимъ примѣромъ святости, большимъ всѣхъ другихъ между рожденными женами, Основателя же новозавѣтнаго откровенія возвысили бы надъ нимъ однимъ именемъ—Мессія, они не показали бы основанія освященія въ Его устахъ такихъ истинъ, какъ Его права иначе понимать и объяснять духъ древняго закона, возвѣщеннаго Моисеемъ, чѣмъ какъ понимали Его современники, считавшіеся законоучителями (Матѳ. гл. 5), Его власти отпускать грѣхи (Марк. 2, 7), быть господиномъ субботы (Марк. 2, 28), узаконенной древнимъ законодателемъ, считать Себя выше древнихъ великихъ пророковъ и мудрецовъ израильскихъ (Матѳ. 12, 41—42). Одно имя Мессіи безъ божескаго достоинства не могло освятить этихъ правъ и сдѣлать ихъ предметомъ вѣры; Мессія—человѣкъ не могъ усвоять Себѣ божественной власти. Если древніе пророки, говоря о будущей отрасли Израиля, присвояли ей необычайныя права и власть, то вмѣстѣ съ этимъ указывали, что она будетъ обладать Духомъ Іеговы, что имя ея будетъ: «Іегова наша праведность» (Исаія 2, 3; 11, 1. 2; Іер. 23; 5. 6; 33, 15. 16; Захар. 6, 12. 13). Такимъ образомъ, если бы предположеніе отрицательной критики касательно ученія трехъ первыхъ евангелистовъ о лицѣ Іисуса Христа было вѣрно, мы не могли бы уяснить самаго начала христіанскаго благовѣстія, въ первое же время соединявшагося съ божескими правами и властію.

При такомъ предположеніи для насъ страннымъ было бы далѣе ихъ повѣствовавшіе о дарованіи Іисусомъ Христомъ своимъ ученикамъ права владѣть ключами небеснаго царства, отпускать и прощать грѣхи желавшимъ вступить въ это царство, владѣть всѣми сподчиненными силами для блага и распространенія этого царства (Матѳ. 16, 19; 18, 18; 10, 7. 8; Лук. 9, 1. 2; Марк. 3, 15). Лице само, по своей природѣ, не обладавшее такими правами, развѣ по неразумному посягательству на божественную власть, воображая себя владѣющимъ ими, могло бы надѣлять ими другихъ. Но въ такомъ посягательствѣ на божеское равночестіе еще немногіе изъ западныхъ мыслителей рѣшаются уличать Основателя новозавѣтнаго откровенія [1]); крайность такого воззрѣнія сама собою понятна [2]). Для насъ далѣе не объяснимы были бы сказанія трехъ первыхъ евангелистовъ о тѣхъ обѣтованіяхъ, въ которыхъ Іисусъ Христосъ съ одной стороны предрекалъ твердое, вѣчное и непоколебимое стояніе и пребываніе основываемаго и утверждаемаго Имъ царства на землѣ, не смотря на всѣ вражескія силы, направляемыя противъ него (Матѳ. 16, 18; 18, 20), съ другой—говорилъ о предстоящемъ своемъ явленіи въ славѣ для суда надъ земными племенами и народами (Матѳ. 24, 30. 31; 25, 31—46 и паралл.), еслибы они, говоря объ Іисусѣ Христѣ, какъ Мессіи, въ тоже время не вѣрили въ Него, какъ Бога. Мессія—человѣкъ, хотя о благодатствованный, но не располагавшій божественнымъ могуществомъ и силою,

---

[1]) Пока еще единицами мы можемъ считать съ такимъ направленіемъ западныхъ мыслителей; *Мюллеръ* и сродный съ нимъ по направленію *Гартманъ* рѣшаются высказывать подобнаго рода мысли (см. I. A. *Müller*, Briefe über die christl. Religion. Stuttgart. 1870, стр. 38—50.

[2]) Направленіе подобнаго рода мыслителей ставятъ ниже критики самые отрицательные ея изслѣдователи евангельской исторіи (см. *Schenkel*, Charakterbild Iesu. 1873. стр. III—XXVII; *Hilgenfeld*, Zeitschrift für wissensch. Teolog. 1873, 305—354).

не могъ безъ обольщенія обѣщать своему царству вѣчнаго пребыванія; тѣмъ болѣе Онъ не могъ усвоить себѣ правъ небеснаго Судіи надъ земными народами и племенами, не рискуя быть обличеннымъ въ ложномъ самообольщеніи. То и другое свойственно одному Богу. Наконецъ неразгаданными и не разъясненными навсегда остались бы для насъ вся евангельская исторія и въ особенности ея конецъ, если бы мы допустили, что первые три евангелиста, не смотря на усвояемое Іисусомъ Христомъ имя «Сына Божія», считали Его только Мессіей—человѣкомъ. По единогласному ихъ сказанію іудейскіе старѣйшины, книжники и фарисеи съ негодованіемъ встрѣтили Іисуса Христа въ первое время Его проповѣди за то, что, усвояя Себѣ божескія права и власть, Онъ, вопреки ихъ чаянію, явился не въ славѣ ожидаемаго царя, но въ званіи скромнаго учителя. Ихъ негодованіе возрастало и переходило въ ненависть по мѣрѣ того, какъ, уча и проповѣдуя въ такомъ же духѣ, Онъ не только не скрывалъ своего величія, но еще подтверждалъ усвояемыми именами, пока наконецъ это негодованіе не завершалось осужденіемъ Его на крестную смерть за торжественное исповѣданіе себя Сыномъ Божіимъ (ср. Марк. 2, 6—10. 16. 23—28; 3, 1—6; 7, 1—13; 12, 1—12; 13—39; 14, 61—64 и паралл.). Эта руководящая мысль въ сказаніяхъ трехъ первыхъ евангелистовъ ясна до очевидности, и объяснять ее какъ нибудь иначе значило бы извращать прямой смыслъ сказаній. Раздвоенія и двусмыслія здѣсь не могло быть; отказавшись отъ этой руководящей мысли, мы не только не поняли бы трагической развязки евангельской исторіи, но и самаго ея начала.

Такимъ образомъ необходимо признать, что повѣствованіе всѣхъ трехъ евангелистовъ начинается съ вѣры въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія, какъ Богочеловѣка, ею держится и ею оканчивается, что оно совершенно согласно съ сказаніемъ

четвертаго евангелиста въ томъ, что необычайная проповѣдь Іисуса Христа, въ первое время его общественнаго служенія, соединявшаяся съ божескими правами и властію, и затѣмъ подтверждаемая исповѣдію и торжественнымъ признаніемъ въ Себѣ Сына Божія, могущественно дѣйствовала на современниковъ, и была для однихъ вмѣстѣ съ необычайными дѣлами основою вѣры въ Него, какъ истиннаго Сына Божія, а для другихъ служила камнемъ претыканія и была поводомъ къ обвиненію и осужденію Его на крестную смерть какъ богохульника (ср. Матѳ. 26, 63—66; Марк. 14, 51—64; Лук. 22, 70. 71; Іоан. 19, 7).

Здѣсь можетъ быть предлагаемъ только такого рода вопросъ: на чьей сторонѣ была правда? Но безпристрастный отвѣтъ на этотъ вопросъ представляютъ тѣже евангельскія сказанія, которыя безъ всякой предвзятой мысли говорятъ, что въ ряду послѣдователей Іисуса Христа были люди чистые сердцемъ и нищіе духомъ или проникнутые сознаніемъ исканія истины и жаждавшіе ея удовлетворенія (Матѳ. 5, 3. 8), противниками же Его были люди или съ предвзятыми сужденіями (Матѳ. 12, 24. 38; 16, 1), или потерявшіе вѣру въ міръ сверхъестественный (Матѳ. 22, 23), и превратно глядѣвшіе на всѣ необычныя его проявленія. Третьимъ судьей, безпристрастно рѣшающимъ споръ между борющимися сторонами будетъ іудейскій законникъ, обратившійся къ іудейскимъ старѣйшинамъ, возбужденнымъ успѣхами евангельскаго благовѣстія, съ предложеніемъ такого рода: «оставьте людей сихъ, ежели сіе предпріятіе и сіе дѣло отъ человѣкъ, то оно разрушится; а ежели отъ Бога, то вы не можете разрушить его» (Дѣян. 5, 38. 39). Примѣняя это положеніе къ исторіи евангельскаго благовѣстія, мы можемъ сказать, если бы оно было дѣломъ Мессіи—человѣка, оно давно заглохло бы въ своемъ ростѣ при борьбѣ съ тѣми препятствіями, которыя оно встрѣтило при первомъ сво-

емъ распространеніи, и съ которыми борется теперь; ежели оно есть дѣло Мессіи—Богочеловѣка, то, согласно обѣтованіямъ Его, какъ Основоположника Его, не одолѣютъ его во вѣки и врата адовы (Матѳ. 16, 18; 28, 20). Исторія евангельскаго благовѣстія оправдала послѣднее положеніе; въ обезсиленіе этого положенія не могутъ быть приводимы аналогическія явленія изъ исторіи распространенія магометанской и языческихъ религій; евангельское благовѣстіе распространялось не среди дикихъ и малоразвитыхъ азійскихъ ордъ, оно вступило въ борьбу съ образованнымъ греко-римскимъ міромъ и завоевало себѣ мѣсто среди цивилизованныхъ европейскихъ народовъ. Противниками его и изъ среды образованныхъ народовъ были и всегда будутъ люди, потерявшіе сознаніе о необходимости высшей и совершеннѣйшей религіи, связующей человѣка съ Богомъ, возводящей его взоръ къ горнему міру, и вслѣдствіе этого уже не могущіе безъ предвзятаго взгляда къ нему относиться и ни превратно глядѣть на проявленіе въ немъ сверхъестественнаго міра; у людей же образованныхъ, но не подавившихъ въ себѣ религіознаго сознанія и вслѣдствіе этого ищущихъ удовлетворенія высшимъ его стремленіямъ, оно всегда найдетъ радушный пріютъ и останется богооткровенною религіею во вѣки.

Если отъ Основоположника христіанства мы теперь обратимся къ Его ближайшимъ послѣдователямъ и продолжителямъ Его служенія, то увидимъ, что они главнымъ предметомъ своей проповѣди избрали благовѣстіе, предуказанное еще пророками въ святыхъ Писаніяхъ о Сынѣ, который по плоти родился отъ сѣмени Давидова, но по духу святыни, Его отличавшему и отдѣлявшему отъ другихъ и чрезъ рядъ чудесныхъ знаменій, заключившихся Его воскресеніемъ изъ мертвыхъ, открылся, существенно (ἐν δυνάμει) Сыномъ Божіимъ (Римл. 1, 2—4; Дѣян. 2, 24—36; 3, 12—26; 4, 10—12

и др.) [1]). Благовѣстіе о такомъ Сынѣ Божіемъ вносило цѣлое новое міросозерцаніе въ исторію религіознаго развитія человѣчества; оно открывало новое божественное Лице, хотя предуказанное въ древнихъ Писаніяхъ, но еще не явленное міру и вмѣстѣ съ Нимъ новое божественное домостроительство, касавшееся не только временнаго положенія человѣка въ сей жизни но и будущей его судьбы и вмѣстѣ съ послѣднею будущей судьбы всего міра (Рим. 3, 21—26; 8, 18—24; 1 Кор. 15, 20—28; 42—54). Это было религіозное ученіе, открывавшее новый взглядъ на отношеніе человѣка къ Богу, міру и всему окружающему, на конечныя цѣли всего видимаго (Галат. 6, 14. 15); это было новое религіозное міросозерцаніе, ставившее въ новыя отношенія Бога къ человѣку и послѣдняго къ Богу (Рим. 8, 15—17); но такое міросозерцаніе не было плодомъ человѣческаго вѣдѣнія, и составляло предметъ Божіей мудрости, до послѣдняго времени въ тайнѣ сокровенной и теперь только вынаруженной Св. Духомъ (1 Кор. 2, 6—10). Вслѣдствіе этого оно возвѣщается не *въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ*, по примѣру знаній человѣческихъ, но въ явленіи Духа и силы, его сопровождающихъ (1 Кор. 2, 4. 5), и усвояется не помощію опытнаго знанія, но вѣрою (1 Кор. 1, 21) [2]).

---

[1]) На содержаніе этихъ первыхъ стиховъ, адресованныхъ къ общинѣ, слава которой разносилась по всему, извѣстному въ это время, міру (1, 8), но среди которой апостолъ еще не проповѣдывалъ, можно смотрѣть какъ на выраженіе сущности ученія о лицѣ Іисуса Христа, о служеніи и дѣлѣ котораго онъ далѣе бесѣдуетъ съ читателями.—Выраженіемъ: *по духу святыни* (κατὰ πνεῦμα) Апостолъ именно характеризуетъ ту святость, о которой самъ Іисусъ Христосъ говорилъ: *кто отъ васъ обличаетъ мя о грѣсѣ* (Іоан. 8, 46)?

[2]) Связь этого стиха съ предшествующимъ и послѣдующимъ ближе всего опредѣляется, если видѣть въ немъ главное указаніе на элементъ вѣры, доставляющей спасеніе въ противоположность знанію, не приведшему ни къ какимъ счастливымъ результатамъ въ нравственной области.

Такимъ образомъ какъ по содержанію, такъ по способу проповѣдыванія и усвоенія новое благовѣстіе было сверхъестественнымъ явленіемъ; оно было внесеніемъ въ міръ новаго божественнаго откровенія. И такимъ оно казалось для многихъ, слушавшихъ апостольское благовѣстіе: одни изъ нихъ готовы были принять проповѣдниковъ благовѣстія за боговъ, сшедшихъ съ неба для наученія и вразумленія людей (Дѣян. 14, 11—17), другіе—за небесныхъ вѣстниковъ божественной истины (Галат. 4, 14) третьи и вообще всѣ вѣрившіе благовѣстію признавали въ нихъ дѣйствительныхъ проповѣдниковъ слова Божія и только такое признаніе было для нихъ началомъ и основою перехода и обращенія въ христіанство (1 Θессал. 2, 13). Но среди ихъ были и такіе, для которыхъ новая проповѣдь казалась безуміемъ и соблазномъ (1 Кор. 1, 23), которые не только сами оставались равнодушными и безучастными къ новой, проповѣди, но старались удержать и другихъ отъ принятія ея, руководясь при этомъ или своими личными расположеніями и соображеніями, или нежеланіемъ давать ходъ новому ученію, грозившему нарушеніемъ единства религіознаго и общественнаго. Главною основою ихъ вражды было подавленіе въ себѣ религіознаго чувства, религіозной воспріемлемости, вслѣдствіе котораго благовѣстіе апостоловъ служило для нихъ не силою спасающею, но вонею, разоряющею и разрушающею ихъ плотскія мудрованія и вслѣдствіе этого смертоносно на нихъ дѣйствующею (2 Кор. 2, 15—16). Но помимо этого, нажитыя привычки и сложившійся образъ мысли оказывали сильное противодѣйствіе; еллинъ, воспитавшійся въ своей школьной мудрости, въ ней и искалъ спасенія; іудей, ожидавшій Мессіи, облеченнаго властію чудодѣйственнаго царя, не хотѣлъ вѣрить въ Распятаго; тотъ и другой недружелюбно относились къ новой проповѣди (1 Кор. 1, 23). Возникшая поэтому борьба охватила разныя націи и народы, іудеевъ и еллиновъ, рабовъ и свободныхъ;

но главное основаніе для противодѣйствія успѣху новой проповѣди и новаго ученія у всѣхъ было одно и тоже—оглашеніе новыхъ проповѣдниковъ не благовѣстниками божественнаго откровенія и ученія, но людьми, выдѣлившимися отъ одной изъ іудейскихъ сектъ, или вообще іудействующими, преслѣдующими при этомъ свои корыстные виды и цѣли, нарушителями и возмутителями общественнаго спокойствія. Это обвиненіе въ разныхъ видоизмѣненіяхъ повторялось повсюду (2 Кор. 1, 12: 2, 17; 4, 2; 1 Θессал. 2, 3—5; Дѣян. 16, 20. 21, 17, 7; 19, 26—28); въ виду его Апостолы прежде всего старались убѣдить своихъ послѣдователей въ томъ, что они дѣйствительные посланники Божіи, слуги Христовы и проповѣдники божественнаго откровенія, что возвѣщенное ими ученіе точно божественное, совершеннѣйшее ученіе (1 Кор. 4, 1; 1 Θесал. 2, 4; Гал. 1, 6—12). Въ доказательство этого они ссылались на высоту и глубину проповѣданнаго ученія, недоступныя человѣческому разумѣнію (1 Кор. 2, 7—10), на безкорыстіе служенія при проповѣди, предполагающее награду въ одномъ будущемъ вѣкѣ и отъ одного Бога (1 Θесс. 2, 4), а главнымъ образомъ на то озареніе и возвышеніе внутренняго сознанія, которымъ сопровождалось принятіе благовѣстія (Гал. 3, 5) и тѣ чудесныя нравственно-духовныя дѣйствія, которыя вынаруживались у принявшихъ благовѣстіе Христово (1 Кор. 12, 1—10; 1 Θессал. 1, 5). Торжествомъ своей борьбы они считали убѣжденіе своихъ послѣдователей въ дѣйствительности принятія ими откровеннаго, божественнаго слова (1 Θессал. 2, 13). Поступая такъ они однихъ дѣлали истинными поклонниками своего ученія, а другихъ врагами.

Такимъ образомъ сверхъестественность ученія была главнымъ и основнымъ элементомъ и въ проповѣди апостольской; съ убѣжденія въ ней начиналось обращеніе слушателей благовѣстія, убѣжденіемъ въ ней оканчивалось утвержденіе ихъ

въ новопринятомъ ученіи; равнымъ образомъ всѣ непріязненныя дѣйствія, направленныя противъ апостоловъ со стороны тѣхъ людей, для которыхъ ихъ слово не было спасительнымъ, начинались съ желанія ослабить вѣру у ихъ послѣдователей въ принятое ими ученіе, какъ божественное откровеніе. Но только совмѣстное сочетаніе сверхъестественности ученія съ сверхъестественностію дѣлъ наглядно намъ покажетъ, какимъ образомъ прежде всего одни изъ современниковъ Іисуса Христа убѣждались въ божественномъ Его величіи, а другіе дѣлались Его врагами, и затѣмъ, какъ Его ученики у однихъ успѣвали воспитать вѣру въ божественность своей проповѣди и ученія, а у другихъ вызывали противъ себя гоненія и преслѣдованія.

III.

Та дѣла, яже Азъ творю, свидѣтельствуетъ о мнѣ, яко Отецъ мя посла (Іоан. 5, 36).

Господи, къ кому идемъ, глаголы живота вѣчнаго имаши (Іоан. 6, 68).

Со времени правленія іудейскою землею Ирода Великаго, въ лицѣ котораго богоизбранное племя подпало владычеству иноплеменника, и въ особенности со времени подчиненія Іудеи власти Римлянъ, послѣ низложенія съ престола старшаго сына Иродова Архелая, мессіанскія движенія, направленныя къ сверженію чужеземнаго ига, усиливались среди іудейскаго народа, не могшаго помириться съ такимъ положеніемъ [1]). То было время всеобщаго ожиданія

---

1) Иродъ Великій сынъ Антипатра Идумеянина, устранившаго помощію интригъ отъ управленія іудейскою землею Маккавеевъ и сдѣлавшагося ея правителемъ подъ названіемъ прокуратора при помощи Римлянъ въ 47 г. до Р. Хр., былъ объявленъ іудейскимъ царемъ римскимъ сенатомъ въ 40 г., но полнымъ обладателемъ Іудеи сталъ собственно со времени завоеванія Іерусалима въ 37 г. до Р. Хр. Послѣ смерти его, послѣдовавшей въ 750 г. отъ основанія Рима, царство его было раздѣлено между тремя оставшимися сыновьями: Архелаю были даны въ управленіе Іудея, Идумея, Самарія съ приморскими городами Кесаріею и Іоппіею, Антипѣ, какъ четверовластнику, досталась Галилея и Перея, Филиппу остальныя восточноіорданскія области.

явленія на Востокѣ необыкновеннаго царя, время чаянія всеобщаго переворота, открытія новой эпохи, но въ бѣдственномъ состояніи іудейской націи обращавшагося и переходившаго въ непремѣнное желаніе пришествія — Мессіи царя, имѣвшаго облегчить печальную участь народа [1]). Многіе, пользуясь такимъ почти общимъ настроеніемъ и расположеніемъ избраннаго племени, дѣйствительно являлись въ видѣ ожидаемыхъ освободителей, увлекая и соблазняя народъ ложными обѣщаніями и надеждами. Страницы Іосифа Флавія, со времени описанія правленія Ирода великаго, наполнены исчисленіемъ такаго рода узурпаторовъ [2]). Но то мессіанское движеніе, которое началось въ іудейскомъ народѣ съ пятнадцатаго года правленія Тиверія Кесаря, при Понтіѣ Пилатѣ (Лук. 3, 1—15), было отлично отъ предшествовавшихъ какъ по своему характеру, такъ и по его руководителю. Во главѣ его сталъ великій праведникъ, мужъ высокой святости, проведшій дни своей жизни въ пустынѣ и исключительно посвятившій себя на служеніе Богу (Матѳ. 11, 7—11). Явясь въ пустынѣ іудейской, лежавшей на границѣ колѣнъ Веніаминова и Іудина, въ юговосточной сторонѣ святой земли, въ разстояніи отъ шести до восьми часовъ пути отъ Іерусалима, Іоаннъ Креститель началъ свою проповѣдь не съ возбужденія мессіанскихъ надеждъ политическаго характера, не съ обѣщанія освобожденія отъ иноплеменнаго ига помощію оружія, но съ призванія къ покаянію, къ очищенію и исправленію нравственныхъ недуговъ, съ указанія на праведный грядущій судъ, въ виду

---

[1]) Въ Римѣ авгуры и оракулы говорили о предстоящемъ переворотѣ въ мірѣ и имѣющей послѣдовать казни злодѣевъ; въ Египтѣ появленіе чудной птицы Феникса предуказывало на предстоящее возрожденіе вселенной (см. Hausrath, Neutest. Zeitgesch. 1873. 1. 310—312).

[2]) Antiquitat. Flavii Iosephi Amsterd. 1726. кн. 17 гл. 8. 9. 10 и дал.

приближающагося и наступающаго знаменательнаго времени. Призывая народъ къ упра́чеванію застарѣлыхъ язвъ, онъ говорилъ большею частію словами древнихъ великихъ пророковъ (ср. Матѳ. 3, 3—10; Исаіи гл. 1. 3), и его проповѣдь въ этомъ отношеніи не представила бы ничего особеннаго, кромѣ уклоненія отъ общепринятаго пути очищенія, указываемаго іудейскими учителями и законниками, и непосредственнаго воззванія къ нравственному чувству и голосу совѣсти вмѣсто обращенія къ очистительнымъ жертвамъ и обрядамъ покаянія [1]), практикуемымъ въ современномъ іудейскомъ обществѣ, еслибы не сопровождалась особыми знаменательными словами, указывавшими на приближеніе небеснаго царства (*покайтеся, приближибося царствіе небесное*) и скоро имѣющее послѣдовать явленіе Мессіи (*грядетъ крыплій мене во слѣдъ мене* Марк. 1, 7). Эти-то послѣднія обѣщанія давали его проповѣди то практическое всеобъемлющее значеніе, вслѣдствіе котораго на ея зовъ стекались жители не только іорданской равнины и ея окрестностей, но и всей Іудеи съ Іерусалимомъ и Галилеи (ср. Матѳ. 3, 5; Лук. 3, 10—14); жители разныхъ классовъ и состояній, воины и даже мытари, спрашивали его о средствахъ, открывающихъ входъ въ проповѣдуемое имъ царство (Лук. 3, 10—14); ревность къ проповѣди, обѣщавшей открытіе новой эпохи была такъ велика, что каждый изъ нихъ изъ устъ самаго Іоанна желалъ услышать наставленіе, какимъ образомъ ему слѣдуетъ устроить свою жизнь, дабы быть готовымъ ко встрѣчѣ новаго царства. Для доставленія большей силы своей проповѣди, звавшей къ нрав-

[1]) Конечно и въ этомъ уклоненіи отъ общепринятаго обычая со стороны Іоанна Крестителя былъ сдѣланъ весьма важный и рѣшительный шагъ при господствѣ въ это время преданій; но имъ онъ только сближался съ древними пророками, которые такимъ же путемъ желали исправлять своихъ современниковъ.

ственному возрожденію, Іоаннъ Предтеча установилъ крещеніе покаянія (βάπτισμα μετανοίας Марк. 1, 4,) или, какъ ближе опредѣляетъ св. Матѳей, крещеніе для покаянія (εἰς μετάνοιαν 3, 11), т. е. для того, чтобы покаяніе при исповѣди грѣховъ завершалось въ этомъ знаменательномъ дѣйствіи. И народъ спѣшилъ креститься отъ него въ такомъ видѣ; одни книжники и фарисеи оставались выжидавшими зрителями и наблюдателями совершавшагося во кругъ нихъ не потому конечно, чтобы они не раздѣляли мессіанскихъ вѣрованій народныхъ, но потому, что по своимъ воззрѣніямъ считали излишнимъ для себя нравственное возрожденіе и самое мессіанское царство они мыслили совершенно не въ томъ видѣ, въ какомъ предуказывалъ Іоаннъ Креститель (ср. Матѳ. 3, 7—11; Лук. 7, 30).

Явясь съ такою великою миссіей, Іоаннъ Креститель не потому выступилъ, что, живя въ пустынѣ, не могъ уединиться отъ тѣхъ ожиданій, которыми былъ преисполненъ современный языческій и іудейскій міръ, и проникнувшись ими, желалъ уврачевать недуги своего народа благотворными и спасительными уроками, вынесенными изъ пустынной жизни (одно прислушиваніе къ тревожнымъ ожиданіямъ не могло побудить его выступить въ качествѣ самаго близкаго и непосредственнаго предвѣстника Мессіи) [1]), равнымъ образомъ не потому, что пустынною уединенною жизнію въ мѣстности, освященной памятными историческими преданіями и воспоминаніями, онъ приготовилъ себя къ подобной миссіи (мѣстность около мертваго моря въ это время славилась многими строгими подвижниками [2]), но при строго—подвижнической жизни, при изученіи пророческихъ писаній, онъ узрѣлъ, по озаренію свыше, въ наступившихъ обстоятельствахъ предуказаніе на то завѣтное время, когда вѣковыя ожиданія Израиля должны были исполниться и по

[1]) Keim, Gesch. Iesu. 1875 г. 124—126.

[2]) *Фаррара*, Жизнь І. Христа въ переводѣ *Матвѣева*. 1876 г. 56—60.

тому же внушенію свыше сдѣлался тѣмъ ангеломъ, который предъ лицемъ Мессіи долженъ былъ уготовить путь (ср. Малах. 3, 1; Матѳ. 11, 9. 10). Вслѣдствіе этого полномочія свыше онъ является учредителемъ одного изъ тѣхъ знаменательныхъ дѣйствій (крещенія съ исповѣдію грѣховъ), которыя устанавливать по освященнымъ іудейскимъ преданіямъ считалось возможнымъ для лицъ свыше посланныхъ (ср. Матѳ. 21, 23—27). Не смотря на все это, призывая народъ къ нравственному возрожденію при такомъ знаменательномъ дѣйствіи, которое явно указывало въ немъ божественнаго посланника, Іоаннъ Креститель открыто говорилъ приходившимъ къ нему креститься, что, самъ по себѣ, онъ еще не владѣетъ тою творческою силою, которая способна была бы возсоздать ихъ духъ, указать ему новое жизненное направленіе, окончательно уврачевать его недуги, что такою дивною животворною силою располагаетъ Тотъ, который идетъ во слѣдъ его; его же все служеніе ограничивается призваніемъ ихъ къ тому внутреннему очищенію и исправленію, которое сдѣлало бы ихъ готовыми къ воспринятію этого новаго Возсоздателя и Спасителя ихъ душъ (*азъ крещаю вы водою въ покаяніе; грядый же по мнѣ.... той вы крестить Духомъ Святымъ и огнемъ.* Матѳ. 3, 11).

Когда проповѣдь Крестителя, преисполненная строгихъ нравственныхъ требованій, въ виду скоро имѣющаго придти Мессіи, произвела такое могущественное вліяніе на народъ іудейскій, что изъ среды его явились многіе искатели проповѣдуемаго царства (Матѳ. 11, 12), готовые въ самомъ Іоаннѣ видѣть его основателя (Лук. 3, 15), когда голосъ ея достигъ самыхъ крайнихъ предѣловъ Іудеи и Галилеи и отовсюду собирались послушать его, тогда среди проникнувшихся новыми чаяніями и ожиданіями и во имя ихъ шедшихъ креститься приходитъ къ Іоанну Самъ Исполнитель предрекаемаго и предуказываемаго и требуетъ крещенія. Онъ не изнемогаетъ и не чувствуетъ себя безсильнымъ предъ величіемъ и трудностію предстоящей миссіи, подобно

Іоанну Крестителю (Лук. 3, 15. 16); напротивъ, сознавая себя вполнѣ могучимъ и властнымъ для ея осуществленія. Онъ обращается къ Іоанну, отказывавшемуся крестить Его съ требованіемъ (*подобаетъ-πρέπον ἐστίν-намъ исполнити всяку правду* Матѳ. 3, 15) совершить надъ нимъ это послѣднее свыше установленное напутствіе для выступленія на поприще новаго служенія. Такимъ образомъ Онъ крестится не по сознанію собственной грѣховности, подобно пришедшимъ вмѣстѣ съ Нимъ [1]), не какъ представитель чужой вины [2]), или желавшій внутренно отдѣлить себя отъ грѣховъ другихъ [3]), также не для освященія только въ своемъ лицѣ крещенія [4]), но признавая въ Іоаннѣ божественнаго посланника (Матѳ. 11, 10. 11) и въ совершаемомъ имъ крещеніи божественное учрежденіе (Матѳ. 21. 25—27), Онъ принимаетъ его для того, чтобы предъ лицемъ установившаго его явиться Тѣмъ, во имя котораго послѣдній выступилъ съ своею проповѣдію (Іоан. 1, 31—34). Вслѣдствіе этого Его крещеніе, не по примѣру другихъ, сопровождалось особаго рода знаменіями, открытіемъ небесъ, сошествіемъ св. Духа въ видѣ голубя (σωματικῷ εἴδει ὡς περιστεράν Лук. 3, 22) и гласомъ съ неба, указывавшемъ въ немъ такое лице, въ которомъ, какъ въ Сынѣ, почиваетъ все благоволеніе Бога, сосредоточивается все то, чѣмъ Онъ можетъ облагодатствовать родъ человѣческій (Матѳ. 3, 16. 17. Марк. 1, 10, 11; Лук. 3, 21. 22). Но такое знаменательное явленіе, свидѣтельствовавшее о величіи дѣятеля, выступившаго подъ его прикрытіемъ, было доступно пока только взору Самаго выступившаго и напутствовавшаго Его на новое служеніе. По прямому евангельскому сказанію небеса открылись и Богъ явился говорящимъ въ видѣ Отца и Св. Духъ сходя-

---

[1]) Strauss, Leben Iesu, 1864. 195.

[2]) Ѳеофилактъ.

[3]) *Lange*, Leben Iesu II, 1. 176.

[4]) Арх. *Михаилъ*.

щимъ въ видѣ голубя только Имѣвшему сдѣлаться благовѣстникомъ новаго божественнаго домостроительства и Его предвѣстнику, какъ способному проникнуть въ смыслъ и значеніе этого знаменательнаго явленія (Матѳ. 3, 16. 17; Лук. 3, 21. 22; Іоан. 1, 31–34) [1]), откровеніе и прославленіе Его для другихъ предстояло еще въ будущемъ времени.

Послѣ такого видимаго благодатствованія Основоположнику новозавѣтнаго откровенія, какъ причастному на-

---

[1]) Отрицательная критика въ лицѣ однихъ представителей старается совершенно изгнать чудесность изъ этого знаменательнаго событія и обратить ее въ одну достопамятную встрѣчу Іисуса Христа съ Іоанномъ Крестителемъ, преисполнившую особымъ духомъ новозавѣтнаго благовѣстника и послужившую основою для евангельскаго благовѣстія (*Wittichen*, Das Leben Iesu, 1876. 80. 81. *Hase*, Gesch. Iesu, 1876 § 38), въ лицѣ другихъ желаетъ обратить ее въ образное символическое представленіе того, что происходило внутри Іисуса Христа при совершеніи крещенія (*Schenkel*, 1873. 46. 47). Но чудесность этого событія только въ такомъ случаѣ могла бы возбуждать противъ себя дѣйствительныя недоумѣнія, когда евангельскія сказанія представили бы ее зримою для всѣхъ крестившихся; тогда непонятнымъ для насъ было бы, почему всѣ присутствовавшіе при видѣ такой необычайной знаменательности тотчасъ не признали его ниспосланнымъ Мессіею и для чего въ послѣдствіи времени со стороны Іисуса Христа требовалось столько усилій для воспитанія вѣры въ Себя, какъ божественнаго посланника. Но въ томъ то и дѣло, что евангельскія сказанія чудесность этого событія ограничиваютъ созерцаніемъ Богочеловѣка (ἀνεῴχθησαν αὐτῷ οἱ οὐρανοί, καὶ εἶδεν τὸ πνεῦμα τοῦ θεοῦ... Матѳ. 3, 16. 17 ср. Лук. 3, 21. 22) и свидѣтельствомъ Іоанна Крестителя (Іоан. 1, 32—34). Заподозрѣвать же дѣйствительность чудесности явленія въ этомъ видѣ значило бы отказываться отъ правильнаго пониманія дальнѣйшихъ событій евангельской исторіи, тѣсно съ нимъ связанныхъ. Тогда непонятными для насъ былибы а) непосредственная связь выступленія Іисуса Христа на общественное служеніе съ крещеніемъ, единогласно свидѣтельствуемая всѣми четырьмя евангелистами; б) живое воспоминаніе со стороны Іисуса Христа объ Іоаннѣ Крестителѣ, важности и значеніи установленнаго имъ крещенія (Матѳ. 11. 7—14; Лук. 7, 23—32; Матѳ. 21, 23.–32); в) отвѣтъ Іисуса Христа, данный посланнымъ Іоанна Крестителя съ легкимъ упрекомъ за невѣріе (Матѳ. 11, 1—6 и паралл.). Надлежащее пониманіе и объясненіе этихъ событій не возможны безъ предположенія необычайной чудесности, послѣдовавшей при совершеніи крещенія, и послужившей основою для описанія ихъ въ такомъ видѣ.

шего естества и слѣдовательно не чуждому нашихъ слабостей, предстояло подвергнуться испытанію при выступленіи на столь скромное и тяжелое служеніе и при обладаніи такими могучими и непобѣдимыми силами. Какъ Обладателю и Распорядителю такихъ необычайныхъ силъ, Ему безъ труда можно было завоевать себѣ почетное мѣсто между могучими и сильными этого міра. Народное чаяніе и народныя надежды звали Его къ этому (Іоан. 6, 15); но опредѣленіе и воля небеснаго Отца указывали на служеніе другаго рода (Матѳ. 26, 39. 42. Іоан. 6, 38—40). Трудность и серьезность приближающагося момента требовали уединеннаго размышленія, подобно тому какъ предстоявшая чаша страданій звала на уединенную молитву (Матѳ. 26, 39. 42 и парал.). Евангельское сказаніе согласно полагаетъ мѣстомъ такого испытанія пустыню, по всей вѣроятности, іудейскую (ср. Матѳ. 3, 1; 4. 1), лежавшую вдоль береговъ мертваго моря. Эта пустыня представляется мѣстомъ всякаго страха и ужаса, мѣстомъ дикихъ звѣрей (Марк. 1, 12. 13); ужасъ пустыни тѣмъ болѣе возрасталъ въ глазахъ Богочеловѣка, что Онъ оставался въ ней одинъ. Здѣсь—то взору небеснаго Посланника представлялись тѣ пути, которыми Онъ долженъ былъ привесть въ исполненіе цѣль своего пришествія на землю: какой путь избрать для основанія своего царства на землѣ? путь-ли указываемый народнымъ чаяніемъ и ожиданіемъ и кажущійся болѣе легкимъ и удобнымъ, или предназначаемый небеснымъ Отцемъ и обрекающій на тяжелыя страданія и жертвы? быть-ли Ему желаемымъ царемъ іудейскимъ (Іоан. 6, 15) и проложеннымъ путемъ стремиться къ чести и славѣ, или быть осужденнымъ на крестную смерть и тяжкими страданіями стяжать неувядаемый вѣнецъ славы (Филипп. 2, 5—11)? Таковы были тѣ вопросы, которые возникали въ душѣ Богочеловѣка предъ выступленіемъ на общественное служеніе и которые Онъ хотѣлъ предрѣшить въ уединеніи. Сатана сторожилъ за каждымъ малѣйшимъ движеніемъ мысли Богочело-

вѣка и конечно старался представить второй путь труднымъ и неудобовыполнимымъ. Кратко и немногословно описываетъ эту борьбу евангелистъ Маркъ (1, 12. 13); гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе говорятъ о ней евангелисты Матѳей и Лука (4, 1—11; 4, 1—13); они именно хотятъ въ живой наглядности представить характеръ тѣхъ испытаній, которыя необходимо было препобѣдить Богочеловѣку прежде выступленія на общественное служеніе [1]). Полное самообладаніе, полное самоотреченіе и всецѣлое посвященіе себя высшему небесному служенію, вотъ тѣ нравственныя совершенства, съ которыми выступилъ Богочеловѣкъ торжествующимъ изъ этой борьбы. *Въ силѣ духовнѣй* (ἐν τῇ δυνάμει τοῦ πνεύματος), какъ замѣчаетъ евангелистъ Лука, Онъ возвратился послѣ этихъ испытаній въ Галилею (4, 14) [2]).

Съ этимъ-то духомъ, не побѣжденнымъ въ испытаніи, но вышедшимъ побѣдителемъ и оставшимся въ своей силѣ (ἐν τῇ δυνάμει) Іисусъ Христосъ, по сказанію трехъ евангелистовъ, послѣ заключенія Іоанна подъ стражу, является въ Галилеѣ, *проповѣдая евангеліе царствія Божія* (Марк. 1, 44; Матѳ. 4, 12; Лук. 3, 14. 15) [3]). Выраженіемъ этой про-

---

[1]) Какъ видно изъ замѣчанія ев. Луки 4, 13, искушеніямъ Богочеловѣкъ подвергался и въ остальное время своей земной жизни, но главнымъ образомъ по всяческимъ Онъ былъ искушенъ теперь (Евр. 4, 15).

[2]) Внутренняго смысла и значенія исторіи искушенія не отвергаютъ самые послѣдніе отрицательные критики (см. O. *Pfleiderer*, Zeitschr. für Wiss. Theolog. 1870. 188—213), они только возстаютъ противъ внѣшней ея формы, но въ этомъ отношеніи мнѣнія ихъ крайне неопредѣленны и сбивчивы (см. Meyer, Komment. üb. evangel. Matth. 1864. 122—127).

[3]) Не имѣя въ виду излагать всю евангельскую исторію, но, согласно плану, желая въ краткомъ историческомъ очеркѣ представить результаты того вліянія, которое производила на современниковъ необычайность дѣлъ вмѣстѣ съ необычайностію ученія, авторъ для достиженія цѣли избралъ краткое евангельское сказаніе Марка, выбирая изъ него важнѣйшія событія и по мѣстамъ восполняя ихъ сказаніями изъ другихъ евангелій.—Всѣ три первые евангелиста начинаютъ свое повѣствованіе съ заключенія Іоанна Крестителя подъ стражу и съ описанія мессіанской дѣятельности Іисуса Христа въ Галилеѣ, но этимъ

повѣди, опредѣляющимъ ея содержаніе, и характеризующимъ ея направленіе служили слова: *исполнися время и приближися царствіе Божіе: покайтеся, и вѣруйте во евангеліе* (Марк. 1, 15). Исполнилось (πεπλήρωται) время прообразовъ, пророческихъ предуказаній и предреченій; все, что слѣдовало сдѣлать въ этомъ отношеніи, сдѣлано, — „всѣ пророки и законъ до Іоанна пророкли" (Матѳ. 11, 15); наступило время ихъ исполненія. Вмѣстѣ съ этимъ миновало время педагогическаго воспитанія и раболѣпнаго отношенія къ своимъ нравственнымъ обязанностямъ, пришла пора свободнаго сыновняго къ нимъ расположенія (Гал. 3, 24. 25; 4, 1—7). Явилось (ἤγγικεν) то царство, о которомъ такъ давно вѣщали Духомъ воздвигаемые пророки; но это царство не внѣшнихъ правъ и привиллегій, не одного избраннаго народа, но царство внутреннихъ нравственныхъ совершенствъ и доблестей и всѣхъ тѣхъ, которые, владѣя послѣдними, войдутъ въ него (Матѳ. 5, 1—10); въ немъ всѣ чистіи сердцемъ, безъ различія происхожденія, узрятъ Бога (Матѳ. 5. 8). Это царство не этого міра, которое приходитъ и водворяется съ соблюденіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ примѣтъ, внѣшняго блеска и величія, но внутренняго, которое созидается и устрояется невидимымъ и незримымъ путемъ (Іоан. 19, 36; Лук. 17, 20. 21). Зиждителемъ и Основателемъ этого царства есть тотъ же Богъ, устроившій царство ѳеократическое, но согласно качеству этого царства и внутреннему расположенію вступающихъ въ него Онъ является въ немъ не въ видѣ повелѣвающаго владыки, но любвеобильнаго и милосердаго Отца небеснаго (Матѳ. 21, 33—41;

они не исключаютъ повѣствованія, евангелиста Іоанна, описывающаго предварительно дѣятельность Іисуса Христа въ Іудеѣ: 1) Ирода Антипа не могъ взять подъ стражу Іоанна Крестителя въ Іудеѣ, въ которой онъ началъ крестить (Матѳ. 3, 1), но въ той мѣстности, куда онъ послѣ удалился по сказанію ев. Іоанна (3, 23. 24; 2) рядъ мессіанскихъ дѣлъ въ томъ видѣ, въ какомъ они описаны у трехъ первыхъ евангелистовъ, могъ начаться только послѣ предварительной дѣятельности.

22. 1—14 и парал. Лук. 19, 12—27; Матѳ. 5, 48; 6, 1—18 26. 32 и др.). Въ ученіи и проповѣди объ открытіи и устроеніи такого царства заключается все величіе, все нравственное совершенство новозавѣтнаго домостроительства сравнительно съ ветхозавѣтнымъ: изъ него уже исключается политическій элементъ такъ тѣсно связанный съ ветхозавѣтною ѳеократіей, идея религіи выступаетъ въ немъ во всей своей глубинѣ и чистотѣ; по своему внутреннему характеру оно является царствомъ, обнимающимъ все человѣчество, до крайности разрозненное въ своихъ стремленіяхъ и интересахъ; всѣ способные видѣть въ Богѣ небеснаго Отца, велящаго сіять солнцу надъ злыми и добрыми и посылающаго дождь на праведныхъ и неправедныхъ, могутъ быть сынами этого новаго царства; двери его открываются для всѣхъ; для входа въ него требуются не происхожденіе и рожденіе отъ извѣстнаго избраннаго племени, не извѣстныя кровавыя очистительныя жертвы, но всѣмъ одинаково доступныя одни духовныя качества: *покаяніе и вѣра* (μετανοεῖτε καὶ πιστεύετε). Покаяніе, согласно характеру царства, будетъ состоять не въ одномъ очищеніи и исправленіи нравственныхъ недостатковъ, чего собственно требовалъ Іоаннъ Креститель, взывая къ нравственному долгу и нравственнымъ обязанностямъ, тѣмъ болѣе не въ выполненіи покаянныхъ очистительныхъ обрядовъ, требовавшихся современными іудейскими законниками, но въ усвоеніи и развитіи новаго нравственнаго чувства — сыновняго расположенія и сыновней любви къ Отцу небесному, не допускавшихъ оскорбленія Его не только дѣломъ и словомъ, но даже мыслію и незаконнымъ желаніемъ, даже сокрытымъ преступнымъ движеніемъ сердца, отображающимся только въ глазахъ и на устахъ (Матѳ. 5, 20—48). Высшаго нравственнаго чувства въ отношеніи къ Богу и ближнему, способнаго охватить и видоизмѣнить всѣ жизненныя отравленія человѣческаго духа, не указала ни одна религія. Основою для такого возвышеннаго чувства служитъ вѣра въ

благовѣстіе (ἐν τῷ εὐαγγελίῳ) или Проповѣдника благовѣстія, который говорилъ, что теперь дѣйствительно открылся тотъ благодатный моментъ въ божественномъ домостроительствѣ, когда божество въ Его лицѣ тѣснѣйшимъ образомъ соединяется съ человѣчествомъ, когда небо объединяется съ землею и небесныя силы служатъ для блага людей (Матѳ. 11, 27; Іоан. 1, 51). Такое благовѣстіе служитъ основою этого царства на землѣ, завершеніе же его послѣдуетъ на небѣ гдѣ всѣ указываемыя имъ блага осуществятся (Матѳ. 25, 31—46). Таковы были существенныя характеристическія черты того ученія, съ которымъ Іисусъ Христосъ явился въ Галилеѣ, проповѣдуя евангеліе царствія, уже по заключеніи Іоанна въ темницу; таково было то новозавѣтное домостроительство, основоположникомъ котораго Онъ дѣлался.

Для распространенія проповѣди и ученія о такомъ домостроительствѣ, для пріобрѣтенія послѣдователей новаго царства, Іисусъ Христосъ изъ числа внимавшихъ Его слову прежде всего избралъ небольшой кружокъ, ограничивавшійся четырьмя преданнѣйшими дѣятелями (Марк. 1, 16—20.) Встрѣчаясь съ дѣтства съ книжными людьми іудейскаго народа (Лук. 2, 41—49), съ его законниками и старѣйшинами, съ представителями разныхъ сектъ, его раздѣлявшихъ, онъ видѣлъ, что эти люди уже изжившіеся въ преданіяхъ отцевъ, въ унаслѣдованныхъ понятіяхъ о Мессіи и мессіанскомъ царствѣ, не будутъ способны облечься силою новаго ученія (Марк. 2. 18—22;) ихъ изстарѣвшійся духъ потерялъ уже способность возродиться и обновиться свѣжими мощными силами новаго божественнаго откровенія, и потому взоръ Его при выступленіи на общественное служеніе обратился на Галилею, вдали лежавшую отъ ѳеократическаго центра—Іерусалима. Здѣсь онъ видѣлъ почву, болѣе благопріятную для сѣянія сѣмянъ своего слова. Между жителями избраннаго имъ для дѣятельности Капернаума Онъ нашелъ людей съ не испорченнымъ сердцемъ, съ непредвзятыми

взглядами; съ нѣкоторыми изъ нихъ Онъ встрѣчался еще въ Іудеѣ тотчасъ послѣ крещенія (Іоан. 1, 35—42) [1], и бесѣдуя съ ними, убѣдился въ ихъ полной способности быть Его послѣдователями, но давая время свободному освоенію съ новымъ ученіемъ, Онъ теперь только при вторичной встрѣчѣ съ ними на берегу роднаго ихъ озера, доставлявшаго имъ пропитаніе рыбною ловлею, звалъ ихъ быть Его учениками, давая при этомъ имъ одно обѣщаніе—сдѣлать ихъ ловцами людей вмѣсто рыбъ. По внутреннему расположенію готовые повиноваться Его мановенію, они, вслѣдствіе общихъ народныхъ религіозныхъ вѣрованій, еще желали видѣть завѣреніе отъ Него, какъ провозвѣстника новаго откровенія, въ дѣйствительности Его божественнаго посланничества. Чудесная ловитва рыбъ съ успѣхомъ выполненная по Его указанію, довершила надъ ними окончательную побѣду и они сдѣлались одними изъ числа самыхъ ревностныхъ и преданныхъ Ему послѣдователей и дѣятелей (ср. Марк. 1, 16—20; Матѳ. 4, 18—22; Лук. 5, 1—11; Іоан. 1, 35—5 [2]).

Въ сопровожденіи этихъ четырехъ ближайшихъ учениковъ Іисусъ Христосъ начинаетъ свое мессіанское служеніе въ Галилеѣ проповѣдію въ капернаумской синагогѣ, представлявшей по своимъ учрежденіямъ болѣе соотвѣт-

---

[1] Могло быть, что первые ученики Іисуса Христа были въ числѣ ближайшихъ послѣдователей Іоанна Крестителя (Іоан. 1, 35—42); или въ числѣ тѣхъ пилигримовъ, которые съ далекихъ мѣстъ приходили къ Іоанну креститься.

[2] Указанныя евангельскія сказанія о призваніи учениковъ отрицательная критика считаетъ не примиримыми (см. Wittichen, Leb. Iesu 1876· 89—92; Меуег. 131. 132), потому что а) въ повѣствованіяхъ Іоанна 1, 35—42 видитъ не предварительное знакомство съ ними и 2, 2. 12. 17. 22 не предварительное путешествіе съ ними, какъ ближайшими послѣдователями въ нѣкоторыя мѣста Галилеи и Іудеи, но дѣйствительное ихъ призваніе; б) въ повѣствованіи Луки встрѣчаетъ съ этимъ призваніемъ связаннымъ необычайное чудо. То и другое при надлежащемъ возстановленіи событія безъ особеннаго труда устраняется.

ствующее мѣсто для распространенія Его ученія [1]). Евангелисты не передаютъ намъ сущности содержанія этой проповѣди, но судя по впечатлѣнію, ею оставленному, слѣдуетъ полагать, что по предмету она была близка къ недавно представленной общей характеристикѣ евангельскаго благовѣстія (ст. 15). Недавно изобразивъ сущность евангельской проповѣди, евангелистъ Маркъ, можетъ быть вслѣдствіе этого уклонился отъ болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ первою бесѣдою, выражавшею ея содержаніе. Во всякомъ случаѣ только своею новизною она могла заставить говорить о себѣ; вслѣдствіе ея необычайности присутствовавшіе могли составить такое заключеніе о виновникѣ ея, что Онъ учитъ некакъ вооруженный книжною мудростію, но какъ обладающій властію, т. е. какъ свыше облеченный правомъ (согласно народнымъ представленіямъ о каждомъ вновь выступающемъ необычайномъ учителѣ) открывать такія истины, какихъ не могъ изречь воспитавшійся подъ руководствомъ книжной мудрости. Сила проповѣди была тѣмъ впечатлительнѣе, что сопровождалась необычайнымъ образомъ совершенымъ исцѣленіемъ бѣсноватаго, находившагося въ собраніи. Среди іудеевъ какъ и среди язычниковъ въ это время было не мало одержимыхъ нечистыми духами; но исцѣленіемъ ихъ славились одни іудейскіе экзорцисты, употреблявшіе при этомъ разнаго рода заклинательныя молитвы, иреговоры и коренья невѣдомыхъ травъ [2]); Іисусъ же Христосъ исцѣляетъ однимъ словомъ. Это производитъ общее удивленіе и изумленіе; всѣ поражены тѣмъ, что съ новизною ученія соединяется необычайный даръ врачеванія

---

[1]) Синагога, какъ учрежденіе послѣднихъ столѣтій предъ Рожд. Хр. въ въ своемъ управленіи не была стѣснена строгими опредѣленіями Закона. Въ ней каждый присутствовавшій по вызову ли начальника Синагоги или по соб. ственному желанію могъ учить и проповѣдовать (Лук. 4, 15—19; Дѣян. 17, 2. 17; 18, 4).

[2]) Flavii Josephi opera omnia Amsterdami 1726 Г. 1. 11. Antiquit. lib. 8. c. 2. 5.

недуговъ (Марк. 1, 21—27). Эти-то два элемента *чудесный* и *учительный*, въ такомъ необычайномъ видѣ вынаружившіеся въ первое время общественнаго служенія Іисуса Христа, повторяются въ немъ и во все послѣдующее его время: они-то и составили ту руководительную силу, которая, развиваясь, видоизмѣнялась и повторялась въ дальнѣйшей жизни основоположника новозавѣтнаго откровенія, однихъ расположила къ Нему и открыла имъ въ Немъ истиннаго Сына Божія, другихъ воружила противъ Него и послужила для нихъ благовидною причиною къ Его осужденію.

Какъ и слѣдовало ожидать, оба эти элемента въ дальнѣйшемъ проявленіи и обнаруженіи, поочередно выступая и смѣняясь, должны были взаимно поддерживать, подкрѣплять и восполнять другъ друга. Безъ этого взаимодѣйствія идеальнѣйшія истины, возвѣщенныя благовѣстникомъ новозавѣтнаго откровенія не сдѣлались бы предметомъ религіознаго вѣрованія и остались бы безъ практическаго приложенія; равнымъ образомъ величайшія чудотворенія остались бы одними загадочными событіями, еслибы при совершеніи ихъ не раздавался голосъ божественной истины. Проповѣдь Іоанна Крестителя потому произвела такое сильное движеніе въ іудейской націи и привлекла къ себѣ массы народа, что говорила о близко-предстоящемъ откровеніи мессіанскаго царства; грядущій Мессія и Его царство были въ ней тѣмъ практическимъ элементомъ, который придавалъ ей всеобъемлющее значеніе; безъ этого она могла остаться голосомъ, раздающимся въ пустынѣ, подобно проповѣди древнихъ великихъ пророковъ. Благовѣстіе Іисуса Христа при всемъ величіи, при всей высотѣ открываемыхъ имъ истинъ, могло бы не привлечь къ себѣ множества послѣдователей, еслибы не сопровождалось чудодѣйственною силою, возбуждавшею и внушавшею вѣру въ Проповѣдника его, какъ божественнаго посланника; чудотворенія составляли въ немъ то реальное основаніе, которое въ глазахъ современниковъ придавало ему божественное значеніе и при-

плекало къ нему вниманіе многихъ. Потому-то Іисусъ Христосъ не отказывался совершать чудеса въ кругу уже увѣровавшихъ и преданныхъ послѣдователей и величайшія чудотворенія совершалъ только въ присутствіи ихъ; вообще же Онъ считалъ совершеніе чудесъ элементомъ, совмѣстнымъ съ своимъ служеніемъ. Тотчасъ, послѣ такого величественнаго ознаменованія себя въ капернаумской синагогѣ, Іисусъ Христосъ въ сопровожденіи тѣхъ же послѣдователей пришелъ въ домъ призваннаго ученика Симона и здѣсь исцѣлилъ его тещу, лежавшую въ горячкѣ, посредствомъ одного приподнятія ея съ постели [1]). Молва о двухъ необычнымъ образомъ совершенныхъ исцѣленіяхъ до того распространилась по городу, что со всѣхъ сторонъ стали привозить къ Нему больныхъ и бѣсноватыхъ. Врачуя и исцѣляя ихъ, Іисусъ Христосъ тѣмъ нименѣе не хотѣлъ прежде времени распространять о Себѣ слухъ какъ о какомъ-то необыкновенномъ дѣятелѣ; кромѣ того не славою и не однимъ именемъ чудотворца Онъ желалъ привлекать къ

---

[1]) Послѣ приведенныхъ доказательствъ въ пользу сверхъестественной чудесности въ жизни Іисуса Христа (стр. 106—160) считаемъ не лишнимъ по мѣстамъ указывать ту легкость объясненія, вооружившись которою современные отрицательные критики превращаютъ необычайное чудо въ обыкновенное явленіе, Шенкель считая исторію исцѣленія тещи ап. Петра не измышленною вопреки Кейму (стр. 68, 69), старается отождествить ее съ легкимъ нервнымъ разстройствомъ, которое не трудно было уврачевать, по примѣру нынѣ представляющихся опытовъ, пользовавшемуся уваженіемъ учителю. Стоило взять за руку разстроенную женщину, чтобы болѣзнь оставила.. Но въ томъ-то и дѣло, что, слѣдуя евангельскому описанію (ср. Лук. 4, 38 *огнемъ великимъ*) нельзя видѣть съ этой болѣзни нервнаго разстройства. По наблюденію современныхъ путешественниковъ (*Robinson*, Palaestina 3 стр. 560) въ низменныхъ мѣстахъ около Геннисеретскаго озера и теперь нерѣдко бываютъ эпидемическія лихорадки, которыя по своему упорству не легко поддаются леченію. Чтобы провесть аналогію между леченіемъ нервныхъ больныхъ и разстроенныхъ женщинъ въ настоящее время и исцѣленіемъ тещи ап. Петра, необходимо представить послѣднюю женщиною изнѣженною и подверженною припадкамъ мнительности. Но такое представленіе едвали бы гармонировало съ положеніемъ женщины изъ бѣднаго класса.

Себѣ вниманіе своихъ послѣдователей (Марк. 1, 21—34). Вслѣдствіе этого еще на разсвѣтѣ Онъ оставилъ городъ и удалился въ пустынное мѣсто для подкрѣпленія Себя молитвою въ столь трудномъ подвигѣ (ст. 35). Ближайшіе Его послѣдователи, найдя Его въ уединеніи и удивляясь такому внезапному Его уходу, съ изумленіемъ сказали Ему: «всѣ тебя ищутъ». Но Онъ, указавъ имъ на то, что проповѣдь есть ближайшая цѣль Его служенія, отправился съ ними въ окрестныя города и села для исполненія этой миссіи въ такомъ видѣ. Не смотря на это, и въ этихъ новыхъ мѣстахъ Онъ не могъ отказаться отъ приложенія къ дѣлу обладаемаго дара чудотворенія. Испѣляя бѣсноватыхъ, Онъ исцѣлилъ одного одержимаго проказою, и также необычно какъ и прежнихъ больныхъ, чрезъ одно прикосновеніе руки больной выздоровѣлъ. Запрещая при этомъ Ему разглашать о такомъ необычномъ способѣ исцѣленія, Онъ заповѣдалъ ему выполнить всѣ узаконенные обряды касательно очищенія отъ этой болѣзни. Такого выполненія требовали прежде всего характеръ болѣзни, считавшейся опасною въ обществѣ, затѣмъ узаконенная святость учрежденій (1, 36—45) [1]).

Когда прошло нѣсколько времени послѣ перваго пребыванія въ Капернаумѣ и можно было ожидать, что молва о необычайномъ способѣ исцѣленія болѣзней немного притихла, Іисусъ Христосъ опять посѣтилъ этотъ городъ и къ собравшимся къ Нему во множествѣ почитателямъ Онъ обратился на этотъ разъ уже съ словомъ (Марк. 2, 1. 2). Но отъ Него тотчасъ потребовали помощи и при-

---

[1]) По обыкновенію отрицательная критика разсказъ объ исцѣленіи этой болѣзни, считаетъ или составленнымъ по подражанію исторіи 4 Цар. 2, 1 и дал., или признавая дѣйствительность его, до того старается истончить ее, чтобы извѣстная упорная болѣзнь восточная обратилась или въ легкое пораженіе тѣла или же въ оканчивающееся его выздоровленіе ср. Schenkel, Charakterbild. 72, 73; Keim, Gesch. Iesu von Nazara II Bd. 1. стр. 168 и дал.

томъ въ такомъ видѣ, при которомъ нельзя было отказаться отъ чудодѣйственнаго содѣйствія. Проникнутыя глубокою вѣрою въ необыкновенный даръ Его чудотвореній, четыре человѣка принесли пораженнаго въ сильнѣйшей степени параличемъ, и не имѣя возможности къ Нему подойти, рѣшились разобрать кровлю дома и сквозь нее спустить разслабленнаго. Видя твердость и рѣшимость принесшихъ и цѣня вѣру больнаго, Іисусъ Христосъ вознамѣрился исцѣлить его, но уже съ указаніемъ на свою особую миссію среди людей, которая состояла не въ томъ только чтобы врачевать немощи тѣла, но чтобы даровать миръ возмущенной совѣсти человѣка, примирить его съ Богомъ и ввесть въ тѣсный духовный союзъ съ Нимъ (Іоан. 3, 15. 16; 17, 18—26). Препятствіемъ къ выполненію такой цѣли служили грѣхи, которые точно составляли средостѣніе между сознаніемъ, ими возмущаемымъ, и Богомъ, совершеннѣйшею праведностію и святостію. Сознавая себя вполнѣ уполномоченнымъ совершить такую миссію и проникая въ чувство страждущаго, Іисусъ Христосъ говоритъ: *чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои* (2, 5). Высказанное въ такомъ видѣ право величественно и многознаменательно! Человѣкъ примиряется съ Богомъ по силѣ одного полноправнаго и могучаго слова; ему возвращаются спокойствіе и миръ вслѣдствіе снятія тяжелой отвѣтственности, отъ которой онъ, самъ собою, никакъ не могъ освободиться. Миссія утѣшительная среди народа, которому законъ возвѣщалъ отмщеніе за преступленія до третьяго и четвертаго рода; народъ могъ возблагодарить и прославить величіе милости, открывшейся среди его. Но у него были блюстители порядка и законности, которымъ усвоеніе такого права казалось посягательствомъ на власть Божію. Эти-то люди изъ любопытства или по искреннему желанію ознакомиться съ новымъ ученіемъ, придя въ домъ, занимаемый Іисусомъ Христомъ, и услышавъ вышеприведенныя слова, возмутились духомъ и уже готовы были огласить благовѣстника

благодатнаго мира богохульникомъ, какъ Онъ Самъ, предупреждая и вынаруживая тайныя ихъ движенія и желанія сердца, разрѣшаетъ волновавшія ихъ недоумѣнія. Указавъ на то, что исцѣленіе болѣзней однимъ словомъ равнозначуще съ прощеніемъ грѣховъ, такъ какъ то и другое въ означенномъ видѣ свойственно одному Богу, Онъ оправдываетъ свое право исцѣленіемъ страждущаго, называя Себя при этомъ *Сыномъ человѣческимъ*, и этимъ давая знать, что усвояемая Имъ власть принадлежитъ Ему, какъ выступающему подъ этимъ скромнымъ именемъ и слѣдовательно не связывающему съ Собою питаемыхъ ими мессіанскихъ чаяній (Марк. 2, 10. 11) [1]. Такимъ результатомъ представители подзаконнаго порядка конечно не могли остаться довольными; но народъ славилъ Бога за ниспосланіе и дарованіе ему такой милости и благости (ст. 12).

Затаенная ненависть представителей іудейскаго народа при такомъ разладѣ взглядовъ, по мѣрѣ того какъ увеличивалась дѣятельность Іисуса Христа, должна была принимать болѣе широкіе размѣры и постепенно переходить въ открытыя нападки. Равнымъ образомъ любовь и расположенность преданныхъ послѣдователей при тѣхъ же условіяхъ въ той же мѣрѣ могли возрастать. Замѣтивъ, что новый пророкъ, возбуждавшій и привлекавшій вниманіе на-

---

1) Не признающіе въ этомъ имени указанія на мессіанское достоинство говорятъ, что совершеніе исцѣленія не могло служить доказательствомъ права отпускать грѣхи; древніе пророки также совершали великія чудеса, но не усвояли себѣ права разрѣшать отъ грѣховъ. Іисусъ Христосъ здѣсь является не болѣе какъ врачемъ, узнавшимъ причину болѣзни и чрезъ отпущеніе вины ее устраняющимъ. Онъ здѣсь поступаетъ какъ божественный посланникъ, пришедшій исцѣлять недуги немощныхъ и только во имя Божіе принимающій на себя такую миссію (См. *Schenkel*, 79, 80). Но въ такомъ случаѣ Онъ обманчиво усвоялъ бы Себѣ видъ такой власти для того, чтобы только успокоительно дѣйствовать на другихъ. Такое представленіе едва-ли достойно Основателя новозавѣтнаго откровенія, и тѣмъ болѣе несовмѣстно съ Нимъ, что Онъ отъ Себя даетъ это право и другимъ (Іоан. 20, 23; Матѳ. 18, 18).

рода, не соотвѣтствуетъ ихъ чаяніямъ и ожиданіямъ, они прежде всего старались унизить Его въ глазахъ послѣдователей, а затѣмъ готовились открыто обвинять и обличать Его. Случаи къ тому и другому скоро представились. По мѣрѣ привлеченія сочувствія къ своему ученію и дѣламъ Іисусъ Христосъ естественно долженъ былъ стремиться къ разширенію своей дѣятельности: доселѣ Онъ обращалъ свое преимущественное вниманіе на низшій классъ народа, который по своей непредзанятости и неиспорченности представлялъ самую удобную почву для плодотворнаго воспріятія Его ученія; теперь Его взоръ останавливается на классѣ іудейской націи, стоявшемъ нѣсколько выше простаго народа, и хотя по нажитымъ привычкамъ, представлявшемъ не столь благопріятную почву для разработки, но еще теоретически не извращенномъ и слѣдовательно не вполнѣ безнадежномъ. Разумѣемъ тѣхъ мытарей и грѣшниковъ, съ которыми Іисусъ Христосъ теперь сближается посредствомъ избранія изъ ихъ среды одного изъ числа своихъ ближайшихъ послѣдователей (Марк. 2, 13—17 и паролл.). Сближеніе съ среднимъ классомъ іудейской націи, считавшимся во мнѣніи всѣхъ самымъ развратнымъ и преступнымъ за услуги римскимъ властямъ, не могло не подать повода искателямъ къ обвиненію и уличенію уважаемаго учителя. Къ книжнымъ людямъ присоединились теперь и поборники національныхъ интересовъ фарисеи, и не рѣшаясь открыто напасть на Него, подступаютъ къ ученикамъ съ лукавымъ вопросомъ, имѣвшимъ цѣлію ронить въ Ихъ глазахъ ихъ обожаемаго наставника: „это ли вашъ учитель, пьющій и ядущій съ мытарями и грѣшниками“? На внезапное обращеніе, приведшее въ недоумѣніе и поставившее въ затрудненіе не привычныхъ еще къ хитрымъ спросамъ учениковъ, отвѣтилъ Самъ ихъ Наставникъ: „не считающіе себя праведными чувствуютъ нужду въ Спасителѣ, но исповѣдающіе себя грѣшниками; Я пришелъ составить мое царство не изъ первыхъ самодовольныхъ и не способныхъ

къ перемѣнѣ, но изъ послѣднихъ, сознающихъ недостатки своей прошлой жизни и готовыхъ перемѣнить ее на новую лучшую".

Приведенные въ смущеніе такимъ отвѣтомъ, представители іудейской подзаконности, не теряя надежды достигнуть желаемой цѣли, для болѣе вѣрнаго успѣха въ борьбѣ, соединились съ учениками Іоанна Крестителя, отличавшимся, по всей вѣроятности, строгою подвижническою жизнію, подобно своему Учителю, и вслѣдствіе этого пользовавшимися въ народѣ славою святыхъ и добродѣтельныхъ людей (ер. Марк. 2, 18. Лук. 5, 38). Въ сообщничествѣ съ ними они теперь обращаются къ Самому Наставнику съ вопросомъ: неужели проповѣдуемое Тобою царство такъ легко для унаслѣдованія, что Твои ученики не постятся, не исполняютъ строгихъ подвижническихъ обязанностей, въ то время какъ послѣдователи фарисеевъ и Іоанна Крестителя ведутъ такую подвижническую жизнь? Имѣя въ виду прежде всего учениковъ Іоанна Крестителя, Іисусъ Христосъ говоритъ, что Его пришествіе для основанія царства подобно тому брачному времени, въ которое готовятся ко встрѣчѣ жениха и по Его прибытіи предаются радости и веселію, при которыхъ неумѣстны подвиги, напоминающіе скорбь и уныніе (ср. Матѳ. 25, 1—13); но придутъ дни, когда Онъ, подобно жениху, по совершеніи брака, разлучится съ своими послѣдователями, тогда и они станутъ поститься, подобно имъ, уже разлучившимся (1, 14) съ своимъ наставникомъ [1]). Обращаясь затѣмъ къ блю-

---

[1]) Безспорно, что этотъ образъ взятъ изъ брачной жизни іудейскаго народа, только онъ былъ вызванъ не присутствіемъ Іисуса Христа предъ этимъ на бракѣ въ канѣ галилейской (Шенкель), такъ какъ это событіе было гораздо ранѣе (ер. Іоан. 2, 11), но тогдашними обычаями. Брачное пиршество у евреевъ было торжественно; оно совершалось съ пѣніемъ, музыкою, танцами; по окончаніи его, когда сверстники разлучались съ женихомъ, то грусть свою о немъ, какъ другѣ юности, могли выражать постомъ.

стителямъ подзаконности Онъ говоритъ въ приточной формѣ, что Ему не слѣдуетъ облекать духъ своего ученія въ формы уже потерявшіе свое значеніе и смыслъ и только соблюдаемыя по одной внѣшности (ср. Матѳ. 6, 16—18; Лук. 18, 10—12), иначе съ примѣсью его произойдетъ еще большее ихъ разореніе и разрушеніе; но новый духъ и новое ученіе, Имъ проповѣдуемыя, должны облечься въ новыя формы, болѣе цѣлесообразныя и болѣе соотвѣтствующія ихъ характеру и сущности.

Послѣ такой бесѣды поборникамъ подзаконныхъ порядковъ стало ясно, что новый учитель не станетъ дѣйствовать въ духѣ ихъ учрежденій и узаконеній, что проповѣдуя среди народа Онъ можетъ и въ послѣднемъ возбудить духъ неповиновенія; вслѣдствіе этого ихъ желанія ослабить Его вліяніе на народъ должны были еще усилиться. Прежнія обличенія Его въ сообщничествѣ съ мытарями и грѣшниками, въ дозволеніи ученикамъ не исполнять аскетическихъ подвиговъ, еще не могли быть особенно предосудительными въ глазахъ народа и располагающими къ общему негодованію противъ Него. Но вотъ въ одну изъ субботъ Онъ путешествуетъ сквозь засѣянныя поля и Его ученики дозволяютъ себѣ въ этотъ священный день срывать колосья и ѣсть очищенныя зерна (ср. Матѳ. 12, 1—8; Марк. 2, 23—28). Суббота—день покоя, освященный самимъ Богомъ при мірозданіи и узаконенный Моисеемъ, позднѣйшими учрежденіями и постановленіями обращенъ въ какую-то неприкосновенную святыню, скорѣе лишавшую покоя, чѣмъ доставлявшую его, разнаго рода ограничительными наставленіями, стѣснявшими всякое свободное движеніе. Въ то время какъ всѣ отправленія, касавшіяся храмовой службы, были разрѣшены въ этотъ день (Матѳ. 12, 5; Іоан. 7, 22), житейскія отношенія, хотя бы проникнутыя самыми высшими нравственными стремленіями, какъ, напримѣръ, желаніемъ пособить несчастному (Лук. 13, 14; к. 3, 1—6), были строго воспрещены и преслѣдуемы. Мар

Въ Мишнѣ положено тридцать девять правилъ, сопровождающихся еще казуистическими толкованіями, опредѣляющими каждый шагъ въ этотъ день; въ ней предуказано стеченіе всевозможныхъ случайностей въ день покоя [1]). И вотъ въ такой-то день Іисусъ Христосъ, можетъ быть даже съ цѣлію указать излишество учрежденій, узаконяющихъ внѣшнюю формальную сторону святости и оставляющихъ безъ вниманія ея внутренность, предпринимаетъ путешествіе съ учениками сквозь засѣянныя поля (слѣдовательно внѣ границы, положенной для прогулки въ этотъ день), и ученики подъ вліяніемъ Его наставленій дозволяютъ себѣ невинное удовольствіе, не запрещаемое даже закономъ (Второз. 23, 25), срываютъ колосья и ѣдятъ вылущенныя зерна. Это-то и служитъ поводомъ къ новому обвиненію маленькой общины, собравшейся вокругъ Проповѣдника новыхъ истинъ, только уже въ самомъ важномъ и тяжкомъ преступленіи, въ нарушеніи субботняго покоя, за которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ полагалось даже побіеніе камнями. Въ извиненіе своихъ послѣдователей Іисусъ Христосъ, указавъ на случай оскорбленія святыни, бывшей въ жизни Давида (1 Цар. 21, 1 и д.), и нисколько не унизившій этаго уважаемаго ими праведника, на нарушеніе субботняго покоя священниками во время храмовыхъ службъ, вынуждаемое необходимостію, поведеніе своихъ учениковъ оправдываетъ не этою вынужденною необходимостію, составляющею исключеніе изъ закона, но Самимъ собою, какъ Господиномъ и Владыкою субботы. Не ради субботы, говоритъ Онъ, былъ созданъ человѣкъ, но суббота была освящена для его нравственнаго возвышенія и воспитанія, поэтому подъ руководствомъ Его, какъ возстановителя попранныхъ нравственныхъ правъ человѣка, они могутъ такъ относиться къ освященному субботнему покою.

---

[1]) *Schurer*, Lehrbuch d. neutest. Zeitgesch. 1874 стр. 484 и дал.

Такое оправданіе, ниспровергавшее узаконенныя учрежденія, не могло, конечно, понравиться поборникамъ отеческихъ преданій; напротивъ, оно преисполнило ихъ негодованія, въ немъ они видѣли явное нарушеніе своей завѣтной святыни. Не смотря на это, Основоположникъ новаго откровенія не только не отступаетъ предъ нимъ, но еще можетъ быть въ ту же самую субботу войдя въ синагогу и видя тамъ пораженнаго атрофіей руки (ср. 3 Цар. 13, 4; Захар. 11, 17), намѣревается пособить ему, не взирая на субботній покой. Видя же наблюдающихъ и слѣдящихъ за Нимъ и зная ихъ расположеніе и настроеніе, Онъ предварительно обращается къ нимъ съ вопросомъ: что цѣлесообразнѣе дѣлать въ субботу,—любя ближняго и заботясь объ его благѣ благотворить ему, или же относясь равнодушно къ нему, не принимая участія въ его горѣ не пособлять и даже вредить ему? и когда они, чувствуя неправость защищаемыхъ ими положеній, молчали, но не хотѣли сознаться въ ихъ превратности, тогда съ святымъ негодованіемъ, выразившимся въ Его взорѣ, показывавшемъ невозможность ихъ исправленія и со скорбію объ окамененіи ихъ сердецъ, Онъ исцѣлилъ несчастнаго. Такое рѣшительное отрицаніе подчиниться извращеннымъ преданіямъ отцовъ крайне ожесточило поборниковъ ихъ; въ немъ они видѣли объявленіе явнаго разрыва съ ихъ узаконеніями и учрежденіями и не могли потерпѣть чтобы такой нововводитель и дѣятель, считаемый за божественнаго посланника, пріобрѣталъ болѣе и болѣе вліянія среди народа. Они надѣялись и уповали, что имѣющій придти Мессія не только возставитъ предѣлы царства Давидова во всемъ его величіи и славѣ, но сдѣлаетъ обязательнымъ для всѣхъ земныхъ племенъ ихъ религіозныя учрежденія и возвеличитъ славу ихъ храма во всемъ мірѣ; и вдругъ среди народа является дѣятель, усвояющій себѣ имя Мессіи и не только не обѣщающій прежняго, но еще грозящій видоизмѣненіемъ и разореніемъ послѣднихъ. По личнымъ своимъ располо-

женіямъ они готовы были тотчасъ погубить Его, но боясь народа, который не смотря на всѣ превратныя ихъ внушенія, не переставалъ уважать Его, порѣшили на совѣтѣ, пригласивъ къ участію въ немъ ненаціональную и враждебную имъ партію Иродіанъ, убить Его, собирая пока и подготовляя данныя для развязки этого кроваваго замысла. Такое настроеніе и рѣшеніе ихъ были естественны при томъ превратномъ и предвзятомъ взглядѣ, которымъ они руководились. Съ другой стороны и божественный проповѣдникъ новыхъ нравственныхъ отношеній, види объединившимися въ ожесточенной враждѣ и ненависти къ Нему всѣ руководящія партіи іудейской націи и убѣдясь, что для продолженія своего служенія, для успѣшнаго распространенія своего ученія слѣдуетъ искать опоры не въ нихъ, но въ преданныхъ Ему послѣдователяхъ, тѣмъ съ большею ревностію спѣшитъ выдѣлить изъ среды народа, слѣдовавшаго за Нимъ, опредѣленный кругъ ближайшихъ учениковъ, которымъ могъ бы повѣрить тайны проповѣдуемаго царства, и которымъ могъ бы поручить продолженіе своего дѣла, что взору Его представлялась жатва богатою, но не имѣющею готовыхъ и усердныхъ дѣятелей (Матѳ. 9, 37). Слава о новомъ Пророкѣ далеко распространилась; народъ во множествѣ слѣдовалъ за Нимъ не только изъ близлежавшихъ сѣверныхъ сирскихъ городовъ Тира и Сидона, но и съ юга, изъ Идумеи и Іерусалима (Марк. 3, 7—12), желая видѣть и слышать Его и прикоснуться къ Нему (Лук. 6, 17—19).

При такихъ-то обстоятельствахъ божественный Наставникъ, окруженный и сопровождаемый множествомъ почитателей (ер. Марк. 3, 7—19; Лук. 6, 1—19), избираетъ изъ среды ихъ двѣнадцать ближайшихъ учениковъ, т. е., послѣ многократной встрѣчи съ ними и близкаго знакомства съ нѣкоторыми изъ нихъ, дѣлаетъ ихъ неразлучными своими спутниками, исключительно посвященными на великое дѣло Его служенія, такими, которымъ Онъ въ послѣдствіи вре-

мени вручитъ ключи царства небеснаго, которыми доселѣ владѣли и распоряжались руководители іудейскаго народа. Назвавъ и выдѣлавъ ихъ изъ среды другихъ и имѣя въ виду главнымъ образомъ посвятить ихъ въ тайны своего ученія, Онъ произноситъ предъ ними слово извѣстное подъ именемъ нагорной проповѣди, и названное еще древними толковниками огласительнымъ, просвѣтительнымъ. Въ немъ Онъ именно излагаетъ тѣ основныя начала и истины, которыми Его ближайшіе ученики должны были руководиться въ своей послѣдующей дѣятельности. Описавъ тѣ нравственныя качества и соотвѣтствующія имъ нравственныя доблести, которыя открываютъ входъ въ небесное царство и которыя должны служить украшеніемъ и отличіемъ Его послѣдователей, Іисусъ Христосъ, остановивъ взоръ на ученикахъ, въ образной формѣ приглашаетъ ихъ быть соотвѣтствующими тому высокому призванію, въ которое они Имъ обличены. Чрезъ воспріятіе, усвоеніе и распространеніе Его ученія они призваны быть очистительльною и исправительною силою земли, свѣтомъ, озаряющимъ людей на пути ихъ нравственнаго возвышенія и исправленія („вы— соль земли.... вы свѣтъ міра?!“) [1]; имъ не подобаетъ позаимствованный свѣтъ скрывать подъ спудомъ; напротивъ, они обязаны сдѣлать его такимъ озаряющимъ и всепросвѣщающимъ лучемъ, который, проникая и озаряя всѣхъ спо-

---

[1]) Нагорная проповѣдь отрывочно изложенная у св. Луки (6, 20—49) и въ цѣлостномъ систематическомъ порядкѣ представленная у св. Матѳея (гл. 5, 6, 7), имѣетъ у послѣдняго вступленіе (3—12), обращеніе къ ученикамъ (ст. 13—16), изложеніе главной мысли (ст. 17—19), развитіе этой мысли въ отношеніи а) къ закону и его требованіямъ (гл. 20—48); б) къ практическому выполненію нѣкоторыхъ особенно уважаемыхъ добродѣтелей (гл. 6); в) къ нѣкоторымъ поступкамъ обыденной жизни (7, 1—11); переходъ къ заключенію (ст. 12—23) и самое заключеніе (24—28). Во вступленіи, состоящемъ изъ девяти ублаженій, первыя четыре изображаютъ то психическое состояніе, въ которомъ находятся вступающіе въ царство небесное; послѣднія пять описываютъ то дѣятельное направленіе, въ которомъ упражняются сыны царства.

собныхъ воспринять его свѣтъ, побуждалъ бы ихъ славить исповѣдуемаго ими небеснаго Отца. Въ достиженіи такой великой цѣли они должны находить могучій мотивъ для своей оживленной и просвѣтительной дѣятельности, (*тако да просвѣтится...*). Они выступаютъ съ проповѣдію о такомъ свѣтѣ, который еще не открывался въ мірѣ, и который между тѣмъ способенъ просвѣтить всякаго вступающаго въ него. Богъ, открывшійся Отцемъ еще въ ветхозавѣтной экономіи, былъ Такимъ потому что вступилъ въ завѣтъ съ избраннымъ народомъ, который чрезъ принятіе послѣдняго получалъ право быть Его сыномъ (Исх. 4, 22; Іер. 31, 9; Исаіи 1, 2. Осіи 11, 1 и др.). Сыновство ветхаго человѣка выражалось въ религіозномъ завѣтѣ съ Богомъ, по которому Богъ, какъ чадолюбивый Отецъ награждалъ его, если оставался вѣренъ ему и наказывалъ, если онъ отступалъ отъ него; сыновство новозавѣтнаго человѣка выражается въ его личномъ чувствѣ и расположеніи, которыя даютъ ему право стать къ Богу въ такое свободно-нравственное отношеніе, въ какомъ находится сынъ къ Отцу. Богъ, открывшійся въ послѣдне время въ Сынѣ, чрезъ Него даетъ ему право вступить къ нему въ такое отношеніе, по которому онъ можетъ взывать къ Нему „Авва Отче“ (Римл. 8, 15). Проникаясь сами такимъ чувствомъ и проповѣдуя о немъ другимъ, новозавѣтные благовѣстники точно могли располагать и побуждать другихъ славить небеснаго Отца за открытіе такой милости и благости; сыновнее расположеніе и сыновній духъ, охватывая и видоизмѣняя всѣ чувства, способны были поднять на ту высоту нравственнаго положенія, въ которой могла сіять слава небеснаго Отца (ст. 14—16).

Имѣя въ виду такую высокую миссію, призывавшую ихъ къ проповѣди новаго ученія, новозавѣтные проповѣдники не должны думать, что ихъ Наставникъ пришелъ вооружить ихъ противъ того закона и тѣхъ пророковъ, на которыхъ они воспитались; Онъ не пришелъ разорить ихъ, но

исполнить (πληρῶσαι) [1]). И скорѣе придетъ конецъ міру, чѣмъ наступитъ видоизмѣненіе закона въ одной іотѣ или чертѣ, если послѣднія связаны съ его духомъ и сущностію (17—19). Не смотря на это, кто будетъ исполнять этотъ законъ и пророки по указанію и въ духѣ фарисеевъ и книжниковъ, тотъ не войдетъ въ царствіе небесное (20). То сыновнее чувство и расположеніе, которыя отличаютъ новыхъ истинныхъ поклонниковъ Бога, должны быть здѣсь руководящими и опредѣляющими отношенія къ Богу и ближнему. Такимъ образомъ убійство, воспрещаемое закономъ, должно простираться не на одно видимое фактическое совершеніе этого преступленія, но на всякое оскорбительное для чести ближняго слово, на всякое незаконное гнѣвное движеніе, нарушающее покой ближняго (21—26). Воспрещеніе прелюбодѣянія не должно ограничиваться однимъ совершеніемъ этого преступленія, но касается всякаго внутренняго вожделѣнія, всякаго похотливаго взгляда на женщину (27, 28), посягающаго на ея честь. Нарушеніе клятвы состоитъ не въ одномъ недостойномъ призываніи имени Божія для подтвержденія ложныхъ свидѣтельствъ, но въ употребленіи всякихъ вообще клятвъ для прикрытія лицемѣрнаго отноше-

---

[1]) Послѣ предшествующихъ случаевъ столкновенія съ представителями іудейскаго народа приводимое мнѣніе легко могло возникнуть какъ въ народѣ такъ и среди учениковъ; оно могло быть поддерживаемо и даже съ цѣлію распространяемо его руководителями для возбужденія противъ Него негодованія. Въ виду этого Іисусъ Христосъ уясняетъ свое истинное отношеніе къ древнему закону и пророкамъ. Πλήρωσις это не διόρθωσις νομοθεσιας какъ полагали нѣкоторые и изъ древнихъ толковниковъ (Іеронимъ Златоустъ), но διόρθωσις превратныхъ толкованій закона современными учителями. Каждое изъ послѣдующихъ положеній, ограничивающихъ внутренній смыслъ законоположенія, было выраженіемъ мнѣнія современныхъ учителей, измышлявшихъ множество казуистическихъ случаевъ для обхода закона (ср. 5, 33—38). Πλήρωσις соотвѣтственно gemar евр. означаетъ здѣсь открытіе, изъясненіе внутренняго смысла закона, искаженнаго законоучителями, такъ какъ законъ по своей внутренней сущности остался обязательнымъ (Матѳ. 19, 18. 19).

нія къ дѣлу. Выраженіемъ истинности поведенія, соотвѣтствующимъ нравственному достоинству человѣка, должны быть слова: *да* или *нѣтъ*; своею жизнію онъ долженъ внушать къ себѣ такое уваженіе, чтобы ближніе въ этихъ простыхъ словахъ видѣли выраженіе его внутренней истинности (ст. 33—37). Во взаимныхъ оскорбленіяхъ и неудовольствіяхъ ближнихъ слѣдуетъ руководиться не долгомъ возмездія, но самоотреченіемъ и самоотверженіемъ укрощать и смягчать ихъ злобу (ст. 38—42). Любовь къ ближнимъ съ ея благотворными обнаруженіями должна простираться не на однихъ единоплеменниковъ, но на всѣхъ людей, даже на тѣхъ, которые считаются недругами и врагами (ст. 43 44) [1]). Чтобы быть истинными сынами небеснаго Отца необходимо одушевляться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ тою безпредѣльною благостію и любовію Его, по которымъ Онъ безъ различія племени и рода велитъ сіять своему солнцу на злыхъ и благихъ, дождить на праведныхъ и неправедныхъ (Матѳ. 5, 45—48).

Но не одинъ законъ съ его внутреннею сущностію и духомъ остается въ силѣ, достойны также уваженія тѣ благочестивыя упражненія и добродѣтели, которыя практикуются въ жизни іудейскаго народа; только они въ иномъ духѣ должны быть совершаемы. Милостыня не должна быть подаваема такъ, чтобы могла служить предметомъ самовосхваленія и гордости предъ другими; десница въ этомъ отношеніи не должна знать, что дѣлаетъ шуйца. Молитва

---

[1]) Первая половина ст. 43: *возлюбиши искренняго твоего*, подъ которымъ разумѣется собственно единоплеменникъ, взята изъ кн. Левитъ 19, 18. 34; вторая половина: *возненавидиши врага твоего*, подъ которымъ разумѣется иноплеменникъ и язычникъ, по всей вѣроятности, была выведена чрезъ искуственное толкованіе изъ кн. Второзаконія 25, 17—19. Древній законодатель не внушалъ ненависти и вражды къ иноплеменникамъ, но іудейская традиція, какъ видно изъ этого мѣста, освящала ее.

не должна быть однимъ благочестивымъ упражненіемъ во многоглаголаніи, но тайною внутреннею бесѣдою съ Отцемъ небеснымъ, открывающею и обнажающею предъ Нимъ душу молящагося; образцомъ для нея можетъ служить приложенное молитвенное обращеніе къ Отцу небесному, въ немногомъ обнимающее все существенное и необходимое для человѣка [1]). Постъ долженъ быть не лицемѣрнымъ украшеніемъ упражняющагося въ немъ, но исходить изъ высшаго источника. Вообще при всѣхъ этихъ упражненіяхъ нужно заботиться чтобы внутренній свѣтъ (φῶς τὸ ἐν σοὶ), по справедливому замѣчанію св. Златоуста—умъ, воспринимающій божественную истину и руководящій и заправ-

---

[1]) *Молитва Господня* у ев. Луки 11, 1—4 помѣщена при другихъ обстоятельствахъ; не смотря на это, она могла быть произнесена въ такомъ видѣ и здѣсь. По своему содержанію она точно представляетъ неподражаемый примѣръ простоты и вмѣстѣ глубины. Первое воззваніе ея напоминаетъ, куда прежде всего долженъ обращать свой взоръ молящійся и откуда ожидать исполненія своихъ неудовлетворяемыхъ нуждъ. Вслѣдъ за такимъ возношеніемъ мысли первое и естественное желаніе молящагося обращается къ тому, чтобы имя открывшагося и исповѣданнаго Имъ Отца ничѣмъ не омрачалось и не оскорблялось, но въ словѣ и дѣлѣ исповѣдающихъ Его выражалась Его святость, и такимъ образомъ водворялось на землѣ то благодатное царство мира и любви, среди котораго Онъ живетъ и которое проповѣдалъ Его Сынъ, и въ безпрекословномъ повиновеніи Его святой и совершенной волѣ объединялось небо съ землею (*да будетъ воля твоя яко на небеси и на земли*). Въ достиженіи этого послѣдняго завершается желаніе молящагося по отношенію къ высшимъ небеснымъ благамъ, среди которыхъ витаетъ его небесный отецъ; всѣдъ за этимъ взоръ его спускается на землю (καὶ ἐπὶ γῆς), и здѣсь на одно мгновеніе остановивъ свое вниманіе на удовлетвореніи насущныхъ потребностей земной жизни (ἐπιούσιος отъ ἐπὶ οὐσία—необходимое для поддержанія существованія), онъ опять возвращается къ духовнымъ нуждамъ и при взглядѣ на нихъ проситъ прежде всего отпущенія вины въ содѣланномъ (ἄφες.....ἀφήκαμεν...), недопущенія къ паденію въ будущемъ и совершеннаго изъятія отъ зла (μὴ εἰσενέγκῃς.... ἀλλὰ ῥῦσαι...). Такимъ образомъ возношеніемъ мысли верху начинается молитва и восхожденіемъ туда же оканчивается. Попытки нѣкоторыхъ критиковъ объяснить происхожденіе этой молитвы изъ формулъ еврейскихъ раввинистическихъ молитвъ увѣнчались параллелями только для перваго и втораго прошеній и то въ несовершенномъ видѣ (См. *Meyer*, Komment. üb. Matthäum. 1864, 184. 185).

ляющій жизнію человѣка, не былъ ни въ чемъ зазоренъ, тогда всѣ благочестивыя дѣла, совершающіяся подъ его вліяніемъ, будутъ чисты и совершенны (гл. 6-я).

Въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ къ ближнимъ источникомъ и началомъ дѣятельности слѣдуетъ полагать прежде всего строгое самоиспытаніе, строгую оцѣнку своихъ совершенствъ и недостатковъ и затѣмъ дознаніе нравственнаго достоинства другихъ. Вообще же по себѣ мы прежде всего должны знать, что слѣдуетъ дѣлать другимъ. Къ такой нравственной высотѣ и къ такимъ нравственнымъ совершенствамъ собственно возводятъ законъ и пророки (*се бо есть законъ и пророцы* 7, 1—12)[1]). Конечно могутъ быть, какъ и есть, учители, которые иначе объяснятъ и изложатъ ихъ содержаніе, которые вмѣсто этого тѣснаго и узкаго пути откроютъ болѣе широкій и удобный входъ и доступъ къ нимъ; но при этомъ, какъ каждый учитель, такъ и его послѣдователь, должны строго взвѣшивать на какомъ основаніи они строятъ зданіе. Зданіе можетъ быть построяемо на пескѣ и на каменномъ фундаментѣ; первый напоръ враждебныхъ разрушительныхъ стихій обнаружитъ качественное достоинство того и другаго. При первомъ приливѣ этихъ стихій первое падетъ и разрушится съ великимъ шумомъ; при нападеніи тѣхъ же стихій второе устоитъ и выдержитъ всѣ ихъ враждебныя противодѣйствія. Зданіе, воздвигаемое Основоположникомъ новозавѣтнаго откровенія принадлежитъ къ строеніямъ второго рода: кто слушаетъ Его слова и исполняетъ ихъ, того Онъ уподобляетъ мужу, созидающему храмину на камени (гл. 7-я).

---

[1]) Представленное въ систематическомъ порядкѣ изложеніе мыслей нагорной проповѣди не охватываетъ въ послѣдовательномъ развитіи нѣкоторыхъ ея отдѣловъ; но этого нельзя и требовать при томъ порядкѣ, котораго держался св. Матѳей; не смотря на это существенныя ея части могли быть дѣйствительно произнесены въ такомъ видѣ (ср. Meyer, Komment. üb. Matth. 207—211; Keim, Gesch. Iesu von Mazara 1871. 226—274. *Witthichen*, Leben Iesu 1876 г. 111—133

Когда Іисусъ Христосъ окончилъ слово съ такимъ необыкновеннымъ содержаніемъ, весь народъ, слушавшій Его, изумился, подобно тому, какъ послѣ проповѣди въ капернаумской синагогѣ, потому что Онъ училъ ихъ не какъ книжники, заимствовавшіе всю свою мудрость изъ книгъ и на нихъ ее утверждавшіе, но какъ самъ отъ себя имѣвшій право говорить и открывать имъ такія истины. Изумленіе было естественное и вполнѣ понятное, потому что не только они, но и все современное имъ человѣчество ни отъ одного изъ своихъ мудрецовъ не слыхало столь возвышенныхъ нравственныхъ истинъ [1]). Впечатлѣніе проповѣди было тѣмъ могущественнѣе и вліятельнѣе, что сопровождалось необыкновеннымъ совершеніемъ исцѣленій. Едва сойдя съ горы, Іисусъ Христосъ вступалъ въ Капернаумъ, какъ тотчасъ былъ встрѣченъ депутаціей іудейскихъ старѣйшинъ, ходатайствовавшихъ за уважаемаго ими сотника, у котораго вѣрный и преданный ему рабъ, разслабленный, тяжко страдалъ. Іисусъ Христосъ исцѣлилъ его по одной вѣрѣ сотника, не видавъ даже самаго раба (Матѳ. 8, 5—13; Лук. 7, 1—10) [2]). Вслѣдъ за этимъ послѣдовало, по всей вѣроятности, исцѣленіе бѣсноватаго, страдавшаго притомъ

---

[1]) По безпристрастному признанію нѣкоторыхъ изъ современныхъ отрицательныхъ критиковъ самыя высшія моральныя правила Сократа, Платона, Стоиковъ не достигаютъ „высоты и величія этики Іисуса“ (ср. Wittichen Leben Jesu 1876. 128—133; Lecky Sitteng. 1. стр. 217 и др.; Keim, Gesch. Jesu von Nazara 11. 254—263). Въ новѣйшее время желаніе нѣкоторыхъ ученыхъ сблизить христіанское вѣроученіе съ раввинистическимъ окончилось однимъ подборомъ отрывочныхъ правилъ, оборотовъ и выраженій, механически связываемыхъ между собою безъ всякаго внутренно оживляющаго ихъ начала (см. „Что такое Талмудъ“ *Дейтша* въ перевод. *Ландау* 1870 г....

[2]) Совершеніе этого чуда ставитъ въ немалое затрудненіе тѣхъ критиковъ, которые, уважая его историческія основы, не рѣшаются заподозрить его дѣйствительность. Желая сдѣлать его понятнымъ психическимъ явленіемъ, они вѣру сотника и окружающихъ стараются представить вліяющею спасительно на самаго раба (ср. *Schenkel* 1873 г. 106. 107).

еще слѣпотой и нѣмотой [1]); исцѣленіе послѣдняго въ такомъ видѣ, что онъ сталъ говорить и видѣть, привело весь народъ въ удивленіе и всѣ послѣ слышаннаго и видѣннаго стали говорить: „не это-ли Христосъ, Сынъ Давидовъ“ (Матѳ. 12, 22. 23; Лук. 11, 14). Зная опасность распространенія въ народѣ такой молвы для возвеличенія славы новаго учителя, іудейскіе законоучители не могли не прибѣгнуть къ измышленію новаго средства для Его униженія. Послѣ того, какъ они уличали Его въ присвоеніи правъ, свойственныхъ одному Богу (Марк. 2, 7), въ дружественномъ обращеніи съ мытарями и грѣшниками (2, 16), въ не соблюденіи Его учениками аскетическихъ подвиговъ (2, 18), въ нарушеніи ими завѣтной святости субботы (2, 24), и народъ, не внимая всему этому, ни только не оставлялъ Его, но еще какъ будто, въ большомъ числѣ слѣдовалъ за Нимъ, они рѣшились прибѣгнуть къ такому обвиненію, которое, по ихъ предположенію, должно было привесть къ цѣли. По утвердившемуся мнѣнію въ іудейскомъ народѣ божественный посланникъ могъ свидѣтельствовать о себѣ совершеніемъ необычайныхъ дѣлъ (Іоан. 5, 36. 37); но подобнаго рода дѣла могъ совершать волшебникъ, чернокнижникъ (Исх. 7, 11. 22; 8, 7) и по позднѣйшему представленію всякій дѣятель, стоявшій въ связи съ начальникомъ демонской силы (Матѳ. 9, 32; 12, 24). Въ виду невольнаго преклоненія народа предъ сверхъестественною силою Его ученія и дѣлъ, въ виду неизбѣжнаго признанія и съ своей стороны въ Немъ божественнаго посланника

---

[1]) Принимая во вниманіе то, что обличительная рѣчь, направленная противъ іерусалимскихъ книжниковъ у св. Марка помѣщена вслѣдъ за сказаніемъ о возвращеніи Іисуса Христа, послѣ избранія учениковъ, въ Капернаумъ (3, 13—29) и слѣдовательно по восполненію другихъ евангелистовъ Лук. 6, 12—20; Матѳ. 5, 1 послѣ произнесенія нагорной проповѣди, можно допустить, что эта рѣчь была связана съ событіемъ, разсказаннымъ евв. Матѳеемъ и Лукою 12, 22, 23; Лук. 11, 14 и ее вызвавшимъ 12, 25—32; 11, 15 и дал., и слѣдовательно самое событіе могло быть совершено въ это время.

при очевидной необычайности Его дѣлъ, іудейскіе законоучители для прикрытія всего этого рѣшились распространять молву, что все это онъ дѣлаетъ при помощи власти бѣсовскаго князя веельзевула [1]). Подъ такимъ благовиднымъ предлогомъ они не отрицали очевидной сверхъестественности Его служенія, но ставили ее въ зависимость отъ власти бѣсовскаго князя, дѣятель же, имѣющій въ своемъ распоряженіи нечистыя силы, уже не могъ быть служителемъ и посланникомъ Божіимъ, не могъ быть, слѣдовательно, и благодѣтелемъ Израиля; онъ его прикровенный врагъ; проповѣдуемое имъ царство есть царство тьмы; общее презрѣніе, общая ненависть должны Его постигнуть. Таково собственно значеніе молвы, распространяемой книжниками и фарисеями въ народѣ послѣ нагорной проповѣди и слѣдовавшихъ за нею чудесъ, по своей необычности, произведшихъ такое могущественное впечатлѣніе на народъ; ею расчитывалось произвесть противуположное дѣйствіе.

Вѣдый Іисусъ мысли ихъ (слова, непосредственно слѣдующія за обвиненіемъ фарисеевъ Матэ. 12, 24. 25) и пригласивъ ихъ къ открытой отвѣтственности (Марк. 3, 23), такъ какъ они могли скрываться въ народѣ, распуская подобнаго рода молву, Онъ произнесъ предъ ними такого рода обличительное приточное слово, въ которомъ показалъ ни только невозможность сочетанія такихъ представленій, чтобы для побѣды зла можно было вооружаться оружіями же зла, такъ какъ это вынаружило бы разложеніе и распаденіе царства тьмы и слѣдовательно его полную безвредность, но въ самомъ ихъ умыслѣ—сдѣлать царство истины и любви, царство торжества добра надъ зломъ, Имъ про-

---

[1]) Веельзевулъ отъ baal (халд. beel) czebul—господинъ, хозяинъ жилища; по всей вѣроятности это было названіе сосѣдняго финикійскаго бога солнца, бога небесъ Baal—schmaim или szebul небесныхъ жилищъ, которое у позднѣйшихъ іудеевъ, считавшихъ языческія божества демонами, обратилось въ имя демонскаго князя (ср. Schenkel, Bibellex. 1. стр. 329 и дал.)

повѣдуемое, царствомъ тьмы—представилъ непростительную вину, открывшую въ нихъ такое ожесточеніе и очерствленіе духа, при которыхъ уже невозможно для нихъ исправленіе и покаяніе, но только такого рода превратное отношеніе ко благу, какое они высказали въ своемъ обвиненіи Его (Марк. 3, 23—29) [1]. Для исправленія же ихъ превратной молвы, объявившей въ народѣ основываемое и учреждаемое Имъ царство царствомъ тьмы и уясненія дѣйствительнаго его характера и сущности тому же народу Іисусъ Христосъ послѣ безыскуственной нагорной проповѣди избираетъ приточную форму рѣчи какъ болѣе доступную народному пониманію, и въ нее облекаетъ самыя возвышенныя истины своего ученія, вполнѣ впрочемъ понятныя для слушавшихъ съ непредвзятымъ умомъ и не испорченнымъ сердцемъ. Въ ней Онъ неприкровенно доказываетъ, что Онъ не служитель князя тьмы, но проповѣдникъ Слова Божія и провозвѣстникъ таинъ царствія небеснаго. Изъ семи притчей, собранныхъ у св. Матѳея (гл. 13), мы остановимся на сущности только трехъ, помѣщенныхъ у св. Марка, какъ представляющихъ изъ себя связное цѣлое, и изображающихъ царствіе небесное въ его началѣ, ростѣ и завершеніи (Марк. 4, 1—34).

Изъ образнаго представленія этихъ притчей видно, что основою учреждаемаго Іисусомъ Христомъ небеснаго царства служитъ проповѣдуемое Имъ Слово Божіе (Лук. 8, 11), которое по присущей ему жизненной силѣ способно возро-

---

[1]) Обличительное слово по евангелисту Марку Іисусъ Христосъ началъ словами: *како можетъ сатана сатану изгонити?* Видимое дѣло, что все Его служеніе, все ученіе и дѣла были направляемы на разрушеніе царства тьмы; поэтому будучи служителемъ сатаны, какъ Онъ могъ бы разрушить его дѣла? *како сатана....* Если же это невозможно 3, 24. 25. 26, то для того, чтобы овладѣть домомъ сильнаго необходимо прежде связать послѣдняго и тогда уже можно будетъ вступить въ обладаніе его имуществомъ....

дить, возсоздать новую жизнь среди людей и образовать изъ нихъ новое духовное общество, связанное новыми духовными узами. Но такой жизненной плодотворности оно достигаетъ только тогда, когда у слушающихъ его оно встрѣчаетъ сродную, удобовоспреемлющую его почву; когда находитъ у нихъ еще незаглохшимъ или не подавленнымъ превратными воззрѣніями чувство религіозной воспріемлемости; при такихъ условіяхъ оно дѣйствительно можетъ достигнуть высокой степени плодотворности. Между тѣмъ есть сердца, которыя по своему нравственному состоянію подобны той истоптанной и убитой дорогѣ, которая проходитъ среди засѣянныхъ полей и которая по своей отвердѣлости не можетъ дать никакого прикрытія бросаемымъ на нее сѣменамъ; есть такія, которыя по своей черствости походятъ на ту каменистую почву, которая, вслѣдствіе тонкого слоя земли, ее покрывающаго, едва успѣваетъ дать пріютъ брошенному на нее сѣмени, какъ жгучая сила взошедшаго солнца лишаетъ его жизненной растительности; есть и такія, въ которыхъ еще замѣтно присутствіе жизненной силы, но послѣдняя отравляется проникающими въ нее ядовитыми соками. Соприкасаясь съ такими сердцами животворное слово Божіе конечно не даетъ свойственныхъ ему плодовъ; но тамъ, гдѣ встрѣчаетъ соотвѣтствующій пріемъ, оно вынаруживается во всей присущей ему жизненности (4, 1—8). Входя въ такія сердца людей, оно, безъ внѣшнихъ понудительныхъ средствъ, одною самородною свойственною ему силою пересоздаетъ, перевоспитываетъ ихъ и дѣлаетъ способными къ открытію въ нихъ царствія небеснаго. По своей животворности въ нихъ оно бываетъ подобно той плодотворной почвѣ, которая, по сродной ей силѣ, изъ бросаемаго въ нее сѣмени сначала роститъ траву потомъ колосъ и наконецъ зерно; такъ и слово Божіе, вселяясь въ сердца людей, предрасположенныхъ къ воспріятію его, отъ преисполненія ихъ высокими и благотворными чувствами и надеждами, приводитъ къ совершенію великихъ

нравственныхъ подвиговъ (4, 26—29). При самомъ вступленіи своемъ, оно, по своему вліянію, бываетъ незамѣтнымъ, бываетъ похожимъ на то небольшое горушичное зерно, которое въ видѣ маленькаго сѣмени бросается въ почву, но изъ котораго съ теченіемъ времени возникаетъ величественное растеніе; такъ и слово Божіе съ свойственною ему животворностію, входя въ сердце человѣка въ видѣ незамѣтной духовной силы, постепенно схватываетъ всѣ его жизненныя отправленія и приготовляетъ изъ него такого дѣятеля, который подъ благотворною сѣнію возросшаго въ немъ плода устрояетъ уже пріютъ другимъ, ищущимъ духовнаго возрожденія, дѣлается ихъ воспитателемъ и просвѣтителемъ (4, 30—32). Таковъ процессъ возрожденія духовнаго словомъ Божіимъ, насаждающимъ и устрояющимъ внутри человѣка царствіе небесное! Къ этимъ притчамъ, изображающимъ характеръ развитія царстія небеснаго внутри человѣка, Іисусъ Христосъ, какъ даетъ замѣтить ев. Маркъ (ст. 33), и какъ восполняя его, говоритъ ев. Матѳей (гл. 13), присоединилъ еще нѣсколько притчей изображающихъ частію тотъ же внутренній характеръ царствія небеснаго (ст. 33), частію тѣ препятствія, которыя встрѣчаетъ оно на пути своего развитія (ст. 24—30. 36—42), и наконецъ высочайшее благо участія въ немъ (ст. 44. 45. 52), этимъ заключилъ свои приточныя наставленія. Новый способъ проповѣди былъ такъ привлекателенъ, что ученики нѣсколько разъ обращались къ виновнику его за объясненіемъ приточныхъ изреченій (Мат. 13, 10—23 ;36—42); уясняя смыслъ и значеніе ихъ и сознавая высоту и достоинство истинъ въ нихъ облеченныхъ, Іисусъ Христосъ ублажалъ своихъ учениковъ за то, что они изъявляютъ готовность и расположенность извѣдать силу ихъ до послѣдней возможности, постигнуть тайны царства небеснаго во всемъ ихъ величіи. Онъ по истинѣ увѣрялъ ихъ, что многіе пророки и праведники ветхаго завѣта, прозрѣвавшіе дни явленія Его, желали видѣть то, что они видятъ и слы-

шатъ то, что они слышатъ; ихъ же очи блаженны за то, что видятъ и уши за то, что слышатъ (....ὅτι βλέπουσιν... ὅτι ἀκούουσιν Матѳ. 13, 16. 17). [1]).

Съ этого времени, когда столь грубое и умышленное обвиненіе взведенное іудейскими законоучителями на божественнаго наставника не удалось, и народъ не переставалъ слѣдовать за Нимъ, Іисусъ Христосъ уже предвидя свой исходъ (12, 39. 40), и милосердуя о народѣ, не имѣвшемъ истиннаго пастыря (Матѳ. 2, 36), сосредоточиваетъ все свое вниманіе на преданнѣйшихъ ученикахъ, готовя ихъ быть продолжителями своего спасительнаго служенія. Съ ними онъ теперь чаще избираетъ уединенныя мѣста для бесѣды, ихъ однихъ нерѣдко дѣлаетъ свидѣтелями необычайныхъ чудесъ, съ ними путешествуетъ въ такія мѣста, которыхъ доселѣ еще не посѣщалъ. Всѣмъ этимъ воспитывая и укрѣпляя ихъ вѣру въ Себя, какъ истиннаго божественаго Посланника, Онъ вмѣстѣ предуказывалъ будущіе радостные и печальные опыты ихъ не легкаго служенія. Въ виду ознакомленія ихъ съ болѣе широкимъ кругомъ дѣятельности и для приготовленія къ мужественной борьбѣ съ препятствіями Онъ теперь оставляетъ Капернаумъ, мѣсто ихъ покойнаго жительства, и отправляется съ ними въ лодкѣ на восточный берегъ Геннисаретскаго озера. Первое путешествіе ихъ по озеру, хорошо извѣстному нѣкоторымъ изъ нихъ, показало, какъ мало еще было у нихъ вѣры въ величіе своего будущаго призванія! Не смотря на опытность нѣкоторыхъ изъ нихъ въ плаваніи, не смотря на присутствіе среди ихъ уважаемаго Учителя, чудесныя и необычайныя дѣла котораго они не разъ уже видѣли, когда сверхъ ожиданія, поднялась буря и тихіе воды озера дошли до штур-

[1]) Подлинный смыслъ этихъ словъ открывается по сличеніи ихъ съ предшествующими: „они видя не видятъ, и слыша не слышатъ... огрубѣло сердце людей сихъ и ушами съ трудомъ слышатъ и очи свои сомкнули да не узрятъ“... Сближеніе касается собственно силы воспріемлемости проповѣдуемыхъ истинъ, къ которымъ апостолы оказали такое глубокое вниманіе.

ма, изнемогшій же учитель ихъ отъ сильныхъ потрясеній въ это время отдыхалъ на кормѣ, они потеряли мужество духа, и съ воплями отчаянія бросились къ Нему, взывая: *Наставникъ! погибаемъ.* Однимъ словомъ утишивъ бурное теченіе стихій, Онъ обратился къ нимъ съ легкимъ укоромъ „что вы такъ боязливы? какъ у васъ нѣтъ вѣры“. Послѣ того, что они видѣли, имъ можно было встрѣтить опасность не съ криками отчаянія, но съ мужествомъ упованія. Чудо, по своей необычности, оставило въ ихъ духѣ глубокое впечатлѣніе [1]).

По прибытіи въ страну Гадаринскую, Учителя ихъ ожидала новая слава; ихъ встрѣтилъ бѣсноватый въ самомъ жалкомъ видѣ; изступленіе его достигло такой степени, что не могли уже терпѣть его въ обществѣ здоровыхъ людей; изгнанный изъ среды ихъ, онъ жилъ въ скалистыхъ горахъ, среди пещеръ, служившихъ мѣстомъ для погребенія, нападая на проходящихъ, толкаясь о камни, и испуская дикіе вопли. Іисусъ Христосъ, убѣдившись въ его совершенно безпомощномъ состояніи (на Его вопросъ: какъ тебѣ имя? онъ отвѣчалъ: легіонъ, т. е. вынаружилъ совершенную потерю сознанія и полное безпамятство), мгновенно исцѣлилъ его своею всесильною помощію; но славѣ и величію совершеннаго чуда не соотвѣтствовалъ на этотъ разъ пріемъ, оказанный бывшими его свидѣтелями. Доселѣ ученики привыкли видѣть своего Наставника ублажаемымъ народомъ за совершеніе необычайныхъ дѣлъ, окруженнымъ имъ со всѣхъ сторонъ; теперь они были свидѣтелями того, какъ Гадариняне, встревоженные понесенными убытками

---

[1]) Отрицательная критика по обыкновенію считаетъ это событіе или *миѳическимъ* (Штраусъ) или *символическимъ*, образно изображающимъ или то спокойствіе духа, которое онъ ощутилъ съ привнесеніемъ въ міръ новаго ученія (Шнейермахеръ) или то, которое произвели на учениковъ утѣшительныя слова Іисуса Христа (Шенкель). Нѣтъ психической основы для объясненія его происхожденія нѣлъ и дѣйствительности чуда.

при совершеніи чуда, изъ-за него же просили Его оставить ихъ страну; имъ напередъ пришлось увидѣть то, что они послѣ слышали въ назиданіе: „ежели Мене гнали, будутъ гнать и васъ“ (Іоан. 15, 29) [1]). По возвращеніи въ Капернаумъ эта печальная сцена смѣнилась радостною: народъ спѣшилъ привѣтствовать своего уважаемаго Учителя, среди его къ Нему приближался одинъ изъ начальниковъ синагоги, ища его помощи для своей дочери, лежавшей на смертномъ одрѣ; на пути къ его дому кровоточивая женщина по своей необыкновенной вѣрѣ чрезъ одно прикосновеніе къ краю одежды Его исцѣлѣла. Вслѣдъ затѣмъ умершая дѣвица по одному воззванію воскресла изъ мертвыхъ; то и другое событіе по своей необычайности должны были произвесть глубокое впечатлѣніе на бывшихъ ихъ свидѣтелями Его послѣдователей; впрочемъ при совершеніи послѣдняго чуда Онъ позволилъ присутствовать только тремъ преданнѣйшимъ ученикамъ, и по возстаніи дѣвицы строго за-

---

1) Разсказъ о Гадаринскомъ бѣсноватомъ евангелистовъ Марка и Луки 5, 1—20; 8, 26—39) нѣсколько въ измѣненномъ видѣ передается у св. Матѳея 8, 28—34; а) страна, въ которую прибылъ Іисусъ Христосъ называется (гергесинскою; б) упоминается не о двухъ бѣсноватыхъ такого же рода, а объ одномъ только. Разности эти еще древніе толковники находили возможнымъ примирять между собою безъ особеннаго труда. Еще Оригенъ Гергесу называлъ πόλις ἀρχαία (Opp. IV. стр. 140 ed. de la Rue); нѣкоторые изъ новыхъ изслѣдователей почти увѣрены, что это былъ небольшой городокъ, прямо противоположный Капернауму напротивоположной сторонѣ Геннисаретскаго озера (см. Ѳаррара, жизнь Іисуса Христа въ перев. Матвѣева стр. 167). Гадара, это по всей вѣроятности извѣстный городъ въ древности, лежавшій нѣсколько южнѣе геннисаретскаго озера. Такимъ образомъ по этому послѣднему городу, какъ главному въ этомъ участкѣ, страна могла быть названа Гадаринскою, а по мѣсту прибытія—гергесинскою. Что касается двухъ бѣсноватыхъ, упоминаемыхъ ев. Матѳеемъ, то ев. Маркъ и Лука, какъ справедливо замѣчали еще Златоустъ и Августинъ могля говорить объ одномъ изъ нихъ какъ болѣе нагломъ. Чудесности этого событія не отрицаетъ современная предвзятая критика; слѣдуя своимъ психологическимъ объясненіямъ она считаетъ его возможнымъ и отвергаетъ только дальнѣйшую его обстановку, касающуюся потопленія свиней въ мотъ, видѣ въ какомъ она описана.

претилъ разглашать о немъ, опредѣляя его назначеніе для немногихъ избранныхъ (Марк. 5, 21—43 и паралл.) [1]). Это радостное впечатлѣніе вскорѣ впрочемъ опять должно было смѣниться печальнымъ. Отправляясь въ югозападную сторону отъ Капернаума, Іисусъ Христосъ еще одинъ разъ вознамѣрился посѣтить свой отечественный городъ Назаретъ [2]). Наперед зная нерасположенность своихъ соотечественниковъ и не надѣясь встрѣтить у нихъ радушный пріемъ, Онъ можетъ быть, этимъ посѣщеніемъ послѣ холодной встрѣчи чуда со стороны Гадаринянъ, хотѣлъ еще показать своимъ ученикамъ примѣръ равнодушія и невниманія къ проповѣди о самыхъ возвышенныхъ истинахъ. По обыкновенію войдя въ Синагогу въ день субботный и взявъ книгу пророка Исаіи, Онъ началъ свою рѣчь многознаменательными его словами (61, 1. 2), указывавшими въ Немъ Провозвѣстника того благословеннаго лѣта Господня, въ которое должны начаться благовѣствованіе нищимъ, исцѣленіе сокрушенныхъ сердцемъ, освобожденіе плѣнныхъ, прозрѣніе слѣпыхъ, отпущеніе измученныхъ на свободу. Не смотря на то, что изъ Его устъ лились слова благодати, возбу-

---

1) При взглядѣ на эти событія отрицательная критика считаетъ первое безспорно вѣрнымъ потому, что основаніемъ его признается самимъ Іисусомъ Христомъ вѣра—психическая основа; хотя при этомъ она не задается вопросомъ, какимъ образомъ могла родиться такая вѣра безъ созерцанія предшествующихъ чудесныхъ событій? Второе она также считаетъ возможнымъ, полагая, что слова, сказанныя Іисусомъ Христомъ для успокоенія возмущеннаго Отца дѣйствительно указывали на сонъ дѣвицы, а не на дѣйствительную ея смерть; такимъ образомъ признаетъ пробужденіе мнимо-умершей.

2) Евангелистъ Лука проповѣдь въ Назаретской синагогѣ полагаетъ при началѣ дѣятельности Іисуса Христа въ Галилеѣ (4, 16 и д.), евангелисты Маркъ и Матѳей относятъ къ позднѣйшему времени (6, 1. 13, 54); принимая во вниманіе то, что у ев. Луки упоминаются чудеса, совершенныя въ Капернаумѣ (ст. 23) и что Назаряне хотѣли Его убить (ст. 29) можно допустить, что это было уже второе посѣщеніе, возбуждавшее такую сильную ненависть и ев. Лукою вмѣстѣ съ первымъ соединенное, о которомъ не говорятъ ев. Матѳей и Маркъ.

ждавшія удивленіе, назаряне не могли примириться съ мыслію, чтобы извѣстный имъ сынъ плотниковъ имѣлъ право примѣнять къ Себѣ такія знаменательныя слова пророческія и усвоять Себѣ такую великую миссію проповѣди объ откровеніи многовѣщаннаго лѣта Господня. Для подтвержденія Его права на это, они хотѣли видѣть повторенными великія знаменія, совершенныя въ Капернаумѣ, и когда Іисусъ Христосъ замѣтилъ, что чудеса не таковъ даръ, который по прихоти и по произволу можно было бы расточать вездѣ и повсюду, что они также подлежатъ закону благодати (Лук. 4, 23—27), то озлобясь назаряне, прервали Его рѣчь, вывели вонъ изъ синагоги, повели на вершину горы, на которой растилался ихъ городъ и хотѣли было сбросить Его со скалистаго утеса (Лук. 4, 27. 29). Такъ противоположно было впечатлѣніе облагодатствованной проповѣди для людей, относившихся съ предвзятою къ ней мыслію! Не смотря на свою сострадательную любовь, не отказывавшую въ помощи нуждающимся въ ней, при такомъ ожесточенномъ отношеніи назарянянъ, Онъ не могъ совершать у нихъ ни одного такого чуда, которое выдѣлялось бы изъ ряда другихъ обыкновенныхъ и свидѣтельствовало объ Его божественномъ посланничествѣ, кромѣ исцѣленія нѣсколькихъ больныхъ чрезъ возложеніе рукъ (Лук. 4, 16—29; Марк. 6, 1—5). Уже на обратномъ пути посѣщая окрестныя села, Онъ, по всей вѣроятности, въ это время зашелъ въ лежавшій нѣсколько въ сторонѣ Наинъ и здѣсь чрезъ воскрешеніе отъ мертвыхъ сына безутѣшной вдовы совершилъ то чудо, которое по своей необычности заставило всѣхъ, видѣвшихъ Его, говорить о Немъ: „великій пророкъ возсталъ между нами и Богъ посѣтилъ людей своихъ“ (Лук. 7, 11—17) [1]).

---

1) Евангелистъ Лука ставитъ это событіе въ числѣ одного изъ окрестныхъ капернаумскихъ путешествій; безъ нарушенія его смысла и значенія оно можетъ быть причислено къ этому времени. Позднѣйшая отрицательная крити-

Засвидѣтельствовавъ себя предъ учениками рядомъ столь великихъ знаменій и чудесъ, ясно доказывавшихъ Его божеественное посланничество, ознакомивъ ихъ съ сущностію своего ученія, показавъ имъ отрадные и печальные опыты своего служенія, Основоположникъ новозавѣтнаго откровенія, дабы извѣдать, насколько способны избранные Имъ послѣдователи къ продолженію Его дѣятельности, въ видѣ предварительнаго опыта, посылаетъ ихъ однихъ на проповѣдь. Слава новаго пророка пронеслась уже далеко и жаждавшихъ слышать Его ученіе было не мало; „жатвы", какъ Онъ Самъ говорилъ, „было много, а жнецовъ мало". (Матѳ. 9, 37). Но пока Онъ ограничиваетъ взоръ своихъ новыхъ посланниковъ небольшимъ кругомъ дѣятельности: „къ язычникамъ не ходите, говоритъ Онъ, и въ городъ самарянскій не входите; а идите къ погибшимъ овцамъ дома израилева" (Матѳ. 10, 5. 6). Средствами для духовнаго возрожденіи и просвѣщенія послѣднихъ назначаетъ туже проповѣдь о небесномъ царствѣ и спасительное врачеваніе ихъ тѣлесныхъ и духовныхъ недуговъ (Матѳ. 10, 7. 8; Марк. 6, 7. 12. 13); какъ свою мессіанскую просвѣтительную дѣятельность Онъ сосредоточивалъ главнымъ образомъ около этихъ двухъ сторонъ, такъ ими же ограничиваетъ вниманіе и своихъ посланниковъ. Величіе ученія, подтверждаемое соотвѣтствующимъ величіемъ дѣлъ, должно было доставлять торжество ихъ просвѣтительному служенію. При этомъ высота и спасительность отправляемой ими миссіи освобождаютъ ихъ отъ заботъ о мелкихъ житейскихъ потребностяхъ; трудящійся для такого великаго дѣла найдетъ необходимое пропитаніе (Матѳ. 10, 9. 10).

ка уже не считаетъ этого повѣствованія составленнымъ по подражанію чудеснымъ ветхозавѣтнымъ сказаніямъ подобнаго рода *(Шенкель)*, но только въ измѣненномъ видѣ представляющимъ мнимое воскрешеніе дочери начальника капернаумской синагоги.

Успѣшное выполненіе порученной миссіи съ проповѣдію о покаяніи и совершеніемъ исцѣленій (Марк. 5, 12. 13) исполнило радостію сердца учениковъ, но еще болѣе преисполнило торжествомъ духъ Пославшаго ихъ. Въ ободреніе и подкрѣпленіе ихъ Онъ сказалъ, что Онъ уже видѣлъ сатану, царство котораго возвысилось какъ бы до неба, спадшимъ оттуда, т. е. власть и силу его разрушенными дѣйствіемъ евангелія. Онъ даетъ имъ властъ надъ всѣми силами, враждебными спасенію людей и они восторжествуютъ надъ ними безъ вреда; но не это ихъ должно приводить въ восторгъ, а то, что имена ихъ, какъ благовѣстниковъ евангелія, будутъ вписаны въ книгу избранныхъ (ср. Лук. 10, 18—20; Филип. 4, 3). Обращаясь затѣмъ съ благодарственною молитвою къ небесному Отцу, Онъ сколько славитъ въ ней благость Его за то, что Онъ сдѣлалъ проповѣдниками своей мудрости не учившихся младенцевъ, столько даетъ знать своимъ приближеннымъ, что въ Немъ они имѣютъ такого Посредника, чрезъ Котораго будутъ сообщены имъ и открыты всѣ тайны царства небеснаго (ст. 21. 22 и паралл.).

Но этотъ первый опытъ служенія благовѣстниковъ не дѣлалъ ихъ еще полными обладателями возвѣщаемаго царства; многое еще они должны были узнать о немъ, многому поучаться, чтобы быть свѣдущими и могущественными проповѣдниками его. Продолжая воспитаніе ихъ и готовя къ той великой исповѣди, которая должна была сдѣлаться какъ основою благовѣствуемаго царства, такъ и опорою всей ихъ будущей дѣятельности, Іусусъ Христосъ имѣлъ еще многое сказать имъ и многаго сдѣлать свидѣтелями и очевидцами. Вѣсть о насильственной смерти Іоанна Крестителя (Матѳ. 14, 13) и молва о томъ, что Иродъ хочетъ убить и Его (Лук. 13, 36), а такъ же усиленно напряженная дѣятельность учениковъ, требовали на нѣкоторое время уединенія (ср. Матѳ. 14, 13; Марк. 6, 31. 32). Послѣдовавшее уединеніе въ пустынное мѣсто не могло впрочемъ скрыть ихъ отъ народа; имя новаго пророка сдѣлалось до

того извѣстнымъ, что о немъ говорили вездѣ и повсюду. Иродъ (Антипа), услышавъ о Немъ, называлъ Его воскресшимъ Іоанномъ Крестителемъ, другіе считали Его Иліею, многіе вообще—пророкомъ (Марк. 6, 14—16). Еще они сами не успѣли придти къ назначенному мѣсту, какъ были окружены множествомъ народа со всѣхъ городовъ. Милосердуя о немъ, какъ не имѣющемъ пастыря, божественный Наставникъ много поучалъ его и затѣмъ къ немалому удивленію учениковъ, просившихъ отпустить народъ, нечаянно пришедшій въ пустынное мѣсто и неимѣвшій чего ѣсть, изъ пяти предложенныхъ хлѣбовъ и двухъ рыбъ силою благословенія насытилъ около пяти тысячъ человѣкъ съ остаткомъ большаго излишка кусковъ хлѣба (Марк. 6, 33—44) [1]). Совершеніемъ этого чуда Онъ безспорно имѣлъ въ виду укрѣпить вѣру въ себя, какъ божественнаго Посланника, вѣщающаго такія великія истины (Іоан· 6, 29), и народъ, послѣ видѣнія его, точно провозгласилъ Его пророкомъ, только такимъ, котораго онъ считалъ возможнымъ поставить надъ собою царемъ за обладаніе такою необычайною силою чудотворенія (Іоан. 6, 14. 15) [2]).

Послѣ такого неожиданнаго предложенія со стороны

---

[1]) Современные отрицательные критики (Ewald, Die drei crsten Evangel. 1850, 260. 261; Keim, 11. 492—496. Schenkel, 125—127; Renan, 198) не имѣя психической основы для объясненія естественности этого событія, обращаютъ его въ одно образное и символическое представленіе духовнаго насыщенія дивнымъ ученіемъ въ пустынѣ, не разрѣшая возникающихъ при такомъ пониманіи трудностей въ ходѣ евангельской исторіи (ср. Марк. 6, 41—44; Іоан. гл. 6-я) и не обращая вниманія на то, что это чудо такъ твердо запечатлѣлось въ воспоминаніи апостоловъ, что о немъ говорятъ всѣ четыре евангеласта и при томъ не одинъ разъ.

[2]) Бесѣда Іисуса Христа, сказанная по поводу чуднаго насыщенія пяти тысячъ народа пятью хлѣбами и двумя рыбами въ капернаумской синагогѣ, превосходно восполняетъ здѣсь какъ и во многихъ другихъ случаяхъ сказанія трехъ первыхъ евангелистовъ. Безъ нея не понятны были бы послѣдующія смѣлыя противодѣйствія Іисусу Христу руководителей іудейскаго народа, описанныя первыми тремя евангелистами Матѳ. 15, 1—20; Марк. 7, 1.—23 и парал.

народа, ища уединенія для себя и истомленныхъ учениковъ, Іисусъ Христосъ понуждалъ послѣднихъ отплыть въ пустынное мѣсто къ Виѳсаидѣ (по всей вѣроятности на сѣверо-западный берегъ генисаретскаго озера), Самъ же уединился на гору для подкрѣпленія себя молитвенною бесѣдою съ небеснымъ Отцемъ при стеченіи столь противорѣчивыхъ обстоятельствъ, когда одни искали Его смерти, другіе величали Его Иліею или однимъ изъ славныхъ древнихъ пророковъ, третьи хотѣли сдѣлать Его царемъ и при желаніи наконецъ открыто уяснить народу, увлекавшемуся несбыточными надеждами, цѣль своей миссіи. Эта молитва, подобно той, которою Онъ подкрѣплялъ себя предъ избраніемъ учениковъ и предъ посвященіемъ ихъ въ тайны царствія небеснаго, была напутственною предъ неприкровеннымъ признаніемъ и исповѣдію цѣли своего пришествія и совершенія чудотвореній предъ народомъ, слѣдовавшимъ за Нимъ цѣлыми тысячами, какъ показало послѣднее чудесное его насыщеніе. Приближался часъ, когда народъ, возбуждаемый слухомъ объ Его необыкновенныхъ знаменіяхъ и чудесахъ и при видѣ ихъ льстившій себя особыми надеждами, долженъ былъ наконецъ понять все значеніе Его спасительной дѣятельности. Настоятельное выясненіе его безъ всякихъ образныхъ представленій не могло обѣщать благопріятнаго впечатлѣнія; у многихъ изъ Его слѣдователей неминуемо должно было совершиться разочарованіе. Зная и предвидя такой исходъ, Іисусъ Христосъ одинъ провелъ всю ночь въ молитвенномъ уединеніи и только предъ разсвѣтомъ уже въ четвертую стражу ея явился ходящимъ по морю предъ учениками и для воспомоществованія имъ, изнемогавшимъ въ борьбѣ съ бушевавшими волнами озера. Опасность, по всей вѣроятности, и въ это плаваніе была такъ велика, что когда Іисусъ Христосъ съ спасеннымъ апостоломъ Петромъ, бросившимся при видѣ Его въ волны озера и по недостатку вѣры начавшимъ утопать, вошелъ въ лодку, то бывшіе въ ней, подойдя, поклонились

Ему и невольно сказали „воистину ты Сынъ Божій“ (Матѳ. 14. 23—33; Марк. 6, 45—52 [1]).

Послѣ прибытія въ желаемую страну и совершенія тамъ нѣкоторыхъ чудотвореній Іисусъ Христосъ направился въ Капернаумъ — любимое мѣсто проповѣди, въ которомъ Онъ могъ встрѣтить всѣхъ желавшихъ Его видѣть и гдѣ цѣлесообразнѣе всего могъ уяснить великія задачи и намѣренія своей спасительной дѣятельности. Едва Онъ успѣлъ явиться здѣсь, какъ искавшіе и нашедшіе Его обратились къ Нему съ словами: „Равви: какъ Ты очутился здѣсь“. Такое близкое обращеніе къ Нему и послужило поводомъ къ той знаменательной рѣчи въ капернаумской синагогѣ, помѣщенной евангелистомъ Іоанномъ (гл. 6), которая по важности и глубинѣ содержанія напоминаетъ нагорную проповѣдь. Какъ въ послѣдней Благовѣстникъ новаго откровенія излагаетъ основныя начала своего ученія, показываетъ его отличительный характеръ, его отношеніе къ древней ѳеократіи, къ современнымъ религіознымъ понятіямъ и религіозной практической дѣятельности, такъ и въ капернаумской бесѣдѣ евангелиста Іоанна Онъ изображаетъ духъ и характеръ новаго ученія, отношеніе къ нему чудеснаго элемента, его вѣчно не истощимыя духовныя силы, почерпаемыя поклонниками его въ тѣсномъ союзѣ и единеніи съ Нимъ, показываетъ свое совершенно—духовное и центральное значеніе въ новозавѣтномъ домостроительствѣ [2]). Отвѣчая на вопросъ, поставленный нашедшими Его,

---

[1]) Не смотря на прямое сказаніе евангелистовъ:... ἐπὶ τὴν θάλασσαν περιπατοῦντα—ходящаго по морю, поверхъ воды, отрицательная критика старается представить это чудесное шествіе или призрачнымъ или по берегу, гдѣ вода не была глубока, не обращая вниманіе на то, что такое чудо не вызвало бы приведенной исповѣди и не послужило бы предметомъ удивленія.

[2]) Капернаумская бесѣда Іисуса Христа, изложенная у ев. Іоанна, не смотря на всѣ предвзятыя сужденія современной отрицательной критики въ отношеніи къ сказаніямъ послѣдняго евангелиста, считается у представителей ея заключающею въ себѣ наиболѣе историческаго элемента и болѣе другихъ сбля-

Онъ съ первыхъ же словъ даетъ замѣтить имъ, что они усиливаются найдти Его не потому, что чрезъ чудеса Имъ совершенныя и ими видѣнныя хотятъ подняться на высоту совершеннѣйшаго нравственно-духовнаго состоянія, сдѣлать ихъ источникомъ и началомъ новой духовной жизни и въ Немъ признать и исповѣдать подателя и совершителя этой жизни, но потому что думаютъ найдти въ нихъ орудіе и средство, для достиженія и осуществленія своихъ плотскихъ стремленій и желаній, и въ Немъ исполнителя этихъ желаній (*не яко видѣсте знаменіе, но яко ясти есте хлѣбы, и насытистеся* 6, 26). Надежды обманчивы и несбыточны; не таково назначеніе обнаруживаемаго Имъ дара чудотвореній, не въ этомъ состоитъ Его миссія. Обнаружившійся въ Немъ въ это время въ такой необычайной силѣ даръ чудотворенія долженъ побуждать ихъ искать въ Немъ Подателя не этихъ гибнущихъ и скоропреходящихъ благъ, но неизмѣнно пребывающихъ и ведущихъ къ вѣчной жизни (*дѣлайте не брашно гибнущее, но брашно пребывающее въ живот* ъ *вѣчный* ст. 27). Онъ-то собственно и есть основа и Источникъ такихъ благъ. Онъ есть хлѣбъ сшедшій съ неба и обладающій такою жизнію (ὁ ἄρτος τῆς ζωῆς,) которая открываетъ двери въ вѣчность; ищущій и жаждущій такой жизни и обращающійся къ Нему, уже никогда не взалчетъ и не возжаждетъ; напротивъ возъимѣетъ стремленіе къ жизни вѣчной и Онъ воскреситъ его въ послѣдній день.... Былъ у нихъ хлѣбъ, данный имъ съ неба (Псал. 77, 24), но онъ не удовлетворялъ ихъ высшимъ вѣчнымъ требованіямъ духа и они ѣли его въ пустынѣ и умирали; Онъ же есть такой сшедшій съ неба хлѣбъ, отъ вкушенія котораго и питанія имъ живы будутъ во вѣки. Этотъ хлѣбъ есть Его собственная плоть, которую Онъ дастъ за жизнь міра; ядущій Его плоть и піющій Его кровь будетъ имѣть

жающеюся съ сказаніями трехъ первыхъ евангелистовъ (Sehenkel, 127.—128—131; Keim II, 578—580).

вѣчную жизнь и Онъ воскреситъ его въ послѣдній день (28—58). Въ этомъ завершится величайшая сила Его чудотвореній, ими созерцаемыхъ, а не въ удовлетвореніи ихъ чувственнымъ стремленіямъ.

Такое открытое и не принужденное признаніе и исповѣданіе цѣли своей миссіи и уясненіе своего отношенія къ ней, сразу отсѣкавшее всѣ льстивыя мечты и надежды, не могли не озлобить многихъ изъ его слушателей и послѣдователей, иначе думавшихъ и уповавшихъ при видѣ Его Поучающаго и Чудодѣйствующаго. Еще во время произношенія самой рѣчи нѣкоторыя изъ нихъ, не мирясь съ содержаніемъ ея, старались прервать ее напоминаніемъ Ему, что Онъ сынъ плотниковъ и слѣдовательно не можетъ усвоять себѣ такой великой миссіи, что сужденія, Имъ высказываемыя, не удобопонятны и не удобовоспріемлемы (ст. 42. 52); по окончаніи же духъ и направленіе ея многимъ даже изъ учениковъ Его показались до того жесткими (σκληρὸι), т. е., не соотвѣтствующими ихъ ожиданіямъ и настроенію, что они рѣшались навсегда разстаться съ своимъ ублажаемымъ наставникомъ (ст. 66). Не смотря на это, Онъ продолжалъ говорить, что плоть, иначе, стремленія къ плотскимъ благамъ не ведутъ къ жизни, безполезны въ этомъ отношеніи, и только духъ, которымъ Онъ обладаетъ, есть животворящъ. (ζωοποιοὺν); Его же слова суть духъ и жизнь (ст. 62—64) [1]). Желая испытать преданность и узнать взглядъ на изложенное ученіе приближеннѣйшихъ двѣнадцати послѣдователей, Благовѣстникъ новаго откровенія обратился и къ нимъ съ вопросомъ: не хотите ли и вы отойти? но въ отвѣтъ услышалъ признаніе ап. Петра, говорившаго отъ лица всѣхъ остальныхъ: „Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни; и мы увѣровали и познали, что Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“ (68—69), ина-

[1]) Въ 63 ст. слова плоть и духъ (ἡ σὰρξ, τὸ πνεῦμα) употреблены безъ прибавленія μου, слѣдовательно могутъ быть понимаемы въ общемъ значеніи.

че, мы познали Тебя не только въ дѣлахъ, но и въ ученіи; Твои дѣла намъ открыли, что Ты владѣешь истиною, ведущею къ жизни вѣчной и вслѣдствіе этого мы увѣровали и признали Тебя Христомъ, Сыномъ Бога живаго (ср. Іоан. 5, 36—38).

Послѣдовавшее отпаденіе отъ Іисуса Христа многихъ изъ числа близкихъ Его послѣдователей не могло укрыться отъ взора, внимательно слѣдившихъ за всѣмъ совершающимся во кругъ Него законоучителей іудейскаго народа. Пришедшіе уже изъ Іерусалима книжники и фарисеи для наблюденія за новымъ учителемъ, пріобрѣтавшимъ большее число поклонниковъ, послѣ этого случая, съ большею смѣлостію подступаютъ къ Нему и требуютъ прямой отвѣтственности въ нарушеніи Его учениками увѣковѣченныхъ преданій старцевъ. Какъ замѣчаетъ ев. Маркъ, преданія, соблюдавшіяся фарисеями, и подъ ихъ вліяніемъ и всѣми іудеями, были весьма разнообразны въ это время и касались едва не каждаго шага въ жизни (7, 2—4). Помимо того, что они каждый разъ умывали руки предъ принятіемъ пищи, имъ вмѣнялось въ обязанность каждый разъ очищать себя чрезъ погруженіе (ἐὰν μὴ βαπτίσωνται) по приходѣ съ торжища, на которомъ они могли соприкасаться съ людьми нечистыми, также очищать чрезъ погруженіе чаши, котлы, кувшины и скамьи, ими употребляемые (βαπτισμοὺς ποτηρίων...). Подъ руководствомъ божественнаго Наставника Его ученики отрѣшались отъ многихъ изъ такихъ внѣшнихъ религіозныхъ обрядностей, не выражавшихъ и не касавшихся внутренняго состоянія духа. Фарисеи, какъ блюстители преданій вѣры, подъ предлогомъ требованія оправданія, упрекаютъ Іисуса Христа въ томъ, что Онъ распространяетъ неуваженіе къ религіи отцовъ между своими послѣдователями. Зная ихъ умыселъ и тѣмъ съ большею ревностію, спѣша оправдать своихъ учениковъ и указать послѣднимъ и имъ самымъ коренное отличіе праведности, Имъ проповѣдуемой и ими защищаемой, Онъ въ отвѣтѣ своемъ

въ первый разъ употребляетъ названіе лицемѣры (ὑποκριταί),—характеризующее основу ихъ благочестія и словами самаго Исаіи изображаетъ то нравственно-религіозное состояніе, въ которомъ они находятся (Марк. 7, 1—8 и парал.). Въ нихъ Онъ прямо указываетъ, что печатію ихъ благочестія служитъ внѣшняя личина праведности, что по внѣшнему виду они дѣйствительно весьма благочестивы, но въ сердцѣ совершенно извращены. Чтобы показать на дѣлѣ оправданіе этого положенія, Онъ беретъ для примѣра одну изъ заповѣдей закона, которою естественное чувство почитанія и уваженія дѣтьми родителей возвышалось и освящалось еще религіознымъ обязательствомъ, узаконявшимъ вспомоществованіе нуждавшимся или престарѣвшимъ отцу и матери. Между тѣмъ силою своихъ преданій Фарисеи заглушали и подавляли это естественное нравственное чувство, установивъ извѣстный храмовой взносъ для желавшихъ освободиться отъ этого священнаго долга. Чтобы сдѣлать внушительнѣе изобличеніе извращенной фарисейской нравственности, Онъ подзываетъ народъ, стоявшій, по всей вѣроятности, вдали и во уши всѣхъ могущихъ слышать высказываетъ высокое начало святости: „ничто входящее въ человѣка извнѣ не можетъ осквернить его, но что исходитъ изъ него, то оскверняетъ человѣка; худыя мысли, незаконныя желанія, преступныя стремленія никогда не осуществлялись бы въ злыхъ дѣлахъ, еслибы не находили пріюта, не поддерживались и не воспитывались въ сердцѣ человѣка; ихъ то рощеніе и воспитаніе внутри человѣка и допущеніе къ вынаруженію есть источникъ зла (7, 9—16). Когда такое разоблаченіе извращенности нравственныхъ понятій фарисеевъ предъ народомъ крайне оскорбило ихъ и ученики, замѣтивъ это, не замедлили передать своему Наставнику о возбужденномъ Имъ негодованіи, Онъ отвѣтилъ имъ: „всякое растеніе, которое не Отецъ Мой небесный насадилъ, искоренится; оставьте ихъ: они слѣпые вожди слѣпыхъ; и если слѣпой ведетъ слѣпаго, то оба упадутъ въ яму“, ксякое

общество, устрояющееся и созидающееся не на силѣ слова Божія, рушится подобно зданію, построенному на пескѣ; не слѣдуйте имъ и измышленному ими ученію, они способны быть руководителями только притупившихъ зрѣніе къ сіянію свѣта Божія и не способныхъ его видѣть; естественное слѣдствіе такого руководства—паденіе обоихъ въ яму (Матѳ. 15, 13. 14) 1).

Послѣ такого конечнаго приговора, произнесеннаго на ослѣпленныхъ руководителей и ослѣпленный народъ, послѣ того какъ многіе изъ среды того же народа, раздѣлявшіе его воззрѣнія, перестали слѣдовать за Іисусомъ Христомъ, божественный Наставникъ для указанія своимъ преданнымъ ученикамъ новаго поприща для дѣятельности отправился съ ними въ страны тирскія и сидонскія т. е. въ мѣстности близко лежавшія около этихъ древнихъ славныхъ языческихъ городовъ (Марк. 7, 24; Матѳ. 16; 28). Въ идеѣ, проповѣдуемаго Имъ небеснаго царства, какъ созидаемаго на духовныхъ качествахъ человѣческой природы, лежала основа распространенія его среди всѣхъ націй и народовъ; какъ царство истины, правды, мира и любви, оно могло обнять всѣ народы; въ осуществленіи его нравственнаго идеала могли объединиться всѣ націи. Не смотря на это, Благовѣстникъ новыхъ истинъ до настоящаго времени проповѣдывалъ среди народа избраннаго, какъ болѣе подготовленнаго къ усвоенію Его ученія, какъ народа близкаго къ нему по плоти и крови (ср. Римл. 3, 2; 9, 5). Но когда этотъ народъ и его руководители оказали такое сильное противодѣйствіе Его ироповѣди, тогда взоръ Его обращается на тѣ самые языки, къ которымъ въ первое время своего служенія Онъ не хотѣлъ еще посылать своихъ проповѣдни-

---

1) *Вожди суть слѣпи слѣпцемъ*, подъ послѣдними слѣдуетъ разумѣть не однихъ ближайшихъ учениковъ фарисеевъ но и весь руководимый ими народъ, который по своему нравственному состоянію былъ также слѣпымъ ср. Матѳ. 13, 13—15.

ковъ (Матѳ. 10, 5), тогда своимъ собственнымъ примѣромъ Онъ освящаетъ обращеніе и призваніе этихъ языковъ къ небесному царству. Но не поставляя цѣлію своей миссіи благовѣствованіе среди не избранныхъ племенъ, зная, что Ему предлежитъ закончить свое служеніе среди излюбленнаго Имъ народа, Онъ послѣ перваго примѣра, доказывавшаго въ лицѣ увѣровавшей хананеянки полную способность и возможность призванія членовъ и не избранныхъ племенъ къ небесному царству, возвращается къ предѣламъ Галилейскаго озера, но уже не чрезъ окрестности капернаумскія, но чрезъ десятоградіе (ср. Марк. 7, 24—31; Матѳ. 15, 21—29) [1]). Послѣ совершенія здѣсь еще нѣкоторыхъ знаменій и чудесъ [2]), послѣ привлеченія къ Себѣ этими новыми чудесами множества послѣдователей и возбужденія чрезъ это самое новаго желанія у книжниковъ и фарисеевъ унизить Его въ глазахъ народа требованіемъ такого знаменія, отъ совершенія котораго Онъ по характеру своего ученія долженъ былъ отказаться [3]), божественный настав-

---

[1]) Любимымъ мѣстомъ дѣятельности Іисуса Христа была западная сторона Генисаретскаго озера; здѣсь лежали всѣ тѣ мѣстности, которыя Онъ посѣщалъ чаще другихъ. Десятоградіе же лежало на восточной сторонѣ.

[2]) Исцѣленія слѣпыхъ, нѣмыхъ (Матѳ. 15, 30. 31) и между ними выдававшагося глухаго косноязычнаго (Марк. 8, 32 и д.) современная отрицательная критика по своимъ психическимъ основамъ, въ ограниченномъ видѣ, не отвергаетъ, но чудесное насыщеніе четырехъ тысячъ, здѣсь послѣдовавшее (Матѳ. 15, 32—36. Марк. 8, 1—9), она считаетъ дублетомъ перваго, не имѣвшимъ здѣсь никакого историческаго основанія, не стѣсняясь тѣмъ, что это новое чудо, привлекшее множество послѣдователей, и было причиною новаго нападенія книжниковъ и фарисеевъ, требовавшихъ знаменія съ неба, могущаго доказать Его мессіанское достоинство, а не земнаго.

[3]) При послѣднемъ Галилейскомъ столкновеніи фарисеи искушая, какъ замѣчаютъ евангелисты, требовали знаменія съ неба т. е. такого, которое подтверждало ихъ и ихъ народныя чаянія и ожиданія касательно Мессіи. Іисусъ, зная ихъ умыселъ и не желая потворствовать ихъ земнымъ упованіямъ, указываетъ на достаточныя для вѣры въ Него знаменія времени и въ заключеніе возводитъ ихъ взоръ къ послѣднему знамени, имѣющему доказать Его божественное достоинство (Матѳ. 16, 1—4 и паралл.)

никъ съ своими ближайшими послѣдователями уединяется въ страны Кесаріи Филипповой и здѣсь, желая вызвать ихъ на чисто сердечную и искреннюю исповѣдь, мимоходомъ только высказываемую ими при прежнихъ отдѣльныхъ случаяхъ (ср. Матѳ. 15, 33; Іоан. 5, 68. 69), чрезъ которую могъ бы убѣдиться въ ихъ совершенной зрѣлости и способности продолжать Его служеніе, Онъ обращается къ нимъ съ такимъ вопросомъ: *кого мя глаголютъ человѣцы быти Сына человѣческаго?* И когда послѣ приведенія мнѣній народа, считавшаго Его то за Іоанна Крестителя (по всей вѣроятности воскресшаго изъ мертвыхъ ср. Матѳ. 14, 2), то за Илію, то за Іеремію или одного изъ пророковъ, Онъ спросилъ учениковъ: *вы же кого мя глаголете быти?* очевидно давая этимъ знать, что предшествующая исповѣдь не вполнѣ соотвѣтствуетъ Его величію, и въ отвѣтъ получилъ отъ апостола Петра, говорившаго отъ лица всѣхъ, такое признаніе: „Ты Христосъ, Сынъ Бога живаго“, Ты Мессія (Христосъ еврейски Машіахъ—Мессія), но съ достоинствомъ не пророка только, но Сына Божія (единственнаго ср. Марк. 12, 6) [1]), тогда считая это исповѣданіе вполнѣ выражающимъ и опре-

---

[1]) При уясненіи значенія названія — *Сынъ Божій* — слѣдуетъ обратить вниманіе (согласно съ замѣчаніемъ Ѳеофилакта Болгарскаго) на то, что υἱὸς τοῦ Θεοῦ.., здѣсь поставлено не безъ члена, какъ напримѣръ въ посланіяхъ ап. Павла: οὗτοι υἱοί εἰσιν Θεοῦ Римл. 8, 14,... ὅτι δέ ἐστε υἱοί, ἐξαπέστειλεν ὁ Θεός... или οὐκέτι εἰ δοῦλος ἀλλὰ υἱός; εἰ δὲ υἱός, καὶ κληρονόμος διὰ Θεοῦ Галат. 4, 6. 7, гдѣ идетъ рѣчь о благодатномъ сыновствѣ, но съ членомъ — ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ— указывающимъ на особенность и единственность сыновства, какъ видно изъ дальнѣйшихъ евангельскихъ рѣчей о немъ ср. Матѳ. 21, 37. 38; Марк. 12, 6; Лук. 20, 13. Возраженіе нѣкоторыхъ новѣйшихъ толковниковъ (Мейера стр. 350), что только по воскресеніи апостолы возъимѣли ясное представленіе о сыновствѣ Іисуса Христа и только послѣ него стали называть Его сыномъ въ смыслѣ метафизическомъ, не можетъ устранить и предшествующаго возвышеннаго представленія ихъ о Немъ. Какъ мы выше замѣчали (стр. 169) и какъ видно даже изъ евангельскаго сказанія ср. Іоан. 7, 26. 27 у современныхъ іудеевъ даже среди народа было распространено мнѣніе о имѣющемъ придти Мессіи, какъ о сверхъестественномъ существѣ.

дѣляющимъ Его существо, послѣ ублаженія ап. Петра, высказавшаго его и замѣчанія, что не плотскія представленія его соотечественниковъ приготовили его къ нему, но Отецъ небесный, открывшій чрезъ Него свою волю, Онъ сказалъ, что на этомъ исповѣданіи, какъ вполнѣ соотвѣтствующемъ Его достоинству и способномъ сдѣлать твердыми и прочными основы проповѣданнаго Имъ ученія, Онъ создаетъ свою церковь, которой, какъ построенной на такомъ незыблемомъ основаніи, не поколеблютъ уже и врата адовы (Матѳ. 16, 13—18) [1]). Очевидно, что сущность этой исповѣди, придающая ей такое важное значеніе въ дѣлѣ приготовленія апостоловъ къ проповѣди, состоитъ въ невынужденномъ, но свободно воспитанномъ и подготовленномъ ученіемъ и дѣлами признаніи божественности въ лицѣ Іисуса Христа; только божественное достоинство Его лица могло сдѣлать предметомъ вѣры тѣ великія истины, кото-

---

1) Выраженія въ 17 ст. σὰρξ καὶ αἷμα хотя обыкновенно означаютъ слабаго немощнаго человѣка (ср. Галат. 1, 16; Ефес. 6, 12), тѣмъ не менѣе здѣсь въ контекстѣ рѣчи сообразнѣе понимать въ смыслѣ плотскихъ стремленій, которыми руководился современный іудейскій народъ. Ап. Петръ собственно прославляется за то, что, судивъ объ Іисусѣ Христѣ не по плотскимъ воззрѣніямъ своихъ соотечественниковъ. „Еслибы онъ почелъ Его сыномъ, какъ хорошо замѣчаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, подобнымъ многимъ, то его слова не заслуживали бы блаженства“. О томъ, что ему не человѣкъ открылъ, не могло быть и рѣчи; но у него уже не дѣйствовали тѣ чувственныя представленія, которыя препятствовали озаренію небеснаго Отца у другихъ ср. Матѳ. 11, 25.— σὺ εἶ Πέτρος καὶ ἐπὶ ταύτῃ τῇ Πέτρᾳ... что послѣдними образными выраженіями указывается на исповѣдь ап. Петра, въ этомъ едва ли можетъ быть сомнѣніе; не на апостолѣ Петрѣ, который нѣсколько разъ падалъ, изнемоглъ въ вѣрѣ, но на исповѣданіи, отъ котораго онъ никогда не отрекался, Іисусъ Христосъ обѣщалъ создать церковь. Здѣсь именно указывается на то внутреннее достоинство исповѣданія, которое по присущему ему характеру подобно камню, на которомъ можетъ быть воздвигнуто незыблемое зданіе. Ἐκκλησία евр. kahal первоначально означало вообще религіозное собраніе въ дѣйствительности Дѣян. 18, 39; здѣсь представляется въ отвлеченномъ видѣ какъ союзъ вѣрующихъ, какъ царство Божіе на землѣ (ст. 19).

рыя Онъ повѣдалъ міру; безъ признанія этого достоинства, хотя бы Онъ былъ считаемъ Мессіей, но только явившимся въ качествѣ одного изъ великихъ пророковъ, подобныхъ Иліи или Іоанну Крестителю, Его ученіе и проповѣдуемое царство не имѣли бы основы для непреложной вѣры; только сознательное убѣжденіе въ первомъ давало твердую опору для всего послѣдующаго. Потому-то Іисусъ Христосъ, не останавливаясь на народной исповѣди, обращается къ ученикамъ, ожидая отъ нихъ въ этомъ отношеніи особенности въ признаніи, и послѣ произнесенія ими своего исповѣданія, ублаживъ въ лицѣ апостола Петра всѣхъ ихъ, предрекаетъ вѣчное стояніе ново-устрояемой церкви; мало того, въ лицѣ же ихъ, такъ Его исповѣдавшихъ, обѣщаетъ дать ей правильное законообразное устройство, сосредочивая въ ихъ рукахъ ключи небеснаго царства, т. е. право дарованія входа и вступленія въ эту духовную область, право опредѣленія, кто можетъ и кто не долженъ быть впускаемъ въ это созидающееся общество вѣрующихъ и самую власть разрѣшенія и воспрещенія входа на основаніи нравственныхъ качествъ, достоинствъ и недостатковъ вступающихъ и сдѣлавшихся ея членами (Матѳ. 16, 19) [1]. Словомъ, права ветхозавѣтной іерархіи, основанныя на ветхозавѣтномъ божественномъ домостроительствѣ, Онъ обѣщаетъ передать въ ихъ руки и облечь ихъ новою духовною силою и властію.

Въ такомъ видѣ представляя взору учениковъ будущность созидаемой церкви, на основаніи данной ими исповѣди, Благовѣстникъ новаго божественнаго откровенія возвѣщаетъ, что доставить ей такую славную будущность Онъ

---

[1]) Право вязать и разрѣшать—δέειν λύειν—предполагаетъ не только право первоначальнаго дозволенія входа въ общество вѣрующихъ и изгнанія изъ него, но и дальнѣйшаго въ немъ распоряженія, — нравственно-духовнаго суда, безъ котораго немыслимо было бы правильно устроенное общество ср. Матѳ. 18, 18; Іоан. 20, 23.

можетъ только путемъ тяжкихъ испытаній, что для славы ея и своей Онъ долженъ идти въ Іерусалимъ, много тамъ пострадать отъ старѣйшинъ, первосвященниковъ и книжниковъ, быть убиту и въ третій день воскреснуть (ст. 21). Ученики уже успѣли сродниться съ тою мыслію, что Онъ, какъ возвѣщающій имъ глаголы вѣчной жизни, можетъ быть признанъ и исповѣдуемъ ими Мессіей, Христомъ, Сыномъ Божіимъ (Іоан. 6, 68, 69), но они еще не прозирали въ Его будущее назначеніе и опредѣленіе. До настоящаго времени Іисусъ Христосъ открыто не говорилъ съ ними о предстоявшей Ему тяжкой чашѣ страданій и испытаній; теперь только послѣ искренней и задушевной ихъ исповѣди Онъ сталъ открывать имъ тайны своего предопредѣленія, и эта новость была для нихъ тѣмъ не ожиданнѣе, что послѣдовала вдругъ за изображеніемъ славы ихъ будущаго служенія. Вслѣдствіе этого въ лицѣ того же апостола Петра, только что возвеличившаго своего наставника, они высказали не только изумленіе, но даже какъ бы недовѣріе къ Его словамъ (*не имать быти тебѣ сіе* ст. 22). Не смотря на это, божественный Наставникъ прямо объявилъ, что не только Онъ, но и всякъ желающій быть истиннымъ Его послѣдователемъ долженъ достигать предуказанной ему славы путемъ самоотверженія и креста; ибо, еслибы кто захотѣлъ оберегать, спасать (σῶσαι) свою душу отъ этого тяжкаго пути испытаній, тотъ погубилъ бы ее, не допустивъ въ ней развитія и стремленія къ высшимъ совершенствамъ и слѣдовательно къ унаслѣдованію вѣчной жизни; кто же захочетъ губить (ἂν ἀπολέσῃ) ее ради Его, ради указываемаго Имъ блага, тотъ найдетъ (εὑρήσει) ее въ унаслѣдованіи вѣчной жизни (ст. 24—26) [1]).

---

[1]) Не смотря на то, что нѣкоторые критики отрицательнаго направленія въ послѣднее время стали считать невѣроятнымъ предреченіе Іисусомъ Христомъ своихъ страданій въ концѣ галилейской дѣятельности (Holsten, Zum Evang. d. Paul. u. d. Petrus 1868 стр. 151 и дал. *Volkmar*, Die Evangelien 1870,

Открытіемъ тайны своего назначенія, опредѣленіемъ и указаніемъ событій послѣднихъ дней своей земной жизни Іисусъ Христосъ заканчивалъ свою миссію въ Галилеѣ. Преданнѣйшіе изъ Его послѣдователей уже сроднились съ духомъ Его ученія; неспособные проникнуть въ его глуби ну, навсегда отъ Него отдѣлились; немногочисленное общество осталось Ему вѣриымъ. Съ другой стороны ненависть законоучителей и руководителей іудейскаго народа дошла до обѣта погубить Его; въ связи съ Иродіанами они готовили Ему неизбѣжную смерть; но эта кровавая развязка, это послѣднее рѣшеніе между борющимися на жизнь и смерть, должны были послѣдовать не въ Галилеѣ, но въ самомъ сердцѣ Θеократіи—въ Іерусалимѣ, въ этомъ средоточіи тогдашней іудейской власти; сюда Божественный Наставникъ спѣшилъ предстать на судъ съ своимъ ученіемъ предъ верховными блюстителями закона; здѣсь Онъ готовился завершить свою миссію, запечатлѣть свое дѣло кровію, препобѣдить ложь своею любовію, и умереть позорною казнію преступника, чтобы чрезъ нее обратить самое проклятіе въ благословеніе. Проникнутый глубокимъ сознаніемъ необходимости умереть для блага міра, для доставленія побѣды и торжества въ немъ своему ученію, готовясь отдать душу

стр. 450 и дал.), между ними же есть не мало поборниковъ и противоположнаго взгляда (Schenkel, 1873 стр. 154 и д. и 410; Keim 11. 2. стр. 557 и д.); хотя послѣдними это предреченіе низводится на степень обыкновеннаго предвѣдѣнія, но по крайней мѣрѣ оно нитолько не считается противорѣчащимъ евангельскимъ сказаніямъ и событіямъ, но даже необходимымъ въ ряду ихъ. Иначе всѣ они относятся къ предсказанію воскресенія. Почти единодушно они говорятъ, что это предсказаніе было общимъ изображеніемъ торжества и побѣды Его царства, освобожденія общества вѣрующихъ отъ преслѣдованій и поношенія и возбужденія въ немъ новой жизни десницею небеснаго Отца, которое въ послѣдствіи времени произвольно было обращено въ ученіе о личномъ воскресеніи (Schenkel, 154, 410. 411). Но объясняя такъ, они не замѣчаютъ, что дѣлаютъ подрывъ своей психической гипотезѣ привидѣній Воскресшаго.

свою за спасеніе людей [1]), приглашая своихъ ближайшихъ учениковъ слѣдовать по пролагаемымъ стопамъ, Онъ въ напутствіе послѣднихъ и для предварительнаго завѣренія ихъ въ величіи той славы, къ которой велъ ихъ и на которую недавно указывалъ имъ, еще предъ выходомъ изъ Галилеи, сдѣлалъ трехъ преданнѣйшихъ изъ нихъ свидѣтелями еще не виданнаго ими Его величія, подобнаго тому, свидѣтелемъ котораго былъ Іоаннъ Креститель предъ выступленіемъ Его на служеніе. Окруженный свѣтомъ новаго божественнаго откровенія, въ сіяніи высшаго міра, Онъ предсталъ взорамъ ихъ въ сообщничествѣ двухъ великихъ свидѣтелей древней ѳеократіи Моисея и Иліи (Матѳ. 17, 1—3 и парал.) [2]). Пораженные и изумленные ученики то погружались въ сонъ, то предавались боязни, теряя сознаніе (ср. Лук. 9, 32; Матѳ. 17, 6 и д.; Марк. 9, 6); если до настоящаго времени они преимущественно были свидѣтелями величія Его человѣческаго естества, то теперь созерцали Его во свѣтѣ божественнаго достоинства. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ, было такъ велико, что они долго не могли оторваться отъ него, и сойдя съ горы еще разсуждали о тѣхъ лицахъ, которыхъ видѣли (ср. Матѳ. 17, 10—13; Марк. 9,

---

[1]) Въ настоящее время нѣкоторые изъ отрицательныхъ критиковъ усиленно стараются доказать что идея очистительной и искупительной силы страданій Іисуса Христа составляетъ собственно предметъ богословія ап. Павла (Hausrath, Holsten), но она со всею силою и очевидностію выступаетъ въ этомъ самовольномъ обреченіи Іисусомъ Христомъ Себя на страданія и смерть; безъ этого обреченія на искупленіе она не сдѣлалась бы принадлежностію богословія Павлова.

[2]) Въ настоящее время вопреки древнему преданію принято, считать горою преображенія Іисуса Христа не Ѳаворъ, но Ермонъ (*Мейеръ Ѳаррара* и др.), какъ находящійся вблизи Кесаріи Филипповой, но шесть дней, по прошествіи которыхъ послѣдовало преображеніе, могутъ служить подтвержденіемъ и древле-церковнаго преданія. Этого времени было достаточно, чтобы прибыть на Ѳаворъ, лежавшій южнѣе Генисарсскаго озера.

11—13) [1]). Проходя сквозь Галилею, Іисусъ Христосъ исцѣлилъ еще одного необыкновеннаго бѣсноватаго, предъ которымъ оказались безсильными Его ученики, и на которомъ Онъ показалъ, какою нравственно-духовною высотою нужно обладать, чтобы быть въ силѣ врачевать подобнаго рода недуги. Вѣра съ молитвеннымъ расположеніемъ духа, подкрѣпляемымъ постомъ, должна быть необходимымъ условіемъ врачеванія болѣзней этого рода (Матѳ. 17, 14—21 и паром.). Подходя къ Капернауму, который Онъ намѣревался посѣтить уже въ послѣдній разъ предъ выходомъ изъ Галилеи, божественный Наставникъ замѣтилъ оживленный споръ между своими учениками, шедшій, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ послѣднихъ событій. Недавно исповѣдавъ своего Учителя Сыномъ Божіимъ, удостоившись созерцать Его необычайную небесную славу, но еще не про-

---

1) Большинство современныхъ отрицательныхъ критиковъ, не рѣшаясь обращать это событіе въ одно миѳическое или сагическое преданіе, составленное по примѣру сказанія о Моисеѣ (Исх. 24, 9 и д. 34, 29 и д. Strauss, Wittichen, 1876 стр. 202, 203), признавая за нимъ внутреннюю дѣйствительность, и въ этомъ духѣ стараясь объяснить евангельскія сказанія о немъ, этимъ самимъ лучше всего доказываютъ безсиліе раціоналистическаго пониманія предъ неразгаданностію событія. Обращая это событіе въ одно приготовленіе учениковъ къ новому пониманію духа ветхозавѣтнаго откровенія, въ одно раскрытіе предъ ними тайнъ новаго домостроительства, доказывавшее необходимость страданія и крестной смерти и представлявшей въ новомъ видѣ ихъ Учителя и главныхъ дѣятелей древней ѳеократіи Моисея и Иліи (Шенкель стр. 159 и д.), они не ставятъ такого объясненія въ связь съ дальнѣйшимъ отношеніемъ учениковъ къ страданіямъ и позорной смерти своего Наставника. Тогда не объяснимо было бы ихъ разсѣяніе при взятіи Спасителя и въ особенности отреченіе ап. Петра. Посвященные въ тайны высшаго вѣдѣнія, они спокойно смотрѣли бы на все совершающееся вокругъ нихъ. Представляя это событіе внѣшнимъ завершеніемъ внутренней славы ихъ Учителя (Евальдъ Gesch. Chr. 2, Ausgab. стр. 383 и д.), они не объясняютъ, въ чемъ состояло это внѣшнее прославленіе. Полураціоналистическое объясненіе (Мейера стр. 369. 370), считающее объективно дѣйствительнымъ славное преображеніе наружности Іисуса Христа и субъективно визіонернымъ явленіе Моисея и Иліи и такимъ пониманіемъ евангельскихъ сказаній не разгадываетъ тайны событія.

никая духомъ въ предстоявшее Ему тяжкое испытаніе, они вступили въ состязаніе между собою, кто изъ нихъ будетъ больше въ имѣющемъ открыться небесномъ царствѣ? Сознавая, какъ вредно было бы воспитаніе подобнаго рода надеждъ при предстоявшей имъ многотрудной дѣятельности, Іисусъ Христосъ по прибытіи въ Капернаумъ, спросилъ ихъ о предметѣ спора и желая прежде всего показать съ какими самоотверженными подвигами соединено занятіе высшаго мѣста въ Его царствѣ, сказалъ: „кто хочетъ быть первымъ, будь изъ всѣхъ послѣдній и всѣмъ слуга“, и затѣмъ имѣя въ виду внушить, что преслѣдованіе какихъ бы то ни было цѣлей при трудахъ для блага царства небеснаго совершенно неумѣстно, что Онъ требуетъ отъ нихъ безкорыстнаго служенія, призвавъ дитя и поставивъ его посреди ихъ, сказалъ: „истинно говорю, если не обратитесь и не будете какъ дѣти, не войдете въ царство небесное“. Дитя не руководится разсчетомъ, безъ всякой предвзятости, въ чувствѣ полной преданности, оно довѣряется высшему водительству; въ такомъ точно расположеніи они должны совершать самоотверженные подвиги для небеснаго царства. Всякая соблазняющая въ этомъ отношеніи мысль должна быть оставлена съ негодованіемъ, какъ воспрещающая входъ въ него; всѣ думы, всѣ заботы ихъ должны быть посвящены обращенію тѣхъ, которые съ такимъ же дѣтскимъ чувствомъ готовы вступить въ это царство, ввѣряемое ихъ вниманію и попеченію, и еслибы случилось, что кто нибудь одинъ изъ такихъ обращенныхъ ими палъ и заблудился, то они также должны быть озабочены возвращеніемъ его, какъ еслибы теряли все стадо, поручаемое ихъ бдительности и заботливости. Еслибы случились между ними несогласія, примиренія они должны искать во мнѣніи и сужденіи двухъ трехъ свидѣтелей, или же въ случаѣ нужды, въ судѣ всей церкви. Вообще же духомъ братолюбія и возможнаго снисхожденія должны быть проникнуты всѣ взаимныя ихъ отношенія (ср. Матѳ. гл. 18; Марк.

9, 33—50). Таковъ долженъ быть образъ ихъ жизни при будущемъ отправленіи своихъ обязанностей.

Оставляя Галилею, окидывая взоромъ все здѣсь сказанное и сдѣланное, воспоминая то радушіе, съ которымъ Онъ былъ встрѣченъ здѣсь въ первое время служенія, то рвеніе, съ которымъ сопровождали Его тысячи почитателей и ту холодность, съ которою теперь провожаютъ Его (не смотря на то, что Онъ остановился въ капернаумскомъ любимомъ домѣ, къ Нему не собралось множество народа по прежнему обычаю ср. Марк. 9, 33—50), божественный Наставникъ съ скорбію сердца говорилъ, что еслибы древніе языческіе города Тиръ и Сидонъ были свидѣтелями тѣхъ необычайныхъ силъ, (высказавшихся конечно въ ученіи и дѣлахъ), которыя Онъ обнаружилъ въ обойденныхъ мѣстностяхъ Галилеи, то и они во вретищѣ и пеплѣ покаялись давно бы; вслѣдствіе этого, Тиру и Сидону, продолжалъ Онъ, землѣ Содомской отраднѣе будетъ въ день суда, нежели жителямъ тѣхъ мѣстностей (Матѳ. 11, 20—24). Направляя затѣмъ путь свой въ священный городъ чрезъ Самарію (Лук. 9, 51 и дал.), увеличивъ число своихъ ближайшихъ послѣдователей до семидесяти (Лук. 10, 1), божественный Наставникъ и здѣсь надѣялся встрѣтить новыхъ почитателей своего ученія. Бесѣда съ Самарянкою (Іоан. 4 гл.), притча о Самарянинѣ (Лук. 10 гл.) служатъ наглядным подтвержденіемъ такого ожиданія. На этомъ новомъ пути Іисусъ Христосъ преподалъ своимъ ученикамъ не мало уроковъ, касавшихся ихъ будущаго служенія, но главное вниманіе ихъ обращалъ на то, что не призваніемъ одного избраннаго народа должно ограничиваться проповѣдуемое Имъ царство, что къ Нему могутъ быть призваны и язычники и что обращеніемъ послѣднихъ только завершится безпредѣльная любовь Божія и исполнятся древнія божественныя обѣтованія въ новозавѣтномъ домостроительствѣ. Нѣкоторыя изъ притчей, отнесенныхъ евангелистомъ Лукою къ этому времени, прямо направлены на раскрытіе этого ученія (ср гл. 13—16).

Вступивъ въ предѣлы Іудеи, на пути къ Іерихону и отъ Іерихона къ Іерусалиму, Іисусъ Христосъ по поводу разныхъ вопросовъ, предложенныхъ Ему фарисеями и законниками, снова обращаетъ вниманіе учениковъ на тѣ высокіе подвиги самоотверженія, которыми они должны вооружиться въ виду приближающейся ихъ дѣятельности. Ради небеснаго царства они должны отказаться отъ семейныхъ узъ, отъ пріобрѣтенія богатства, отъ занятія почетныхъ мѣстъ; все это должны оставить и быть готовыми на всевозможныя лишенія и жертвы для проповѣди о царствіи небесномъ и для унаслѣдованія вѣчной жизни; все стремленіе, всѣ желанія ихъ, должны теперь ограничиваться одною готовностію испить ту чашу, которую Онъ будетъ пить и креститься тѣмъ крещеніемъ, которымъ Онъ будетъ креститься (ср. Матѳ. гл. 19, 20; Марк. 10 гл.) [1]). Оставаясь нѣсколько времени въ Іудеѣ, въ окрестностяхъ Іерусалима, и отсюда предпринимая путешествіе въ Перею, въ Ефраимъ (Іоан. 10, 40—42; 11. 54), Іисусъ Христосъ и это послѣднее мѣсто своей мессіанской дѣятельности ознаменовалъ совершеніемъ необычайныхъ чудесъ. На пути изъ Іерихона Онъ возвратилъ зрѣніе двумъ слѣпымъ чрезъ одно прикосновеніе (Матѳ. 20, 29—34), въ Виѳаніи, недалеко лежавшей отъ Іерусалима и по всей вѣроятности не одинъ разъ посѣщаемой при прежнихъ путешествіяхъ, Онъ воскресилъ своего друга Лазаря, уже на четвертый день послѣ смерти (Іоан. 11, 32—44). Совершеніе послѣдняго чуда, какъ въ особенности знаменательнаго, должно было послужить, по замѣчанію самаго божественнаго Наставника, къ славѣ Его, какъ Сына Божія и слѣдовательно истиннаго Мессіи

---

[1]) Вопросы о разводѣ, о наслѣдіи вѣчной жизни предлагаются Іисусу Христу фарисеями и законникомъ; но въ разрѣшеніи ихъ принимаютъ живое участіе ученики и каждое объясненіе прилагаютъ къ своему образу жизни. Съ другой стороны божественный Наставникъ, имѣя собственно въ виду ихъ, дѣлаетъ дополнительныя объясненія.

среди іудеевъ (Іоан. 11, 4), и оно точно привело многихъ къ вѣрѣ въ Него (11, 45); по своему характеру оно было какъ бы предвѣріемъ къ тому великому знаменію, которымъ Онъ имѣлъ завершить свою земную жизнь [1]). Но не смотря на такое значеніе этого чуда, не смотря на все видѣнное и слышанное прежде, народъ сей, какъ замѣчаетъ евангелистъ со словъ пророка Исаіи, до того ослѣпилъ очи свои и окаменилъ сердце свое предвзятыми мнѣніями и сужденіями касательно Мессіи, что не могъ уже зрѣть очами и разумѣть сердцемъ всего совершающагося вокругъ него (Іоан. 12, 40). Вслѣдъ за своими законоучителями и руководителями онъ ждалъ отъ царства Мессіи, не царства правды, истины, любви и мира, но царства славы, величія и политическаго могущества; поэтому какъ скоро увлекался чудесностію, льстившею его ожиданіямъ, такъ скоро забывалъ о ней, когда она не удовлетворяла его надеждамъ.

Совершеніемъ послѣдняго чуда, возможнаго только для божественнаго могущества, предначертаніемъ будущаго об-

---

[1]) Нѣкоторые изъ новѣйшихъ критиковъ воскрешеніе Лазаря не рѣшаются относить къ разряду произвольно измышленныхъ сагъ, но считаютъ или дѣйствительнымъ исцѣленіемъ его отъ тяжкой болѣзни, совершеннымъ Іисусомъ Христомъ, и позднѣйшимъ преданіемъ обращеннымъ въ воскрешеніе изъ мертвыхъ (Шенкель, 1873, 421) или повѣствованіемъ, свободно составленнымъ на основаніи притчи о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ (Лук. 16, 19 и д. ср. *Overbeck*, Bibellexicon Schenkel—§ IV. стр. 17 и д.). Но съ такимъ объясненіемъ едвали можетъ мириться такое живое и наглядное представленіе и изображеніе этого событія, необходимо предполагающаго очевидца его, глубоко интересовавшагося имъ. Собственно отрицаніе возможности воскрешенія изъ мертвыхъ служитъ основою непризнанія дѣйствительности этого событія; но это основаніе тогда только имѣло бы силу, еслибы воскрешеніе Лазаря являлось единичнымъ фактомъ въ евангельской исторіи, еслибы оно не имѣло опоры въ воскресеніи самаго Іисуса Христа. Молчаніе трехъ первыхъ евангелистовъ достаточно объясняется изъ того, что они описываютъ дѣятельность Іисуса Христа главнымъ образомъ въ Галилеѣ, а не въ Іудеѣ; упоминаніе о немъ такимъ образомъ выходило изъ круга описываемыхъ ими предметовъ.

раза жизни для своихъ ближайшихъ послѣдователей, Іисусъ Христосъ заканчивалъ свою миссію въ окрестностяхъ центра ѳеократіи. Для завершенія ея, согласно своему обѣщанію, Онъ долженъ былъ идти въ Іерусалимъ, внѣ стѣнъ котораго, по Его слову, негдѣ было погибнуть пророку (Лук. 13, 33). Много разъ Онъ посѣщалъ этотъ завѣтный городъ въ теченіе своей земной жизни [1]); но теперь, послѣ засвидѣтельствованія себя необыкновеннымъ ученіемъ и необыкновенными дѣлами, готовясь предстать предъ его правителями и старѣйшинами обѣтованнымъ Мессіей, Онъ не отказался отъ почести, приготовленной для Него учениками, уповавшими, можетъ быть, видѣть Его еще окруженнымъ мірскимъ величіемъ, и вступилъ въ него какъ дѣйствительный его владыка и царь (Матѳ. 21, 1—11) [2]) Но не подобіемъ царскаго входа Онъ хотѣлъ торжественно объявить Себя Мессіей; Онъ пришелъ возстановать попранное достояніе своего Отца, оскорбленный и униженный союзъ Бога съ человѣкомъ, и потому немедленно является въ домъ своего Отца, но уже не въ качествѣ только поучающаго и назидающаго, но въ видѣ полнаго Его Владыки и Господина; съ властію, свойственною послѣднему, Онъ возстановляетъ нарушенную и поруганную святыню (Матѳ. 21, 12. 13). При всей ревности Фарисеевъ объ отеческихъ пре-

---

1) Многократное посѣщеніе І. Христомъ Іерусалима, достаточно видное и изъ сказаній трехъ первыхъ евангелистовъ, современная критика, не довѣряющая сказаніямъ св. Іоанна, ограничиваетъ только частыми хожденіями въ послѣдніе дни. Но искуственность такого положенія очевидца; тогда не только не возможны были бы близкія знакомства съ семействами, жившими въ Іерусалимѣ и вблизи его, но и самое явленіе въ качествѣ Мессіи въ немъ.

2) Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ о подобномъ изгнаніи изъ Іерусалимскаго храма мѣновщиковъ и торговцовъ еще при началѣ общественнаго служенія (2, 14 и д.), но если это посѣщеніе храма не совпадаетъ съ послѣднимъ, то во всякомъ случаѣ оно не имѣетъ того знаменательнаго значенія, какое получаетъ послѣднее послѣ всего сдѣланнаго Іисусомъ Христомъ, послѣ прославленія Себя какъ величайшаго пророка и божественнаго посланника.

даніяхъ храмовая святыня въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, въ такъ называемомъ дворѣ языковъ, ежедневно обезображивалась мѣнялами новыхъ грекоримскихъ монетъ на старыя іудейскія, жертвуемыя на храмъ, продажею и куплею нѣкоторыхъ жертвенныхъ животныхъ и другихъ жертвенныхъ принадлежностей [1]). Войдя въ храмъ и находя такое злоупотребленіе, освященное обычаемъ, противорѣчащимъ великому назначенію святыни, Онъ выгналъ всѣхъ продающихъ и покупающихъ, опрокинулъ столы мѣновщиковъ и скамьи продающихъ голубей, уча при этомъ словами Писанія: „домъ мой долженъ нарещися домомъ молитвы для всѣхъ народовъ, а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ“, назначеніе ветхозавѣтной святыни было—сдѣлать ее съ теченіемъ времени мѣстомъ для молитвы всѣхъ народовъ, а вы приспособили ее къ своимъ временнымъ кровавымъ жертвамъ къ временнымъ принадлежностямъ; теперь приближается время отмѣны кровавыхъ жертвоприношеній, излишни скамьи торгующихъ, не нужно устройство торговыхъ пристанищъ, насталъ часъ обращенія этого храма въ храмъ молитвы для всѣхъ языковъ (ср. Матѳ. 21, 12. 13; Марк. 11, 1—17).

Такое усвоеніе правъ блюстительства надъ храмомъ, принадлежавшаго одному верховному совѣту, указаніе на необходимость быть ему мѣстомъ для молитвы всѣхъ народовъ, вмѣстѣ съ торжественнымъ входомъ въ Іерусалимъ и сопровождавшимъ его народнымъ движеніямъ, привели въ смущеніе первосвященниковъ и книжниковъ. Въ нихъ они увидѣли открытое провозглашеніе Себя Мессіей со стороны Іисуса Христа, но Мессіей не въ томъ видѣ, въ какомъ они ожидали и надѣялись, но грозившемъ опасностію обращенія ихъ храма въ домъ молитвы, одинаково принадлежащій всѣмъ народамъ и слѣдовательно отмѣною всѣхъ

---

[1]) Iosiph. Antt. 15, 11, § 5.

обрядовыхъ его принадлежностей и возможностію совращенія народа во слѣдъ новаго ученія. Въ виду этого они готовы были тогда же схватить Его во храмѣ какъ опаснаго нововводителя и разорителя завѣтныхъ отеческихъ преданій, но боясь народа еще не перестававшаго Его уважать, рѣшились приготовить болѣе серьезныя улики для Его обвиненія (Марк. 11, 18. 19; Лука 19. 47. 47). Ища болѣе осязательныхъ доказательствъ для произнесенія надъ Нимъ смертнаго приговора, верховный іерусалимскій совѣтъ во время вторичнаго посѣщенія Іисусомъ Христомъ храма отправилъ къ Нему цѣлую депутацію съ требованіемъ отъ Него открытаго объясненія въ присвоеніи превышающихъ Его положеніе правъ и дѣйствій. Когда же Іисусъ Христосъ прежде всего ссылкою на примѣръ Іоанна Крестителя, затѣмъ приточными сказаніями, неприкровенно доказывалъ, что Онъ такъ поступаетъ и учитъ какъ истинный божественный посланникъ, какъ истинный единственный Сынъ Божій и Наслѣдникъ всѣхъ древнихъ обѣтованій, что вслѣдствіе отверженія Его отнимется отъ нихъ царство Божіе и дастся другому народу, тогда только ради народа не рѣшались схватить Его. Исповѣданіе Себя Сыномъ Божіимъ и освященіе въ Себѣ, какъ божественномъ посланникѣ, всего совершаемаго и проповѣдуемаго, давало въ руки іудейскихъ старѣйшинъ прямое оружіе противъ Него; слѣдуя буквѣ закона, котораго свято держались, они могли обвинять Его какъ усвояющаго Себѣ божескія права и во имя ихъ возвѣщающаго новое ученіе, противное преданію отцевъ (ср. Матѳ. 21, 23—22, 13; Марк. 11, 28—12, 12; Лук. 20, 1—19)

Желая на свою сторону еще склонить и самый народъ, іудейскіе старѣйшины спѣшатъ воздѣйствовать на него помощію тѣхъ партій, которыя руководили и заправляли имъ. Имѣя въ виду чрезъ нихъ представить въ невыгодномъ свѣтѣ не оставляемаго народомъ Учителя—показать Его или противникомъ національныхъ интересовъ, или разорителемъ закона или непочитателемъ преданнаго уче-

нія—они посылаютъ къ Нему представителей этихъ партій однихъ за другими съ разнаго рода обольстительными вопросами, ставя Его въ самое затруднительное положеніе (Матѳ. 22, 25—40; Марк. 12, 13—34; Лук. 20, 20—40). Побѣждая ихъ и торжествуя надъ ними въ своихъ отвѣтахъ, божественный Наставникъ, желая съ своей стороны показать, что въ ученіи Его о Себѣ, на основаніи котораго они думаютъ составить обвинительный актъ, не только нѣтъ ничего предосудительнаго, но что оно вполнѣ согласно съ Писаніемъ, которому они слѣдуютъ, Самъ имъ предложилъ вопросъ: „что вы думаете о Христѣ? чей Онъ Сынъ?“ и когда они отвѣтили: „Давидовъ,“ Онъ замѣтилъ, какъ же Давидъ называетъ Его Господомъ, когда говоритъ: „сказалъ Господь Господу моему сѣди одесную Меня,“ давая наглядно знать приведеніемъ этого мѣста, что по ученію самаго Писанія мессіанское достоинство далеко еще не опредѣляется происхожденіемъ отъ одного рода Давидова, но что оно вмѣстѣ есть и божественное. Заставивъ замолчать своихъ противниковъ приведеніемъ этого доказательства, Онъ вслѣдъ затѣмъ обратился съ внушеніемъ къ ученикамъ и народу остерегаться отъ книжниковъ, ищущихъ не истины въ познаніяхъ, но привѣтствій въ народныхъ сборищахъ и первыхъ мѣстъ въ синагогахъ и пиршествахъ. Въ послѣдовавшей затѣмъ рѣчи изобразивъ въ яркихъ краскахъ превратность тѣхъ нравственныхъ началъ, которыхъ держались книжники и фарисеи, Онъ заключилъ ее предреченіемъ отступленія отъ нихъ и руководимаго ими народа навсегда высшаго божественнаго покровительства (ср. Матѳ. 22, 15—23 гл.; Марк. 12, 13—40; Лук. 20, 20—47).

Послѣ такого открытаго изобличенія извращенности нравственнаго ученія фарисеевъ и книжниковъ, послѣ окончательнаго разрыва съ этими руководителями и старѣйшинами іудейскаго народа, божественный Посланникъ, вѣдый вся грядущая, предвидя неминуемую и скоро имѣющую послѣдовать смерть и желая въ довершеніе своего

ученія и ободреніе своихъ преданнѣйшихъ послѣдователей еще посвятить ихъ въ тайны будущности того народа и города, которые не хотятъ признать въ Немъ обѣтованнаго Мессіи, а также и своего царства, среди ихъ открывающагося, въ оставшіеся немногіе дни и часы своей земной жизни занимаетъ ихъ вниманіе пророчественною бесѣдою объ этой будущности. Когда, послѣ изреченія грознаго суда на избранный народъ и его руководителей, Его ученики, движимые любопытствомъ, изъ желанія, можетъ быть, знать судьбу дорогаго въ ихъ глазахъ достоянія избраннаго народа—храма, обратили вниманіе своего Наставника на его величественность, Онъ сказалъ имъ „истинно говорю вамъ, все это будетъ разрушено такъ что не останется камня на камнѣ“. Заинтересованные еще больше такимъ открытіемъ, считая разрушеніе такой завѣтной святыни Іеговы необходимымъ предвѣріемъ самой кончины міра, ученики предлагаютъ своему Наставнику дальнѣйшій вопросъ: „скажи намъ, когда это будетъ и какое знаменіе Твоего пришествія и кончины вѣка“ [1])? Въ отвѣтѣ своемъ представляя будущую картину разрушенія храма и Іерусалима совмѣстно съ кончиною міра божественный Наставникъ тѣмъ не менѣе даетъ замѣтить, что событія эти далеко не совпадаютъ другъ съ другомъ, что какъ первое можетъ послѣдовать въ непродолжительномъ времени, такъ о послѣдней „никто не знаетъ, ни ангелы небесные, а токмо Его Отецъ“; необходимо только, чтобы они всегда были готовы къ этому великому дню; „ибо въ который часъ не думаютъ, пріидетъ Сынъ человѣческій“

---

[1]) Тѣ изъ отрицательныхъ критиковъ, которые считаютъ во многомъ подлинною рѣчь Іисуса Христа о предстоящемъ разрушеніи города и храма, вопросъ о кончинѣ міра, удержанный однимъ, евангелистомъ Матѳеемъ, полагаютъ не умѣстнымъ. Но предреченіемъ разрушенія храма и города онъ естественно вызывался. Іудей не могъ представить, какъ хорошо еще замѣчалъ Іоаннъ Златоустъ, что бы его завѣтная святыня могла быть разорена и не послѣдовалъ конецъ міра.

(Матѳ. 24, 1—44). Сопоставляя картину разрушенія Іерусалима и храма и кончины міра евангелиста Матѳея съ послѣдующими его повѣствованіями (гл. 25) и сказаніями, касающимися тѣхъ же предметовъ, слѣдующихъ двухъ евангелистовъ (Марк. гл. 13; Лук. 21, 5—38), не опуская при этомъ изъ виду и прощальной бесѣды Іисуса Христа съ учениками евангелиста Іоанна, общее содержаніе всего сказаннаго въ послѣдніе дни и часы можно представить въ такомъ видѣ: дни и часы избраннаго народа и любимаго имъ храма уже опредѣлены и изочтены; еще немного времени и изъ указываемаго вами величественнаго зданія не останется камня на камнѣ... За разореніемъ священнаго града и храма послѣдуетъ благовѣстіе проповѣданнаго Мною ученія по всей вселенной, среди всѣхъ народовъ и языковъ (проповѣстся сіе евангеліе царствія по всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ языкамъ).... Распространеніе моего царства во вселенной будетъ соединено съ большими потрясеніями: возстанетъ народъ на народъ и царство на царство... будутъ предавать васъ на мученія, и убивать... многіе лжепророки явятся подъ моимъ именемъ и прельстятъ многихъ, но не ужасайтесь... вѣруйте въ Бога, и въ Меня вѣруйте... Я иду къ Отцу, но не оставлю васъ сиротами... умолю Отца и дастъ вамъ другаго Утѣшителя, да пребудетъ съ вами во вѣкъ... Онъ научитъ васъ всему... Облеченные Его силою, вы проповѣдуйте евангеліе всей вселенной, и при своей проповѣди и дѣятельности уподобляйтесь тѣмъ мудрымъ дѣвамъ, которыя до поздней полуночи ждали жениха... Кому изъ васъ будетъ дано пять талантовъ для труда, тотъ пусть пріобрѣтаетъ на нихъ другіе пять талантовъ, кому будетъ дано два, тотъ пусть мудро распоряжается и двумя... „Сіе евангеліе царствія проповѣдано будетъ во всей вселенной, во свидѣтельство всѣмъ народамъ; тогда пріидетъ конецъ... „Тогда явится знаменіе Сына человѣческаго, грядущаго на облакахъ небесныхъ съ силою и славою великою. И пошлетъ ангеловъ своихъ съ гром-

кимъ трубнымъ гласомъ; и соберутъ избранныхъ Его отъ четырехъ вѣтровъ отъ края до края небесъ... И соберутся предъ Нимъ всѣ народы, и отдѣлитъ ихъ другъ отъ друга, такъ какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ" (ср. Матѳ. гл. 24. 25; Марк. гл. 13; Лук. 21; Іоанн. 14—17) [1]).

---

[1]) Нелегкость объясненія послѣднихъ пророческихъ рѣчей Іисуса Христа, ставившая въ недоумѣніе самыхъ опытныхъ древнихъ толковниковъ, современныхъ отрицательныхъ критиковъ приводитъ къ самымъ разнорѣчивымъ сужденіямъ о нихъ. Въ то время какъ одни изъ нихъ готовы считать ихъ всецѣлымъ позднѣйшимъ произведеніемъ, составленнымъ частію на основаніи позднѣйшихъ іудейскихъ апокалиптическихъ воззрѣній и уже совершившагося разрушенія Іерусалима (Baur, Kritisch Untersuchung. стр. 604 и дал.; Hilgenfeld. Zeitschrift für Wissensch. Theolog. 1868 стр. 50 и др.) частію на основаніи позднѣйшихъ христіанскихъ созерцаній (Weisse, Evangelienfrag. 1856 стр. 175 и д. Pfleiderer); другіе, признавая ихъ въ значительной степени дѣйствительными рѣчами Іисуса Христа (Schenkel, 1873, стр. 260 и д. 425—427), позднѣйшими вставками, и восполненіями считаютъ только части, касающіяся пришествія Мессіи въ видимомъ образѣ и кончины міра (Матѳ. 24. 25 и д. 26, 27 и д.); третьи, представляя ихъ въ смѣшенномъ видѣ, частію подлинными, частію восполненными, все содержаніе ихъ, касающееся втораго пришествія, сводятъ къ однимъ предречеріямъ явленій по воскресеніи въ духѣ и ученіи, въ нравственно-духовномъ смыслѣ (Weisse 167 и д. *Weiffenbach*, Der Wiederkunftsgedanke Jesu nach d. Synoptikern krit. unters. und dargest. 1873 г. 421—424). Въ основѣ такихъ разнорѣчивыхъ сужденій лежитъ отрицаніе возможности божественнаго предвѣдѣнія въ Іисусѣ Христѣ. Отрицающіе абсолютно возможность въ Немъ предвѣдѣнія, считаютъ эти рѣчи всецѣло позднѣйшею вставкою, обязанною своимъ происхожденіемъ іудейскимъ или христіанскимъ созерцаніямъ или совмѣстно тѣмъ и другимъ; допускающіе возможность въ Немъ такого предвѣденія, какое свойственно людямъ геніальнымъ, считаютъ эти рѣчи наполовину подлинными, и именно въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются разоренія Іерусалима и храма, паденіе которыхъ, по ихъ воззрѣнію, легко было предвидѣть благовѣстнику новаго откровенія. Наконецъ, ограничивающіе даръ предвѣдѣнія событіями, непосредственно касавшимися судьбы мессіанскаго царства, или выдѣляютъ изъ нихъ тѣ части, въ которыхъ говорится о духовномъ явленіи Его въ этомъ царствѣ, или все содержаніе рѣчей такъ объясняютъ, что въ образномъ видѣ ихъ возстаетъ одинъ духъ великаго нравственно-духовнаго возродителя человѣчества, никогда не умирающій и постоянно витающій въ немъ. Предвзятость началъ собственно служитъ исходнымъ пунктомъ для такихъ разнорѣчивыхъ нерѣдко исключающихъ другъ друга воззрѣній и сужденій. Коль скоро Виновникъ новозавѣтнаго откровенія есть сверхъестественный Дѣятель, то изреченіе Имъ такого рода рѣчей не заключаетъ въ себѣ

Возвѣстивъ своимъ преданнѣйшимъ послѣдователямъ вся грядущая, сказавъ имъ всю волю небеснаго Отца объ участи, ожидающей ихъ, Его царство и весь міръ, божественный Посланникъ считая свое дѣло законченнымъ, добровольно предалъ Себя въ руки своихъ противниковъ и враговъ. На судѣ надъ Нимъ, по единогласному свидѣтельству всѣхъ четырехъ евангелистовъ, единственнымъ благовиднымъ предлогомъ къ преданію Его позорной казни, первосвященники и старѣйшины іудейскаго народа нашли открытое признаніе и исповѣданіе Себя Сыномъ Божіимъ, разумѣя подъ послѣднимъ конечно не ѳеократическое сыновство, за которое не могли осудить Его, но сыновство въ собственномъ смыслѣ (ср. Матѳ. 26, 63—66; Марк. 14; 61—64; Лук. 22, 70. 71; Іоанн. 19, 7). Позорная крестная смерть была такъ не жданна для преданнѣйшихъ Его послѣдователей, что не смотря на все приготовленіе ихъ къ ней, они всѣ разбѣжались и оставили Его одного въ часы горькихъ и тяжкихъ страданій. Уныніе, овладѣвшее ими, было такъ велико, что они готовы были уже терять вѣру въ Него, какъ Спасителя и Избавителя Израиля (Лук. 24, 29—21). Необходимо было необычайное чудо для возстановленія вѣры въ Него, для воодушевленія ихъ новыми чаяніями, упованіями и надеждами; такимъ чудомъ по единогласному завѣренію четырехъ евангелистовъ и апостола Павла, было, какъ мы выше видѣли, воскресеніе Іисуса Христа изъ мертвыхъ и явленіе имъ въ видимомъ осязательномъ

ничего предосудительнаго; трудность же объясненія ихъ какъ пророческихъ весьма естественна. Но еслибы эти рѣчи дѣйствительно были обязаны своимъ происхожденіемъ позднѣйшему времени, тогда они не представляли бы никакой трудности для пониманія и едвали были бы такъ неопредѣленны и неясны по своему содержанію. Неопредѣленность содержанія уже ручается за древность ихъ происхожденія. Видѣть въ нихъ воплощеніе апокалиптическихъ іудейскихъ идей позднѣйшаго времени, едвали было бы основательно, какъ доказываютъ нѣкоторые же изъ отрицательныхъ критиковъ (ср. Weisse, Evangelienfrag стр. 167 и дал.).

образѣ; оно нравственно-духовно возродило ихъ, вдохновило, укрѣпило вѣру ихъ въ Него и преисполнило новыми чаяніями и упованіями. Обновленные вѣрно, напутствованные Духомъ, они явились мужественными и вдохновенными продолжителями служенія Основоположника новозавѣтнаго откровенія.

Такимъ образомъ не предвзятое разсмотрѣніе евангельской исторіи невольно приводитъ къ тому заключенію, что съ одной стороны ученіе, какъ необычайное, и ясно свидѣтельствовавшее въ проповѣдникѣ его божественнаго Посланника, затѣмъ чудо, какъ сверхъестественное событіе въ собственномъ смыслѣ и непосредственно ему сопутствовавшее, въ первое время служенія Іисуса Христа, привлекли къ Нему множество послѣдователей, безъ предвзятой мысли къ Нему относившихся, и за тѣмъ постепенно приготовили и воспитали изъ нихъ тѣхъ немногихъ дѣятелей, которые признавъ и исповѣдавъ Его истиннымъ Сыномъ Божіимъ, послѣ смерти и воскресенія Его, явились продолжателями Его дѣла; съ другой стороны, тоже ученіе, какъ необычайное и тѣже дѣла, какъ непостижимыя событія, на первыхъ порахъ Его проповѣди, вооружали противъ Него людей съ извращеннымъ чувствомъ къ нимъ относившихся, требовавшихъ отъ Него дѣйствія въ иномъ духѣ и направленіи, и за тѣмъ постепенно приготовили ихъ и вмѣстѣ съ ними и самый іудейскій народъ къ обвиненію и осужденію Его на позорную крестную смерть, какъ богохульника и разорителя отеческихъ преданій.

Онъ неприкровенно выступалъ предъ своими ближайшими послѣдователями Основоположникомъ новаго божественнаго откровенія; но такимъ могъ быть среди избраннаго народа только истинный божественный посланникъ; далѣе Онъ явился предъ ними учредителемъ небеснаго царства, имѣющаго быть до скончанія вѣка, тогда какъ для ветхозавѣтнаго домостроительства опредѣлялъ временное назначеніе и самому Іерусалиму и храму, неразрывно съ нимъ

связаннымъ, предрекалъ неминуемое разореніе и потерю прежняго значенія; наконецъ для водворенія на землѣ проповѣдуемаго царства Божія Онъ вооружалъ ихъ необычайными силами неба и земли и вручилъ имъ его ключи. Все это, вмѣстѣ взятое, непрерыкаемо говорило и свидѣтельствовало о Немъ, какъ о дѣйствительномъ божественномъ посланникѣ и Сынѣ Божіемъ въ глазахъ преданныхъ Ему послѣдователей, но вооружало и возбуждало противъ Него всѣхъ съ предвзятымъ чувствомъ къ Нему относившихся и съ иной точки зрѣнія на Него глядѣвшихъ; въ глазахъ послѣднихъ Онъ былъ явнымъ противникомъ, извратителемъ божественныхъ учрежденій и опредѣленій; тяжелая крестная смерть, опредѣляемыя закономъ для богохульниковъ, была необходимымъ приговоромъ съ ихъ стороны.

Если послѣ евангельской исторіи обратимся къ апостольской, если присмотримся къ тому, что было главнымъ предметомъ заботливости посланниковъ Христовыхъ въ ихъ миссіонерскомъ служеніи, во имя чего они являлись торжествующими надъ обращающимися въ христіанство и что главнымъ образомъ служило причиною враждебнаго отношенія къ нимъ со стороны не желавшихъ слушать ихъ благовѣстія, то опять встрѣтимся съ тѣми результатами, которые мы видѣли при обозрѣніи евангельской исторіи.

Согласно заповѣди своего Наставника, согласно самому положенію дѣла, ученики Іисуса Христа начали свое благовѣстіе въ Іудеѣ и именно въ священномъ градѣ Іерусалимѣ; здѣсь, облагодатствованные Св. Духомъ, они прежде всего начали свою рѣчь объ Іисусѣ Назареѣ, мужѣ, засвидѣтельствованномъ отъ Бога чудесами и явленіями и знаменіями, исполнившемъ древнія великія обѣтованія, данныя Израилю о спасеніи, но ими отверженномъ, пригвожденномъ ко кресту, убитомъ, и чудеснѣ воскресенномъ изъ мертвыхъ (Дѣян. 2. 14—39); ихъ одушевленная проповѣдь, сопровождавшаяся необыкновеннымъ даромъ языковъ въ

одинъ день обратила ко Христу около трехъ тысячъ человѣкъ (ст. 41) [1]); послѣдующія проповѣди, ознаменованныя новыми великими чудесами, увеличивали число послѣдователей Христовыхъ; въ Іерусалимѣ образовалось цѣлое общество вѣрующихъ, у котораго было все общее, одно сердце и одна душа (2, 42 и д. 3 гл.—4, 32; 5, 1—42). Скрѣпленное внутренними узами единства само въ себѣ, это общество сознавало себя уже отдѣльнымъ отъ другихъ; оно собиралось въ отдѣлѣ храма, называемомъ притворомъ Соломоновымъ, въ особо назначаемыхъ домахъ и изъ посторонникъ никто не смѣлъ пристать къ нему (2, 46; 5, 12. 13). По мѣрѣ того какъ такое общество возрастало и умножалось въ числѣ послѣдователей, оно не могло не обращать на себя вниманія представителей и руководителей іудейскаго народа. Первыми гонителями и преслѣдователями его являются Саддукеи, которымъ не нравились проповѣдь и ученіе въ Іисусѣ воскресенія изъ мертвыхъ (4, 1—3; 5, 17, 18), но постепенно во враждебномъ отношеніи къ нему должны были объединиться всѣ вліятельныя партіи израильтянъ. Новое благодатное откровеніе отмѣняло кровавыя храмовыя жертвоприношенія, оправданіе законною праведностію, разныя обрядовыя принадлежности, отдѣлявшія іудеевъ отъ язычниковъ; по мѣрѣ вынаруженія въ жизни началъ этого ученія членами новаго общества, по мѣрѣ возведенія ихъ въ предметъ своей отдѣльной вѣры, ненависть всѣхъ поборниковъ законнаго и обрядоваго іудейства должна

---

[1]) Какъ мы выше видѣли (стр. 47. 48. 63. 64), и какъ видно изъ описанія книги Дѣяній (ὅ τι ἤκουον εἷς ἕκαστος τῇ ἰδίᾳ διαλέκτῳ λαλούντων.... ἐν ᾗ ἐγεννήθημεν ст. 6. 8.) дара языковъ, обнаружившагося въ день пятидесятницы никоимъ образомъ нельзя смѣшивать съ экстатическою рѣчью, не могшего возбудить особаго удивленія въ слушателяхъ и быть признанною за особый божественный даръ. Экстатическія рѣчи не безъизвѣстны были въ это время и среди язычниковъ и онѣ не поражали никого своею оригинальностію. Даръ этотъ, какъ обнаружившійся въ часы особаго воздѣйствія Духа, конечно не могъ остаться всегдашнею принадлежностію служенія апостоловъ.

была вынаружиться противъ нихъ во всей своей силѣ. Еллинисты, чуждые всякихъ іудейскихъ традицій, выступили открытыми проповѣдниками и исповѣдниками началъ новаго ученія; возникшій по этому поводу споръ въ лицѣ первомученика Стефана (Дѣян. 6, 11. 13. 14) кончился преслѣдованіемъ и изгнаніемъ христіанъ изъ святаго града (8, 1).

Между бѣжавшими христіанами чувствовавшіе особое призваніе распространяли новое благовѣстіе въ Самаріи и въ окрестностяхъ Іерусалима, заселенныхъ язычниками; послѣдователи новой вѣры явились между Самарянами, въ Антіохіи и Іоппіи, Кипрѣ и Финикіи; ап. Петръ вмѣстѣ съ Іоанномъ освящали начало служенія на новомъ поприщѣ (Дѣян. гл. 8—11). Проповѣдь новой религіи, независимой отъ іудейства, привлеченіе къ ней язычниковъ, еще болѣе воспламеняли ненависть представителей іудейства и іудействующихъ христіанъ къ новымъ благовѣстникамъ (Дѣян. 11, 2. 3; 12, 1—5). Для борьбы съ ними и для пронесенія новаго имени къ языкамъ и царямъ Богъ призвалъ новое избранное орудіе—ап. Павла (Дѣян. 9, 15); въ сообщничествѣ съ прежними сподвижниками Онъ ревностно утверждалъ проповѣдь о Христѣ въ Антіохіи и распространялъ ее въ мѣстностяхъ, дотолѣ еще не посѣщенныхъ христіанскими миссіонерами, въ Иконіи, ликаонскихъ городахъ—Листрѣ и Дервіи. Распря, возникшая по поводу новаго пріобщенія язычниковъ къ стаду избранныхъ, и кончившаяся мирнымъ исходомъ на іерусалимскомъ соборѣ, побудила новаго благовѣстника пронести имя Христово въ европейскіе греко-римскіе города. Филиппы, Ѳессалоники, Коринѳъ сдѣлались средоточными пунктами миссіонерскаго служенія новаго дѣятеля. Языческая религія въ этихъ мѣстностяхъ хотя уже изживалась и не заключала въ себѣ никакихъ здоровыхъ элементовъ, способныхъ питать и поддерживать къ ней уваженіе; лучшіе ея представители хотя громко высказывали свои жалобы противъ ея безсилія уврачевать обще-

ственные нравственные недуги и лучшаго исхода искали въ изученіи и возстановленіи древней мудрости; тѣмъ не менѣе въ массѣ народа и даже среди высшаго сословія она успѣла пустить глубокіе корни и имѣла еще довольно силы у нихъ развитіемъ и поддержкою суевѣрій, волхвованій, гаданій, поблажкою и потворствомъ безнравственнымъ стремленіямъ и даже освященіемъ послѣднихъ въ религіозномъ культѣ и разныхъ обрядовыхъ праздничныхъ учрежденіяхъ. Новымъ благовѣстникамъ приходилось на каждомъ шагу бороться съ силою этихъ могущественныхъ противодѣйствій (ср. Дѣян. 8, 9—25; 13, 6—11; 16, 16—19; 19, 19. 24—29 и др.); они выступили точно агнцы посредѣ волковъ по слову своего наставника (Лук. 10, 3); іудеи гнали и преслѣдовали ихъ во имя преданности измышленнымъ и уже устарѣвшимъ и окрѣпшимъ въ народномъ сознаніи преданіямъ отцовъ; язычники отстаивали свои освященныя вѣками и обычаями религіозныя учрежденія. Во имя чего же боролись и одерживали верхъ Христовы посланники?

Вступая въ борьбу съ іудеями и іудейскими христіанами, стоявшими за законъ, новозавѣтные благовѣстники старались прежде всего уяснить отношеніе закона, понимая послѣдній въ самомъ широкомъ смыслѣ, къ проповѣдуемому ими евангелію. Входя въ духъ новозавѣтнаго откровенія, они доказывали, что послѣднее есть только исполненіе ветхозавѣтнаго домостроительства, что къ спасенію, ими возвѣщаемому, относились изысканія и изслѣдованія пророковъ, которые предсказывали объ имѣющей явиться благодати, стараясь узнать, на которое и на какое время указывалъ сущій въ нихъ Духъ Христовъ, когда предвозвѣщалъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу; то, что имъ открыто было, служило не для нихъ однихъ, но для всѣхъ, принимающихъ новое благовѣстіе (ср. Дѣян. 2, 14—40; 3, 12—26; 1 Петр. 1, 10—12). Останавливаясь затѣмъ на духѣ ветхозавѣтнаго домостроительства и его законѣ, они въ послѣднемъ находили доказательство его при-

готовительнаго значенія. Законъ, говорили они, святъ и заповѣдь Господня свята, права и блага, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и грозенъ, требуя безусловнаго послушанія и между тѣмъ не давая нравственной силы для выполненія его предписаній. Смиряя грѣшника своими безусловными требованіями, онъ тѣмъ болѣе возбуждаетъ въ немъ живое чувство и сознаніе необходимости его Искупителя и Освободителя отъ тяжелаго состоянія. Такимъ образомъ законъ нитолько не стоитъ въ противорѣчіи съ завѣтомъ благодати, дарующимъ это освовожденіе, но находится въ самой тѣсной связи съ нимъ, служа пѣстуномъ послѣднему (Римл. 7, 12; Галат. 3, 10; Римл. 8, 3; Гал. 3, 24). Когда пришла кончина лѣта и Израиль достигъ совершеннолѣтія, Богъ послалъ своего Сына для его спасенія. Сынъ Божій, образъ Бога невидимаго, явившійся въ подобіи плоти грѣха, страданіями своими разрушилъ средостѣніе, раздѣлявшее Бога и людей, и кровію своею примирилъ всѣхъ Отцу. Осужденный на крестѣ, Онъ въ плоти своей осудилъ грѣхъ, смертію своею уничтожилъ смерть—слѣдствіе грѣха и даровавъ жизнь, завершилъ дѣло спасенія своимъ воскресеніемъ. Благодать, пріобрѣтенная Имъ для насъ чрезъ смерть, усвояется намъ Духомъ Святымъ, Духомъ Христовымъ, Духомъ Сыноположенія, который есть посредникъ обращенія и спасенія. И это оправданіе жизни пріобрѣтается вѣрою по благодати Божіей (Галат. 4, 4. 5. Колос. 1, 15; Римл. 8, 3; Ефес. 2, 14—18; 2 Кор. 5, 19; Римл. 5, 12, 8, 9, 15; Галат. 4, 6; Филипп. 2, 13; Римл. 8, 26; 1, 17; 3, 24; Ефес. 2, 8). Уча такъ, они не разрывали связи обоихъ періодовъ откровенія, напротивъ самымъ тѣснымъ образомъ ихъ соединяли; все божественное домостроительство въ ихъ взглядѣ являлось однимъ величественнымъ зданіемъ, основа и начало котораго были положены въ Ветхомъ Завѣтѣ, а вершина и конецъ въ Новомъ. Такимъ изложеніемъ евангельскаго благовѣстія іудеи и іудействующіе христіане могли не оскорбляться; но сопоставляя ветхозавѣтное домо-

строительство съ новозавѣтнымъ въ дѣлѣ спасенія, посланники Христовы обрядовымъ и подзаконнымъ учрежденіямъ перваго не придавали существеннаго значенія, въ нихъ они видѣли только тѣнь грядущаго тѣла Христовой церкви (Колос. 2, 17), вслѣдствіе этого, они не заставляли обрѣзываться и наблюдать временныя законныя учрежденія язычниковъ, обращавшихся въ христіанство, они говорили, что „во Христѣ Іисусѣ ничего не значитъ ни обрѣзаніе, ни необрѣзаніе. но новая тварь“ (ср. Дѣян. 15, 24; Галат. 6, 15). Съ такимъ уясненіемъ отношенія временныхъ подзаконныхъ учрежденій къ существу благодатнаго новозавѣтнаго спасенія уже не могли примириться ревнивые къ отеческимъ преданіямъ іудеи и іудеохристіане,—къ нему сочувственно могли отнестись только безпристрастные и не предвзятые поклонники закона.

Обращаясь затѣмъ съ проповѣдію къ язычникамъ, новозавѣтные благовѣстники начинали съ того, что стоя въ близкомъ и непосредственномъ отношеніи къ Божеству, и будучи родъ Божій, они не должны мыслить Его подобнымъ золоту или серебру, или камню, отдѣланному художествомъ и вымысломъ человѣческимъ (Дѣян. 17,—29). тѣмъ болѣе не могутъ представлять своихъ отношеній къ Нему въ видѣ рабскихъ безсознательныхъ невольныхъ влеченій (1 Кор. 12, 2: ὅτε ἔθνη ἦτε πρὸς τὰ εἴδωλα τὰ ἄφωνα ὡς ἂν ἤγεσθε ἀπαγόμενοι ср. Галат. 4, 9. 10); Богъ какъ присносущно-живый (1 Θессал. 1. 9) сотворивши міръ и „произведши отъ одной крови всѣхъ человѣковъ, разселилъ народы по всему лицу земли, опредѣливъ жительству каждаго изъ нихъ предназначенныя времена и предѣлы, дабы они искали Его, не ощутятъ ли и не найдутъ ли Его“ и вмѣстѣ съ тѣмъ не станутъ-ли къ къ Нему въ самое тѣсное и близкое отношеніе, такъ какъ „Онъ не далеко отъ каждаго изъ насъ“ (Дѣян. 17, 26. 27). И самая совѣсть ихъ и ихъ мысли то осуждая, то оправдывая одна другую, ясно свидѣтельствуютъ о законѣ, преднаписанномъ Всевышнимъ въ ихъ сердцахъ, и ставящемъ

ихъ въ должное и повинное отношеніе къ Нему (Римл. 2, 10—16). Но та же самая совѣсть и сознаніе ясно свидѣтельствуютъ, что они не то дѣлаютъ, что хотятъ, но что ненавидятъ, что только по внутреннему человѣку они находятъ удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ чувствуютъ иной законъ, воюющій противъ закона ума ихъ и дѣлающій ихъ плѣнниками грѣховнаго закона (Римл. 7, 14—23). Такимъ образомъ всѣ они и весь міръ становятся виновными предъ Богомъ, потому что дѣлами закона, написаннаго-ли въ сердцѣ или даннаго чрезъ откровеніе, никакая плоть не оправдается предъ Богомъ; ибо закономъ только познается грѣхъ (Римл. 3, 19. 20). Такимъ образомъ нужда въ Искупителѣ и Спасителѣ отъ тяжелой отвѣтственности предъ Богомъ одинаково чувствуется и сознается какъ іудеемъ такъ и язычникомъ (Римл. 3, 19; 7, 24). Этотъ-то Искупитель явился нынѣ въ образѣ Сына Божія, рожденнаго отъ жены (Галат. 4, 4), смирившаго Себя даже до смерти и смерти крестной (Филипп. 2, 8), и своею смертію примирившаго съ Собою все и земное и небесное и васъ нѣкогда бывшихъ отчужденными и врагами, дабы представить васъ святыми и непорочными и невинными (Колос. 1, 20—22) и чрезъ это превознесеннаго Богомъ, поставленнаго выше всякаго имени, дабы предъ именемъ Его преклонялось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ и всякій языкъ Его исповѣдалъ во славу Бога Отца (Филипп. 2, 9—11).

Выступая съ такимъ благовѣстіемъ предъ іудеями и язычниками, проповѣдуя его не въ искуственныхъ человѣческія мудрости, словесѣхъ, но въ явленіи Духа и силы, подкрѣпляя его соотвѣтствующими величію его содержанія знаменіями и чудесами, посланники Іисуса Христа, не смотря на оказываемое сопротивленіе, пріобрѣли не малое число послѣдователей между іудеями и язычниками. Основанныя и учрежденныя ими общины, подобно плодотворнымъ оазисамъ среди дикой пустыни, заключали въ себѣ благо-

датный свѣтъ новаго ученія, сіяли и блистали обиліемъ духовныхъ плодовъ и даровъ. Основатели ихъ, слѣдуя заповѣди своего Наставника, съ проповѣдію новаго слова соединяли чудодѣйственный даръ и сообщали его силу своимъ вѣрнымъ послѣдователямъ; устроенныя ими общины имѣли среди себя апостоловъ, пророковъ, учителей, видѣли чудодѣйственную силу въ необычной вѣрѣ, въ дарахъ исцѣленій, въ чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ. Скрѣпленныя прочнымъ союзомъ любви, онѣ преуспѣвали и возрастали въ нравственно-духовныхъ доблестяхъ и прославлялись во всемъ мірѣ, содѣйствуя такимъ образомъ дальнѣйшему успѣшному распространенію христіанства (Дѣя. 2, 41—47; 3, 4; 4, 32—5 гл. 6; 8, 5—40; 9, 31—43; гл. 10; 11, 19—30; гл. 13. 14. 16. 17—19 и д.; Римл. 1, 7. 8; 1 Кор. 1, 1—7; 1 Θессал. 1, 1—10 и др.).

Такіе быстрые успѣхи распространенія христіанства еще болѣе воспламенили ненависть нерасположенныхъ къ его ученію іудеевъ и язычниковъ; первые, желая удержать пальму первенства за древней ѳеократіей, со всѣми ея храмовыми и обрядовыми учрежденіями готовы были признать христіанское ученіе за откровеніе Духа или одного изъ ангеловъ (ср. Дѣян. 23, 9; Колос. 1, 14—20), лишь бы удержать послѣдователей его въ сподчиненномъ отношеніи къ религіи верховнаго Бога, произшедшей не отъ сотвореннаго существа (къ какимъ причисляли Іисуса Христа), но отъ самаго Источника всѣхъ духовъ и Виновника всякой мудрости (ср. Ефес. 1, 20—23), и этимъ самимъ освятить въ христіанскихъ общинахъ всѣ обрядности закона, практикуемыя въ іудействѣ; проповѣдниковъ, дѣйствовавшихъ въ иномъ духѣ и направленіи, они старались представить не истинными служителями Христа, извращающими и искореняющими Его ученіе (Гал. 1, 1—15; 2 Кор. гл. 10—13). Язычники съ своей стороны стараясь удержать своихъ соплеменниковъ отъ принятія новой вѣры, грозившей нарушеніемъ единства общественнаго и религіознаго и отмѣною

унаслѣдованныхъ обычаевъ и преданій, оглашали новыхъ проповѣдниковъ, пріобрѣтавшихъ въ ихъ обществахъ и союзахъ своихъ послѣдователей, людьми не заслуживающими довѣрія, нарушающими общественное спокойствіе, руководящимися своими задними мыслями, іудейскими сектантами, и возвѣщаемое ими ученіе не заключающимъ въ себѣ ничего божественнаго и даже не стоющимъ вниманія и уваженія какъ чуждое мудрости философской (ср. Дѣян. 18, 12. 13; 19, 23—35; 1 Кор. 2, 1—5 Колос. 2, 8; 1 Ѳессал. 3—12. 14—20 и др.) [1]).

Защищая проповѣданное ученіе и утверждая въ вѣрѣ принявшихъ его прежде всего въ виду нападеній, дѣлаемыхъ іудеями и іудействующими христіанами, новозавѣтные благовѣстники, не отрицая внутренней связи обоихъ періодовъ откровенія, тѣмъ не менѣе, рядомъ свидѣтельствъ, приводимыхъ изъ времени обѣтованій, изъ подзаконнаго состоянія, изъ сущности пророческихъ предсказаній, очевиднѣйшимъ и нагляднѣйшимъ образомъ доказывали превосходство новозавѣтнаго домостроительства предъ ветхозавѣтнымъ, восполняющее и завершающее послѣднее и вслѣдствіе этого отмѣняющее на всегда временныя подзаконныя учрежденія послѣдняго, имѣвшія воспитательное значеніе (ср. Галат. 2,—15—6, гл., 18; Римл. гл. 4 5). Объ Основателѣ новозавѣтнаго домостроительства они, не обинуясь, учили какъ объ образѣ Бога невидимаго, образѣ Божіемъ, дѣйствительномъ и истинномъ Сынѣ Божіемъ, родившемся по плоти отъ сѣмени Давидова, и по Духу святыни, чрезъ

---

[1]) Нападенія, гоненія и преслѣдованія со стороны язычниковъ въ первое время апостольскаго благовѣстія предпринимались не со стороны властей, но самыхъ общинъ того языческаго населенія, среди которыхъ чрезъ свою проповѣдь апостолы пріобрѣтали поклонниковъ, такъ какъ изъ указаній апостольскихъ можно прямо видѣть, что они съ своею проповѣдію прежде всего являлись среди бѣднаго рабочаго класса, состоявшаго изъ рабовъ и вольноотпущенныхъ (ср. *Heinrici* Zur Geschicht. der Anfaenge paulinischer Gemeinden, Zeitschrift für wissensch. Theolog. 1877 стр. 89. и дал.).

воскресеніе изъ мертвыхъ явившемся во всей силѣ Господомъ, поставленнымъ превыше всякаго начальства, власти и силы (Филип. 2, 6: Колос. 1, 15. 16. 17. Римл. 1, 1—4). [1]). Истинность своего апостольскаго служенія, помимо другихъ основаній, они главнымъ образомъ доказывали рядомъ необычайныхъ знаменій и чудесъ, сопровождавшихъ ихъ служеніе Гл. 1, 12—20; 2 Кор. 12, 1—12. Защищаясь и защищая увѣровавшихъ противъ нападеній язычниковъ, новозавѣтные благовѣстники дѣйствительность своей божественной миссіи доказывали а) изъ самаго характера проповѣдуемаго ученія, которое вытекаетъ не изъ увлеченія какими нибудь неправыми теоретическими представленіями, или корыстными практическими стремленіями, и побужденіями, но изъ убѣжденія, что Богъ ихъ избралъ къ тому, чтобы ввѣрить имъ благовѣстіе (1 Θессал. 2, 3. 4); б), изъ образа своей жизни, которая присполнена не утѣхъ мірскихъ, но постоянныхъ огорченій и безпрерывныхъ лишеній (1 Кор. 4, 9—13), обѣщающихъ награду только у Бога (Филип. 2, 16. 17); в) изъ способа благовѣстія, которое основано не на льсти и обманѣ, не на снисканіи славы, но единственно на озареніи, просвѣщеніи и спасеніи душъ, внимающихъ ему (Θесал. 2, 5—12), и г) вообще изъ характера апостольскаго служенія, которое какъ будто внушало, что они осуждены быть уничиженнѣйшими, служить позоромъ для міра и ангеловъ и людей (1 Кор. 4, 9,—13). Нагляднѣйшихъ и очевиднѣйшихъ доказательствъ божественности проповѣдуемаго ученія они искали прежде всего въ духѣ и сознаніи

---

[1]) Смыслъ выраженій: εἰκὼν τοῦ Θεοῦ. (Колос. 1, 15), μορφὴ Θεοῦ (Филип. 2, 6) точнымъ образомъ опредѣляется чрезъ сличеніе и сопоставленіе съ первыми стихами посланія къ Римлянамъ (1, 2—4), гдѣ эти выраженія прямо замѣняются словомъ ὁ υἱὸς τοῦ Θεοῦ, но никоимъ образомъ онѣ, не могутъ приводить къ заключенію будто Апостолъ училъ объ Іисусѣ Христѣ, какъ прототипѣ людей созданномъ прежде всея твари, по примѣру Филона (Голштенъ); такое представленіе уже не совмѣщалось бы съ ученіемъ первыхъ стиховъ посланія къ Римлянамъ и посланія къ Галатамъ 4, 4.

увѣровавшихъ и обратившихся, которые невольно ощущали въ себѣ присутствіе новой благодатной жизненной силы, выражавшейся въ словахъ, дѣлахъ и чудотвореніяхъ (Галат. 3, 1—5; 1 Кор. 12, 1—10), затѣмъ въ своей проповѣди, которая сопровождалась необычайными проявленіями Духа (1 Θессал. 1, 5; 1 Кор. 2, 4. 5). Отсутствіе мірской мудрости въ своемъ ученіи они объясняли именно тѣмъ, что это ученіе не человѣческое, но божественное, что оно явилось тогда въ міръ, когда мудрость оказалась безсильною спасти его, дать ему новую возраждающую духовную жизнь и что оно и теперь должно быть оберегаемо и охраняемо отъ примѣси человѣческой мудрости, дабы не унизилась дѣйствующая въ немъ сила. Ему свойственна только мудрость божественная, которая, озаряя вѣрующаго въ него, дѣлаетъ его опытнымъ цѣнителемъ духовныхъ благъ, истинно опредѣляющимъ и познающимъ конечную цѣль своего бытія въ мірѣ и всего видимаго (1 Кор. 1, 18—2, 16; Рим. 8, 18—23 гл. 9—11). Въ своихъ доказательствахъ благовѣстники Христовы истощались дотолѣ, пока не достигали возстановленія въ поколебавшихся послѣдователяхъ истиннаго образа Христова въ его первоначальной божественной чистотѣ (Гл. 4, 19); съ другой стороны и обращенные ими успокаивались только тогда, когда увѣрялись, что они владѣютъ дѣйствительнымъ словомъ Божіимъ (1 Θессал. 2, 13).

Такимъ образомъ:

1) Необходимо признать, что чудо, какъ сверхъестественное событіе сопутствовало новозавѣтному благовѣстію, что имъ прежде всего возбуждалось, привлекалось вниманіе слушавшихъ его и укрѣплялась ихъ вѣра въ новозавѣтное домостроительство.

2) Но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что въ немъ одномъ не замыкался кругозоръ созерцавшихъ его, что къ вѣрѣ въ сверхъестественность чуда присоединялась вѣра въ сверхъестественность сопровождавшаго его ученія.

3) Изъ признанія этого свойства въ томъ и другомъ факторѣ возникала вѣра первыхъ свидѣтелей и первыхъ исповѣдниковъ новозавѣтнаго откровенія.

4) Разрывать такую связь между этими двумя факторами и возвышать или унижать одинъ въ пользу другаго значило бы лишать ихъ жизненнаго значенія въ дѣлѣ воспитанія вѣры первыхъ ихъ очевидцевъ.

5) Совершенно изгонять сверхъестественность ихъ изъ области новозавѣтнаго благовѣстія значило бы отказываться отъ правдиваго и безпристрастнаго пониманія его духа и характера, отъ уясненія исхода евангельской исторіи и судьбы апостольскаго ученія.

6) Признавая выраженіе сверхъестественности въ ученіи и дѣлахъ прежде всего Основателя новозавѣтнаго откровенія, а затѣмъ Его ближайшихъ учениковъ, необходимо вмѣстѣ съ послѣдними въ Основателѣ исповѣдать образъ Бога невидимаго, истиннаго Сына Божія, въ нихъ же—Его послѣдователей, Имъ одухотворенныхъ, облагодатствованныхъ, озаренныхъ и просвѣтленныхъ.

7) Отказаться отъ такой исповѣди можно подъ однимъ условіемъ усвоенія точки зрѣнія іудеевъ, т. е., признанія въ Основоположникѣ богохульника, существа стоявшаго въ связи съ демонскими силами, въ Его же ближайшихъ послѣдователяхъ—людей изступленныхъ и изувѣрныхъ.

8) Другаго правильно-логическаго и послѣдовательнаго выхода изъ надлежащаго пониманія событій евангельской и апостольской исторіи не можетъ быть.

УКАЗАТЕЛЬ ОБЪЯСНЕННЫХЪ МѢСТЪ Н. З..

Еванг. Матѳея.

3, 1—12. 206.
3. 13—17. 210.
4, ⅰ8—22. 108. 2d6.
5, 11. 103.
Гл. 5. 6. 7. 230.
8, 20. 173.
8, 26—39 244.
9, 22. 123.
9, 34. 114.
11, 25—30. 187. 192.
11, 20—24. 211.
12, 23—32. 255.
12, 23—32. 255.
12, 24. 114.
12, 38—45. 121.
14, 23—33. 250.
15, 1—20. 254.
16, 1— 4. 120.
16, 13—19 258.
16, 15—18 3.
16, 16—17 79
16. 20. 261.
Гл. 18. 265.
21, 1—11 279.
21, 37. 184.
22, 15—23 271.
22, 41—42 185.
24, 30—31. 175.
Гл. 24. 25. 273.

Еванг. Марка

1, 9—11 210.
1, 12—13. 212.
1, 15. 214.
1, 16—20 108. 216.
1, 21—27 166. 218.
1, 28—45. 219.
1, 35—38. 161.
1, 3ⅰ—36. 163.
2, 1—12. 221.
2, 10. 173.
2, 13—17. 223.
2, 13—22. 225.
2, ζ3—31. 226.
3, 20—29. 235.
4, 1—34 239.
4, 35— 6 гл. 1—6 ζ42.
6, 14—52 249.
7, 1—16 254.
9, 33—50 265.
11, 1—17 269.
12, 6 184.
12, 13—40 271.
12, 35—37 183.
Гл. 13 273.

Ев. Луки.

1, 1— 4 191.
3, 1—18 206.
3, 21—22 210.
4, 13—14 213.
4, 16—29 246.
4, 31—36 163.
5, 1—11 216.
10, 17—24 187. 192.
20, 13 184.
20, 39—46 185.

Ев. Іоанна.

1, 35—42 108.
1, 51 216.
1, 52 217.
6, 1—69 ζ51.
20, 20—37 271.

Дѣянія апостоловъ.

1, 1— 9 56. 57.
2, 1—ⅰζ 60. 279.
5, 1—11 62.
9, 40—41 62.
13, 18—22 63.
20, 9—10 63.

1 Ѳессалоникійцамъ.

1, 3— 5 14.
2, 3— 4 287.
2, 5—12 287.
ζ, 13 288.
5, 18 18.

Галатамъ

1, 11—14 97.
3, 2— 5 22.

1 Коринѳянамъ.

9, 1 104.
12, 1—11 27— 47.
12, 27—30 29.
15, 2 149.
15, 8 100.
15, 35—48 85.

2 Коринѳянамъ.

4, 6 102.
5, 16—17 78.
12, 12 48.

Римлянамъ.

12, 6— 8 47.
15, 18—18 49.

Филиппійцамъ.

2, 6 187.
2, 7 176.

Ефесянамъ

2, 8 123.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ читать
4	31	заключающаго	заключающагося
18	22	виновникамъ	виновникомъ
82	10	’ανθρώπονν	’ανθρωπου
84	4	кресной	крестной
143	28	визіанерныхъ	визіонерныхъ
148	29	Bauer	Baur
187	10	17—10, Лук. 24)	Лук. 10, 17—24
216	1	’εν τῶ ϶υαγγεφιω	’εν τῶ ευαγγελίω
217	19	Іоан. 1, 35—52)	Іоан. 1. 35—52) (2)
—	29	Мсуег	Меуег
225	21	прибытін	прибытіи
228	26	ново-вводитель	нововводитель
234	27	всѣдъ	вслѣдъ.
242	9	Матѳ. 2, 36	Матѳ. 9, 36